РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

2(71)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Экономика, государство и общество в современной России
Economy, State and Society in Current Russia

Российское государство и модернизация
The Russian State and Modernization

Война и легитимность коммунистического режима
The War and the Communist Regime's Legitimacy

Германия, Европа и Россия
Germany, Europe and Russia

Алексей Алексеевич Боровой
Alexey Alexeevich Borovoy

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

москва
2011

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75

ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

Редакционная коллегия:

Ю.И. Игрицкий – кандидат исторических наук, член-корреспондент МАИ, главный редактор, *Л.Н. Верченов* – кандидат философских наук, *В.И. Герасимов* – кандидат филологических наук, член-корреспондент МАИ, зам. главного редактора, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, *Л.П. Делюсин* – доктор исторических наук, профессор, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, *Б.С. Орлов* – доктор исторических наук, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, *Л.И. Шаншиева* – кандидат философских наук, *В.М. Шевырин* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора.

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*
Редактор-консультант *И.Л. Беленький*
Старший редактор *Д.А. Семенова*
Художник обложки *Г.И. Козубов*

Россия и современный мир = Russia and the contemporary
Р 75 world: Научный журнал / РАН. ИНИОН, Институт экономики; Ред. колл.: Ю.И. Игрицкий (гл. ред.) и др. – М., 2011. – ISSN 1726–5223. – № 2(71). – 278 с.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009
ISSN 1726–5223
© ИНИОН РАН, 2011

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

О.Т. Богомолов
Неэкономические грани экономики 6

O.T. Bogomolov
Non-Economic Facets of the Economy 6

В.А. Динес
Российская государственность в контексте модернизации 15

V.A. Dines
Russian Statehood in the Context of Modernization 15

А.Н. Медушевский
Значение Великой реформы в модернизации России 23

A.N. Medushevsky
The Significance of the Great Reform in Russia's Modernization 23

А.В. Алексеев
Инновационные институты для инновационной экономики 36

A.V. Alexeev
Innovating Institutes for the Innovation Economy 36

Ю.А. Гаврилов, А.Г. Шевченко
Динамика этно-религиозной структуры населения РФ (по материалам переписей) 46

Yu.A. Gavrilov, A.G. Shevchenko
The Dynamics of the Ethno-Religious Structure of the RF Population (according to the census data) 46

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY

Г. Шрёдер
Германия, Европа и Россия – партнерство на пути к миру и безопасности 66

G. Schröder
Germany, Europe and Russia – Partnership on the Way to Peace and Security 66

Чжан Шухуа
Глобальный мир и миссия китайских и российских обществоведов 75

Chian Shu Hua
The Global World and the Mission of Chinese and Russian Social Scientists 75

Р.М. Щербов
Тенденции развития образовательной политики в мире и России 83

R.M. Shcherbov
Some Trends of Education Policy in the World and Russia 83

С.С. Гулак *Энергетическая зависимость Украины: Проблема для новой администрации страны*	*96*	*S.S. Gulak* *The Ukaine's Energy Dependence: A Problem for the New Administration of the Country*
А.Ш. Жвитиашвили *Россия и Белоруссия: Некоторые аспекты сравнения*	*110*	*A.Sh. Zhvitiashvili* *Russia and Byelorussia: Some Aspects of Comparison*
О.В. Маляров *Государственное регулирование в переходной экономике: Опыт Индии*	*122*	*O.V. Malyarov* *State Regulation in a Transit Economy: The Experience of India*
РАЗМЫШЛЕНИЯ. СООБЩЕНИЯ. КОММЕНТАРИИ		**REFLECTIONS. COMMUNICATIONS. COMMENTS**
Ю.С. Пивоваров *«Вторая Отечественная» и современная Россия (К вопросу о родословии послесоветского строя)*	*134*	*Yu.S. Pivovarov* *The «Second Patriotic War» and Today's Russia (On the problem of genealogy of the post-Soviet State)*
Две беседы с директором ИНИОН РАН, академиком Ю.С. Пивоваровым. Беседа вторая. Как я стал исследователем	*160*	*Two Interviews with Academician Yu.S. Pivovarov, Director of INION RAS. Interview Two. How I Became a Social Researcher*
КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ		**CLASSICAL HERITAGE**
Т.А. Савинова *История мирового хозяйства в неизвестной работе С.Н. Прокоповича*	*179*	*T.A. Savinova* *History of the World Economy in an Unknown Work by S.N. Prokopovich*
Письма П.Н. Милюкова к С.В. Паниной и письма А.С. Изгоева к М.М. Винаверу (Предисловие В.М. Шевырина)	*188*	*Letters from P.N. Milyukov to S.V. Panina and from A.S. Izgoev to M.M. Vinaver (Foreword by V.M. Shevyrin)*
ФАКТЫ. СОБЫТИЯ. ЛЮДИ		**FACTS. EVENTS. PEOPLE**
И.В. Сабенникова *Политическая эмиграция в Европе, 1917–1939: Общее и особенное*	*196*	*I.V. Sabennikova* *Political Emigrations in Europe, 1917–1939: Common and Specific Features*

Л.В. Бобровская
Второе крымское правительство (ноябрь 1918 – апрель 1919 г.) 210

Д.И. Рублёв, П.В. Рябов
Алексей Алексеевич Боровой: Человек, мыслитель, анархист 221

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

И.Ф. Селиванова
Особенности формирования внешней политики новых независимых государств (по материалам круглого стола ОМЭПИ ИЭ РАН) 240

А.К. Никитин
Общество друзей Албании как элемент «народной дипломатии» в российско-албанских отношениях 248

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Фукуяма Ф., Колби С.
Экономисты и финансовый крах 253

Годится ли китайская модель модернизации для других стран? 257

Заррацин Т.
Самоубийство Германии 263

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА 268

L.V. Bobrovskaya
The Second Crimean Government (November 1918 – April 1919)

D.I. Rublev, P.V. Ryabov
Alexey Alexeevich Borovoy: Man, Thinker, Anarchist

SCHOLARLY AND CULTURAL LIFE

I.F. Selivanova
Peculiarities of the Formation of Foreign Policies of the Newly Independent States (round table at OMEPI IE RAS)

A.K. Nikitin
The Society of the Friends of Albania as an Element of «Popular Diplomacy» in the Russian-Albanian Relations

ESSAYS. DIGESTS

Fukuyama F., Colby S.
Les Economists et la debacle financiere

Is the Chinese Model of Modernization Relevant for Other Countries?

Sarrazin T.
Deutschland schafft sich ab

SUMMARIES

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

О.Т. Богомолов

НЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ ГРАНИ ЭКОНОМИКИ

Богомолов Олег Тимофеевич – академик, советник РАН.

Преодоление последствий кризиса продолжает занимать умы политиков и общественные круги. Власти в поиске выхода делают ставку на инновации в научно-технической области, как мощном рычаге подъема производительности труда и жизненного уровня народа. Спору нет, это необходимо. С развитием нано-, био- и информационных технологий, этих ведущих звеньев нового технологического уклада, связываются большие надежды. Оправдаются ли они в России? Здесь многое зависит не только от усилий в научно-технической и экономической сферах, но и от состояния всей общественной среды.

В прошлом, в советские времена, включая годы перестройки, тоже рассчитывали на техническое перевооружение как спасательный круг. Однако благим намерениям не суждено было осуществиться. Почему? Дело заключалось не только в недостатке средств для инвестиций. Отсутствовали благоприятные условия за пределами экономики. Последняя неотделима от политики, государственного устройства, духовного развития. Не столь уж малозначительны, а порой определяющи для ее подъема господствующая в обществе идеология, проводимая государством политика, состояние общественного сознания, воздействие на него СМИ. И разве не зависит успех экономической технической модернизации от действенности демократических механизмов, институтов управления и обеспечения порядка, уровня культуры и нравственности населения?

Многие сегодня убеждены, что человек, его культура, знания, умение, здоровье, душевное состояние имеют ключевое значение для возрождения России. Поэтому предлагают сделать стратегическим приоритетом инвестиции не только и не столько в новую технику, сколько в человека. Не менее важны для достижения намечаемых целей сплоченность общества, уверенность людей в справедливости и жизнеспособности общественного строя,

доверие к лидерам государства. Это то, что называют социальным капиталом, наращивание которого все более становится залогом успеха всех экономических начинаний.

Взаимосвязь и взаимовлияние различных сфер единого общественного организма до сих пор недостаточно познаны и потому недооцениваются. Стремлением по возможности восполнить этот пробел объясняются проводимые в рамках Российской академии наук междисциплинарные исследования взаимосвязи экономики и общественной среды. Их первые результаты нашли отражение в книге «Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние» (2008 г.). Недавно, в декабре 2010 г., опубликована вторая книга на эту тему[1]. Авторами обеих книг – экономистами, философами, историками, социологами, международниками, общественными деятелями предпринята попытка рассмотреть состояние нашего общества во всех проявлениях, а экономику во взаимодействии с неэкономической общественной средой. Такое масштабное междисциплинарное исследование представляет новое направление в познании экономических реалий и возможностей, позволяет точнее намечать стратегические приоритеты. При этом авторский коллектив сделал особый акцент на анализе духовных и гуманитарных предпосылок возрождения России. К сожалению, их роль недооценивалась и продолжает недооцениваться, о чем свидетельствует остаточный принцип бюджетного финансирования.

Глобальный экономический кризис придал упомянутым исследованиям особую актуальность. Беды, испытываемые российским обществом, были им усугублены. Источник наших трудностей следует искать не столько вовне, сколько внутри страны. Она на протяжении почти двух десятилетий реформируется по западным неолиберальным лекалам, которые, как показал опыт, не подошли к условиям России. Да и сами эти лекала оказались вчерашним днем идеологической моды. Глобальный кризис выявил пороки современного капитализма, скроенного по канонам неолиберальной идеологии. Они со всей очевидностью вскрылись не только в сфере финансов, денежно-кредитного и валютного оборота, не только в производстве и торговле, но и в функционировании западной демократии. Все больше накапливается симптомов духовно-нравственного кризиса этого общества. Это дает повод усомниться в адекватности вызовам XXI в. господствующей идеологии и политической практики. Зреет понимание необходимости перехода к новой модели развития общества и его экономики.

Журнал «Экономист», например, поместил на обложке одного из своих номеров изображение тома «Современной экономической теории», а ниже

1. Неэкономические грани экономики. – М., 2010. – 796 с.

надпись крупным шрифтом: **«Что в ней ошибочно и как кризис меняет ее»**. В этом номере утверждается, что два центральных раздела экономической науки – макроэкономика, изучающая функционирование экономики страны в целом и такие общие процессы и явления, как инфляция, безработица, экономический рост и тому подобное, и экономика финансов – подлежат сегодня «*оправданному* и *серьезному* пересмотру»[2]. Прочесть на страницах этого журнала подобные слова – настоящая сенсация, которую некоторое время тому назад трудно было даже предвидеть. Лауреат Нобелевской премии по экономике Поль Кругман отмечает, что «за последние 30 лет макроэкономика была в лучшем случае впечатляюще бесполезна, а в худшем – просто вредна». Другой нобелиат Джозеф Стиглиц усматривает истоки глобального кризиса в том раже дерегулирования, который подогревали рыночный фундаментализм и Уолл Стрит[3]. Он констатирует несостоятельность академической науки и фундаментальные изъяны в американской модели капитализма. Ему вторит доклад ЮНКТАД «Глобальный экономический кризис: системные провалы и мультилатеральные средства лечения»[4], в котором отмечается: «Рыночный фундаментализм laissez-faire последних 20 лет драматически провалил экзамен». Поэтому нужны другие модели развития современной экономики, в которых на государство возлагается большая регулирующая роль. «Мир наблюдает, – пишет журнал "Экономист", – за восходом нового экономического гибрида, который мог бы быть назван "государственный капитализм"»[5]. Его впечатляющим примером, по мнению журнала, служит китайская модель «государственного капитализма». Об этом же идет речь в книге Яна Бреммера «Конец свободного рынка: кто выигрывает войну между государством и корпорациями»[6]. Он считает, что многие государства от Латинской Америки до Среднего Востока подражают Китаю.

Китай, действительно, ведет поиск модели постреформенного развития, но называет ее – социалистическим гармоничным обществом. Европейцы, особенно скандинавы, практикуют то, что называют моделью государства благосостояния, а в Германии – социально-ориентированной рыночной экономикой. Эти новые видения и концепции в Европе уже прижились и во многом оправдали себя, хотя либералы утверждают, что они всего лишь времен-

2. The Economist, July 28-th 2009.

3. Stieglitz J. Freefall: America, Free Markets and the Sinking of the World Economy. – N.Y., 2010. – 361 p.

4. The Global Economic Crisis: System Failures and Multilateral Remedies / UN. – N.Y., 2009. – P. III.

5. The Economist, January 23rd–29th 2010. – P. 22.

6. Bremmer I. The End of the Free Market: Who Wins the War Between State and Corporations. – N.Y., 2010. – 240 p.

ное явление и скоро наступит возврат к прежнему пониманию рыночной модели экономики.

Если глобальный кризис побуждает думающих людей в Америке и Европе к переосмыслению привычных постулатов так называемого «мейнстрима» экономической мысли, то и Россия не должна быть исключением. Ей также предстоит извлечь уроки из кризиса. Какие выводы для стратегии нашего развития напрашиваются в первую очередь?

Мы в своих экономических реформах, как известно, руководствовались макроэкономикой именно американского покроя, на которую нас нацеливали Е. Гайдар, А. Чубайс и другие горе-реформаторы. Поэтому *переоценка ультралиберальных рецептов составляет, на мой взгляд, один из самых важных выводов, который поможет преодолеть трудности кризисного периода.*

В центре предстоящего переосмысления, несомненно, находится вопрос о роли государства. Архитекторы реформ призывали к уходу государства из экономики и не терпели никаких контраргументов. Самый действенный рычаг преобразований – государственный механизм управления и соблюдения порядка – оказался у нас разлаженным, недостаточно компетентным, разъеденным коррупцией, лишенным иммунной системы, очищающей его от пороков и страхующей от грубых ошибок в политике. Но и частный бизнес оказался далеко не образцовым, погрязшим в корысти, аморальным и отнюдь не гарантом возрождения России.

То, что наше государство неадекватно вызовам постиндустриальной эпохи, подтверждают достаточно убедительные факты. Конституционное определение России как социального государства остается нерасшифрованным, а соображения науки на этот счет не находят официального закрепления. Население лишено важнейшего ориентира, а именно, ответа на вопрос, к какому общественному устройству страна придет в результате проводимых реформ и что это даст народу. Какая форма демократии будет для нас оптимальной? Отсутствие ясной перспективы, веры в будущее не могут не сказываться на духовном климате в стране и настроениях людей.

На современное государство (не только у нас, но и на Западе) ложатся ответственные функции предотвращения и преодоления провалов рыночных механизмов, как в денежно-финансовой сфере, что сегодня всем очевидно, так и в других областях. Если говорить о России, то речь идет прежде всего о предотвращении опасного имущественного расслоения населения. Показательна в этом отношении констатация доклада Международного валютного фонда «Мировой социально-экономический обзор. Переоснащение мирового

развития»[7], в котором говорится: «Главный урок посткоммунистической трансформации определенно заключается в том, что государственные институты имеют критическую важность. Рынок без сильного государства приводит к замене безответственной государственной власти нерегулируемым частным обогащением, ведущим к экономическому и социальному упадку». Это у нас и произошло.

Мировая практика свидетельствует о возрастающем участии государства в перераспределении создаваемого дохода. За минувшее столетие доля государственного бюджета в распределении ВВП возросла в большинстве развитых стран мира с 10–20% до 50% и более. Это происходит прежде всего в результате роста государственных расходов на образование, здравоохранение, науку, пенсии и другие социальные трансферты. Мир, видимо, осознал, что только во власти государства противодействовать стихии нарастающего социального расслоения населения, гарантировать справедливый доступ людей к общественным благам и тем самым способствовать консолидации и стабильности общества. Но для этого государство должно быть авторитетным и эффективным, выражать и защищать интересы всех слоев народа.

В России средний доход бедной 10%-ной части населения в 30 раз меньше среднего дохода 10% богатых, а в Москве даже в 50 раз, тогда как в ЕС этот разрыв составляет 7–10 раз, в США около 15 раз. Беспрецедентное неравенство в распределении доходов и безучастность российского государства к его снижению до европейского уровня, имеет негативные последствия для экономического роста и демографической ситуации в стране. Статистический анализ показывает, что при европейском уровне неравенства темпы роста российского ВВП в 2000–2007-х годах могли бы возрасти на 30–50%, а при годовом росте реальных доходов основной массы населения на 10% удалось бы преодолеть процесс депопуляции страны. Для исправления положения необходимы прогрессивное налогообложение и другие меры поддержки малоимущих. В США они позволяют снизить неравенство с 68 до 15 раз. Откажись государство от прогрессивного налогообложения доходов граждан, и страна переживет коллапс.

Вмешательство государства исключительно важно и с точки зрения восстановления социальной справедливости в российском обществе, поскольку фактическая налоговая нагрузка 20% населения с низкими доходами, как показывают исследования, вдвое превышает нагрузку 20% населения с высокими доходами. Кроме того, оплата труда работников по большей части сложилась вопреки всем экономическим и социальным основаниям, крайне произвольна и для многих неоправданно занижена и несправедлива.

7. World Economic Outlook Supporting Studies IMF. – 2010. – P. 35.

Это создает раскол и напряжение в обществе. Нельзя признать нормальным отсутствие принципа соблюдения социальной справедливости в политике, не говоря уже об официальной пропаганде. В стране очевидны масштабная бедность и скудость потребления миллионов граждан. Казалось бы, бережливость и скромность должны поощряться. Однако наши СМИ, особенно ТВ, всячески рекламируют и оправдывают бездумную роскошь и расточительство российских «нуворишей». Жизнь простых людей для них малоинтересна. Верхи также не подают примера экономии и скромности. Между тем доклад Всемирного банка «Справедливость и развитие» констатирует: «При высоком уровне экономического неравенства обычно экономические институты и социальные условия систематически действуют в интересах более влиятельных групп. Такие несправедливые институты способны приводить к экономическим потерям… Предпочтения при распределении общественных услуг предоставляются богатым, а таланты средних и беднейших групп населения остаются невостребованными. Общество в целом становится тогда менее эффективным и упускаются возможности для инноваций и инвестиций»[8].

Социальная справедливость – извечная нравственная норма, неотъемлемая часть религиозного сознания верующих. Без ее соблюдения не может быть здоровым нравственный климат в обществе, как и невозможна здоровая экономика. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл пишет в упомянутой выше книге: «Экономическая система, построенная только на стремлении к наживе, на равнодушии к судьбе человека, на пренебрежении к нравственным нормам, лишена устойчивости и может рухнуть в любой момент, погребая под своими обломками судьбы людей. Безнравственная экономика неэффективна, более того – нежизнеспособна и опасна»[9].

Управленческие и административные отношения в нашем обществе, действенная правовая и правоприменительная система не менее важны для модернизации экономики, чем цивилизованные рыночные институты и механизмы. Можно сказать, что без качественного улучшения работы государственной системы управления, формирования класса неподкупных, добросовестных и высококомпетентных управленцев любые амбициозные программы обречены на провал. Подбор кадров на высшие должности не может происходить по принципу лояльности, личных симпатий или дружбы, родственной близости. Это не гарантирует стабильность власти и уважение к ней. Подтвержденный историей путь селекции лучших кадров государственных деятелей всех рангов совсем другой. Он предполагает восхождение на верх

8. Всемирный банк. Доклад о мировом развитии 2006: Справедливость и развитие. – М., 2006. – С. 2.

9. Неэкономические грани экономики… – С. 113.

иерархической лестницы ступень за ступенью по мере накопления опыта и обретения авторитета и публичной известности.

Не случайно в определении рейтинга стран по конкурентоспособности их национальных экономик, проводимого под эгидой Мирового экономического форума, эффективность государственного управления и масштаб коррупции фигурируют среди главных критериев. России здесь нечем похвастаться. В 2009 г. она занимала в списке из 133 стран 63-е место между Черногорией и Румынией, причем по качеству институтов управления и прозрачности государственной политики – 114-е место, компетентности чиновничества – 96-е, независимости судебной системы – 116-е. Год от года по этим критериям она опускается все ниже[10]. Подобные же места отводят России «Показатели государственного управления», определяемые Всемирным банком по 212 странам. Так, по критерию сдерживания коррупции в государственном аппарате она оказывается в конце списка на 180-м месте[11].

Российское государство не в состоянии пресечь бегство капиталов и умов из страны, более того, оно пошло на неоправданную и преждевременную либерализацию в этой области. За годы перестройки и рыночных реформ бегство капиталов из страны составило, по различным оценкам 1–2 трлн. долл. Можно оспаривать точность оценок, но в любом случае поражает количество нулей. Колоссальные потери мы понесли и от утечки умов и квалифицированных работников, инженеров, ученых не только за рубеж, но и во внутреннюю торговлю и мелкий бизнес. Приходится лишь удивляться, как мы выжили после такого кровопускания.

Удивляет и беспомощность государственных экономических и финансовых властей в борьбе с инфляцией. В условиях глобального кризиса инфляция в развитых странах обычно сменяется общим снижением розничных цен. Вследствие перепроизводства, когда искусственно раздуваемый дешевыми кредитами спрос населения резко падает, а банки банкротятся из-за неплатежеспособности должников, возникает дефляция. В 2009 г. по сравнению с 2008 г. индекс розничных цен в группе ведущих странах Запада имел отрицательную величину – 0,1%, в том числе в США – 0,3%, Японии – 1,4, Швейцарии – 0,5%. В России же наблюдалась «стагфляция», когда падение ВВП не менее чем на 8% сочеталось с ростом потребительских цен на 12%, а корзина благ, потребляемая бедными и среднедоходными слоями населения подорожала на 20–25%. Издержки кризиса государство и бизнес переложили на массового потребителя. В подобных ситуациях западные государства нередко шли на частичный контроль за ценами.

10. The Global Competitiveness Report 2009–2010. World Economic Forum, 2009.

11. World Bank Police Research, June 2009.

Текущие меры по преодолению кризисных процессов едва ли приведут к прочному успеху, если не определить стратегические приоритеты не только и не столько в экономике, сколько в духовной и социальной сферах, что и делают сегодня многие западные лидеры. Не случайно они ставят во главу угла государственной политики развитие образования, здравоохранения, науки, культуры, обучение и воспитание подрастающего поколения. Именно через это пролегает путь к обновлению общества, оздоровлению морального климата в нем и процветанию экономики.

Российские рыночные реформы неолиберального покроя серьезно разрушили наш научно-технический потенциал, привели к деградации культуры, падению уровня воспитания и образования детей и молодежи. В экономике знаний, которая будет, как считают ученые, определять лицо XXI в., это означает неминуемое отставание. Вспомним, как после окончания Отечественной войны, когда стране еще недоставало средств на восстановление разрушенного хозяйства, правительство беспрецедентно увеличило размер оплаты труда ученых и преподавателей с научными степенями, членов союзной и отраслевых академий наук. Это было не выборочное повышение для отдельных категорий, а всеобщее – для всей сферы науки и высшего образования. Оно изменило социальный статус ученых и преподавателей, подняло престиж науки, дало мощный стимул для притока в нее способной молодежи, а главное – помогло выйти на авангардные позиции в мире.

Хорошо, что российские политические верхи осознали, наконец, важность научной сферы, но то, что конкретно делается, озадачивает. Похоже, что стратегии, разделяемой и поддерживаемой научной и педагогической общественностью, не существует. Одним из примеров служит решение о выделении на три года вузам 80 грантов по 150 млн. руб. (5 млн. долл.) каждый для ключевых исследований с приглашением ведущих мировых ученых, в том числе выходцев из России. Делается это на фоне урезания ассигнований на академическую науку, а также на два главных государственных фонда – РФФИ и РГНФ, выделяющих гранты на актуальные исследования. Ставка по примеру США – на вузы. Но у нас 300-летний и оправдавший себя опыт другой организации науки. Ее ведущим органом выступала Академия наук с ее многочисленными институтами и региональными центрами. Российские университеты и вузы в отличие от американских сегодня едва ли могут служить основой для развития науки на мировом уровне. Их сотрудники перегружены сотнями часов учебной нагрузки, часто не имеют ни времени, ни оборудования для серьезных исследований. Посадив академическую науку за годы реформ на голодный паек и тем самым ослабив и значительно ее обескровив, мы теперь обращаемся с поклоном к Западу.

Академическое и университетское сообщества должны образовывать общую интегрированную среду, в которой накапливаются знания, обобщает-

ся мировой опыт, обучаются, воспитываются и достигают вершин исследовательские и педагогические кадры. В этой среде не может быть любимчиков и пасынков. Нельзя труд докторов наук и профессоров, независимо от того, имеет ли их работа коммерческий результат, оплачивать хуже, чем рядовых работников торговли, ЖКХ, государственной администрации.

Междисциплинарное исследование взаимодействия экономики и общественной среды в рамках нашей академии проделало лишь первые шаги. Отставание общественной мысли от вызовов современности далеко еще не преодолено. Предстоит дать ответы на многие трудные вопросы. Важнейшая роль в этом принадлежит науке.

Литература

1. Всемирный банк. Доклад о мировом развитии 2006: Справедливость и развитие. – М., 2006. – С. 2.
2. Неэкономические грани экономики. – М., 2010. – 796 с.
3. Bremmer I. The End of the Free Market: Who Wins the War Between State and Corporations. – N.Y., 2010. – 240 p.
4. The Economist, July 28-th 2009; January 23, 2010.
5. The Global Economic Crisis: System Failures and Multilateral Remedies / UN. – N.Y., 2009. – P. III.
6. Stieglitz J. Freefall: America, Free Markets and the Sinking of the World Economy. – N.Y., 2010. – 361 p.
7. World Economic Outlook Supporting Studies IMF. – 2010.

В.А. Динес

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

Динес Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор, ректор Саратовского государственного социально-экономического университета.

Высшим руководством страны стратегическая цель развития России четко определена – это модернизация. Однако по поводу путей ее достижения существуют значительные разногласия. Одним из ключевых пунктов разногласий является отношение к роли государства.

В соответствии со сложившимися в современной России условиями, на наш взгляд, более плодотворно говорить не о государстве как таковом, а о российской государственности, поскольку понятие «государственность» позволяет не только поставить вопросы, относящиеся к институтам собственно государства, но и рассмотреть их в более широком плане, а именно в совокупности всей системы отношений «человек-общество-государство». Кроме того, постановка вопроса в таком плане обеспечивает выявление цивилизационной самобытности этих отношений.

Большая проблема, с которой сталкивается в настоящее время Россия, заключается в поиске возможного сочетания традиций отечественной государственности с потребностями политической демократии.

Трансформация политической системы России в течение всех лет реформирования страны существенно изменила ее характеристики, в том числе механизмы и принципы функционирования государства. С формальной точки зрения в стране сложилась демократическая система власти, гражданам предоставлены основополагающие права и индивидуальные свободы, а взаимоотношения между личностью и властью регламентированы правом. Однако при общей характеристике результатов политической модернизации страны, как правило, выделяют ряд факторов, которые негативным образом сказыва-

ются на протекающих социально-политических процессах и ставят под сомнение указанные достижения.

Разрушительные процессы, угрожавшие самому существованию российского общества, явились результатом своеобразного государственного псевдолиберального нигилизма, когда государство ни во что не вмешивалось и преследовало лишь свои корпоративные интересы. Не случайно избранный в 2000 г. Президентом РФ В. Путин уже в первом своем послании Федеральному Собранию сформулировал в качестве стратегической цели задачу возрождения государственности: «Наша позиция предельно ясна: только сильное, эффективное (если кому-то не нравится слово "сильное", скажем – эффективное) государство и демократическое государство в состоянии защитить гражданские, политические, экономические свободы, способно создать условия для благополучной жизни людей и для процветания нашей Родины» (4, с. 308). Концепция «сильного государства» предполагала укрепление авторитета и влияния государственной власти через целый комплекс мероприятий в различных сферах жизни.

Результатом реализации избранной стратегии стало прекращение дезинтеграции Федерации, формирование вполне действенной «вертикали власти», достижение определенной социальной стабильности. Но в то же время в современной российской политике присутствуют тенденции, снижающие возможности успешного и эффективного развития. По-прежнему в политическом плане сказывается отсутствие или, по крайней мере, слабость сил, способных играть роль самостоятельных субъектов политических отношений и успешно способствовать реализации национальных интересов государством. Богатый потенциал самоорганизации и самодеятельности населения используется совершенно недостаточно. Сегодняшний госаппарат является в значительной степени забюрократизированной, коррумпированной системой, немотивированной на динамичное развитие. В этой связи ныне действующий Президент РФ Д. Медведев подчеркнул: «Сильное государство и всесильная бюрократия – это не одно и то же. Первое нужно гражданскому обществу как инструмент развития и поддержания порядка. Для защиты и укрепления демократических институтов. Вторая – смертельно опасна для него» (2).

Перед Россией по-прежнему стоят модернизационные задачи, решение которых может обеспечить только государство. Это связано с тем, что практически на протяжении всей истории России государство было не только властно-организующим началом, но и особой духовной сущностью. Поэтому оно всегда претендовало на роль выразителя интересов и потребностей всего общества и в большей или меньшей степени ее выполняло. Основой самобытности российского политического развития выступало понимание места, роли и значения государства в жизни общества, отношение к нему и его политике. Россия возникла как страна, где интересы государства были важнее

интересов доминирующих национальных групп, классов, сословий, династических интересов и т.д. Роль государства по отношению ко всем сферам общественной жизни была в дореволюционной России исключительно велика. Еще более она возросла в советский период истории России, когда партийно-государственный аппарат попытался поставить под свой контроль практически все стороны общественной и личной жизни. Российское государство, как правило, выступало определяющим элементом всей социальной системы, и именно его активность обеспечивала модернизацию общества. А отношение к государству всегда было главным критерием идейно-политической идентификации граждан.

Таким образом, вырисовывается принципиально иная модель взаимоотношений личности и государства, личности и общества, нежели существующая на Западе, где государство выступает гарантом интересов, прежде всего личности в ее взаимоотношениях с обществом. Российская модель, имеющая в качестве отправной точки общность, а не отдельную личность, предполагает тем самым приоритет интересов общества, выразителем которых выступает государство. Поэтому очевидно, что западные образцы государственности, будучи трансплантированными, весьма тяжело институциализируются в России с ее органическими социокультурными и политическими традициями.

В современных условиях эти приоритеты сохраняют свое значение, поскольку нынешняя организация государственного управления в общем-то соответствует интересам большинства граждан и сформированная «властная вертикаль» не вызывает отторжения в массовом сознании. Более того, наибольшее доверие со стороны граждан проявляется именно к вертикали власти (в первую очередь к президенту, в меньшей степени к правительству, губернаторам, ФСБ и армии) – но не к институтам гражданского общества и публичным институтам государства.

До настоящего времени российское общество достаточно спокойно воспринимало жесткие меры «верхов» по укреплению государства и формированию в стране моноцентрической власти, рассматривая их как необходимые на данный момент. По данным эмпирических исследований, для большинства населения этакратическая модель общества по-прежнему представляется оптимальной, более того она выступает как нормативная модель. И нашим согражданам совершенно неважно авторитарна или, наоборот, демократична власть; главное, чтобы она была эффективной и действовала в интересах общества как целого. Государственнические убеждения россиян можно рассматривать как традиционные, патерналистские, как просто отсталые, но они являются реальностью и с ними надо считаться. Это, конечно, можно объяснять и «самодержавной политической культурой», но факт остается фактом – общество позитивно восприняло реформы минувшего десятилетия, что подтверждается высоким рейтингом их инициатора.

Результатом реформ 90-х годов стало не только резкое ослабление государства, но и социокультурный раскол общества, в основе которого лежат расхождения россиян в ценностных представлениях об общественном идеале и о реальном обществе. В ситуации нынешнего социокультурного раскола именно верховная государственная власть скрепляет общество, удерживает вместе его составляющие, воспроизводя традиционный для России принцип социальной интеграции «сверху-вниз».

Соответственно важнейшей проблемой государственного управления естественным образом становится проблема морально-политической консолидации современного российского общества. По данным социологических исследований видно, что социополитическая консолидация в первую очередь связана с действиями президента, персонифицирующего в себе государство.

В целом же можно сказать, что российская политическая система после 2000 г. вернулась в естественное для нее состояние, когда власть сосредоточена в руках одной политической силы, а компромисс в обществе между различными политическими субъектами устанавливается фактически на ее условиях. В основе функционирования и устойчивости политической системы лежит не баланс интересов различных групп общества, а «властная вертикаль», подчиняющая все автономные элиты единому центру. Здесь, в первую очередь, речь идет о политических партиях, финансово-промышленных группах, губернаторах и этнических элитах. На протяжении последних лет их влияние на федеральную политику, механизмы принятия политических решений неуклонно сокращалось, а сама политическая деятельность во все большей степени перемещалась в систему исполнительной власти. Сформированный таким образом политический порядок предоставил президентской власти возможность не институциализировать свою монополию в политической сфере, сохранять демократический дизайн и избегать прямого преследования оппозиции, но при этом регулировать ее доступ к ресурсам. И, наоборот, лояльность основных групп элит «оплачивалась» делегированным им правом распоряжаться теми или иными ресурсами и управлять собственностью.

Одним из важнейших следствий протекания трансформационных процессов, таким образом, стало также и то, что традиционные ценности восстанавливают свое воздействие на общество. Создание новой системы формальных институтов и попытки провозгласить новую идеологию и новые ценности имеют весьма ограниченный эффект, поскольку практическое их толкование определяется традиционными и привычными способами действия, а не правилами и нормативными требованиями новой системы.

Иными словами, даже в условиях радикальной трансформации российского общества практически все аспекты и проблемы современного общества – демократия и рыночная экономика, свобода и социальная ответственность,

отношения между личностью, обществом и государством – получают специфическое содержание. А это говорит о том, что общественное сознание россиян, даже при значительном росте циничности и абсентеизма во взаимоотношениях между людьми и организациями, продолжает оставаться достаточно независимой величиной, которую нельзя изменить по «заказу».

Сказанное не означает, что мы должны отказываться от своих традиций. Любое общество представляет собой сплав традиционных и модернизационных элементов. И традиции не обязательно препятствуют модернизации, они могут и способствовать ей. Традиция служит не только символом непрерывности, но и модификатором инноваций и главным критерием их законности.

Эффективное социально-политическое развитие возможно лишь при опоре на традиционный склад характера народа, учете его психологии, особенностей восприятия таких фундаментальных ценностей как свобода, равенство, справедливость и т.д. Государственная система становится адекватной обществу только тогда, когда предлагаемая ею интерпретация основных понятий политической жизни совпадает с их восприятием в народном сознании. В противном случае она отторгается массами и заводит страну в тупик.

Этот момент принципиально важен для сегодняшнего развития России, поскольку взгляд на ее историю в целом и на советский период в частности, на людей этой эпохи, как на лишенных не только исторических корней, но и необходимых универсальных свойств, является просто «штампом» пропаганды. Данная проблема важна и потому, что советский период русской истории, как показывают социологические опросы, по-прежнему остается значимым периодом для наших современников (5).

Следует подчеркнуть, что значительная роль государства в общественном развитии не противоречит современным общемировым тенденциям. Показательно, что премьер-министр Франции Франсуа Фийон, выступая в сентябре 2009 г. в Ярославле на конференции «Современное государство и глобальная безопасность», утверждал: «Нам представляется абсурдным выбирать между экономической эффективностью и социальной солидарностью, между государственной сферой и рынком. Наша цель, направленная на сохранение государства – регулятора и арбитра, является нашей непреходящей исторической задачей» (3).

Непреходящее значение государственной власти состоит в обеспечении самосохранения конкретного общества, удержании его от распада, от превращения в то, что обществом уже не является. И в этом смысле государственную власть нельзя безоговорочно противопоставлять общественным процессам самоорганизации, поскольку осуществление реального объединения людей на основе их подчинения общепринятым нормам также является проявлением общественной самоорганизации. Но в настоящее время перед Россией стоит сложнейшая, многоплановая задача перехода к новому социаль-

ному качеству общества с более высокими требованиями к каждому человеку, к государству и социальным институтам. В данном контексте главным должно стать устранение препятствий к национальному единению на основе изменения содержания социальной политики государства и преодоления колоссального социального неравенства, воспринимаемого народом как явно несправедливое. Только в этом случае люди почувствуют себя не просто подданными государства, вынужденными терпеливо переносить эксперименты правящей элиты, а гражданами, ответственными за положение дел в стране.

Идея сильного российского государства включает в себя и мысль о развитых институтах гражданского общества, поскольку предотвратить дезинтеграцию общества можно, укрепляя как само государство, так и важнейшие «промежуточные» социальные институты. Являясь носителями традиционной культуры, они вместе с тем способствуют защищенности важнейших прав личности. И государство здесь должно выступать не как противостоящая гражданскому обществу величина, а как необходимый институт общественной жизни, предотвращающий или ограничивающий появление таких форм организации населения, в которых групповые, частные интересы резко противоречат общественным.

В целом сложившаяся в современной России социальная ситуация, обусловленная высоким уровнем социального неравенства, неэффективностью экономического развития, общей примитивизацией культуры, значительной криминализацией социальных отношений, а также предпочтением примитивных и простых социальных связей сложным и большим на фоне сохраняющихся традиционных ценностей, предопределяет наличие постоянной возможности развития острых социальных противоречий. Соответственно, достигнутая к настоящему времени социальная устойчивость зависит как от объективной общественно-политической ситуации, так и от субъективных действий государственной власти и самого общества. Но эти возможности осложняются дефицитом включенности общества в осмысление и обсуждение социальных приоритетов, которые бы в большей степени соответствовали ожиданиям и потребностям большинства граждан.

Все это означает, что в стране не сформировался еще в полной мере социальный субъект, который был бы не только заинтересован в проведении модернизации, но и достаточно интегрирован и силен, чтобы решить эту задачу практически. Поэтому для повышения общественной активности наиболее массового базового слоя общества необходимо, прежде всего, улучшить его объективное положение, в первую очередь упорядочить и придать правовой характер отношениям в сфере труда и занятости, которые определяют уровень и качество жизни большинства граждан. При этом государство должно не на словах, а на деле гарантировать социально-экономические пра-

ва трудящихся, содействовать установлению отношений партнерства труда и капитала. Только на этой основе смогут «вырасти» демократические институты, которые будут органично восприниматься населением.

В целом, на наш взгляд, персоналистский режим в форме мягкого авторитаризма и стал прагматическим политическим компромиссом между традиционными практиками российского государства и базовыми формами современной представительной демократии.

При всех недостатках существующего режима попытки немедленного радикального его изменения стали бы гибельными для страны. Я согласен с точкой зрения, сформулированной в ряде публикаций Ю.А. Красина о том, что с довольно высокой степенью вероятности можно прогнозировать: «если общество и отреагирует на кризис массовым выбросом политической энергии, то он примет не демократическую, а, скорее всего, разрушительную националистическую направленность, чреватую для России большими трагедиями вплоть до распада Российской Федерации. Поэтому безответственными выглядят расчеты на резкую смену нынешнего политического режима каким-то другим. Стратегическая установка на быстрые перемены в системе власти, на радикальный политический “скачок” несет в себе опасность дестабилизации и хаоса, безвластия и полной потери управляемости» (1, с. 487).

К настоящему времени восстановление многих традиционных функций российской государственности позволило остановить дезинтеграцию общества, продвинуться по пути его консолидации. В то же время жесткая и всеобъемлющая централизация в структурах верховной власти может негативно сказаться на стабильности всей политической системы. Дело здесь заключается в том, что централизация процесса принятия решений неизбежно предполагает и централизацию ответственности и тем самым подрыв легитимности одного из важнейших институтов современной российской государственности. Наверное, в этих условиях будет правильной диверсификация властных полномочий, которая может осуществляться через придание большей самостоятельности правительству, через изменение взаимоотношений федерального центра и регионов, через усиление ответственности парламента.

Соответственно появление новых центров политической ответственности будет иметь следствием усиление влияния согласительных процедур в процессе принятия решений. Это сделает всю политическую систему страны более устойчивой к возникающим проблемам и конфликтам, а также отчасти компенсирует отсутствие зрелых субъектов модернизации при доминировании в обществе консервативно-охранительных тенденций. Другими словами, необходима такая политика государства и такое ее институциональное обеспечение, которые позволили бы вырабатывать решения на основе баланса социальных интересов. Но при этом главным и решающим фактором сего-

дняшних преобразований остается государство, от инициативности и воли которого в решающей степени зависят результаты и перспективы демократизации и модернизации общества.

Совершенствование государственного управления, проведение административной реформы неотрывно связаны с повышением открытости и прозрачности органов власти, которая должна рассматриваться как необходимый фактор повышения их социальной эффективности и способности к необходимым изменениям. В связи с этим стратегия реформирования определяется не только собственной логикой ее развития, но и состоянием общественного организма в целом и теми условиями, в которых государственная власть функционирует, включая исторически укоренившиеся взгляды и представления о власти отдельных граждан и населения в целом. Государству необходим комплекс управленческих механизмов и инструментов, дающих возможность адекватно реагировать на вызовы внешней среды. Назрела объективная необходимость разработки эффективных моделей и адекватных механизмов превращения системы государственного управления в открытую систему, взаимодействующую с гражданами и их объединениями, отзывчивую к нуждам и запросам населения.

В данном контексте рассуждения о «демократии» и «авторитаризме» отражают, на наш взгляд, всего лишь инструментальные характеристики, т.е. методы осуществления власти. Главное же будет заключаться в том, в каких целях и в чьих интересах действует государство: реализует ли оно интересы общества или же интересы отдельных групп, «приватизировавших» государство. Из истории известно, что демократия может быть стагнирующей, а авторитаризм – способствующим развитию. Мягкий авторитаризм современной России, сохраняя моноцентричный характер государства, может служить политико-бюрократической верхушке и олигархам, а может оптимизировать публичную сферу, в которой многообразие интересов гражданских структур будет реализовано при помощи государства и в соответствии с потребностями общества. И главной проблемой для государственной власти, на наш взгляд, станет сохранение и расширение каналов для диалога с обществом.

Литература

1. Красин Ю.А. Метаморфозы российской реформации. – М., 2009.
2. Медведев Д.А. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 5 ноября 2008 г. // www.president.kremlin.ru
3. Независимая газета. НГ Политика. – М., 2009. – 22 сентября.
4. Путин В.В. Какую Россию мы строим // Собрание посланий Президента РФ Федеральному Собранию. 1994–1995 гг. – Новосибирск, 2006.
5. Российская идентичность в социологическом измерении // Полис. – М., 2008.

А.Н. Медушевский

ЗНАЧЕНИЕ ВЕЛИКОЙ РЕФОРМЫ В МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ*

Медушевский Андрей Николаевич – профессор ГУ–ВШЭ, доктор философских наук, главный редактор журнала «Российская история».

Великая реформа 1861 г. – одно из переломных событий российской истории, а ее 150-летний юбилей – важный повод для осмысления процессов модернизации. В современном российском обществе, несомненно, отсутствует единство мнений по вопросу о том, что такое модернизация, каковы должны быть ее параметры, цели и масштабы. Представлены различные критерии классификации соответствующих процессов. Можно говорить о том, что модернизация определяется по идеологическому критерию. Тогда следует говорить о консервативной, либеральной и даже социалистической модернизации, хотя опыт последней воспринимается скорее как негативный. Можно говорить о модернизации с точки зрения того, происходит она внутри общества или осуществляется путем заимствования. Тогда надо различать эндогенную и экзогенную модернизации. Другим выражением этой типологии является разграничение органической и догоняющей модернизации. Можно классифицировать модернизацию по отношению к праву: осуществляется она в правовых или неправовых формах, с сохранением или разрушением существующих правовых норм. И, наконец, еще одним важным критерием того, что такое модернизация, является когнитивно-информационный подход к этому понятию (20). С этой точки зрения можно говорить о модернизации как создании новой картины мира, нового информационного пространства или проведении ограниченных технологических изменений, которые осуществляются в рамках существующей системы понятий, в рамках существующей

* *Данный текст представляет концентрированное изложение выводов статьи автора: Великая реформа и модернизация России // Российская история, 2011. – № 1. – С. 3–27.*

когнитивно-информационной схемы познавательной деятельности. Подходя с этих позиций к Великой реформе, ее следует рассматривать как пример радикальной модернизации, безусловно, либеральной, эндогенной, осуществляемой в правовых формах и создающей новую картину мира. Поэтому можно определить Великую реформу как настоящую революцию сверху.

Великая реформа – пример успешной правовой модернизации традиционного общества (см. 2; 3). Каковы вообще критерии успеха реформы? Я вижу три основных критерия. Во-первых, это продуманная концепция реформ или философская идея, лежащая в основе реформ. Во-вторых, это осуществление преобразований на базе определенного социального консенсуса в расколотом обществе, закрепленного в праве. И, в-третьих, это радикальность изменений, т.е. невозможность повернуть ситуацию вспять, когда реформа создает новое социальное качество. Эти три параметра, безусловно, присутствуют в Великой реформе.

Если говорить о философской идее, то это была идея эволюции, концепция прогресса и умеренного либерализма. Теоретическую основу этой концепции составляла философия права Гегеля и государственной (юридической) школы, русской академической мысли, которая исходила из того, что суть реформ – это движение от сословного общества, основанного на старой традиционной социальной иерархии к гражданскому обществу и от абсолютизма к правовому государству (5). Данная концепция возникла на Западе, сформировалась в основном в Германии как антитеза Французской революции, но оказалась востребованной во многих развивающихся странах – от Османской империи до Японии эпохи Мейдзи. Суть ее состояла в том, чтобы осуществить все цели революции, не используя, однако, ее средств, т.е. избежать крушения общества, кровопролития, гражданской войны и диктатуры. И в этом смысле философская концепция Великой реформы сохраняет свое значение для нашего времени (13).

Если говорить о таком параметре, как сохранение консенсуса, то важно подчеркнуть, что реформа осуществлялась на правовой основе, без разрыва правовой преемственности. Манифест 19 февраля 1861 г. и «Положения» о крестьянах, вышедших из крепостной повинности, включали следующие основные условия реформы: личная свобода крестьян, сохранение отношений собственности (тогда это была помещичья собственность на землю), но одновременно – перераспределение земли в пользу крепостных крестьян, которые получили усадьбы и полевые наделы за выкуп (12). Причем наделы эти были таковы, что им могли бы позавидовать современные крестьяне. Условия реформ также фиксировались правовым образом – в Уставных грамотах, могли быть обсуждены сторонами с участием мировых посредников и, что особенно важно, обжалованы в губернских присутствиях по крестьянским делам.

Радикальный и необратимый характер реформы определялся ее условиями. Крестьяне получали личную свободу без выкупа, что было, безусловно, революционным шагом, поскольку консерваторы выступали категорически против этого, видя в подобном решении ущемление прав собственности. Реформа стала необратима в результате государственного вмешательства в регулирование этих прав: крестьяне получили кредит от государства на проведение выкупа земли в рассрочку на 49,5 лет. В 1881 г. был проведен обязательный выкуп – крепостные отношения крестьян с помещиком прекращались, крестьяне становились сословием крестьян-собственников. В результате реформы удалось избежать революционного срыва и гражданской войны – такой, которая происходила как раз в это время в Соединенных Штатах Америки и на которую надеялись К. Маркс и Н. Чернышевский в России. Результаты реформ сопоставимы, на мой взгляд, с результатами Гражданской войны в Соединенных Штатах и с решениями Верховного суда США по XIV поправке, которая была принята по результатам Гражданской войны в 1866 г. (23). Эти решения ВС США радикально изменили юридическую трактовку таких понятий, как свобода (поскольку она стала интерпретироваться как личная свобода, а не свобода иметь рабов) и собственность (под собственностью стало пониматься только недвижимое имущество, но не люди, как было ранее). Избежать гражданской войны в России, в отличие от США, оказалось возможным по ряду причин: крепостное право накануне его отмены не было тождественно рабству ни в юридическом ни в фактическом отношении; отношения собственности не были столь артикулированы в российском обществе, как в американском; контроль государства в России был значительно более сильным. Но важно отметить, что в России, где крестьянство стояло вне политики и не могло активно участвовать в ходе реформ, удалось достичь взаимодействия государства и части правящего класса, что требовало несомненного искусства реформаторов.

Важный аспект реформ – это продуманная система обратной связи общества и государства. Что имеется в виду? Я хотел бы подчеркнуть, что были созданы новые институты. Это земская и городская реформы, вводившие самоуправление, судебная реформа, которая позволяла разрешать конфликты на бессословной основе: были отменены сословные суды, предполагавшие различие критериев оценок действий представителей тех или иных социальных групп. Военная реформа, изменившая армию также на бессословной основе, поскольку призыв стал осуществляться изо всех социальных слоев. Был создан механизм разрешения конфликтов правовыми методами. Здесь следует указать на местное самоуправление, состязательность правосудия, адвокатуру, институт мировых посредников, который активно действовал при составлении уставных грамот. Данный институт был особенно важен, поскольку крестьяне были неграмотны, мировыми посредниками являлись в

основном представители правящего класса, дворянства, но общую тональность в публичной сфере задавали прежде всего представители дворянской интеллигенции (как, например, Лев Толстой). Эти преобразования включали такой важный элемент как просвещение общества – его открытость новым стандартам образования (университетская реформа), политической культуры («гласность») и внешним заимствованиям (европеизация и расширение культурного обмена по всем направлениям). В целом это была именно «эпоха великих Реформ» с радикальным изменением сознания общества (7).

Создание единого штаба реформ – это то, что отличает научную концепцию реформ от ненаучной, от импровизации. Здесь очень большое значение имели редакционные комиссии. Первоначально их было две, потом они были соединены в одну. Причем в основу создания редакционных комиссий был положен смешанный принцип: в одной – преобладали администраторы, в другой – представители гражданского общества: юристы, аграрники, социологи и другие ученые того времени. Этот штаб реформ – редакционные комиссии под руководством Я.И. Ростовцева, активно осуществляли сбор и анализ информации, разрабатывали положения Великой реформы, проводили мониторинг политической ситуации, что было очень важно в нестабильной ситуации, обеспечивали единство воли и планомерность осуществления целей реформы. В конечном счете в ходе реформ был достигнут компромисс между основными социальными силами того времени, участвовавшими в процессе преобразований: дворянством, просвещенной бюрократией и либеральной интеллигенцией (8; 9). Реформы теоретически открывали путь выхода из авторитарной политической системы абсолютистского государства, – сначала в виде осторожного включения элементов народного представительства в самодержавный строй, затем движения к дуалистической монархии в ограниченных конституционных формах и, наконец, возможно, к парламентской монархии или республике (11).

В целом, таким образом, Великая реформа – это едва ли не единственный в истории России, пример успешной демократической модернизации традиционного общества, осуществляемой правовым путем, по плану, в соответствии с первоначальным замыслом и установленными сроками, а главное – с сохранением права собственности, социального консенсуса и правовой преемственности.

Современная наука едина в констатации огромного социального значения Великой реформы и последующих реформ 60-х годов XIX в., реформ С.Ю. Витте и П.А. Столыпина начала XX в. как продолжения логики Великих реформ. Это была, на мой взгляд, полноценная альтернатива аграрной революции в таких странах, как Россия, Китай, Мексика, других странах в XX в. И, конечно, это была альтернатива последующим неправовым формам решения аграрного вопроса эсерами и большевиками, вообще леворадикаль-

ными партиями, – в виде утопической идеи «черного передела» (т.е. стремления «отнять и поделить землю поровну»), либо в виде так называемой «социалистической национализации», которая означала безвозмездное отчуждение земли у собственников, введение государственной собственности на землю и возрождение деспотических форм государственной власти – в ходе, например, коллективизации 1928–1933 гг., а также попыток Коминтерна распространить эту экстенсивную форму на другие модернизирующиеся общества (14). Этот момент важно подчеркнуть, поскольку деятельность Коминтерна играла огромную роль, а ее последствия сказываются до настоящего времени в виде распространения мифа о возможности уравнительного распределения земли, реализации коллективистских представлений о справедливости, отрицании индивидуального творческого начала и многих других негативных явлений. Повсюду эти эксперименты вели к ретрадиционализации общества, т.е. к отказу от гражданского общества и правового государства, и, по существу, потерпели провал, как показывает опыт таких современных государств, как Китай, Вьетнам, другие страны Азии, Латинской Америки, да и всего мира. После различных аграрно-коммунистических экспериментов все они пришли к отрицанию уравнительно-коллективистских форм аграрного мышления, признанию рыночных отношений конкуренции в аграрном секторе экономики, важности индивидуального трудового вклада и необходимости дифференциации форм собственности (в виде современных форм кооперации индивидуальных производителей, длительной семейной аренды или частной собственности на землю).

Выход из ситуации аграрного кризиса в XX в. состоял в разрешении конфликта традиционалистских представлений крестьян о справедливости (уравнительном равенстве в распределении земли) и позитивного права, отражающего представления государственной власти о рациональном и эффективном использовании земли в коммерческом обороте. Преодоление этого правового дуализма (выражавшегося в параллельном существовании обычного крестьянского права и официально санкционированного частного права) было возможно в авторитарных и демократических формах. В одной группе стран выход усматривался в переходе к авторитарной модернизации или реализации бонапартистской концепции реформ – соединения жесткой власти с гарантиями прав собственности. Здесь я хотел бы указать на примеры Наполеона III, Бисмарка, Столыпина в России. В этом контексте определенный интерес представляет также ленинский нэп, который, не отказываясь формально от декларированных коммунистических принципов, по существу, означал отход (пусть и тактический) от них в пользу рыночного стимулирования аграрных отношений. Этот вектор характеризует реформы Кемаля Ататюрка в Турции, Чан Кайши в Китае, В. Каррансы в Мексике и других реформаторов, действовавших в рамках бонапартистской парадигмы. Не-

смотря на авторитаризм данных режимов, принципиальное отличие этих реформ от коммунистических состояло в том, что они сохраняли частную собственность и обеспечивали правовую преемственность отношений собственности на землю. Более стабильных результатов удалось добиться в ходе аграрных реформ на правовой основе при активной поддержке государства в таких странах, как послевоенная Япония, Индия, ряд стран Латинской Америки XX в., когда сохранялись права собственности с одновременным перераспределением имущества, т.е. земельного ресурса, путем выкупа земли государством и передачи этой земли крестьянам-фермерам, – модель, которая предлагалась в России партией кадетов. Но по существу эта модель повсюду была продолжением логики Великих реформ и, отчасти, развивавших их столыпинских аграрных реформ.

Тот факт, что реформационная стратегия представляла собой устойчивую, последовательную и рациональную альтернативу аграрной революции, заставляет с новых позиций рассмотреть причины Великой реформы и последовательность проведения ее принципов в жизнь. Прежде всего, с позиций современной науки очевидна необходимость отказа от упрощенных схем экономического детерминизма, усматривавших причину реформы в кризисе «феодально-крепостнической экономики»: экономическая неэффективность крепостного хозяйства (как и рабства в США) ставится под сомнение в современной историографии, показавшей, что традиционные формы принудительного труда могут быть интегрированы в рыночную экономику и, во всяком случае, сосуществовать с ней продолжительное время. Они (как показал советский опыт использования принудительного труда) могут даже использоваться для достижения некоторых целей модернизации. Наконец, сама реформа 1861 г., отменившая крепостное право, не дала быстрого и резкого увеличения экономических показателей (первое время констатировался даже спад), но обеспечила его в длительной перспективе (чрезвычайно высокие темпы экономического роста России в конце XIX – начале XX в.). С другой стороны, очевидна несостоятельность объяснения реформы с позиций «классовой борьбы» – известной концепции «первой революционной ситуации», которая якобы сформировалась в канун реформы. Эта концепция представляет собой очевидный миф советской историографии, поскольку никоим образом не подтверждается фактами и, в частности, не объясняет того, почему на всем протяжении реформы сохранялась социальная и политическая стабильность, уникальная для преобразований такого масштаба, а острые социальные противоречия не только не привели к гражданской войне, но и каким-либо значительным социальным беспорядкам. В конечном счете традиционные историографические схемы не предлагают вариативных моделей развития событий, не отвечают на вопрос о том, как пошло бы развитие, если бы крепостное право вообще не было отменено государством. В современной лите-

ратуре высказывается, в частности, точка зрения о том, что крепостное право могло исчезнуть естественным демографическим путем – в результате постепенного падения доли крепостного населения в общем составе населения. Это заставляет предположить, что поиск подлинных причин Великой реформы следует искать не столько в экономике и классовом конфликте, сколько, скорее, в изменении сознания общества, нравственных представлений элиты, ответе на вопрос о соотношении права и справедливости. Это были, фактически, те же движущие мотивы, которыми руководствовались аболиционисты в США, требовавшие отмены рабства или противники режима апартеида в Южной Африке на исходе XX в. В этом смысле фундаментальное значение имеет когнитивный поворот в сознании, возникший как осмысление новой мировой реальности и представлений о перспективах ее развития. Ключевым фактором реформы стали, следовательно, новые идеи, обусловившие консолидацию реформаторской элиты – просвещенной бюрократии во главе с царем-освободителем.

Стратегии модернизации и технологии проведения Великих реформ очень важны, сохраняют свое значение и могут быть использованы современными реформаторами. Каковы же эти стратегии? Это, конечно, решение вопроса о правовой преемственности и разрыве этой преемственности. Очень важный момент, учитывая, что в России XX в. радикальные изменения отношений собственности происходили трижды, т.е. в 1917 г. (национализация земли), 1929 г. (сплошная коллективизация) и в 1993 г. (включение в Конституцию РФ положения о частной собственности на землю). Причем все 3 раза эти радикальные преобразования – фактически революции в отношениях собственности, – проходили с разрывом правовой преемственности. Антитезой неправовым преобразованиям выступают Великие реформы, сохранившие преемственность правового развития. Почему разрыв правовой преемственности опасен? Потому, что он делает отношения собственности нестабильными и ставит под вопрос легитимность самого института собственности, что мы и наблюдаем в современной России (17).

Другой момент – разделение во времени социальных и политических реформ. Мне представляется, что Великие реформы очень успешно решили этот вопрос, по крайней мере, на начальной стадии (я не имею в виду здесь фазу контрреформ). Существуют примеры обратного – когда соединение экономических, социальных и политических реформ воедино давало сбои. Так, в ходе перестройки все конфликты соединились в одном месте и в одно время, что стало одной из причин утраты управляемости, потери времени и в конечном счете конвульсивного распада Советского Союза. В этом случае реформы не были разделены во времени, что позволяло, теоретически конечно, решать эти вопросы поэтапно, чтобы избежать единовременного срыва системы.

Далее, это соотношение реформ на макроуровне и микроуровне. Как должны проводиться реформы – в масштабе всей страны или в масштабе отдельных регионов? В ходе Великих реформ было достигнуто соединение этих двух направлений: на макроуровне вопрос об освобождении крестьян был решен Манифестом 19 февраля. На микроуровне он был решен приложенными к нему «Положениями», которые детально раскрывали механизм осуществления преобразований – как должны регулироваться вопросы передачи крестьянам земли на разных уровнях и в разных регионах страны, причем с учетом огромного количества научно обоснованных факторов: социальные условия (учет положения разных групп крестьянства), география, почвы, климат, доходность, коммерческая цена земли и т.д.

Стратегии преобразований включали решение вопроса о привлечении общества к реформам. В истории России мы видим ряд основных моделей модернизации. Одна из них – авторитарная модель, которая была представлена Петровскими реформами и сталинской «революцией сверху», хотя я и не стал бы ставить знак равенства между ними, поскольку Петровские реформы определялись западным вектором развития и открывали страну мировым процессам, а сталинские реформы, напротив, были в существенной мере ретрадиционализацией общества и вели к полной его информационной изоляции от внешнего мира (18). Тем не менее авторитарная составляющая присутствовала в обоих случаях как основной инструмент модернизации. Другой тип модернизации – это спонтанная модернизация снизу, то что называется аграрной революцией. Конечно, – это модернизация также в относительном смысле, поскольку, как мы видели, она ведет к ретрадиционализации, отказу от гражданского общества и правового государства, заканчиваясь в конечном счете движением вспять – к восстановлению принудительных форм труда и деспотической государственности. И, наконец, существует третий тип, когда реформы производятся при активном участии государственной власти, администрации, с опорой на активную часть общества, – не на все общество, которое стабильно пребывает в апатии, а именно на мыслящую часть общества в виде интеллигенции, дальновидной части правящего класса и просвещенной бюрократии.

Все три модели модернизации, которые представлены в истории страны, имеют, конечно, свои преимущества и недостатки. Преимущество авторитарной модели в том, что реформы можно осуществить быстро и радикально, не считаясь с оппозицией и ценой преобразований. Преимущество спонтанного развития событий состоит в том, что реализуются, как ранее принято было говорить, «чаяния народных масс», – наивные коллективистские представления о справедливости. Однако оба этих крайних вектора – авторитарный и революционный – имеют существенные недостатки. Недостаток авторитарного вектора состоит в том, что реформы оказываются неустойчивыми и

быстро блокируются последующими контрреформами, что ведет к росту инерционности системы – стагнации или «застою». Что касается спонтанного аграрного взрыва, то он ведет к популизму, непрофессионализму, а в конечном счете содержит угрозу утраты тех целей преобразований, которые изначально декларировались революционными вождями. В этом смысле предпочтительнее именно идея Великой реформы, которая заключались в том, чтобы, отказавшись от крайностей авторитаризма и популизма, – принять модель умеренных либеральных преобразований. Они оказываются более успешными в длительной перспективе и соответствуют концепции устойчивого социально-экономического развития страны.

Важный самостоятельный момент – это планомерность реформ, их научная обоснованность, которая выражалась в определении соотношения целей и средств. Причем эти средства, эти ресурсы калькулировались на уровне бюджета, в него закладывались трудности, которые необходимо преодолеть, например, при осуществлении выкупной операции. Фактически была представлена «дорожная карта» проведения реформ. Это и является основой легитимности, предсказуемости и устойчивости процесса преобразования. Обращает на себя внимание, насколько противоречивыми, непоследовательными и неэффективными кажутся на фоне Великой реформы попытки преобразований советского и даже постсоветского периода.

Следует специально подчеркнуть *важность технологий, которые были использованы в ходе Великих реформ*. Эти технологии, по-моему, сохраняют значение до настоящего времени и, может быть, даже становятся более актуальными на современном этапе (24). Прежде всего, – введение в общественное сознание новых основ легитимности земельного права, десакрализация земли и полноценное включение ее в коммерческий оборот, что до сих пор не достигнуто в полной мере (21). Данная проблема получила глубокое осмысление в период Великой реформы, с возникновением так называемого правового дуализма – конфликта государственного права и крестьянского, или обычного права. В основе этого конфликта было и остается фундаментальное противоречие между позитивным правом и представлениями основной массы населения о справедливости. Конфликт этот сохраняется и сейчас. Как мы знаем, с принятием Земельного кодекса 2001 г. процессы коммерциализации земельного ресурса получили правовое обеспечение, но значительная часть населения по-прежнему отторгает представление о земле как о коммерческой ценности.

Далее, *разделение формально-правовой и реальной характеристик традиционных институтов* очень важно для успешного проведения реформ, потому что правовая форма институтов является более консервативной, чем социальная практика. Реальность часто опережает норму. Можно осуществлять важные социальные изменения при сохранении традиционных правовых

форм. Это именно и было продемонстрировано в ходе Великой реформы в интерпретации такого института, как крепостное право. Ученые того времени показали, что крепостное право в силу неопределенности его исторического возникновения можно было интерпретировать двояким образом. С одной стороны, как крепость крестьянина помещику, – и тогда это, по существу, основа рабства (близкого к его древнеримской интерпретации). С другой – как крепость крестьянина земле, – и тогда это основа превращения крестьян в полноценных земельных собственников (10). Принятие второй модели открывало путь освобождению крестьян с землей и осуществлению этого с сохранением правовой преемственности. Таким образом, различная этимологическая и историческая трактовка одного института – крепостного права – вела к противоположным векторам реформы.

Разработка концепции переходного периода, сознательное поддержание социального компромисса путем создания резервированных зон для определенных территорий или частей населения. Я имею в виду сохранение таких институтов, как община, выкупная операция, сервитуты, введение моратория на куплю-продажу крестьянской земли. Некоторые современные исследователи считают, что подобные исключения из общего правила (прежде всего сохранение общины) были ошибкой. Полагаю, что это было скорее научно обоснованной стратегией, заключающейся в том, чтобы избежать социального хаоса, потери управляемости и обеспечить прогнозируемый вектор социальных преобразований на будущее. Сохранение крестьянской общины было важно в пореформенный период, что отнюдь не исключало последующей трансформации данного института. Именно так понимали эту проблему С. Витте (4) и П. Столыпин (19), усматривавшие в отмене общины логическое продолжение Великой реформы в новых условиях.

Соединение либеральных и экономических реформ с жестким подавлением революционного экстремизма в силу государственной монополии на легитимное насилие. В условиях Великих реформ решение данной проблемы осуществлялось в рамках политического курса «диктатуры сердца» М.Т. Лорис-Меликова (15). Однако сегодня, в условиях борьбы с экстремизмом, данный подход сохраняет свое значение: в ходе реформ неизбежно возникает существенная социальная дестабилизация; это ведет к популизму, которым пользуются партии экстремистской направленности – не для того, чтобы ускорить реформы, а для того, чтобы остановить их или даже повернуть развитие вспять. Следовательно, необходимы технологии борьбы с экстремизмом, применяемые параллельно с поступательным движением реформ. Соединить эти два направления очень трудно, но в этом и состоит искусство реформаторов.

Решение проблемы лидерства в расколотом обществе – является важным условием последовательности курса реформ и избежания контрреформ.

К сожалению, этого не удалось сделать в полной мере в период после Великой реформы, которая сменилась контрреформами, поставившими страну на грань катастрофы. Контрреформы в условиях неустойчивого равновесия оказываются чрезвычайно деструктивным фактором не только для судьбы реформ, но и для процесса модернизации в целом (22).

И, наконец, – об актуальных задачах российской модернизации в контексте тех дискуссий, которые идут у нас сегодня. Я имею в виду, в частности, некоторые идеи, прозвучавшие в период обсуждения проекта «Сколково». Идея создания новой рационалистической модели экономики, своего рода новой Утопии, нового Города Солнца, – заставляет поставить вопрос о масштабах реформ и ряд общих вопросов, которые объединяют проблемы современной модернизации с проблемами модернизации периода Великих реформ.

Первая группа вопросов – идет ли речь о модернизации в социальном или исключительно в техническом ее понимании? Распространяется новое законодательство на всю страну или только на один анклав с особой правовой зоной, нечто вроде Немецкой слободы? Предполагается ли опора на внутренние ресурсы, т.е. эндогенная модернизация, или внешние заимствования – экзогенная модернизация? Имеется в виду долговременная стратегия или реализация очередного национального проекта с фиксированными сроками? Как будут решаться проблемы собственности – на основе внутреннего права или международного права? И как в этом случае будут разрешаться конфликты между собственниками? Должна ли стать мотором процесса вся активная часть общества или исключительно просвещенная бюрократия и привлекаемые ею спецы? И, наконец, как будет выглядеть решение вопроса соотношения права и справедливости, традиций и эффективности, и не приведет ли разрыв между ними в конечном счете к созданию нового правового дуализма и к росту революционного популизма?

Вторая важная группа вопросов – это реакция общества на реформы и избранные методы их проведения. Здесь необходимо решить следующие проблемы. Как быть с сопутствующим реформам ростом социального расслоения и даже с элементарной завистью, которая часто рядится в формы классовой борьбы? Как в таком случае обеспечить социальную стабильность в расколотом обществе – если не на 20 лет, о которых мечтал Столыпин, то хотя бы на 10 лет? Будет ли реформа осуществляться с подключением механизмов спонтанной самоорганизации, т.е. с участием гражданского общества или его представителей, или исключительно сверху, в традициях российской авторитарной модернизации? И не разделит ли в таком случае ее судьба судьбу петровской крепостной мануфактуры или «строек социализма»?

Третий и самый главный вопрос – это вектор современной модернизации. Инициируются ли процессы социальной и политической модернизации в

направлении гражданского общества и правового государства, или она остановится на традиционной концепции мнимого конституционализма? (См.: 1). Найдется ли в современном государственном аппарате слой профессиональных управленцев, способных поставить интересы государства выше стремления к материальному и карьерному благополучию? Удастся ли сохранить преемственность курса реформ, или они в очередной раз станут жертвой контрреформ, осуществляемых под привычными лозунгами державности и официального патриотизма? Ответ на эти вопросы во многом определяет содержание современных политических и конституционных реформ.

Итог сопоставления дат «1861» и «2011» призван мобилизовать волю к преобразованиям. Эволюционный путь становления гражданского общества и правового государства в России, к сожалению, не реализовался в XIX–XX вв. Возможно, более успешным окажется XXI век, хотелось бы в это верить. Если России суждено совершить успешную модернизацию, то очевидно, что ее руководящие идеи будут опираться на достижения, опыт и результаты Великой реформы (6).

Несомненно заслуживает поддержки призыв ряда партий и общественных организаций об объявлении дня 19 февраля праздником или днем национальной памяти. Это очень важно для поддержания лучших исторических традиций, воспитания молодого поколения в духе либеральных ценностей и вообще для обретения Россией подлинной национальной идентичности в современном мире.

Литература

1. 15 лет Российской Конституции // Отечественная история, 2008, № 6.
2. Великая реформа, 1861–1911. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. – М., 1911. – Т. I–VI.
3. Великие реформы в России. 1856–1874. – М., 1992. – 334 с.
4. Витте С.Ю. Записка по крестьянскому делу. – СПб., 1905. – 106 с.
5. Государственная школа // Общественная мысль России XVIII – начала XX в. – М., 2005.
6. Гражданское общество и правовое государство как факторы модернизации российской правовой системы. – СПб., 2009.
7. Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ. – СПб., 1907. – 855 с.
8. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. – М., 1968. – 368 с.
9. Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. – М., 1984. – 254 с.
10. Ключевский В.О. Право и факт в истории крестьянского вопроса // Ключевский В.О. Соч. Т. 7. – М., 1989. –509 с.
11. Конституционные проекты в России XVIII – начала XX в. – М., 2000. – 816 с.
12. Крестьянская реформа в России 1861 г.: Сборник законодательных актов. – М., 1954. – 500 с.

13. Медушевский А.Н. Диалог со временем: Российские конституционалисты конца XIX – начала XX в. – М., 2010.

14. Медушевский А.Н. Проекты аграрных реформ в России XVIII–XXI вв. – М., 2005. – 639 с.

15. Проекты М.Т. Лорис-Меликова // Конституционные проекты в России. – М., 2010. – С. 455–496.

16. Собственность на землю в России. История и современность. – М., 2002. – 591 с.

17. Сталинизм как модель социального конструирования // Российская история, 2010, № 6.

18. Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия… Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете, 1906–1911. – М., 1991. – 411 с.

19. Теория и методология когнитивной истории. «Круглый стол» // Российская история, 2010, № 1.

20. Трансформация и консолидация рыночного законодательства в контексте конституционного развития и судебной реформы в России. – М., 2005.

21. Управление Россией: Опыт, традиции, новации. – М., 2007.

22. Commons J.R. Legal foundations of capitalism. – Madison, 1959. – 394 p.

23. Damm K.W. The law-growth nexus. The rule of law and economic development. – Washington, 2006.

24. Lincoln W.B. The Great Reforms. – DeKalb, 1990.

А.В. Алексеев

ИННОВАЦИОННЫЕ ИНСТИТУТЫ ДЛЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Алексеев Алексей Вениаминович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН.

Основные факторы становления и развития инновационной экономики

Подходов, объясняющих природу развития современного общества, множество. Рассмотрение ситуации в Российской Федерации с использованием широко распространенного в международном научном сообществе трехфакторного подхода к становлению современной инновационной экономики позволяет добиваться большей сопоставимости в интерпретации процессов, происходящих в России и развитых странах, привносит новое качество в анализ социально-экономического развития. Действительно, в России многие процессы уже имеют неплохую динамику, но они все еще очень уступают абсолютным уровням, достигнутым в развитых экономиках.

Характер развития современного общества определяется тремя основными факторами:

- имеющейся системой технологий;
- способностью работников эффективно использовать существующую технологическую систему (качество человеческого капитала);
- системой институтов, задающей устойчивость и качество развития технологической и социальной систем.

Все они имеют важное значение. Несбалансированность, «притормаживание» в динамике развития хотя бы одного из них не только девальвирует успехи, достигнутые по другим направлениям, но и, в крайних своих проявлениях, разрушает социальную стабильность общества в целом. Справедливость данного подхода прекрасно иллюстрируется примером коллапса Советского Союза, который, казалось бы, характеризовался высоким вниманием к

своей производственной системе (советские объемы инвестиций до сих пор не достигнуты во многих отраслях РФ), хорошим образовательным уровнем населения. Однако мумификация общественных институтов привела к тому, что, казалось бы, незыблемая общественно-политическая конструкция просто рассыпалась на глазах у изумленного мира.

Надо признать, что российское общество плохо усвоило урок, преподанный историей распада Советского Союза. Скорее, как сейчас принято говорить, волатильность внутри рассматриваемой триады только возросла. Так, первое десятилетие после распада СССР характеризовалось почти полной потерей внимания не только к развитию, но и к простому воспроизводству технологической базы общества. Это можно видеть на примере движения одного из результатирующих показателей развития любой технологической системы – среднего возраста ее основных элементов.

Система технологий. Если в 1990 г. средний возраст оборудования лишь немногим (по современным меркам) превосходил уровень 1970 г. (на 2,4 года), то позднее рост среднего возраста оборудования принял не просто постоянный, а какой-то неотвратимый характер. В 2005 г. он достиг рекордного (точнее, антирекордного) в истории страны показателя в 21,5 г.

Расчеты на основании выборочных обследований в 2006–2009 гг. показывают, что в 2007 г. средний возраст производственного оборудования впервые начал сокращаться не только в постсоветский, но и в советский период (рис. 1)[1]. Снижение среднего возраста основных фондов – обнадеживающая тенденция. Но абсолютная величина этого возраста никак не обнадеживает. Действительно, в 2008 г. в РФ средний возраст машин и оборудования равнялся 13,7 г., исключая здания и сооружения; 14,5 г. – при нормированном расчете, а в США – 6,6 г. (9). Использование оборудования по меньшей мере вдвое старшего, чем в развитых экономиках, уже гарантия проигрыша отечественного производителя в конкурентной борьбе с зарубежным.

Несмотря на то, что в предкризисные годы инвестиционная активность в российской экономике заметно возросла[2], ее кумулятивный за постсоветские годы результат не внушает особого оптимизма. Это видно на примере знаковой для российской экономики добывающей промышленности. Стоимость основных фондов в РФ по полному кругу за вычетом износа в текущих ценах 2008 г. составила 3,128 трлн. руб.[3], в США, соответственно, 1,428 трлн. долл. (8). Найти «справедливый» курс пересчета рублей в доллары здесь, очевидно,

1. На рис. 1 представлен расчет среднего возраста производственного оборудования без нормирования возрастных групп (нижняя кривая) и с нормированием (верхняя кривая).

2. Подробнее см.: (4), (3).

3. www.gks.ru

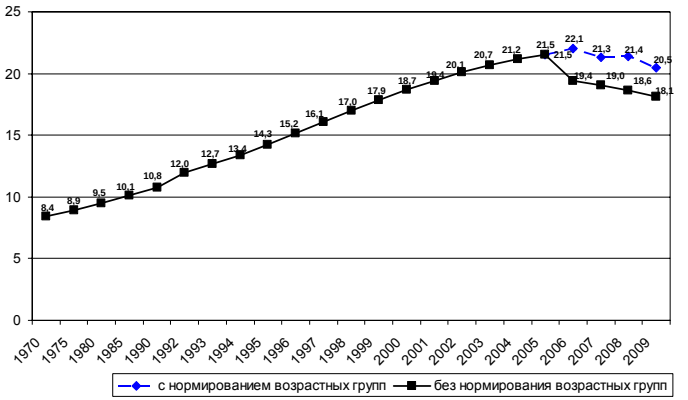

Рис. 1. Средний возраст производственного оборудования, лет.

Источник: Рассчитано по: Российский статистический ежегодник, 2001. – С. 350; Российский статистический ежегодник. 2005; Стат. сб. / Росстат. – М., 2005. – С. 392. Инвестиции в России, № 1, 2009, www.gks.ru; Центральная база статистических данных. Табл. «Наличие основных фондов по полной учетной стоимости на конец года, млн. руб., Российская Федерация, значение показателя за год».

практически невозможно. С одной стороны, часть фондов была создана еще в советское время (в первую очередь это здания и сооружения), к которой современный номинальный курс вообще не имеет отношения. С другой стороны, активная часть основных фондов здесь обновляется интенсивнее, чем в других отраслях народного хозяйства (в экстремальных условиях оборудование быстро изнашивается). В значительной мере это оборудование импортное, приобретаемое за валюту по текущему банковскому курсу. Впрочем, стоимость отечественного оборудования также тяготеет к рыночному курсу.

Расчет по паритету покупательской способности (ППС) заведомо «улучшает» ситуацию в отечественной добывающей промышленности. **Остаточная стоимость основных фондов в добывающей промышленности России в 2008 г. составила 174 млрд. долл. Это в 8,2 раз меньше, чем в США**. Для России, где значительная часть общества уже смирилась с тем, что страна является сырьевым придатком более развитых экономик, в том числе «виртуальной» американской, даже с учетом двукратной разницы в населении, отставание явно велико (5, с. 22–37). А если «сдвинуть» курс ППС в сторону номинального, что будет явно ближе к реальности и сделать поправку

на то, что средний возраст машин и оборудования в РФ почти вдвое выше, чем у американцев, соответственно, и остаточная стоимость несколько иная, рассматриваемое соотношение еще больше ухудшится.

Расчеты по обрабатывающей промышленности дают еще более «яркий» результат. Стоимость основных фондов здесь за вычетом износа в текущих ценах 2008 г. составила 3,267 трлн. руб.[4], в США, соответственно, 2,313 трлн. долл. (8). Расчет, аналогичный описанному выше, показывает, что **остаточная стоимость ОФ в обрабатывающей промышленности России в 2008 г. составила 182 млрд. долл., что уже почти в 13 раз меньше, чем в США**. С учетом сделанных оговорок в части корректности использования в данном случае показателя ППС, разрыв, очевидно, еще выше.

Институциональная система. Революционное, практически одномоментное разрушение действующей многие десятилетия институциональной системы сопровождалось ее заменой новой, «рыночной» системой, которая вводилась явочным порядком, ломающим культурные нормы и без того дезориентированного общества в первые годы реформ. При этом российское общество, с трудом выдержавшее институционально-культурный шок первой половины 90-х годов, спокойно приняло резкое торможение институциональных реформ, «окукливание», мягко говоря, «сырых» институтов, сформировавшихся на изломе общественно-политической системы, знаменитую «стабильность» первой половины 2000-х годов.

Вместе с тем логика социально-экономического развития требует сбалансированного развития производственной, образовательной и институциональной сфер жизни. Здесь две проблемы: в каком направлении развиваться и кто за это развитие будет платить.

Действительно, сырьевой алгоритм развития экономики в известном смысле самодостаточен: проблемы с финансированием его технологической составляющей нет, потребность в квалифицированных кадрах, а следовательно, в затратах на образование невелика, «прогресс» в общественных институтах сводится к не самой простой, но достаточно узкой задаче – поддержанию общественно приемлемого баланса дележа природной ренты.

Алгоритм создания современной конкурентоспособной экономики существенно сложнее. Расчеты показывают: чтобы российской обрабатывающей промышленности только приблизиться к качественным параметрам, характерным для американской обрабатывающей промышленности, потребуется от 600 млрд. до 1 трлн. долл. А ведь обрабатывающая промышленность далеко не единственная сфера экономики, нуждающаяся в техническом перевооружении (в РФ обрабатывающие производства создают примерно 16% ВВП).

4. www.gks.ru

При таком сценарии совсем иные требования к квалификации рабочей силы, т.е. к образованию. Впрочем, проблема даже не в деньгах – под хороший проект деньги найдутся всегда, – а в том, что при существующих в России институтах даже очень хорошие по меркам нормальной экономики проекты оказываются недостаточно хороши, чтобы привлечь инвестора.

Российская институциональная система: В плену ресурсной ренты?

Классическое проявление проблемы «плохие институты versus хорошие проекты» – прибыль, все же генерируемая производственным сектором, очень неохотно превращается в капитал (инвестиции). Следствие – в лучшем случае стагнация первого из рассмотренных факторов развития общества и деградация второго (образования).

Корень проблемы – в неадекватной потребностям современного российского общества системе общественных институтов. Именно здесь сосредоточены основные резервы социально-экономического развития страны.

Рассматриваемая неадекватность – производная многих факторов. Один из важнейших связан с природными богатствами России, в первую очередь сибирскими. Здесь очень важно подчеркнуть: корень бед не в самих богатствах, а в социальной незрелости общества, распоряжающегося этими богатствами. Возможность (которая вовсе не является необходимостью) использовать природные ресурсы как финансовый компенсатор неумения и нежелания принимать решения, требующиеся для динамичного развития экономики, разрушает сами основы развития российского общества. Эрозия базовых факторов развития проявляется в быстром нарастании иждивенческих настроений. Зачем тратить деньги на науку, промышленность, образование? Никакого проку от этого все равно нет. Потребляем в основном импортные товары. А те отечественные, которые еще остались, – это перевод наших ресурсов, которые лучше продать за границу, на вырученные деньги купить то, что надо. Выйдет больше и дешевле. Когда мы будем делить наши деньги? – современная норма российского экономического сознания.

Справедливости ради следует отметить, что рассматриваемый императив общественного сознания появился не на пустом месте. Современная система российских институтов складывалась в весьма специфических исторических условиях. А, как утверждает теория qwerty-эффектов, однажды выбранную «ширину железнодорожного полотна», даже если в этом и возникает необходимость, поменять практически невозможно.

Действительно, после распада Советского Союза, отказа от плановой системы, т.е. разрушения комплекса институтов, действовавшего в течение длительного времени, новые институты создавались под задачу скрепить,

стабилизировать распадающийся постсоветский социум. Нельзя не признать, что главная задача того периода – консолидация постсоветского общества – была выполнена. А для решения другой задачи – развития – в значительной степени стихийно формирующаяся институциональная система и не предусматривалась. Соответственно, не была заложена и основа для институтов развития.

Отметим, что в период создания нового российского государства мировые цены на природные ресурсы были низки. Поэтому формировать новую институциональную систему пришлось без финансовой подушки. Сейчас уже бесполезно гадать, продержись низкая сырьевая конъюнктура еще несколько лет, удалось бы российскому обществу пойти дальше – перенастроить формирующуюся систему институтов на развитие. Или, напротив, общество не вынесло бы шока и пошло бы по пути социальной деградации, деиндустриализации, что и наблюдается на части постсоветского пространства. Зато известно, что повышение мировых цен на сибирские энергоресурсы устранило внешние стимулы адаптации институциональной системы к новым реалиям, а внутренние оказались для решения этой задачи слишком слабыми. Действительно, если сибирские рентные поступления систематически компенсируют доходы, выпадающие из-за деградации отечественной производственной системы, зачем напрягаться?

Российские институты оказались в ловушке высокой сырьевой конъюнктуры. Есть ли выход из этой ловушки, и если «да», то в чем он заключается?

Выход из «ресурсного плена»

Из теории управления известно: практически любая проблема имеет решение при одновременном наличии трех факторов: воли, идеи и денег. Другими словами, если выявить конституирующий элемент, воздействие на который перенастраивает в требуемом направлении всю систему, а также иметь политическую волю и финансовые ресурсы на осуществление этих преобразований, проблема перенастройки институциональной системы решаема.

Представляется, что таким элементом может стать введение оценки деятельности государственных органов по достигнутым результатам. Идея неоригинальна. Более того, она уже реализуется, правда, пока в «выхолощенном» виде. Ю. Лужков (признанный эксперт в области бюрократического управления) формулировал стандартный ответ на подобные вызовы бюрократическим системам следующим образом: «глобализировать проблему и тем ее угробить – первая и, главное, почти бессознательная реакция российского человека. Все “за”, и дело умирает само собой» (6). Конечно, если список отчетных показателей выходит за сотню, при этом часть из них внутренне противоречива, выполнить их все равно невозможно. А раз размыто,

сформулированные цели невозможно достичь, значит, нельзя и спрашивать (наказывать) за их недостижение.

Ситуация резко меняется, если рассматриваемые показатели формулируются в терминах решения крупной социально-экономической задачи, где особенно важны рост регионального ВВП, рост доходной части бюджета, количество введенных квадратных метров жилой площади, уровень безработицы, место региона в рейтинге инвестиционной привлекательности и т.п. Специфика агрегированных показателей в том, что их невозможно достичь при реализации стратегии «приватизации властных функций». Нельзя одновременно беззастенчиво грабить бизнес и добиваться роста регионального валового продукта и доходной части бюджета. Нельзя в сколько-нибудь значимых масштабах «приватизировать» выдачу разрешений на строительство и увеличивать ввод жилья. Нельзя подминать под себя малый бизнес и решать проблему занятости.

Зато можно, точнее нельзя не делать следующего:

- *снизить барьеры входа на рынок через облегчение бизнесу доступа к капиталу*. В частности, использовать сырьевую ренту для финансирования собственной, а не чужой экономики. Уменьшить давление на бизнес (ограничить контакты власти с бизнесом через жесткую регламентацию режима проверок, лицензирования бизнеса и т.п.);
- *обеспечить конкуренцию на рынке и не допускать возникновения монополий;*
- *законодательно (формально) и, главное, фактически защитить права собственности.* В настоящее время собственник не верит, что его права эффективно защищены, поэтому избегает браться за серьезные инвестиционные проекты;
- *улучшить налоговую систему* – современная налоговая система подавляет производство инновационной продукции с высокой добавленной стоимостью (в первую очередь через НДС) и поощряет сырьевой формат развития экономики (2, с. 17–33).

Рассмотренный подход будет способствовать улучшению инвестиционного климата, что позволит решить одну из центральных проблем в современной России – превратить получаемую российским бизнесом прибыль в продуктивный капитал, а не использовать ее на потребление и не прятать в офшорах.

Наконец, необходимо отказаться от пораженческой стратегии «инвестиции нефтяных денег в российскую экономику – деньги на ветер». Расчеты показывают, что РФ в чужие экономики вложила столько же средств (через аккумулирование иностранной валюты в различных государственных фондах), сколько в собственную добывающую и обрабатывающую промышленность за последние семь лет. Но кормит нас не чужая, а своя экономика!

Необходимо создать условия, когда страны, неспособные использовать свою природную ренту как капитал (как сейчас Россия), будут вынуждены поднимать российскую экономику. Действительно, существует практически неограниченный мировой рынок капитала, открытый для стран с адекватной современным требованиям институциональной системой. Этот рынок, собственно, и существует потому, что в некоторых экономиках одновременно выполняется условие «двойной эффективности»: эффективны инвестиции (с точки зрения соотношения затрат и результатов) и эффективно защищены права собственности на эти инвестиции. В других экономиках выполняется либо одно из этих условий, либо ни одного. Понятно, между этими двумя полюсами неизбежно возникает разность потенциалов: деньги из одних экономик устойчиво и систематически утекают в другие. Только так собственники могут, как минимум, их сохранить и, как максимум, приумножить (1, с. 18–27).

Привлекать в национальную экономику иностранный капитал или нет – вопрос, по которому мнения традиционно расходятся. С одной стороны, это возможность быстрого развития в условиях нехватки национального капитала и своевременного входа в те рыночные ниши, в том числе и на мировом рынке, в которые со временем войти будет либо трудно, либо просто невозможно. Это новые рабочие места, налоговая база, решение социальных задач. С другой – это угроза: чем меньше вы контролируете ситуацию, тем больше риск превратиться в прислугу в собственном доме.

Массовый приход иностранного капитала – это признание мировым сообществом адекватности проводимой экономической политики: иностранного инвестора не привлекают бесперспективные экономики. Уровень активности зарубежных инвесторов в технически сложных отраслях российской экономики вообще можно рассматривать как индикатор адекватности / неадекватности действующих здесь институтов потребностям создания инновационной экономики. Если активность растет – институциональная система трансформируется в правильном направлении; снижается – значит, создание инновационной экономики вновь отодвигается на неопределенный срок.

Привлечение иностранного капитала – это возможность сравнительно быстро, качественно и без социального напряжения (неизбежного при силовом повышении нормы накопления) восстановить отечественную обрабатывающую промышленность, довести ее до приемлемых по современным меркам стандартов качества и конкурентоспособности. Страх, что значимые активы окажутся в руках чужих собственников в современных реалиях, не более чем фобия людей, почему-то считающих, что лучше остаться вовсе без промышленности, чем использовать для ее подъема иностранный капитал. При этом исторический опыт советской индустриализации свидетельствует, что если кому и следует опасаться перехвата собственности, так это

иностранному инвестору (7). Когда же на основе воссозданной промышленности появятся сильные финансово-промышленные группы, проблема собственности в значительной степени решится сама собой, как она уже решается в добывающей промышленности: «чужие здесь не ходят».

Гипотетическая проблема чрезмерного контроля национальной экономики иностранным капиталом легко решается, когда у вас сильная экономика, и совсем не решается, когда экономика слабая. Вместо того чтобы обличать и предрекать «неизбежную» гибель американской экономики (любимое занятие советских, а потом и многих российских экономистов на протяжении почти ста последних лет), лучше заставить работать на отечественную экономику те факторы, которые сделали американскую экономику сильнейшей в мире и продолжают работать в этом направлении.

* * *

Рассмотренный подход позволяет через институциональную реформу запустить процесс генерации финансовых потоков, которые, будучи направлены в сферу производства и образование, создадут устойчивую положительную связь: адекватные современному уровню развития общества институты – устойчивое развитие сферы производства товаров и услуг. Именно это и необходимо для динамичного развития российского общества, создания инновационной экономики. Природные же ресурсы должны быть использованы как стартовый капитал, который позволит запустить модернизацию российской экономики на новом уровне институционального развития.

Все, что требуется для реализации рассмотренного подхода – политическая воля; даже не деньги. Сумеем перенастроить институциональную систему – природные ресурсы страны будут работать на формирование современной инновационной конкурентоспособной экономики. Нет – еще несколько десятилетий поговорим про «ресурсное проклятие», а за это время постепенно в российской экономике появятся внешние по отношению к нам силы, которые сумеют решить проблему этого «проклятия», но уже без нашего участия.

Литература

1. Алексеев А. Деньги уходят и не обещают вернуться // Вестник Института Кеннана в России. – 2009. – Вып. 15. – С. 18–27.

2. Алексеев А.В. Налоги, которые мы (нас?) выбирают // ЭКО. – 2008. – № 8. – С. 17–33.

3. Алексеев А.В. Российский производственный потенциал по гамбургскому счету // ЭКО. – 2010. – № 8. – С. 65–74.

4. Алексеев А.В., Кузнецова Н.Н. Российский производственный аппарат: вчера по три, но очень большой, а сегодня по пять, но маленький? // ЭКО. – 2010. – № 3. – С. 15–36.

5. Григорьев Л., Крюков В. Мировая энергетика на перекрестке дорог: Какой путь выбрать России? // Вопросы экономики. – М., 2009. – № 12. – С. 22–37.

6. Лужков Ю. Российские «Законы Паркинсона» [http://www.luzhkov.ru/print.htm].

7. Рубченко М. Ура, у них депрессия! // Эксперт. – 2009. – 28 декабря. – № 1 (687) [http://www.expert.ru/printissues/expert/2010/01/ura_u_nih_depressiya/].

8. BEA. National Economic Accounts. Current-Cost Net Stóck of Private Fixed Assets by Industry. Table 3.1ES.

9. BEA. National Economic Accounts. Fixed Asset Table. 2009. Table 3.9E.

Ю.А. Гаврилов, А.Г. Шевченко

ДИНАМИКА ЭТНОРЕЛИГИОЗНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РФ (по материалам переписей)

Гаврилов Юрий Андреевич – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

Шевченко Александр Георгиевич – старший научный сотрудник Института социологии РАН.

Этнорелигиозная статистика: Задачи и проблемы исследования

Исследование этнорелигиозных отношений в современной России предполагает наличие надежной и достоверной фактографической базы, сформированной в результате анализа статистических данных. Только опираясь на такую базу, представляется возможным адекватно выявить реальную картину того, в какой мере тенденции и закономерности взаимодействия между этнорелигиозными общностями, сложившиеся в процессе исторического формирования российской цивилизации, находят свое проявление на современном этапе ее развития.

Поэтому в первую очередь возникает настоятельная необходимость проанализировать численный состав и количественные параметры этнорелигиозных общностей современного российского суперэтноса, их сравнительную динамику и процентное соотношение, для чего следует обратиться к результатам последних переписей населения РФ. В связи с тем, что материалы переписи 2010 г. находятся в стадии обработки и их публикация еще впереди, мы завершим наш анализ переписью 2002 г. В дальнейшем предполагается проанализировать результаты последней переписи для того, чтобы сопоставить их данные с выводами настоящей статьи.

Первая постсоветская перепись 2002 г. выявила в составе нынешнего населения РФ более 180 этнических единиц самого разнообразного уровня (этносов, субэтнических, этнографических, этноконфессиональных групп), тогда как предыдущая перепись 1989 г. зафиксировала лишь около 130 этнических единиц. Налицо рост этнического разнообразия российского населения, происходящий как за счет появления новых этнических групп, так и в связи с изменением этнической самоидентификации у многих жителей страны.

Несмотря на отмену в российском паспорте нового образца графы «национальность», жители РФ не стремятся рассматривать себя как вненациональную (термин «национальное» в данном случае используется как тождественный понятию «этническое») общность «россиян». Этническая идентичность по-прежнему имеет в их жизни большое значение, причем религия в процессе сохранения этнической идентичности играет чрезвычайно важную роль, а в ряде случаев даже оказывается решающей.

Следует сразу отметить, что использование данных переписей населения в целях исследования современных этнорелигиозных отношений наталкивается на серьезные трудности. В отличие от первой Всероссийской переписи населения 1897 г., где именно религиозная принадлежность являлась одним из базовых параметров учета жителей Российской империи, тогда как собственно этнические характеристики играли подчиненную роль (задавался лишь вопрос о родном языке), советские переписи не касались религиозно-мировоззренческой ориентации опрашиваемых. Исключение составила лишь перепись 1937 г., но ее результаты до недавнего времени были строго засекречены.

В переписных листах первой постсоветской переписи населения РФ вопрос о религиозной принадлежности также отсутствовал. Вот почему делать выводы о количественных параметрах и динамике основных религиозных общностей современной России можно лишь на основе данных об этнической структуре ее населения, исходя из того значения, которое религиозная принадлежность имеет в ходе формирования и сохранения этнической идентичности. Религиозный комплекс выступает в качестве одного из базовых компонентов этногенеза, часто играя в нем первостепенную системообразующую роль.

Последнее не случайно. Как свидетельствует опыт этнической истории, в основе единства любого этноса помимо общности языка, территории и исторической судьбы всегда лежит определенная система ценностной регуляции, укорененная в соответствующей религиозной традиции. В этом плане акт «выбора веры» обретает характер одного из ключевых моментов этнической истории.

Разумеется, полного совпадения объема понятий этнического и религиозного не бывает. В составе русского, украинского и белорусского населения помимо религиозного большинства, принадлежащего к Русской православной церкви, имеются довольно многочисленные группы старообрядцев (до 2 млн.), тоже считающих себя православными, а также приверженцы различных протестантских конфессий (баптисты, адвентисты, пятидесятники) и старого русского сектантства (духоборы, молокане). Кроме того, известная часть верующих украинцев и белорусов придерживаются католицизма (4, с. 44). Среди осетин, этнически представляющих единый народ, выделяются две субэтнорелигиозные группы – иронцы, преимущественно православные, и дигорцы – мусульмане-сунниты (1, с. 65–69).

Таким образом, религиозную неоднородность ряда российских этносов, разумеется, следует учитывать. Тем не менее, хотя и с определенными поправками, вполне корректно говорить о доминирующей роли того или иного религиозного комплекса в жизни этноса. В данной связи, в частности, этнорелигиозная связка «русский – православный», равно как и «татарин – мусульманин», «бурят – буддист» или «еврей – иудей» есть не только обращенная в прошлое идентичность, но и конкретная реалия сегодняшнего дня (5, с. 527). Вследствие этого, рассматривая динамику этнической структуры российского населения на основе данных переписей, определяющих своего рода верхний предел численности этнорелигиозных общностей, можно сделать важные выводы и относительно изменения его религиозного состава (6, с. 11).

Здесь надо иметь в виду следующее обстоятельство. В процессе формирования «культурно-исторического типа» – локальной цивилизации, лежащий в ее основе религиозный комплекс может выступать как системообразующий элемент сразу нескольких, причем зачастую этнически неродственных народов, становясь своеобразной духовной основой суперэтнической религиозно-культурной общности. Так, в XIV–XX вв. на пространстве Северной Евразии, ставшей месторазвитием российской цивилизации, сложилась православно-христианская суперэтническая общность, ядром которой явился великорусский народ. Наряду с родственными восточнославянскими этносами украинцев и белорусов, эта общность объединила целый ряд автохтонных угрофинских, тюркских и других этносов, малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока, а также диаспоры народов ближнего и дальнего зарубежья, дисперсно проживающих на российской территории.

Одновременно можно говорить об аналогичном суперэтническом комплексе народов мусульманской культуры в составе автохтонных тюркских и северокавказских этносов и этнодисперсных диаспор выходцев из Средней Азии и Закавказья. Менее многочисленна, хотя и достаточно пред-

ставительна, буддийская культурно-историческая общность, состоящая из монгольских (буряты, калмыки) и тюркского (тувинцы) народов, а также восточноазиатских диаспор различного этнического происхождения.

Помимо них в современной России можно встретить многочисленные диаспоры народов, принадлежавших к другим аналогичным суперэтническим культурно-религиозным общностям: западнохристианской (немцы, поляки, финны, литовцы, латыши, эстонцы – исторически католики и протестанты) и монофизитско-несторианской (армяне, ассирийцы), а также приверженцев национальных и локальных религий (евреи, караимы).

В связи с вышеизложенным, говоря о динамике этнорелигиозного состава населения РФ, целесообразно проанализировать данные четырех переписей (1970, 1979, 1989 и 2002 гг.) под углом зрения изменения численности названных общностей, делая особый акцент на результатах первой постсоветской переписи 2002 г. Выбор этих переписей обусловлен прежде всего единой методикой их проведения, что облегчает сравнительный анализ данных. Кроме того, именно в 70-е годы берут свое начало многие современные этнодемографические процессы и тенденции, динамика которых была зафиксирована и отражена в соответствующих переписных документах.

Динамика численности этносов православно-христианской культуры

Анализ материалов переписей показывает, что в 1989–2002 гг. произошло резкое изменение динамики численности российского населения в сторону его уменьшения. Если в 1970–1979 и 1979–1989 гг. население России систематически возрастало (соответственно на 5,6 и 7,1%), то затем оно стало сокращаться, составив в 2002 г. 145 млн. 166,7 тыс. человек, что на 1,3% меньше, чем в 1989.

Вместе с тем рассмотрение динамики конкретных суперэтнических культурно-религиозных общностей дает неоднозначную картину. Так, прежде всего весьма отчетливо проявляется тенденция сокращения совокупной численности народов православно-христианской культуры, которая по данным предыдущих переписей имела устойчивую положительную динамику (возрастая на 5,3 и 6,2% соответственно). В 1989–2002 гг. она сократилась на 6 млн. 50,2 тыс. человек, или на 4,6%, составив 125 млн. 791,2 тыс. человек. Вследствие этого ее удельный вес, в течение предыдущих десятилетий оставшийся стабильным, снизился с 89,7 до 86,7%. Тем самым можно констатировать, что сокращение численности населения происходило главным образом за счет народов православно-христианского большинства.

Дополнительные грани динамики и структуры православно-христианской общности раскрывает ее анализ в этнолингвистическом и этнополитиче-

ском аспектах. В этнолингвистическом разрезе она включает в себя более 60 народов, принадлежащих к индоевропейской (95,7%), алтайской (4%), а также кавказской, северокавказской, уральской, чукотско-камчатской, эскимосско-алеутской и палеоазиатской (в совокупности 0,3%) языковым семьям.

Образующая абсолютное большинство православно-христианской общности индоевропейская семья включает в себя прежде всего народы славянской группы (99,3%) – русских, украинцев, белорусов, болгар, сербов, а также иранской (осетины), романской (молдаване, румыны) и греческой (греки) групп, в совокупности составляющих 0,7%. Можно, таким образом, говорить о мощном славянском ядре данной общности народов РФ, в составе которого абсолютно доминируют русские. В то же время, в сравнении с переписью 1989 г., наблюдается сокращение общей численности этого ядра на 5 млн. 793 тыс. человек, или на 4,6%. При этом русских стало меньше на 3,3%, украинцев – на 32,5, белорусов – на 33%.

Реально же сокращение численного состава русских было более значительным, поскольку уменьшение украинской и белорусской диаспор происходило в основном за счет их ассимиляции русским народом. При этом убыль русского населения России не смогла существенно восполнить даже его миграция из стран ближнего зарубежья, интенсивно протекавшая в течение всех 90-х годов. В состав славянского ядра православной этнорелигиозной общности входят также небольшие этнодисперсные группы болгар и сербов, причем численность последних между двумя переписями выросла более чем в 2,5 раза.

Одновременно у ряда других православных народов индоевропейской семьи отмечается численный рост, наиболее интенсивно протекавший у осетин (28%, хотя в данном случае следует иметь в виду присутствие в составе осетинского народа мусульманской группы). Заметной православной этнической единицей являются также молдаване вместе с этнически близкими к ним румынами (романская группа). Их количество, значительно выросшее в период 1970–1979 гг., затем практически стабилизировалось. Произошло также увеличение численности российских греков (на 6,8%).

Исторически исповедующие православие народы алтайской языковой семьи представлены этносами финно-угорской, тюркской и тунгусо-маньчжурской групп, причем более половины из них составляют народы финно-угорской группы (52,8%). Практически все они, включая и наиболее крупные, за период 1989–2002 гг. весьма заметно сократили свою численность: вепсов стало меньше на 32,2%, карелов – на 25,3, мордвы – на 21,4, коми-пермяков – на 15, коми – на 12,8, удмуртов – на 10,9, марийцев – на 6,1%.

При этом, за исключением мордвы и карелов, все названные этносы до 1989 г. имели устойчивую положительную динамику количественного роста.

Ряд финно-угорских этносов к 2002 г. увеличил свою численность: манси – на 39%, ханты – на 28,7, саамы – на 11,1%. Однако ввиду их крайне незначительного числа они не смогли переломить тенденцию общего снижения численности группы финно-угорских православных этносов, которая стала меньше на 14,1%.

Аналогичная тенденция наблюдалась среди православных народов тюркской группы (45,8% от православных народов алтайской языковой семьи), но здесь сокращение протекало менее значительными темпами: в сравнении с 1989 г. их стало меньше всего на 1,5%. Так, численный состав наиболее многочисленного народа чувашей уменьшился на 7,7%, шорцев – на 11,4, хакасов – на 3,7, алтайцев – на 3,2%.

Одновременно ряд других тюркских этносов заметно увеличил свою численность; среди них, в частности, такой крупный, как якуты (на 16,8%), а также гагаузы (на 20,8%) и долганы (на 10,6%). Особо следует выделить такой аспект, как расширение числа народов, учтенных первой постсоветской переписью: ряд этнических единиц, которые ранее рассматривались в качестве субэтнических и этнорелигиозных групп в составе более крупных этносов, теперь стали учитываться как самостоятельные этносы.

Прежде всего это относится к таким крупным православным тюркоязычным народам, как кряшены и нагайбаки. В качестве самостоятельных этносов они последний раз были учтены переписью населения 1926 г. – 101 тыс. кряшен и 11 тыс. нагайбаков. В дальнейшем, ввиду целенаправленного игнорирования в советские годы религиозного фактора этногенеза, их этническая самостоятельность не признавалась: кряшены и нагайбаки рассматривались в качестве этнорелигиозных групп татар Волго-Уральского региона. Тем не менее большинство представителей этих народов все это время устойчиво сохраняло развитое этническое самосознание, резко отделяя себя от татар-мусульман на основе своей приверженности православному христианству.

В 90-е годы на волне религиозного возрождения отмечалось усиление процесса их этнической самоидентификации, причем ученые-этнологи также считают тех и других самостоятельными народами. Первоначально, предусмотренное по рекомендации Института этнологии и антропологии РАН, выделение кряшен как самостоятельного народа в переписном списке не было осуществлено. Однако 24,7 тыс. человек все же назвали себя кряшенами.

По данным же полевых этнографических исследований кряшен в настоящее время насчитывается до 200 тыс. человек. Одновременно нагайбаками назвали себя 9,6 тыс. человек (1, с. 68, 331). Из других православных тюрок, учтенных в качестве самостоятельных этносов, можно назвать телеутов, теленгитов, чулымцев и сойотов, которых ранее включали при переписях в число алтайцев, хакасов и сибирских татар.

Народы тунгусо-маньчжурской группы составляют не более 1,4% всех православных народов алтайской семьи. Главным образом они представлены малочисленными этносами азиатской части РФ, которые между двумя последними переписями населения заметно увеличили свой количественный состав: эвенков стало больше на 18,7%, эвенов – на 11,7, нанайцев – на 1,6%. В результате общая совокупность православных тунгусо-маньчжурских народов выросла на 11,1%. Однако по причине своей малочисленности эти народы не смогли оказать заметного влияния на общую динамику сокращения российской православной этнорелигиозной общности.

Из других этнических единиц российской православно-христианской этнорелигиозной общности более всего заметны грузины (картвельская группа кавказской языковой семьи), численность которых постоянно росла стабильно высокими темпами: по сравнению с 1989 г. их стало больше на 51,4%, а с 1970 г. – более чем в 3 раза. На 58,3% увеличилось число абхазов (абхазо-адыгская группа северокавказской языковой семьи). На 18,5% стало больше народов самодийской группы уральской языковой семьи (ненцы, селькупы, нганасаны, энцы), на 14% – чукотско-камчатской (чукчи, коряки, ительмены, чуванцы, камчадалы). Отмечен также определенный рост численного состава малочисленных северных этносов эскимосско-алеутской (эскимосы, алеуты) и палеоазиатской (кеты) семей.

Таким образом, можно сделать вывод, что сокращение общей численности российской православно-христианской этнорелигиозной общности происходило в первую очередь за счет ее славянского, главным образом русского, ядра. Значительный рост ряда других православных народов не был способен изменить эту неблагоприятную тенденцию ввиду незначительности их удельного веса во всей православно-христианской общности.

Динамика численности неправославных христианских этносов

Что касается динамики численности народов неправославных христианских общностей, для которых характерно дисперсное расселение на территории РФ, то у восточнохристианских и западнохристианских народов наблюдались прямо противоположные тенденции. Их общий численный рост к 2002 г. (на 16,1% по отношению к 1989 г. и на 42,2% – к 1970, в результате чего их доля в составе российского населения возросла с 0,4 до 0,8%) обеспечило увеличение численности народов, исторически принадлежащих к древним восточным (дохалкидонским) церквам.

Прежде всего здесь следует указать на многократное увеличение армянской диаспоры (в 2,1 раза – к 1989 г. и в 3,8 раза – к 1970). Другие неправославные восточнохристианские этносы в нашей стране немногочисленны, но

и их число между двумя последними переписями населения заметно возросло: ассирийцев стало больше на 42,7%, удинов – в 3,4 раза.

В то же время количественный состав западнохристианских (католических и протестантских) народов, проживающих в современной России, в 1989–2002 гг. снизился на 28,5%. Главным образом, такая ситуация сложилась ввиду массового отъезда в Германию российских немцев, численность которых уменьшилась на 29,1%.

Представителей других западнохристианских этносов также стало значительно меньше. В данном случае сыграли свою роль как естественная ассимиляция, так и отъезд на историческую родину: поляков стало меньше на 22,8%, финнов – на 27,8, литовцев – на 35,2, латышей – на 39,1, эстонцев – на 39,4%. Другие западнохристианские народы, за исключением словаков и англичан, представлены в России крайне незначительными группами.

В целом же численность российских народов христианской культуры в 1989–2002 гг. сократилась на 4,3%. Тем самым можно говорить о наметившейся тенденции сокращения не только православно-христианской этнорелигиозной общности, но и всего христианского населения РФ. Рост численного состава отдельных православных (грузин, осетин, якутов, ряда народов Севера) и других восточнохристианских народов кардинально не меняет ситуации.

Динамика численности этносов мусульманской культуры

Для мусульманской этнорелигиозной общности, напротив, характерна ярко выраженная противоположная тенденция. Все переписи населения, начиная с 1970 г., систематически фиксировали довольно высокие и растущие темпы прироста численности народов мусульманской культуры: к 1979 г. – на 10,9%, к 1989 г. – на 17,3, к 2002 г. – на 21,5%. Соответственно их доля в общем количественном составе российского населения постоянно повышалась, достигнув к 2002 г. почти 10%.

Мусульманская этнорелигиозная общность представлена более 50 этносами, принадлежащими к тюркской группе алтайской языковой семьи (66,3%), нахско-дагестанской и абхазо-адыгской группам северокавказской семьи (32,5), иранской группе индоевропейской семьи (1,1) и западносемитской группе афразийской семьи (0,1%). Три этноса данной общности насчитывают свыше 1 млн. человек – это татары, башкиры и чеченцы. Наиболее многочисленным мусульманским народом РФ по-прежнему являются татары, доминирующие как в составе тюркской группы (58,2%), так и мусульманской общности в целом (38,4%).

Общая численность тюркских народов в 1989–2002 гг. выросла на 10%, а в сравнении с 1970 г. – на 36,1%. При этом численный рост татарского населения после 1989 г. был весьма незначителен, составив всего 0,6%. Казахи, которых в 1970–1989 гг. стало больше на 33,1%, ко времени следующей переписи увеличили свой численный состав лишь на 2,8%.

Сократилось число киргизов, туркмен, узбеков, каракалпаков и крымских татар. Одновременно наблюдались довольно высокие темпы прироста второго по величине мусульманского этноса – башкир (24,4%), а также ногайцев (22,3), карачаевцев (28,3), балкарцев (38,4), кумыков (52,4) и особенно – азербайджанцев (85,1%).

Гораздо более высокие темпы роста наблюдаются среди народов кавказской семьи, представленной нахско-дагестанской (84%) и абхазо-адыгской (16%) группами. Их общая численность в 1989–2002 гг. увеличилась на 50,5%, а в сравнении с 1970 г. – в 2,3 раза. При этом народов нахско-дагестанской группы стало больше на 56,2%.

Надо отметить, что за период между двумя последними переписями населения значительно численно возросли как крупные, так и малочисленные нахско-дагестанские этносы. Следует в первую очередь назвать чеченцев, которые, увеличив свой численный состав на 51,3%, вошли в число российских народов-миллионеров. Помимо них весьма значительно возросло количество ингушей (на 92%), лезгин (на 59,9), аварцев (на 49,7), лакцев (на 47,4), даргинцев (на 44,4) и табасаранов (на 40,8%). Из менее крупных этносов нахско-дагестанской группы наибольший прирост отмечен у агулов и цахуров (по 60%), а также у рутульцев (53,3%).

Количественный рост абхазо-адыгских народов в сравнении с нахско-дагестанскими был вдвое меньшим, но тоже довольно заметным: их стало больше на 26,6%. Так, на 34,7% возросло число кабардинцев, на 19,1 – черкесов, на 14,8 – абазинов, на 4,6% – адыгейцев.

Результатом такого опережающего роста северокавказских народов стало заметное увеличение их удельного веса в составе российской мусульманской этнорелигиозной общности – с 22,7 в 1970 г. до 32,5% в 2002 г. Соответственно доля тюркских народов в этой общности за тот же период снизилась с 77 до 66,3%.

Народы иной этнолингвистической принадлежности в составе российских мусульман пока составляют небольшую величину, хотя нельзя не отметить их стремительный рост, в сравнении с 1989 г. Так, численность этносов иранской группы индоевропейской семьи за период между двумя последними переписями повысилась в 2,4 раза, а по сравнению с 1970 г. – в 7 раз. Первостепенную роль в этом процессе сыграло трехкратное увеличение таджикской диаспоры.

Можно отметить также значительное возрастание проживающих в России этнодисперсных групп других иранских народов – афганцев (более чем в 10 раз), курдов (в 4,2 раза), персов (на 46,2%). В то же время численность живущих в Дагестане татов (единственные среди автохтонных российских народов мусульмане-шииты) за этот период времени сократилась более чем десятикратно. Из числа других мусульманских этносов в 4 раза увеличилось количество арабов, принадлежащих к западно-семитской группе афразийской языковой семьи.

В этнополитическом разрезе мусульманская этнорелигиозная общность современной России представлена как автохтонными народами РФ, так и народами республик бывшего СССР и стран дальнего зарубежья. Здесь надо отметить, что такое этнополитическое деление весьма условно, поскольку государственные границы далеко не всегда совпадают с этническими. Так, например, казахское население сопредельных с Казахстаном российских областей вполне допустимо считать автохтонным российским народом. То же самое можно сказать и об азербайджанцах Южного Дагестана или туркменах Ставропольского края, компактно проживающих в Туркменском районе. Тем не менее в качестве рабочего такое деление для данного статистического анализа в целом может быть принято.

Абсолютное большинство мусульманской этнорелигиозной общности РФ составляют автохтонные российские народы, численность которых в 1989–2002 гг. выросла на 20,3%, а в сравнении с 1970 г. – на 51,4%. В их составе можно выделить две региональные группы – народы Волго-Уральского и Сибирского регионов и народы Северного Кавказа.

Выше уже указывалось на высокие темпы роста численности народов северокавказской семьи, причем они характерны для всего мусульманского населения данного региона, в том числе северокавказских тюрок – кумыков, ногайцев, карачаевцев и балкарцев. В результате, если численность народов Волго-Уральского региона и Сибири выросла в 1989–2002 гг. на 5,4%, то народов Северного Кавказа – на 48,3%. Довольно значительный прирост здесь фиксировали и предыдущие переписи. Как следствие этого – в сравнении с 1970 г. удельный вес северокавказских народов в группе автохтонных российских этносов возрос с 29,4 до 43,1%, а доля волго-уральских и сибирских соответственно снизилась с 70,6 до 56,9%.

Прирост численности народов республик бывшего СССР был более высоким, чем в группе автохтонных российских этносов, составив 28,1% в сравнении с 1989 г. и 2,3 раза – с 1970. Причем самые высокие показатели были отмечены в период 1979–1989 гг., после чего они снизились почти вдвое. Наиболее значительно выросла численность таджиков и азербайджанцев. Все это привело к тому, что доля народов бывшего СССР в составе мусульманской этнорелигиозной общности с 1970 г. возросла с 7,5 до 11,1%,

тогда как процентный состав автохтонных российских народов снизился с 92,4 до 88,5%.

Мусульманские народы дальнего зарубежья составляют всего лишь 0,4% российского мусульманского населения. Однако, как уже было отмечено выше, последние переписи зафиксировали многократное увеличение ряда диаспор, ранее представленных в составе жителей России лишь небольшими этнодисперсными группами. В их числе – арабы, турки, персы и афганцы (пуштуны). Рост этот был вызван различными причинами, в частности, десятикратное увеличение афганской диаспоры объясняется политической эмиграцией, связанной с приходом к власти в Афганистане в 1994 г. радикального экстремистского движения «Талибан».

Динамика численности других нехристианских этносов

Для сравнения целесообразно привести данные динамики остальных нехристианских народов РФ. В частности, высокие темпы роста наблюдались среди российских буддийских и других восточноазиатских этносов. К 2002 г. численность данной этнорелигиозной общности возросла на 16% в сравнении с 1989 г. и на 42,3% – с 1970. При этом численный рост российских народов монгольской группы не был столь значительным: бурят стало больше на 6,7%, а калмыков – на 4,9%.

Вместе с тем количественный состав второго по величине буддийского народа России – тувинцев, относящихся к тюркской группе, увеличился на 18%. Еще более заметный рост отмечен в группе российских корейцев: их стало больше на 38,7%. Однако наибольшие темпы увеличения численности наблюдаются среди диаспор выходцев из стран Восточной Азии: например, число живущих в России китайцев возросло в 6,7 раз.

Из российских народов, исторически исповедующих национальные и локальные религии, традиционно называют евреев. Весьма значительное сокращение их численного состава в последние десятилетия отчасти связано с ассимиляцией, однако решающим фактором в период между двумя последними переписями стала массовая репатриация в Израиль. В результате восточноевропейских евреев, составляющих абсолютное большинство еврейского населения РФ, к 2002 г. в сравнении с 1989 г. стало меньше на 57,2%, а с 1970 г. – на 71%. Другие еврейские этнические группы и вовсе близки к полному исчезновению: число горских евреев уменьшилось в 3,3 раза, а бухарских и грузинских – более чем в 10 раз.

Основные выводы

Подводя итоги общего анализа данных этнорелигиозного состава, полученных в ходе последних переписей, можно сказать, что сокращение числен-

ности российского населения происходило главным образом за счет народов, входящих в состав православно-христианской этнорелигиозной общности. Причем в первую очередь речь идет о русском народе (великороссах), который выступает в качестве ядра не только этой общности, но и всей российской (евразийской) цивилизации.

Кроме того, произошло заметное сокращение численного состава украинцев и белорусов, а также целого ряда других народов православной культуры, исторически связавших свою судьбу с русским народом и воспринявших от него православное христианство – финно-угорских (мордва, марийцы, удмурты, коми, карелы) и тюркских (чуваши, алтайцы, хакасы).

Одновременно резко сократилась численность христиан, живущих на Западе, а еще более – евреев. Причем если для последних решающую роль сыграла эмиграция, то русское, как и православное население в целом, уменьшается главным образом вследствие высокой смертности и низкой рождаемости. Миграция русских и представителей ряда других православных народов (грузин, молдаван) из стран ближнего зарубежья не смогла переломить общую отрицательную тенденцию.

В тот же период за счет многократного роста армянской диаспоры значительно возросла численность неправославных восточнохристианских народов, доля которых в составе российского населения уже приближается к 1%. Однако и этот процесс в замедлении сокращения христианского большинства существенного значения не имел.

В отличие от православных, мусульманские народы постоянно наращивают свой количественный состав. В результате можно констатировать устойчивую тенденцию к изменению этнорелигиозной структуры населения РФ, связанную с заметным увеличением удельного веса мусульманской этнорелигиозной общности, что последовательно фиксировали все последние переписи.

При этом различные мусульманские этносы за указанный промежуток времени демонстрируют неодинаковые темпы положительной динамики своего численного роста, вследствие чего происходят серьезные перемены во внутренней структуре мусульманской этнорелигиозной составляющей российского населения. Так, опережающие темпы повышения численности демонстрируют северокавказские народы, особенно принадлежащие к нахско-дагестанской группе – чеченцы, ингуши, аварцы, даргинцы и лезгины. Одновременно число татар – самого многочисленного мусульманского народа нашей страны – выросло незначительно. При сохранении данной тенденции в ближайшем будущем возможно доминирование в составе мусульманского сообщества российского государства именно северокавказских мусульман.

Причину такого положения можно видеть в следующем. В отличие от народов православной культуры, религиозному устройству которых в совет-

ский период был нанесен невосполнимый ущерб, в жизни российских мусульман, несмотря на долгие годы атеистического диктата, религия продолжает играть весьма важную роль. Особенно показательны в этом плане мусульмане Северного Кавказа. Народам данного региона в гораздо большей мере удалось сохранить укорененный в мусульманских религиозных верованиях традиционный семейно-бытовой уклад, а также исламские бытовые традиции, способствующие большей продолжительности жизни, в частности отсутствие пьянства и почтительное отношение к старшим.

Отмеченную тенденцию к изменению этнорелигиозной структуры народонаселения России наиболее наглядно иллюстрирует сравнение показателей смертности и рождаемости в традиционно русских областях с преобладанием русского населения и мусульманских автономиях Северного Кавказа.

Для первых характерно многократное превышение смертности над рождаемостью. Так, в Брянской области в 2002 г. родились 10,9 тыс. человек, а умерли – 22,3 тыс.; в Смоленской – соответственно 8 и 20,7 тыс.; в Новгородской – 5,7 и 14 тыс.; в Псковской – 5,9 и 16,5 тыс., в Ивановской – 8,9 и 23 тыс., т.е. число умерших в 2–3 раза превосходит количество родившихся. В мусульманских же республиках можно наблюдать полностью противоположную картину: в Ингушетии на 7,1 тыс. родившихся приходилось 1,7 тыс. умерших, а в Дагестане на 37 тыс. родившихся – 14,3 тыс. умерших. Данные по этим республикам наиболее показательны, поскольку Ингушетия в настоящее время практически моноэтнична, а в Дагестане удельный вес русских составляет менее 9%.

Другим важнейшим фактором изменения этнорелигиозного баланса населения РФ в пользу мусульманских народов стал высокий уровень миграции. Основную часть миграционного прироста обеспечивают представители мусульманских народов из стран СНГ, особенно азербайджанцы и таджики, а в последние годы – и выходцы из государств дальнего зарубежья (арабы, турки, афганцы), причем присутствие последних в составе российского населения становится все более заметным.

Аналогичная тенденция, хотя и в несколько меньших масштабах, а также не столь заметная ввиду гораздо меньшей численности данных народов, прослеживается и в буддийско-восточноазиатской этнорелигиозной общности России. Причем здесь наибольший рост демонстрируют диаспоры представителей стран дальнего зарубежья, тогда как у автохтонных буддистов России – бурят и калмыков – темпы роста численности более умеренные. Миграция из государств Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона на официальном уровне пока сравнительно невелика. Однако, как было отмечено выше, по данным переписи 2002 г., корейская, китайская, вьетнамская и даже индийская этнодисперсные группы в составе российского населения многократно увеличились.

Если принять во внимание, с одной стороны, процесс сокращения населения азиатской части РФ за счет русских жителей при одновременном росте численности коренных буддийских этносов Сибири, а с другой – колоссальное демографическое давление соседних государств Азиатско-Тихоокеанского региона (например, население одной приграничной китайской провинции Хэйлунцзян, причем далеко не самой многолюдной, превышает 100 млн. человек, тогда как всего Дальневосточного федерального округа – лишь 6,7 млн.), то легко спрогнозировать, что уже в ближайшие десятилетия в этнорелигиозной структуре населения к востоку от Урала все более заметную роль будет играть буддийско-восточноазиатский компонент.

Таким образом, можно говорить о частичном замещении православного российского населения носителями иных религиозно-культурных традиций. Как указывал в связи с этим А. Солженицын, «при нынешнем вымирании русского народа, конечно, есть перспектива замены русской культуры на пространстве России другими религиями и культурами (в том числе китайской). Это горький для нас процесс, но он совершается» (7). При неблагоприятном развитии событий все это может создать реальные предпосылки для выпадения тех или иных регионов РФ из единого российского цивилизационного поля, а в конечном итоге и привести к сужению территории российского государства до границ Московской Руси XIV–XVI вв.

Тенденции изменения этнорелигиозной структуры населения России, зафиксированные последними переписями, ставят задачи гармонизации межэтнических и межрелигиозных отношений, в числе которых можно выделить следующие:

1. Предотвращение разрушения русского православного ядра многонационального российского народа посредством исправления этнодемографической ситуации в регионах, составляющих центр исторической России.

2. Укрепление позиций традиционного российского ислама, имеющего многовековой исторический опыт мирного сосуществования с православным большинством в составе одного государства.

3. Формирование толерантных добрососедских отношений между этническими и религиозными сообществами во имя решения общих задач, стоящих перед российским обществом и государством.

4. Упорядочение миграционных потоков из стран СНГ и дальнего зарубежья, радикально меняющих этнорелигиозный баланс в ряде регионов РФ.

Литература

1. Вера. Этнос. Нация: Религиозный компонент этнического сознания. – М.: Культурная революция, 2007.

2. Логинов А.В. Власть и вера: Государственные и религиозные институты в истории и современности. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2005.

3. Очерки истории распространения исламской цивилизации. Том 1. – М.: РОССПЭН, 2002.
4. Религии народов современной России: Словарь. 2-е изд. – М.: Республика, 2002.
5. Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь. – М.: Республика, 2001.
6. Силантьев Р.А. Ислам в современной России: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2008.
7. Солженицын А.И. Сбережение народа – высшая изо всех государственных задач // Московские новости. – М., 2006. – 28 апр. – 4 мая.
8. Тростников В.Н. Православная цивилизация: Исторические корни и отличительные черты. – М., 2004.
9. Тростников В.Н. Русские – кто мы? // Десятина. – М., 2000. – № 16.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ЭТНОСОВ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (тыс. чел.)

	1970	*1979*	*1989*	*2002*
1	2	3	4	5
Все население	**130 079,2**	**137 409,9**	**147 021,9**	**145 166,7**
Русские	107 747,6	113 521,9	119 865,9	115 889,1
Украинцы	3345,9	3657,9	4362,9	2943,0
Чуваши	1637,0	1689,8	1773,6	1637,1
Мордва	1177,5	1111,1	1072,9	843,4
Белорусы	964,1	1051,9	1206,2	808,0
Удмурты	678,4	685,7	714,8	636,9
Марийцы	581,1	599,6	643,7	604,3
Осетины	313,5	352,1	402,3	514,9
Якуты	295,2	326,5	380,2	443,9
Коми	315,3	320,1	336,3	293,4
Грузины	69,0	89,4	130,1	197,9
Молдаване	87,5	102,1	172,7	172,3
Коми-пермяки	150,2	146,0	147,3	125,2
Греки	57,8	69,8	91,7	97,9
Карелы	141,1	133,2	124,9	93,3
Хакасы	65,4	69,2	78,5	75,6
Алтайцы	54,6	58,9	69,4	67,2
Болгары	27,3	24,9	32,8	32,0
Кряшены	–	–	–	24,7
Шорцы	15,9	15,3	15,8	14,0
Гагаузы	3,7	4,2	10,1	12,2
Абхазы	2,4	4,1	7,2	11,4
Нагайбаки	–	–	–	9,6
Вепсы	8,1	7,6	12,1	8,2
Румыны	4,1	3,8	6,0	5,3
Сербы	1,4	0,8	1,6	4,2
Бесермяне	–	–	–	3,1
Ижорцы	0,6	0,4	0,4	0,3
Сету	–	–	–	0,2
Водь	–	–	–	0,1
Русины	–	–	–	0,1
Народы Севера в том числе:	151,5	155,6	181,4	222,4
Ненцы	28,5	29,5	34,2	41,3
Эвенки	25,1	27,0	29,9	35,5
Ханты	21,0	20,7	22,3	28,7
Эвены	11,8	12,5	17,1	19,1
Чукчи	13,5	13,9	15,1	15,8
Нанайцы	9,9	10,4	11,9	12,1
Манси	7,6	7,4	8,2	11,4

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5
Коряки	7,4	7,6	8,9	8,7
Долганы	4,7	4,9	6,6	7,3
Нивхи	4,4	4,4	4,6	5,2
Селькупы	4,3	3,5	3,6	4,3
Ительмены	1,3	1,3	2,4	3,8
Кумандинцы	–	–	–	3,1
Ульчи	2,4	2,5	3,2	2,9
Телеуты	–	–	–	2,7
Теленгиты	–	–	–	2,4
Камчадалы	–	–	–	2,3
Саамы	1,8	1,8	1,8	2,0
Эскимосы	1,3	1,5	1,7	1,8
Удэгейцы	1,4	1,4	1,9	1,7
Кеты	1,2	1,1	1,1	1,5
Юкагиры	0,6	0,8	1,1	1,5
Чуванцы	–	–	1,4	1,1
Челканцы	–	–	–	0,9
Нганасаны	0,8	0,8	1,3	0,8
Тофалары	0,6	0,6	0,7	0,8
Орочи	1,0	1,0	0,8	0,7
Чулымцы	–	–	–	0,7
Негидальцы	0,5	0,5	0,6	0,6
Алеуты	0,4	0,5	0,6	0,6
Ороки	–	–	0,2	0,3
Энцы	–	–	0,2	0,2
Всего	**117 896,2**	**124 201,6**	**131 841,4**	**125 791,2**

Таблица 2

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ЭТНОСОВ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (тыс. чел.) (ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

	1970	*1979*	*1989*	*2002*
1	2	3	4	5
Всего:	**117 896,2**	**124 201,6**	**131 841,4**	**125 791,2**
Индоевропейская семья В том числе:	112 549,2	124 201,6	126 142,1	120 466,8
Славянская группа	112 086,3	118 257,1	125 469,4	119 686,4
Иранская группа	313,5	352,1	402,3	514,9
Романская группа	91,6	105,9	178,7	177,6
Греческая группа	57,8	69,8	91,7	97,9

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5
Алтайская семья: В том числе:	5211,9	5258,3	5485,2	5022,2
Финно-угорская группа	3082,7	3033,6	3084,7	2650,5
Тунгусо-маньчжурская группа	52,1	55,3	65,6	72,9
Уральская семья: самодийская группа	33,6	33,8	39,3	46,6
Кавказская семья: картвельская группа	69,0	89,4	130,7	197,9
Северокавказская семья: абхазо-адыгская группа	2,4	4,1	7,2	11,4
Чукотско-камчатская семья	22,2	22,8	27,8	31,7
Эскимосско-алеутская семья	1,7	2,0	2,3	2,4
Палеоазиатская семья	1,2	1,1	1,1	1,5
Прочие	5,0	5,2	5,7	10,7

Таблица 3

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НЕПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАНСКИХ ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩНОСТЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (тыс. чел.)

	1970	*1979*	*1989*	*2002*
Всего	**1392,2**	**1521,5**	**1705,0**	**1979,5**
Восточнохристианские народы В том числе:	**304,9**	**373,5**	**543,1**	**1147,9**
Армяне	298,7	364,6	532,4	1130,5
Ассирийцы	8,1	8,7	9,6	13,7
Удины	0,1	0,2	1,1	3,7
Западнохристианские народы В том числе:	**1087,3**	**1148,0**	**1161,9**	**831,6**
Немцы	761,9	790,8	842,3	597,2
Поляки	107,1	99,8	94,6	73,0
Литовцы	76,7	66,8	70,4	45,6
Финны	62,3	55,7	47,1	34,0
Латыши	59,7	67,3	46,8	28,5
Эстонцы	63,0	55,5	46,4	28,1
Англичане	0,5	0,1	0,2	10,6
Словаки	0,8	0,4	0,7	4,2
Венгры	6,7	4,3	5,7	3,8
Чехи	6,1	4,5	4,4	2,9
Испанцы	2,6	2,0	2,1	1,5
Итальянцы	0,9	0,4	0,6	0,9
Французы	1,3	0,3	0,4	0,8
Американцы	0,8	0,1	0,2	0,5

Таблица 4

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ЭТНОСОВ МУСУЛЬМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (тыс. чел.)

	1970	*1979*	*1989*	*2002*
1	2	3	4	5
Татары	4755,1	5005,8	5522,1	5554,6
Башкиры	1180,9	1290,9	1345,3	1673,4
Чеченцы	572,2	712,1	899,1	1360,3
Аварцы	361,6	438,3	544,0	814,5
Казахи	477,8	518,1	635,9	654,0
Азербайджанцы	95,7	152,4	335,9	621,8
Кабардинцы	277,4	318,8	386,1	520,0
Даргинцы	224,2	280,4	353,3	510,2
Кумыки	186,7	225,8	277,2	422,4
Ингуши	137,4	166,0	215,1	413,0
Лезгины	170,5	202,9	257,3	411,5
Карачаевцы	106,8	125,8	150,3	192,8
Лакцы	78,6	91,4	106,2	156,5
Табасараны	54,1	73,4	93,6	131,8
Адыгейцы	98,5	107,2	122,9	128,5
Узбеки	61,6	72,4	126,9	122,9
Таджики	14,1	17,9	38,2	120,1
Балкарцы	53,0	61,8	78,3	108,4
Ногайцы	51,2	58,6	73,7	90,1
Черкесы	38,4	44,6	50,8	60,5
Киргизы	9,1	15,0	41,7	38,1
Абазины	24,9	28,8	33,0	37,9
Туркмены	20,0	22,9	39,7	33,1
Рутульцы	11,9	14,8	19,5	29,9
Агулы	8,8	11,8	17,7	28,3
Андийцы	–	–	–	21,8
Курды	1,0	1,6	4,7	19,6
Дидойцы	–	–	–	15,3
Арабы	2,6	2,3	2,7	10,6
Цахуры	4,7	4,8	6,5	10,4
Афганцы	0,6	0,2	0,9	9,8
Татары сибирские	–	–	–	9,6
Турки	1,6	3,6	9,9	9,2
Ахвахцы	–	–	–	6,4
Бежтинцы	–	–	–	6,2
Каратинцы	–	–	–	6,1
Народы Индии и Пакистана	1,4	0,2	0,5	5,0
Татары крымские	2,9	5,2	21,3	4,1
Персы	2,5	1,7	2,6	3,8
Турки-месхетинцы	–	–	–	3,3
Шапсуги	–	–	–	3,3
Уйгуры	1,5	1,7	2,6	2,9
Талыши	–	–	0,2	2,5

Продолжение табл. 4

1	2	3	4	5
Таты	8,8	12,7	19,4	2,3
Татары астраханские	–	–	–	2,0
Каракалпаки	2,3	1,7	6,2	1,6
Хемшилы	–	–	–	1,5
Гунзибцы	–	–	–	1,0
Дунгане	0,3	1,2	0,6	0,8
Багулалы	–	–	–	0,1
Хваршины	–	–	–	0,1
Белуджи	0,1	0,1	0,3	–
Всего	**9101,0**	**10 094,9**	**11 842,7**	**14 387,6**

Таблица 5

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ДРУГИХ НЕХРИСТИАНСКИХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (тыс. чел.)

	1970	*1979*	*1989*	*2002*
Буддийские и другие восточноазиатские народы В том числе:	**697,4**	**761,2**	**904,4**	**1049,3**
Буряты	312,8	349,8	417,4	445,2
Тувинцы	139,0	165,4	206,2	243,4
Калмыки	131,3	140,1	165,8	174,0
Корейцы	101,4	97,7	107,1	148,6
Китайцы	8,0	5,7	5,2	34,6
Монголы	3,8	1,8	2,1	2,7
Японцы	1,1	0,7	0,6	0,8
Иудейские народы В том числе:	**809,1**	**701,5**	**551,7**	**234,1**
Евреи восточноевропейские	791,9	692,3	536,8	229,9
Евреи горские	15,4	6,5	11,3	3,4
Караимы	1,2	0,9	0,7	0,4
Крымчаки	0,4	1,4	0,3	0,2
Евреи грузинские	0,1	0,1	1,2	0,1
Евреи среднеазиатские	0,1	0,3	1,4	0,1

Г. Шрёдер

ГЕРМАНИЯ, ЕВРОПА И РОССИЯ – ПАРТНЕРСТВО НА ПУТИ К МИРУ И БЕЗОПАСНОСТИ

Герхард Шрёдер – канцлер ФРГ в 1998–2005 гг.

Прошедшие столетия являются свидетелями периодов хороших, плохих и очень плохих германо-российских отношений. Во времена плохих отношений между обоими этими государствами, судьба мира на всем европейском континенте, как правило, находилась под угрозой. Этот опыт является исходной точкой парадигмы германской внешней политики, которая гласит: стабильность в Европе возможна только в рамках дружественных отношений с Россией.

Этому учит нас и опыт Второй мировой войны. В те годы молодые люди России и Германии противостояли друг другу в опустошительной войне, развязанной гитлеровской Германией. Цель гитлеровской Германии была очевидна: в то время Советский Союз был не только жертвой агрессивного нападения; он был жертвой войны на уничтожение его государственности и общества. Около 27 млн. человек – граждан Советского Союза поплатились своей жизнью. Только блокада Ленинграда, сегодняшнего Санкт-Петербурга, стоила жизни 800 тыс. или около 1 млн. жизней людей, умерших от голода по приказу из Берлина.

Ввиду ужасающего по своим масштабам террора, который гитлеровские армии обрушили на народы Советского Союза в то время, я не перестаю удивляться проявлениям дружбы и прежде всего доверия по отношению к нам, немцам. Эти проявления служат одной цели: примирению с Германией. Я с особой силой почувствовал это, когда Владимир Путин, в то время президент России, пригласил меня в Москву по случаю 60-летия окончания войны. В качестве Федерального канцлера я принимал участие в торжествах по случаю освобождения Европы от национал-социалистской диктатуры. Я находился в первом ряду среди представителей держав-победительниц. Таким образом, идея примирения получила свое наглядное выражение. И я рад, что

президент Медведев повторил этот жест дружбы в отношении Федерального канцлера госпожи Меркель.

Это огромное благо, что мы можем сегодня жить в условиях мира. Но осознавать мир как дар недостаточно. Память об окончании войны ставит перед нами, немцами, задачу, более того, обязывает нас выступать за как можно более тесные отношения между Европейским союзом и Россией.

Перед лицом совместной истории я считаю примирение с Польшей и Россией почти чудом. Это примирение является огромным достоянием, которое мы обязаны хранить и лелеять. И я всегда буду вносить в это дело свой личный вклад. Речь идет, в частности, о памятном мероприятии Народного союза Германии по уходу за военными захоронениями на солдатском кладбище Сологубовка под Санкт-Петербургом. Молодые люди России и Германии совместно трудятся там уже десять лет над обустройством военного кладбища, где похоронены останки немецких солдат, павших в районе Санкт-Петербурга. То, что этим занимаются молодые люди обеих наших стран, вызывает чувство гордости. И это показывает, что, несмотря на известную риторику и идеологию, общественная база для сотрудничества очень широка.

Несколько дней назад в Германии были опубликованы результаты опроса, согласно которым 93% немцев не испытывают страха перед Россией. И когда российских граждан спрашивают: «Кого вы считаете друзьями России?», то следом за белорусами они первыми называют нас, немцев. А ведь это несмотря на политую кровью совместную историю. Мы обязаны дорожить этим доверием. Поэтому мой предшественник на посту Федерального канцлера Гельмут Коль и я всегда придавали отношениям с Россией особое значение. Мы также делали акцент на хороших личных отношениях с президентами России. Как однажды сказал премьер-министр Люксембурга Юнкер: «Это долг канцлера Германии». По моим впечатлениям, данная традиция в настоящее время продолжается, хотя стиль личного общения изменился.

В прошедшие годы в отношениях Евросоюза и России, а также Германии и России нередко возникало раздражение. Дебаты, с одной стороны, были правильными и необходимыми. Но, с другой стороны, на них налагали существенный отпечаток недоразумения, антирусские настроения и предрассудки. Антипатия к русским, к сожалению, имеет в Германии традицию. В XIX в. для немецкого рабочего движения было характерно категорическое неприятие царской империи. И это понятно, потому что по сравнению с диктаторской царской империей авторитарная кайзеровская империя в Германии казалась прямо-таки правовым государством. В лоне национал-социализма зародилась затем бредовая идея о «еврейско-большевистском мировом заговоре», которая воплотилась впоследствии в бессмысленной массовой резне. В Западной Германии в период «холодной войны» заявил о себе антикоммунизм. Нам до сих пор не удается искоренить эти глубоко засевшие рефлексы.

Но нам придется их преодолеть не только в Германии, но и в целом в Европе, если мы хотим иметь с Россией уважительные и доверительные отношения. Речь идет также и о справедливом отношении к России. Критика всегда должна учитывать конкретные условия, и Запад не должен применять в оценке России различные стандарты. Ведь кое-кто склонен прощать одному государству как извинительный грех то, за что другое государство подвергается жесткой критике. Тот, кто хочет справедливо судить о России, должен сначала обратить свой взгляд на ее историю. У этой страны не было никаких демократических традиций. После столетий царского господства, более того, тирании, в 1917 г. несколько месяцев просуществовало буржуазное правительство. После этого начался 75-летний период коммунистической диктатуры, под гнетом которой после Второй мировой войны страдала вся Восточная Европа, а также Восточная Германия.

Время после падения железного занавеса в 90-е годы прошлого столетия иногда все еще восхваляется в западных средствах массовой информации. Но при ближайшем рассмотрении очевидно, что опасные экономические процессы в стране сопровождались распадом государственности. Такое положение вещей достигло своей кульминации затем во время финансового кризиса 1998 г., который чуть было не вылился в мировой экономический кризис. Процесс перехода страны с почти 150-миллионным населением от плановой к рыночной экономике не имеет аналогов в мировой истории. Насколько невероятно трудна и долговременна эта задача, для решения которой требуется в буквальном смысле перелицовывать страну, показывает пример развития Восточной Германии после конца ГДР. И это, несмотря на массированные вливания из Западной Германии, которыми не располагала Россия. Переход от командной экономики к свободному, демократическому, рыночному обществу требует времени, баланса разорванных культурных и общественных традиций.

Необходимо учитывать еще и то, что нам показывает процесс объединения Германии: перемены такого масштаба связаны с ломкой личных судеб людей. Насколько велик психологический груз, который несут с собой общественные перемены такого лавинообразного характера? Оказалось, что люди меняются не так быстро, как политические условия. Для этого необходимы терпение и уверенность. Запад должен набраться этого терпения и конструктивно относиться к внутренним процессам, происходящим в России. Вывод России в экономике, внутренней и внешней политике на путь стабильности и надежности после десятилетия хаоса является заслугой тогдашнего президента России и ее нынешнего премьер-министра Владимира Путина. Была восстановлена государственность. Выросло доверие граждан к государственным учреждениям. Было положено начало строительству правовой государствен-

ности. А ведь это в конечном счете является условием демократии. Не может быть демократии без дееспособного государства.

В международной политике Россия стала играть важную роль и проявила себя надежным партнером. На смену десятилетий антагонистического мышления и образа действий в российской политике пришло осознание общих интересов и совместно вырабатываемых ценностей. Нам следует также отчетливо представлять себе, где была бы эта страна сейчас, если бы не был остановлен хаос 90-х годов, если бы на почве этнического и религиозного многообразия разгорелись насильственные конфликты, если бы ядерная держава Россия превратилась в «failed state», т.е. в неуправляемое распадающееся государство. И прежде всего: где была бы Европа и где была бы сейчас Германия, если бы это случилось?

Всего этого не произошло. Можно сказать: к счастью не произошло. Но дело тут не в счастье, а в политических действиях. Поэтому нам, европейцам, следует поддерживать путь стабилизации в России. И лучшим средством для этого является углубление сотрудничества между Европейским союзом и Россией. Это предполагает также уважительное отношение к России. Некоторым такого отношения в прошлом недоставало.

История отношений между Западной Европой, Германией и Россией не должна рассматриваться только сквозь призму военных столкновений и соперничества. Поэтому Германский исторический институт в Москве вполне резонно не ограничивается в своей деятельности только историей XX столетия. Существовали длительные фазы, в течение которых наши страны взаимно обогащались в культурной и научной областях, особенно в XVIII и XIX столетиях. В исторической перспективе видно, что российская история является частью европейской истории, что русские являются европейцами, и что Россия является частью Европы.

Поэтому, с моей точки зрения, пора Россию более тесно связать с европейскими структурами в международно-правовом плане, а именно: в рамках ассоциирования. В настоящее время между Европейским союзом и Россией ведутся переговоры о соглашении о партнерстве и сотрудничестве. Но этого недостаточно, нам нужно ассоциирование. Со многими странами – соседями Европейского союза у нас есть соглашения об ассоциировании различного качества – например, со странами Средиземноморья, а также со странами – кандидатами на вступление в ЕС.

В среднесрочном плане Россия пока не может стать членом ЕС. Но в рамках ассоциации мы должны крепко привязать эту страну к себе. Потом речь может пойти об освоении таких пространств сотрудничества, как либерализация торговли вплоть до создания зон свободной торговли, совместных инфраструктурных проектах, о регулярном и углубленном политическом диалоге, упрощении визового режима и сотрудничестве в вопросах политики

безопасности. Тем самым мы поможем осуществлению такой модернизации в России, которая будет близка нашей системе ценностей и нашей правовой системе. И мы достигнем тем самым стабильности для нашего континента, потому что общие интересы ведут к совместным действиям.

Сейчас у нас есть исторический шанс для проведения политики ассоциирования. И это прежде всего потому, что политическое руководство России ориентировано на Европу. Примерно девять лет назад тогдашний президент России Путин в своем выступлении перед бундестагом Германии ясно заявил о следующем: Европа сможет укрепить свою репутацию в качестве действительно самостоятельного центра мировой политики только в том случае, если ей удастся объединить собственные возможности с российскими – людскими, территориальными и природными ресурсами, с экономическим, культурным и оборонным потенциалом России. Я разделяю эту точку зрения.

Россия с ее этническим, конфессиональным и культурным многообразием являет собой широкий спектр политических, экономических и культурных интересов, простирающихся от Европы до Дальнего Востока. Поэтому у России есть альтернатива: обращение к так называемому евразийскому региону. Конечно, это связано с приращением политического могущества в Азии и с экономическим развитием Азии, особенно Китая и Индии. Я не думаю, что такая ориентация неизбежно приведет к отрыву России от Европы. Но она могла бы вызвать ослабление глобального значения Европы и оттеснить нас на задний план в решении энергополитических и экономических вопросов. Уже сейчас мы видим первые шаги в российской энергетической политике, а именно, строительство мощностей, ориентированных на Китай. Мы видим двусторонние военные структуры в Центральной Азии, мы видим, как быстро создаются многосторонние структуры в Евразийском регионе, примером чего служит Шанхайская организация сотрудничества, куда входят Китай, Россия и четыре центральноазиатские республики.

Все это для нас, европейцев, необязательно представляет собой опасность. Напротив, все, что способствует стабилизации в этом регионе, хорошо для дела мира и развития в глобальном контексте. Но мы, европейцы, должны следить за сохранением равновесия, за тем, чтобы между нами и Россией создавались как можно более тесные экономические и политические связи. Не в наших интересах, чтобы возникла новая политическая структура с российско-китайской доминантой, которая вытеснит Европу из центральной и восточной частей постсоветского пространства.

Ассоциирование имело бы важное значение не только для России, но и для будущего Европейского союза. Нынешний кризис в Греции заставляет сомневаться в Европейском союзе немало людей и в нашей стране. Но в этом кризисе заключен и определенный шанс. С моей точки зрения, он должен

сыграть роль пускового механизма для того, чтобы настроить Европейский союз на новую фазу глобальных изменений.

Координаты международной политики смещаются, но не в пользу Европы. Такие страны, как Бразилия, Россия, Индия и Китай, неуклонно прибавляют в экономическом и политическом плане. Европейский союз имеет достаточный экономический и политический потенциал для того, чтобы выстоять в этом глобальном соревновании. Он представляет собой политическое пространство, где сосредоточено 30% мировой экономики и находится самый большой внутренний рынок мира с 500-миллионным населением. Но этот потенциал далеко не исчерпан. Опираясь на Лиссабонский основной договор, руководство ЕС должно взять на себя ответственность за разработку перспективы развития союза до 2020 г.

Это необходимо сделать, потому что Европейский союз переживает драматическую фазу. Он неконкурентоспособен политически и экономически. Это одна из причин роста числа евроскептиков в том числе и в Германии. С моей точки зрения, для ЕС жизненно важны следующие пункты.

Во-первых, для обеспечения политической дееспособности Европейский союз должен продолжать внутренние реформы своих учреждений.

Во-вторых, для поддержания экономической мощи Европа должна сохранить свою уникальную в мировой практике социальную модель. Кроме того, как показал кризис, Европа нуждается в экономическом правительстве. Стабильность появится только тогда, когда в Европе будет координироваться не только финансовая, но и экономическая политика.

В-третьих, чтобы стать глобальным фактором, ЕС должен теснее привязать к себе стратегически важные соседние страны. Говоря конкретно: ЕС должен ассоциировать Россию и расшириться за счет Турции.

Рамочные условия для новой российской политики в ЕС изменились, потому что коренным образом изменились также российско-американские отношения. Президент Обама положил конец близорукой, потерпевшей провал политике своего предшественника, направленной на сдерживание и окружение России. США готовы признать, что Россия – как и США, и НАТО – имеет собственные интересы в области безопасности и свои сферы интересов. Из этого следует, что вступление Грузии и Украины в НАТО невозможно. Такой шаг означал бы не укрепление, а ослабление безопасности для Европы. Отказ от одностороннего размещения системы ПРО США в Восточной Европе был еще одним шагом в сторону укрепления доверия. Равно как и отказ России от установки своих ракет в Калининградской области.

Оба этих шага позволили избежать очередного витка гонки вооружений. Важное значение имели также успешные переговоры США и России в области разоружения. Теперь в качестве следующего шага речь идет о создании совместной архитектуры безопасности. Президент Медведев предложил кон-

цепцию евроатлантической архитектуры безопасности, которая представляет собой основу для дальнейших переговоров. Рука протянута, и европейцы, и государства НАТО поступили бы правильно, если бы сделали то же самое.

В следующем десятилетии будет решено, с кем Россия будет объединять свой потенциал: с Европой или с Азией. Поэтому нам нужно более тесное европейско-российское экономическое партнерство. В рамках ассоциации его можно было бы улучшить и поставить на более широкую правовую основу. Это относится также к энергетике. Это наш шанс, потому что в глобальном соревновании с Азией и США бедная сырьевыми ресурсами Европа может устоять только при условии прямого доступа к громадным сырьевым ресурсам России. Но и для России сотрудничество таит в себе большие возможности. За годы, предшествовавшие глобальному экономическому кризису, экономическая мощь России сильно выросла. Я уверен, что подобные цифры роста скоро снова будут достигнуты.

Но мы знаем также, что перед Россией стоят большие задачи в области экономики. Курс на модернизацию должен продолжаться, чтобы снизить зависимость от динамики цен на сырье. Россия должна быстрыми темпами развивать свою инфраструктуру, создавать конкурентоспособный сектор промышленности, прежде всего в области высоких технологий. Создание технологического сектора на мировом уровне, своего рода «Кремниевой долины» – это амбициозная программа, в реализации которой немецкие предприятия могли бы играть роль надежных партнеров.

Модернизация страны имеет шансы на успех только при условии создания надежных правовых условий для национального и иностранного капитала. Президент Медведев и премьер-министр Путин заявили, что центральной задачей на ближайшие годы является совершенствование правовой системы, развитие правовой государственности и борьба с коррупцией. Германский бизнес, взявший на себя обязательство по отказу от коррупционного образа действий, внес в это дело большой вклад. Он видит возможности для усиления сотрудничества прежде всего в таких отраслях, как автомобилестроение, химия, машиностроение, логистика, строительство, сфера услуг и охрана окружающей среды. Это шанс, особенно для среднего класса Германии. Немецкий средний бизнес занимает главенствующее место среди предприятий страны, которые с помощью инноваций выходят в число ведущих фирм мира. В свою очередь нам требуется больше инвестиций из России на немецком рынке. Взаимовыгодное деловое сотрудничество ведет к укреплению взаимного доверия и появлению взаимной заинтересованности. Такое сотрудничество идет на пользу обеим странам.

Политика ассоциирования дает Европейскому союзу большие шансы – в том числе и прежде всего восточноевропейским странам – членам ЕС. Недоверие в международных отношениях основано главным образом на историче-

ском опыте. Это относится также к отношениям между странами Восточной Европы и Россией. Страхи ввиду слишком большого сближения между Россией и Германией понятны как следствие общей европейской истории, осененной страданиями. Но в XXI столетии они полностью безосновательны. Мы должны работать над созданием солидных концепций для будущего. Государства Восточной Европы интегрированы в Европейский союз и в НАТО, их защита гарантирована. Интеграция на Западе и партнерство с Россией не исключают друг друга. Напротив, западная интеграция и членство в Атлантическом союзе как раз дают возможность тесного партнерства с Россией.

Это касается прежде всего Польши. Всем нам известно, что в последние два столетия Польша особенно страдала, находясь между Пруссией / Германией, с одной стороны, и Россией / Советским Союзом – с другой. Поэтому часто можно было услышать не только в самой Польше, но и в связи с Польшей, что пока Польша несвободна, не может быть свободной и Европа. Эта мысль была правильной и остается правильной. Сейчас существует свободная и независимая Польша, которая пользуется безопасностью и суверенитетом в союзе равных. Впервые за множество столетий безопасности Польши ничто не угрожает. Напротив, она прочна и надежна, как никогда. На этой основе улучшение отношений между Польшей и Россией имеет решающее значение для будущего Европы. Скорбь в связи с крушением самолета под Катынью сблизила Польшу и Россию. Известие президента Медведева об открытии секретных архивов для польских историков было большим шагом.

Улучшение польско-российских отношений может теперь разблокировать некоторые вопросы в ЕС, а также открыть для России двери ряда ее соседей на Западе. Германии следовало бы поддержать этот процесс, используя наш опыт примирения с соседями и наши доверительные отношения с Россией. Нам, немцам, знакома эта ситуация. Мы добились установления германо-французской дружбы – после столетий кровавого соперничества и ненависти. Мы даже начали разработку совместной картины истории. В 2003 г. германо-французский молодежный парламент выступил с инициативой написания совместного учебника истории, предложив эту идею тогдашнему президенту Франции Шираку и мне. Мы оба были в восторге и организовали воплощение этого замысла. С 2007 г. немецкие и французские школьники стали изучать историю по совместному учебнику.

Я считаю важным также создание совместного русско-немецкого учебника истории. Соответствующее предложение уже было сделано в рамках Петербургского диалога. Хорошо, что политики поддержали эту инициативу. Важно также создавать кафедры для совместного исследования истории в обеих странах. Их могли бы учреждать российские и немецкие предприятия, получающие выгоду от совместной торговли. По германо-французскому каналу АРТЕ часто идут передачи на темы совместной истории. Хотелось бы,

чтобы такие передачи о германо-российской истории с освещением тем под двойным углом зрения шли также по немецкому и российскому телевидению.

Все это показывает, что исторические исследования имеют большое политическое значение. Они вносят важный вклад не только в историко-политическое образование, но и в дальнейшее развитие и углубление межгосударственных отношений. В этом смысле Германский исторический институт в Москве выполняет важную функцию, в реализацию которой вносят вклад такие мероприятия, как сегодняшняя встреча.

Россия является важным партнером для Европы и для Германии. Со своей стороны, Россия испытывает не только большое доверие к Европе, но и связывает с ней большие надежды. Мы не имеем права подорвать это доверие и эти надежды. Поэтому нам следует работать над тем, чтобы наши отношения развивались и впредь в духе доверия и в позитивном направлении во всех областях: гражданском обществе, культуре, экономике и политике.

Чжан Шухуа

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР И МИССИЯ КИТАЙСКИХ И РОССИЙСКИХ ОБЩЕСТВОВЕДОВ

Чжан Шухуа – доктор политических наук, профессор, заместитель руководителя Центра документации и информации Китайской академии общественных наук, главный редактор журнала «Social sciences abroad»[1].

Продолжающаяся с момента окончания «холодной войны» глобальная кампания по борьбе с терроризмом, а также серия провокационных «цветных революций» выдвинули проблему демократизации на одно из центральных мест в международной повестке дня. С начала нового тысячелетия мы являемся свидетелями пылких политических проповедей под такими лозунгами как «Демократия как универсальная ценность», «Демократизация как глобальная тенденция» и т.д.

В последние годы внимание Запада привлекли экономическое развитие и политика Китая и России. В частности, в конце 2007 и начале 2008 г. ведущие западные СМИ отводили много места описанию усиливающейся экономической мощи Китая и России, утверждая, что «подъем Китая и России оказывается проблемой и даже представляет угрозу всему западному миру»[2]. Стоит отметить, что вместо серьезного анализа единства и особенностей китайского и российского путей развития, западные ученые лишь раздраженно или опасливо рассматривают Китай и Россию как «вызовы». Некоторые западные СМИ упрекают путинскую Россию в подавлении свободы и демократии, восстановлении диктатуры, в то время как некоторые эксперты и «фабрики мысли» выпустили ряд публикаций, утверждающих, что «политическая модель

1. Текст представляет собой переработанный вариант доклада, сделанного на Четвертом китайско-российском форуме по общественным наукам (Пекин, июнь 2009 г.).

2. Porter H. The new world order that threatens Uncle Sam // The Observer. – 2007. – December, 23.

Китая и России составляет проблему и угрозу западной модели свободы и демократии»[3].

В действительности и Китай, и Россия ведут поиски путей политического и экономического развития, приспособленных к их национальным особенностям. Поскольку речь идет о потенциально незападных и неамериканских вариантах, такой процесс свидетельствует о бóльшем масштабе и разнообразии поисков путей национального развития, которые могут обогатить опыт всего человечества. Западное общество должно преодолеть комплекс превосходства и спокойно относиться к национальному развитию и демократизации в других странах.

Рушащееся здание

2008-й год можно уверенно занести в учебник всемирной истории как символический и знаменательный. Все мы были свидетелями замечательной организации летних Олимпийских игр в Пекине, российско-грузинского военного конфликта в Южной Осетии, а также начала глобального финансового кризиса с далеко идущими и до конца не предсказуемыми последствиями.

Учеными разных специальностей были даны различные интерпретации международных событий. Эксперты по военной безопасности пытались обосновать возникновение новой конфронтации между Россией и США в контексте пятидневной войны на Кавказе. Специалисты по международной политике пытались интерпретировать изменения в мировой геополитике, вызванные войной и экономическим кризисом. Экономисты ломали голову в надежде обнаружить средство спасения мировой экономики после финансового цунами и обвала рынка. Эксперты по культуре и коммуникации сосредоточились на различиях между цивилизациями и идеологиями, констатируя нехватку национальных идей и недостаточный уровень межкультурной коммуникации.

Хаотическая международная ситуация несомненно усилила расхождения и споры между восточными и западными мыслителями. Это коснулось суждений о глобализации, мнений относительно «универсальных ценностей и универсального пути», оценок американского способа экономического, политического и социального управления, подходов к капитализму и его способу производства и потребления, ожиданий социалистических перспектив и определения роли Китая.

В статье «Большое крушение 2008 года: Геополитическая неудача Запада», опубликованной в журнале «Foreign Affairs» в начале 2009 г., бывший

3. Wolton T. Pour comprendre où va la Russie, regardez la Chine // Le Figaro. – 2008. – January, 5.

заместитель министра финансов США Роджер Альтман заметил, что «экономический крах 2008 года, наихудший за более чем 75 лет, является главной геополитической неудачей западного мира. Он лишил Вашингтон и европейские правительства кредита доверия и ресурсов для поддержания их руководящей роли в глобальных делах. Эти слабости будут в конечном счете исправлены, но тем временем они ускорят тенденции, которые перемещают центр тяжести в мире далеко за пределы Соединенных Штатов»[4].

Альтман также указал, что «катастрофический спад разворачивается в Соединенных Штатах, Европе и, вероятно, Японии – спад вероятно, более сильный, чем в 1981–1982 гг. /…/ Эта катастрофа поставила под сомнение американскую модель капитализма свободного рынка. Финасовая система оказалось разрушенной, а ранее эффективная система регулирования не в состоянии обуздать широко распространившиеся злоупотребления и коррупцию. Теперь во имя стабилизации американское правительство и некоторые европейские правительства в некоторой степени национализировали финансовые секторы экономики, что противоречит принципам современного капитализма. Большая часть мира вступила в период, в котором роль государства будет увеличиваться, а частного сектора уменьшаться. Глобальная власть Соединенных Штатов, так же как влияние демократии американского стиля уменьшается /…/ и крушение 2008 г. отдалит мир от однополярной системы».

В то же время Альтман не говорил определенно, является ли «большой крах» концом американской финансовой системы или же модели американского стиля свободного рынка. Значит ли это, что неолиберализм и капиталистический способ производства зашли в тупик? Или это следует рассматривать как неудачу американской (и в целом западной) гегемонии и реструктурирование международной системы в целом? Он также не пояснил, к чему приведет эта катастрофа – к широкомасштабным разрушениям или, напротив, к новому этапу оживленного развития человечества.

Идеология и история: Конец, воплощение или нирвана?

Два десятилетия назад, когда пала Берлинская стена, американский ученый японского происхождения Фрэнсис Фукуяма выступил с теорией «конца истории». Он объявил на весь мир, что западная модель свободы и демократии одержала историческую победу, и с этого времени идеологические разногласия в обществе исчезли раз и навсегда. По его мнению, мир вступил в единственную эру, отмеченную триумфом капиталистической свободы и демократии. Тем не менее недавно тот же самый Фукуяма занял диаметрально

4. Altman Roger C. The Great Crash, 2008: A Geopolitical Setback for the West // Foreign Affairs. – 2009, January / February.

противоположную точку зрения, выступив против американского консерватизма. Он подверг сокрушительной критике практику вооруженного навязывания США «свободной и демократической модели» в Ираке, утверждая, что каждая страна должна двигаться по собственному пути развития в соответствии с определенными историческими обстоятельствами.

За прошедшие два десятилетия сила и преимущества, накопленные Западом в течение столетий, достигли своей кульминации. В атмосфере, вызванной крахом Советского Союза и временной неудачей в социалистических странах, сложилась «словесная гегемония» западного мира. Вслед за 11 сентября 2001 г. были проведены громкие антитеррористические операции и совершились провокационные «цветные революции». Однако теперь вооруженный парад от имени «свободы и демократии» оказался под вопросом. К концу 2008 г. мир и в особенности западные экономические системы охватил широкомасштабный финансовый кризис. По мнению исследователей, «нынешний кризис потенциально сопоставим с периодом Великой депрессии 1873–1896 гг. и мировым экономическим кризисом 1929 г. Этот кризис – "общий", отраженный в западных системах, идеологиях и моделях, хотя он, возможно, не длится так долго, как это было в предыдущих двух депрессиях в конце XIX века и 30-х годах XX столетия. Кризис – это также признак сбоя в западных теориях, сбоя регулирования и сбоя рынка»[5]. Недавно российские руководители президент Д.А. Медведев и премьер-министр В.В. Путин, имея в виду прежде всего США, отметили, что только эгоизм и безответственность некоторых западных держав привели мир к нынешнему глобальному экономическому кризису. Они предположили, что эти страны вряд ли останутся лидерами мировой экономики, поэтому существующий международный политический и экономический порядок должен быть реформирован.

На фоне крутого перелома, произошедшего в мировой экономике, политике и военной сфере в 2008 г. тема китайской и российской моделей развития приобрела особую остроту. Размышляя о проблемах особого китайского пути и российского возрождения, некоторые ведущие западные СМИ склонны связывать их с моделями авторитаризма и даже диктатуры. Некоторые «фабрики мысли» выпустили ряд отчетов, в которых всерьез обсуждается вопрос о том, стоит ли преобразовать и ассимилировать Китай и Россию, либо же следует использовать средства сдерживания и подавления, чтобы разъединить или даже уничтожить их. В результате разразившегося в начале 2008 г. мирового финансового кризиса Китай и Россия оказались в эпицентре международных событий. Весь мир наблюдает за тем, смогут ли две эти

5. Li Shenming. Analysis of today for the current economic crisis. – Beijing: Social Sciences Academic Press, 2009. – P. 42–43.

страны действительно выйти из кризиса и тем самым совершить успешный поворот в собственном развитии.

Мир разнообразен, пути многообразны

Несмотря на резкие высказывания в мировых СМИ в 2008 г., мы рады видеть некоторые обнадеживающие предсказания о судьбах мира. Здесь не имеется в виду горячо обсуждаемая тема, распространяющаяся в западных СМИ, может ли новый президент спасти американскую экономику от бедствия. Мы обращаем внимание на исследовательский доклад, подготовленный в одном из американских мозговых центров. В сентябре 2008 г. Национальный разведывательный совет США (National Intelligence Council of the US) издал отчет под названием «Глобальные тенденции 2025: преобразованный мир». Как говорится в этом документе, в скором времени следует ожидать появления многополюсного мира. Мировая политическая ситуация подвергнется существенным преобразованиям. Влияние некоторых западных держав уменьшится, в то время как многие из развивающихся стран завоюют международное или региональное признание. При этом одним из самых ярких моментов в предполагаемой ноосфере составят изменения России и развитие Китая.

С 1960-х годов Китай достиг больших успехов в строительстве социализма и осуществлении реформ. Россия, будучи ввергнутой в кризис и беспорядок в конце прошлого тысячелетия, также постепенно возвращается на путь стабильности и развития. Это не только большое счастье для многострадальных, но никогда не падающих духом двух великих наций, но и весомый вклад в развитие человеческого общества. В отличие от некоторых стран – восторженных поклонников западной демократии Китай и Россия ищут пути политического развития, приспособленные к их собственным национальным условиям.

Китайский путь и российская идеология

Надо полагать, что подобные прогнозы мирового развития привлекут внимание многих ученых, и прежде всего философов и политологов. Имеются серьезные основания ожидать появления большего количества исследований в областях политической философии, геополитики, международных отношений, военной безопасности. Поэтому китайские и российские обществоведы должны прилагать совместные усилия по развитию системы научных обменов, углублению взаимопонимания и расширению влияния на политические и экономические процессы в мире.

1. Интенсификация научных обменов в области социальных и гуманитарных наук между Китаем и Россией для расширения духовного фундамента двусторонних отношений.

Система академических обменов способна сыграть незаменимую роль в развитии китайско-российских отношений. Вновь возрождающиеся после времени неудач и отказов теоретические ценности – это плоды мудрости и кропотливых изысканий двух народов. Для того чтобы подвести итоги и извлечь уроки из событий недавнего прошлого, китайские и российские обществоведы должны укрепить взаимное доверие и осуществить обширные обмены в областях языкознания, культуры, истории, а также вопросов демократии, развития правовой системы и управления. Такие обмены относительно легки, поскольку у нас много общих интересов. Китаю и России предстоит рассеять ненужные сомнения относительно друг друга и стать более близкими стратегическими партнерами. Установление и укрепление такого рода отношений будут не только выгодны для развития и процветания двух наций, но и помогут поддержать мир, развитие и процветание во всем мире.

2. Поддержание активного интеллектуального и политического диалога в ответ на общие внешние вызовы.

В недавнее время такие характерные для современного гегемонизма явления, как запугивание и вмешательство во внутренние дела других стран стали главным препятствием на пути демократизации международных отношений. Аргументы в пользу «конфликта цивилизаций», «неоинтервенционизма», «превосходства прав человека над суверенитетом», «теории ограниченного государственного суверенитета», «нового демократического колониализма» не только наносят вред процессам демократизации, но и представляют серьезную угрозу для мирового развития. Пыл некоторых западных стратегов по созданию «демократических союзов» и навязыванию странам «западной модели демократии» ставит мир на грань новой «холодной войны». Некоторые западные страны считают возможным под лозунгами демократии прибегать к вооруженной силе, не считаться с решениями Организации Объединенных Наций, злоупотреблять международным правом и вмешиваться во внутренние дела других государств.

Китай и Россия с уважением относятся к разнообразию мировых культур и общественных систем и пытаются строить международный политический и экономический порядок на основе идей равенства, справедливости и рациональности. Сегодня судьба мира должна находиться в руках всех наций земного шара. Демократизация международных отношений – необходимый путь гармоничного развития международного сообщества. Поэтому в дополнение к контактам на официальном уровне Китай и Россия должны создать условия для совместной теоретической работы. Некоторые результаты могут быть получены только академическим сообществом. На этом форуме китайские и

российские ученые обменялись идеями, продемонстрировали теоретические достижения и новации в методологии. Я бы предложил использовать подобные механизмы взаимодействия в полную силу. Разумеется, китайским и российским обществоведам предстоит пройти еще долгий путь, чтобы суметь противостоять западной «гегемонии слова», длившейся в течение более трех столетий.

3. Китайские и российские обществоведы должны обладать достаточной смелостью для формулировки собственных идей, касающихся международной политики и международных экономических отношений.

С одной стороны, Китай спокойно и скептически относится к появившимся в последнее время провокационным идеям Соединенных Штатов о «китайском спасителе», «китайско-американском совместном управлении» и «G2». С другой стороны, мировой финансовый кризис заставляет западное общество помнить о «ценности Китая и роли Китая» и быть внимательным к «голосу России». Источниками зла современного мира являются экономический империализм, либеральный гегемонизм, демократический фундаментализм и правление международных финансовых олигархов. На этом фоне Китай и Россия составляют мощную здоровую силу на международной арене для рационального и оправданного реструктурирования международного политического и экономического порядка. Китайские и российские ученые должны обладать достаточной смелостью, чтобы оценить существующее положение вещей и высказать собственные оценки происходящему, а также оказать друг другу поддержку для усиления роли в международной политической и экономической жизни.

4. Создание благоприятной среды для китайско-российской дружбы и оказание содействия практическому сотрудничеству между Китаем и Россией.

Китай и Россия должны усилить сотрудничество в сфере инфраструктуры и больших проектов – таких как энергия, транспорт и инвестиции. Должно быть также усилено сотрудничество на рынке капиталов и реструктуризации предприятий, отрегулированы и упрощены процедуры двусторонней торговли, улучшены судебная координация, а также координация регионального сотрудничества.

5. Китайские и российские обществоведы должны приложить усилия для подготовки кадров.

Узким местом развития дальнейшего экономического и культурного сотрудничества между Китаем и Россией сегодня являются проблемы незнания языка и нехватки профессиональных кадров. Обучение и отбор необходимых кадров вошли в повестку дня правительства России. В будущем Китай и Россия могут подписать межправительственное или межведомственное соглашение по совместной подготовке кадров и персонала. Соответствующие

китайские и российские специалисты должны будут организовать регулярное обучение и практику для молодых и перспективных кадров в области страноведения, права, языка, культуры, менеджмента, коммуникации и информатизации. Ответственная задача китайского и российского научного сообщества состоит в обогащении культурных обменов и подготовке нового поколения специалистов.

Как говорил великий Конфуций более двух тысяч лет назад: «Добродетель не останется в одиночестве. У нее обязательно найдутся соседи». Наша искренняя надежда и глубокое убеждение состоят в том, что справедливые требования и голоса китайских и российских ученых найдут большее понимание и встретят положительный отклик в мире.

В китайской культуре 60 лет образуют завершенный зодиакальный цикл. В годовщину установления китайско-российских дипломатических отношений необходимо пожелать, чтобы дружба между Китаем и Россией была вечной. «Если Вы зададитесь вопросом, почему вода в водоеме столь прозрачна, то это потому, что она непрерывно и живо поступает из источника», – образно размышлял великий философ Сунской династии Чжу Си (1130–1200).

Можно надеяться, что китайские и российские ученые сумеют проницательно расчистить путь для стратегического сотрудничества между Китаем и Россией. Необходимо соединять наши умы и усилия для возделывания дерева дружбы. Большое дерево пустит глубокие корни. И чем глубже будут корни, тем гуще листья. Пусть же вечно зеленеет и цветет дерево китайско-российской дружбы!

Р.М. Щербов

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В МИРЕ И РОССИИ

Щербов Роман Михайлович – старший менеджер ООО АКБ «Росбанк».

Современная постиндустриальная парадигма социально-экономического развития связана с формированием глобального информационного общества – общества, основанного на знаниях. Соответственно формируется и экономика постиндустриального типа – «экономика знаний». В развитых странах складывается новая социально-экономическая инфраструктура, одним из базовых элементов которой является образование. Образование сегодня – уже не индивидуальный выбор людей, а результат прямого воздействия социально-экономического механизма, активно побуждающего людей к получению знаний. При этом образование развивается как непрерывный и индивидуализированный процесс, обеспечивающий быструю переквалификацию работника и его конкурентоспособность в условиях рынка. Во всем мире, в том числе и в России, модернизация образования провозглашена сегодня в качестве центральной задачи государственной политики, осознающей необходимость адаптации системы образования к потребностям общества, основанного на знаниях.

* * *

Становление современной системы образования немыслимо без программ развития детей дошкольного возраста. Эти программы пришли на смену ортодоксальной модели воспитания в традиционной семье. Новая модель семейного воспитания стала ответом на повышение доли экономики услуг и приток женщин в сферу оплачиваемой занятости (25).

В экономической литературе приводятся веские аргументы в пользу указанных программ. Это – рост занятости, увеличение налоговых доходов и сокращение социальных расходов на более поздних этапах образования (26; 27;

28). Это также польза для здоровья нации и развития социального партнерства (14). Раннее детство представляет редкую возможность инвестиций в человеческий капитал, поскольку они последовательно увеличивают отдачу на следующей стадии обучения. Расчет нормы прибыли к доллару инвестиций показал, что в юношеском возрасте этот показатель выше, чем в более позднем возрасте (17).

В некоторых исследованиях показана корреляция между годами обучения в раннем детстве и успеваемостью на стадиях последующего обучения. Так, программы развития детей дошкольного возраста в Латинской Америке позволяют добиться более высокого уровня их готовности к школе, более успешно пройти курс обучения в университете или колледже. Эти программы относительно недороги, а отдача от них в 5–19 раз превышает затраты (5). Проведенное недавно в Норвегии исследование подтвердило высокую эффективность посещений детьми детского сада – в результате увеличивается число будущих студентов (23). Исследователи из Новой Зеландии также свидетельствуют о преимуществах раннего обучения, обеспечивающего положительный эффект в 16 лет независимо от условий семьи (29).

Улучшение качества раннего образования стало растущим приоритетом политики в государствах – членах ОЭСР (24). Ее эксперты с 1998 г. публикуют обзоры, где содержится оценка политики, программ и условий образования детей в период от рождения до наступления обязательного школьного возраста. Например, Норвегия гарантирует каждому ребенку в возрасте одного–пяти лет из малообеспеченной семьи место в высококачественном детском саду (23).

К сожалению, в России ситуация с дошкольным образованием сложилась весьма непросто. Сегодня очередь в дошкольные учреждения превышает 1,5 млн. человек, в том числе для детей старше полутора лет – более 1 млн. человек (6). Рост рождаемости в последние годы выявил нехватку зданий дошкольных учреждений, которые были распроданы, либо ликвидированы в 1990-е годы. Министерство образования и науки РФ провозгласило развитие дошкольного образования одной из главных задач на 2011–2015 гг.

Долгосрочным императивом на весь XXI век эксперты считают интеллектуализацию образования, которая предполагает усиление курсов по естествознанию и «математики качества» (математика структур, геометрии, топологии и т.п.) (12). Президент США Б. Обама не ежегодном собрании Американской национальной академии наук сообщил о планах реализации инвестиционной программы (более 3% ВВП) в сфере фундаментальных исследований и улучшения математического и естественнонаучного образования (7).

Между тем в России официальная политика в области образования находится в противофазе с тем, что происходит в развитых странах мира. Видные

российские ученые – математики, физики, химики (В.А. Садовничий, Ю.С. Осипов, В.В. Козлов, В.И. Арнольд, Ж.И. Алфёров, В.Л. Гинзбург, В.А. Кабанова, А.Ф. Платэ) уже давно говорили о деинтеллектуализации российского образования, о резком падении качества преподавания естественных наук и математики в средней школе, о сокращении предметов естественнонаучного цикла (1; 2; 10). «Создаются поверхностные "кентавры" из физики, химии и биологии. То же самое происходит и в сфере гуманитарных наук, где рожден такой "кентавр", как "обществоведение", склеенный из разных дисциплин» (3).

Но научно-технический прогресс невозможен без смелых научных поисков и рисков, способность к которым воспитывается в системе образования, а если стандарты образования будут снижаться, то и в дальнейшем вряд ли стоит ожидать будущего процветания страны.

В мире неоднократно поднималась проблема справедливости в сфере образования. Это нашло отражение в многочисленных документах. В частности, во Всемирной декларации об образовании для всех (Джомтьен, 1990 г.), Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования (Париж, 1960 г.), в документах Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и Международного пакта о гражданских и политических правах (1966), Конвенции 1979 г. о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, в решениях Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам социального развития (Копенгаген, 1995 г.), в документах ЮНЕСКО.

Международное сообщество приняло в 1990-х годах обязательства в отношении базового образования. «Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций» провозгласила цели обеспечения всеобщего начального образования и поощрения равенства мужчин и женщин, расширения прав и возможностей женщин. Дакарские рамки действий, принятые на Всемирном форуме по образованию в 2000 г., обозначили следующие цели «образования для всех»: расширение мер по уходу за детьми младшего возраста и их воспитанию, особенно в отношении категории наиболее уязвимых и обездоленных детей; обеспечение к 2015 г. доступа всех детей к бесплатному и обязательному высококачественному начальному образованию; удовлетворение образовательных потребностей всех молодых людей и взрослых; повышение к 2015 г. на 50% уровня грамотности взрослых, особенно женщин; ликвидация разрыва между мальчиками и девочками в начальном и среднем образовании и достижение к 2015 г. равенства мужчин и женщин в области образования.

Как реализуются принципы достижения справедливого образования, провозглашенные международным сообществом? По данным ООН, в мире улучшилось обеспечение всеобщего начального образования. За период

1990 / 91–2001 / 02 уч. гг. доля учащихся начальных классов увеличилась во всех регионах развивающихся стран. Однако школьным образованием попрежнему не охвачены 121 млн. детей, включая 65 млн. девочек. Число таких детей велико в Африке, Южной Азии, во всех наименее развитых странах мира. Равенство между девочками и мальчиками в сфере начального и среднего образования все еще не достигнуто в странах Африки к югу от Сахары, в Южной и Западной Азии, где среди учащихся средней школы на 100 мальчиков приходится менее 80 девочек (8). Всемирный банк считает необходимым увеличить на 20 млрд. долл. помощь развивающимся странам в условиях мирового финансового кризиса для выполнения обязательств «Целей тысячелетия» (19).

Во многих азиатских и арабских государствах, а также в Европе и Северной Америке растет число функционально неграмотных взрослых. Так, в отчетах ВБРР, Программах развития ООН и Лиги арабских государств подчеркивается, что одной из основных причин отставания арабского мира, обладающего 5% мирового населения и значительной долей мировых запасов нефти и газа, служит так называемая «образовательная бедность». Почти пятая часть общей численности детей школьного возраста, т.е. более 7 млн., в этих странах не посещают школу, причем 60% из них – девочки. В среднем количество лет, которые арабские дети проводят в школе, более чем в 2 раза ниже аналогичного показателя в восточноазиатских странах. Неграмотность населения остается в среднем на уровне 30%, а в некоторых арабских государствах достигает даже 50–60%. Качество арабского образования не отвечает требованиям современного рынка труда. В целом образовательные системы остаются в этих странах традиционными, основанными на заучивании материала наизусть и авторитарной власти учителя (11).

Во многих странах возможность получить качественное образование значительно сужается для таких социально-демографических групп, как бедные, беспризорные и работающие дети, жители сел и отдаленных районов, кочевники и мигранты, этнические, расовые и языковые меньшинства, инвалиды, беженцы, лица, перемещенные в результате военных действий, и люди, живущие в условиях оккупации.

На неофициальной встрече министров просвещения ОЭСР «Улучшение политики образования» (Осло, 2009 г.) подчеркивалось: «Справедливость в образовании означает, что у всех должен быть доступ к минимальному стандарту образования, и каждый ребенок может полностью реализовать свой образовательный потенциал. Справедливость в образовании имеет значение, поскольку образование связано с более высокими доходами, лучшим здоровьем, большей продолжительностью жизни, успешным воспитанием и гражданским участием. Следовательно, справедливое и содержательное об-

разование – один из самых сильных рычагов сообщения обществу устойчивого импульса к развитию» (20).

Проблема справедливости в образовательной политике государств обостряется в связи с усилением в глобальной экономике миграционных процессов. Иммигранты во многих странах ОЭСР составляют сегодня 10–20% от общего числа обучающихся. При этом их доступ к качественному образованию, как правило, ограничен, они чаще досрочно покидают школу и имеют более низкий уровень академической успеваемости, чем коренные жители. Так, уровень образования иммигрантов в Германии ниже, чем у коренных немцев: в числе первых среднего образования не имеют 14,2% жителей, а среди коренных жителей Германии таковых – 1,8% (4). Неравенство образовательных возможностей многие государства пытаются преодолеть расширением поддержки студентов-иммигрантов. Уже в раннем возрасте их детей обучают по специальным программам, включающим, помимо прочего, усиленное изучение языка в школе.

В документах ЕС одобрен опыт социального включения мигрантов через систему образования в Ирландии (15). В этой стране приняты эффективные законы, создано Министерство интеграции, которое должно обеспечивать равный доступ детей иммигрантов к качественному образованию. Оказывается дополнительная финансовая поддержка для обучения английскому языку в школах и в системе высшего образования. Особое внимание уделяют детям мигрантов дошкольного возраста. За ними осуществляется уход, действуют специальные службы заботы о детях, институт нянь и т.д. Услуги по уходу регулируются инструкцией, предусматривающей освобождение от налогообложения воспитателей, работающих на дому. Ранние программы обучения созданы в начальных школах бедных регионов страны и в центрах, где под руководством компетентных учителей и специалистов по охране детства обучаются дети, нуждающиеся в особом подходе для реализации их потенциала. Такие школы посещают до 30 детей, а начальные центры – до 60 детей, достаточных для двух дошкольных классов.

Учитывая важную роль участия родителей в воспитании ребенка в раннем возрасте, особенно в его языковом развитии, в стране развернута инициатива «Связь дома и школы», направленная на установление сотрудничества между родителями, учителями и местными общественными организациями. Широко распространенные в стране услуги, оказываемые в рамках этой инициативы (например, в 2008 / 09 уч. гг. они были предоставлены 651 школе), включают языковую поддержку родителей-иммигрантов, не говорящих на английском языке, вовлечение их в управление учебным заведением, подготовку и перевод учебных материалов на различные языки. Некоторые иммигрантские сообщества помогают детям изучать родной язык в свободное от занятий время. Например, польская и японская общины прово-

дят занятия по родному языку, истории и географии на всех уровнях образования. Координаторы программы налаживают связь между семьями учеников и школой, регулярно посещают дома иммигрантов. Сами школы поддерживают тесные контакты с этническими агентствами, неправительственными организациями, библиотеками и местной властью. О работе ирландской системы образования можно ознакомиться на языках основных групп мигрантов в СМИ (буклетах, DVD и на широкополосном видео), что повышает компетентность родителей иммигрантов при решении вопроса об образовании своих детей. Учебные курсы для взрослых иммигрантов организуют местные комитеты по профессиональному образованию, неправительственные организации и библиотеки. Последние оказывают также компьютерные услуги в изучении языков (21).

Успех образовательной политики обеспечивается в основном усилиями профессиональных педагогов, многие из которых имеют ученые степени. Труд учителей в Ирландии хорошо оплачивается и традиционно высоко ценится в обществе (16). Принимаемые в Ирландии политические, административные и финансовые меры по языковой поддержке и интеграции детей иммигрантов на всех уровнях обучения позволили снизить процент отсева школьников. В 2007 г. только 2% учащихся ушли из школы без свидетельства о неполном среднем образовании, а в 1980 г. таких было 9%. Отсев школьников в Ирландии теперь самый низкий в странах ОЭСР, и студенты – иммигранты первого поколения в среднем достигают тех же результатов в образовании, что и их сверстники – коренные ирландцы (13; 18).

В современной России проблема справедливости в образовании стоит достаточно остро. И хотя введение ЕГЭ обеспечило некоторый рост числа сельских школьников, поступающих в вузы, многие проблемы сельской школы, остаются, на наш взгляд, нерешенными. Это – дефицит бюджетного финансирования, неудовлетворительное материально-техническое обеспечение, нехватка квалифицированных кадров, их слабая подготовка, неразвитость программно-методической и информационной сети и т.д. В целом говорить и сегодня об эффективности экономических механизмов развития школы на селе не приходится.

Введение в сельских школах с 2009 г. нормативно-подушного финансирования вместо максимального сбережения образовательного потенциала действующей школьной сети в большинстве регионов привело к снижению материального обеспечения учителей, сокращению ставки сельских педагогов-воспитателей, массовому закрытию малокомплектных школ, что сегодня создает угрозу исчезновения самих сел и сельского образа жизни. Между тем на селе необходимо развивать модели образовательных учреждений, включающих все ступени общего и профессионального образования, активно использовать компьютерные технологии, совершенствовать подготовку земско-

го учителя широкого профиля. Проблему сельской школы государство обязано решать с учетом не только экономического эффекта, но и того обстоятельства, что именно вокруг школы должен формироваться уклад российской сельской жизни, ценность которого должна формировать именно школа.

В современной России, как и во всем мире, мигранты являются социально проблемной группой населения. После распада СССР Россия стала одним из мировых лидеров миграционных процессов. За 1991–2006 гг., по данным официальной статистики, в Россию приехали на постоянное жительство 8,6 млн. человек. Она находится в лидирующей группе стран и по масштабам трудовой миграции. Российские иммигранты, как правило, недостаточно владеют русским языком, плохо знакомы с культурным наследием и историей страны, основами российского законодательства и реалиями российского быта. Половина трудовых мигрантов, работающих в России, не знают русского языка. Это приводит не только к нарушениям техники безопасности на предприятиях, но и к межнациональным конфликтам. Сами мигранты далеко не всегда ориентированы на освоение принятых в принимающей стране обычаев и норм поведения.

Проблемы образования детей-мигрантов в России осложняются значительным перерывом в занятиях, слабым знанием русского языка, непониманием требований школы и низкой успеваемостью. Особую тревогу вызывает морально-психологическое состояние прибывших детей, многим из которых присуще чувство подавленности, страха, психическая неуравновешенность.

Субъекты Российской Федерации, принимающие значительные потоки мигрантов, накопили определенный опыт адаптации и интеграции мигрантов через систему образования. В Москве, куда ежегодно прибывают более 1 млн. человек, апробированы некоторые нормативно-организационные подходы, разработаны учебно-методические пособия, организованы курсы повышения квалификации или переподготовки учителей. В общеобразовательных школах, где учатся дети, слабо владеющие русским языком, открываются группы по изучению русского языка как иностранного. В этих группах проводятся дополнительные занятия по два часа в неделю. Работают 12 специализированных общеобразовательных учреждений, осуществляющих первичную адаптацию мигрантов – «школы русского языка», где дети мигрантов получают языковую подготовку в течение одного учебного года, после чего поступают в соответствующий их возрасту и уровню класс общеобразовательной школы. В числе этих 12 школ есть и вечерние, где могут учиться взрослые.

В Санкт-Петербурге издан букварь для детей мигрантов, действует научно-методический центр, разработавший инновационную программу по обучению и помощи детям различных национальностей. Для индивидуальной работы с детьми мигрантов выбрана старая, академическая форма занятий –

продленный день. В центре занимаются не только русским языком, но и математикой, рисованием, трудом, пением. Детей водят на экскурсии и прогулки, они посещают музеи. Некоторые дети от 7 до 15 лет проходят реабилитацию в отделении дневного пребывания несовершеннолетних. Они приходят сюда после школы, примерно в час дня, а уходят в восемь вечера. Как правило, детей, плохо знающих русский язык, сопровождают от двух недель до двух месяцев.

Но этот опыт приобретения навыков социализации – лишь один из способов поддержки, но не стратегическое решение проблемы. Необходима четкая государственная политика адаптации и интеграции мигрантов. Однако в РФ до настоящего времени приоритетные задачи по языковой и социально-культурной адаптации мигрантов даже не были сформулированы на государственном уровне. Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации, одобренная в 2003 г., не была подкреплена законодательными нормами и конкретными рекомендациями. Задачи по адаптации и интеграции прибывающих переселенцев были наиболее полно сформулированы в принятой в 2006 г. Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Но конкретные подходы и меры для организации этих процессов на местах оставлены на усмотрение региональных властей.

В России отсутствует образовательная инфраструктура, позволяющая мигрантам из зарубежных стран повысить свой уровень владения русским языком, получить знания в других областях, которые помогли бы им интегрироваться в принимающее сообщество. Освоение подобного учебного курса как обязательное условие получения рабочего места до недавнего времени оставалось лишь рекомендацией отдельных ученых и экспертов.

Что необходимо? Широкая национальная стратегия в области образования мигрантов, ее целевое финансирование, сбор и анализ информации о соответствующем внутреннем и зарубежном опыте. Проведение современной образовательной политики требует укрепления социального партнерства. Планирование, эффективное управление и оценка различных форм образования, связь с рынком труда и реконструкция образовательных учреждений могут быть обеспечены лишь совместными усилиями работников системы образования, родителей, местного сообщества, бизнеса, представительных и неправительственных организаций. Успешное решение проблем образования требует также мобилизации личных возможностей учащихся, превращения их из «объектов обучения» или «лиц, получающих помощь» в равноправных участников процесса обучения. Все члены общества, все социальные партнеры должны внести свой вклад в это дело, осознав, что время, энергия и фи-

нансовые средства, затраченные на образование, представляют собой самые серьезные инвестиции в развитие личности и будущее страны.

Важный элемент партнерства составляет совершенствование материальной инфраструктуры образовательных учреждений. Привлекательная архитектура, современное оборудование и рациональная эксплуатация образовательных учреждений способны повысить качество образования, прочность и безопасность среды обучения даже при дефиците финансирования. Поэтому в мире развивается сотрудничество городов и университетов по созданию объединенной академической, предпринимательской и инновационной окружающей среды. Примером такого сотрудничества служит шведский город Лунд, где 42% жителей – студенты. В Ньюкасле (Великобритания) университет превратился в научный центр, в Бостоне (США) – в деловой центр. Правительство Испании в последние годы посредством финансирования стимулирует создание академической среды, социально объединенной с городской средой.

В России необходимо выстраивать взаимовыгодное партнерство системы образования и бизнеса, для чего руководители образовательных учреждений должны активно изучать профессиональные особенности бизнеса, поддерживать прямые контакты с работодателями, уточнять их потребности в кадрах и в обучении, организовывать производственную практику, а в дальнейшем и трудоустройство выпускников с учетом интересов конкретных компаний. Бизнес, со своей стороны, должен идти по всем вопросам навстречу образовательным учреждениям и всеми мерами способствовать достижению общей цели – удовлетворению потребности граждан, общества и рынка труда в качественном образовании. Однако роль работодателя в выработке требований к выпускникам не стоит преувеличивать. Как правило, его интересы достаточно узки, ориентированы на конкретную отрасль и предприятие. Оптимальное решение в этом случае – найти золотую середину между государственными стандартами образования и стандартами, которые предъявляют работодатели частного сектора, с тем, чтобы учреждения высшего образования готовили высококвалифицированных, востребованных специалистов, способных успешно функционировать на рынке труда.

В России только предстоит разработать систему профессиональных стандартов с учетом требований к уровню квалификации и компетенции по профессиям, предъявляемых работодателями и рынком труда. Необходимо также создать новую национальную систему квалификаций для обеспечения прозрачности, сопоставимости и признания квалификаций, дипломов и свидетельств об образовании и обучении. Для работодателя принципиально важно, каким набором знаний, навыков и компетенций обладает работник в результате завершения обучения. Работник, в свою очередь, должен иметь стимулы для повышения своего профессионального уровня, уметь подтвер-

дить новую квалификацию. Необходимо создать новую систему финансирования учреждений профессионального образования за счет ежегодных доходов от размещения государственных и частных средств без права их использования в коммерческих целях (система «эндаумента»). Следует допускать как государственные, так и частные компании в число учредителей учебных заведений. Именно участие бизнеса в деятельности образовательных учреждений позволит работодателям привлечь дополнительные средства и включиться непосредственно в образовательный процесс и экзаменационные комиссии учебных заведений.

Необходимо сделать экономически выгодным для российского бизнеса развитие внутрикорпоративных систем обучения и подготовки кадров, создание корпоративных университетов и базовых кафедр в вузах. Такая образовательная деятельность компании не должна облагаться налогами наравне с коммерческой деятельностью. Нужно создать условия для развития образовательных и сопутствующих им социальных кредитов в целях расширения доступа способной молодежи к качественному образованию. Продолжить совместно с образовательными учреждениями эксперимент по практическому внедрению системы кредитования образовательных потребностей и оформить ее законодательно. Создать при активном участии экспертного сообщества публичную и независимую систему рейтингов вузов. Кардинально изменить систему финансирования профессионального образования: перейти от бюджетного к подушевому финансированию, используя систему образовательных сертификатов.

В РФ в последнее десятилетие расходы на образование все больше перекладываются с государственного бюджета на самих учащихся и их родителей. В результате стоимость обучения в государственных вузах приближается к существующей во многих частных вузах, что подрывает принцип доступности высшего образования. Требуется законодательно закрепить равенство государственных и частных общеобразовательных учреждений и предоставить семье на базе современных технологий дистанционного и дополнительного образования более широкие возможности выбора школы, а учащимся – преподавателей. Это особенно актуально для малокомплектных и удаленных школ, вообще – для российской провинции (9).

Современная образовательная политика немыслима в условиях глобализации без усиления международного сотрудничества. Декларации и правовые документы ЮНЕСКО, включая Всемирную декларацию по высшему образованию в XXI в. (1998), Рекомендации о статусе преподавательских кадров высших учебных заведений 1997 г. и др. определяют круг проблем национальной политики в этой сфере. Региональные конвенции о взаимном признании свидетельств об образовании, которые к настоящему времени ратифицировали свыше 100 государств-членов из всех регионов мира,

содействуют международному сотрудничеству в области высшего образования, повышают мобильность студентов и преподавателей. Крупнейшая реформа в сфере высшего образования в Европе, воплотившаяся в «Болонском процессе», определила европейскую зону высшего образования, а сфера европейского профессионального образования и повышения квалификации нашла свое отражение в «Брюжском процессе».

Важным количественным, интернационально сопоставимым индикатором образования стала программа PISA (Programme for International Student Assessment) ОЭСР, нацеленная на выявление базовых знаний, способностей и умений 15-летних учащихся, значимых для полноценного включения в социум. PISA расширяет области оценки (в 2000 г. оценивалась компетентность чтения, в 2003 – математическая грамотность, в 2006 – научная грамотность, в 2009 – способность чтения электронных текстов) и охват стран-участниц. Если в 2000 г. в Программе PISA участвовали 28 стран, то в 2006 – уже 57 стран. В скором времени ОЭСР планирует оценивать высшие учебные заведения (университеты, политехнические школы и колледжи) с помощью нового инструмента – AHELO (Assessment of Higher Education Learning Outcomes), учитывающего различия культур и языков. В 2011 г. предполагается проведение первого этапа Программы PIAAC (Programme for International Assessment of Adult Competencies), предназначенной для многоэтапной оценки профессиональных навыков и компетенций взрослого населения трудоспособного возраста (16–64 лет) в странах ОЭСР.

На повестке дня определение социальных результатов образования: занятости, производительности, здоровья, гражданства, которые позволят идентифицировать наиболее уязвимые звенья систем образования, будут способствовать более полному использованию возможностей, предлагаемых образованием в интересах отдельного человека и общества в целом.

На фоне мирового бума высшего образования и растущей мобильности молодежи РФ постепенно утрачивает свои позиции на международном рынке образовательных услуг. Это обусловлено не только проблемой языка обучения, условиями проживания и исчерпанием ресурса русскоязычных абитуриентов из бывших республик СССР, но и спецификой российской системы высшего образования. России необходима новая образовательная политика, которая бы отвечала требованиям информационного общества, основанного на знаниях и инновационной экономике.

Литература

1. Алфёров Ж.И. Наука и общество. – СПБ., 2006.
2. Алфёров Ж.И., Садовничий В.А. Образование для России XXI (http://www.mccme.ru/edu/index.php?ikey=msu-book_alferov).

3. Гинзбург В.Л. Религия и наука. Разум и вера // Наука и жизнь. – 2000. – № 7. – С. 22–29.

4. Интеграция мигрантов в Германии (http://btimes.ru/migranty/10-03-2010/migrant).

5. Ломборг Б. Вопросы реформирования стран Латинской Америки // Project Syndicate. – 2007 (http://www.project-syndicate.org/commentary/lomborg22/Russian).

6. Материалы к выступлению министра образования и науки А. Фурсенко на встрече с делегатами VI съезда Общероссийского профсоюза образования 30 марта 2010 г. (http://mon.gov.ru/ruk/ministr/dok/6922/).

7. Обама Б. Мы вернем науке подобающее ей значение. Выступление в Национальной академии наук США (http://polit.ru/science/2009/05/22/obama.html).

8. Осуществление Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций. Доклад Генерального секретаря ООН 27 августа 2004 г. (http://www.un.org/Russian/goals/development. htm).

9. Послание президента РФ Федеральному Собранию. 12 ноября 2009 г.

10. Садовничий В.А. Пока не поздно – уже опаздываем… // Образование, которые мы можем потерять: Сборник / Под общей ред. В.А. Садовничего. – М., 2002.

11. Салем П. Обучение как средство избавления от экстремизма (http://www/project-syndicate.org/commentary/salem5/Russian).

12. Субетто А.И. Интеллектуализация образования как проблема XXI века // «Академия Тринитаризма». – М., Эл № 77-6567, публ. 10257, 06.03.2003 (http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/ 001a/ 00120061.htm).

13. Byrne D. et al. School leavers: Survey report 2007. – Dublin: The Economic and Social Research Institute & Department of Education and Science, 2008 (www.education.ie/servlet/blobservlet/stat_school_leaver_survey_2007.pdf).

14. Cleveland G., Krashinsky M. Financing ECEC services in OECD countries. – P.: OECD, 2003 (www.oecd.org/document/3/0,2340, en_2649_201185_27000067_1_1_1_1,00.html).

15. Commission of the European Communities (2008). Green paper Migration and Mobility: Challenges and Opportunities for EU Education Systems. Commission Staff Working Documents, COM (2008) (www.lex.unict.it/eurlabor/documentation/com/2008/com(2008)-423en.pdf).

16. Coolahan J. Attracting, developing and retaining effective teachers: Country background report for Ireland // Department of Education and Science. – Dublin, 2003.

17. Cunha F., Heckman J., Lochner., Masterov D.V. Interpreting the evidence of life-cycle skill formation / IZA Discussion Paper Series. – Bonn: Institute for the Study of Labour, 2005. – N 1575 (July).

18. Executive summery and recommendations // OECD reviews of migrant education: Ireland // OECD, 2009.

19. Global monitoring report 2010 – the MDGS after the crisis overview World Bank, International Monetary Fund (http://siteresources.worldbank.org/DEVCOMMINT/Documentation/22553960/DC2010-0008(E)GMR2010Overview.pdf).

20. Improving equity in education: Summary by the chair, Norway's Minister of Education, Bård Vegar Solhjell // Informal meeting of OECD Ministers of Education (Oslo 9–10 June 2009) (http://www.oecd.org/dataoecd/28/10/43128478.pdf

21. McGorman E., Sugrue C. Intercultural education: Primary challenges in Dublin 15: Report funded by the Social Inclusion Unit of the Department of Education and Science. – Dublin, 2007.

22. OECD reviews of migrant education – closing the gap for immigrant students: policies, practice and performance. – OECD, 2010 (http://www.oecd.org/dataoecd/5/63/45012915.pdf).

23. Opening speech of Norwegian Minister of Education Bård Vegar Solhjell at the informal meeting of OECD Ministers of Education. – Oslo, 2009. – 9 June (http://www.oecd.org/dataoecd/28/10/43128478.pdf).

24. Starting Strong – OECD, 2001; Starting Strong II – OECD, 2006.

25. Tizard B. The care of young children: Implications of recent research. – L., 1986.

26. Vandell D.L. Early child care: The known and the unknown // Merrill Palmer quarterly journal of developmental psychology. 2004. – Vol. 50, N 3. – P. 387–414.

27. Vandell D.L., Wolfe B. Child care quality: Does it matter and does it need to be improved? – Wash. DC: United States Department of Health and Human Services, 2000.

28. Verry D. Some economic aspects of early childhood education and care // International journal of educational research. – 2000. – Vol. 33, N 1. – P. 95–122.

29. Wylie C., at al. Competent learners on the edge of adulthood: A summary of key findings from the competent learners / New Zealand Council for Educational Research (www.educationcounts.gov.nz/publications/ece/2567/35076/4).

С.С. Гулак

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ЗАВИСИМОСТЬ УКРАИНЫ: ПРОБЛЕМА ДЛЯ НОВОЙ АДМИНИСТРАЦИИ СТРАНЫ

Гулак Станислав Сергеевич – аспирант ГУ Высшей школы экономики (ГУ–ВШЭ).

Экономический фактор в российско-украинских отношениях

В силу исторических обстоятельств российско-украинские отношения представляют собой особый комплекс тесных и переплетенных связей, затрагивающих не только экономику, но и многовековые историко-культурные отношения братских народов. По этой причине существующие между двумя странами противоречия в политико-экономических сферах, как правило, сопровождаются чрезвычайно острой идеологической и политической борьбой.

Несмотря на то, что между предприятиями России и Украины с советских времен существует развитая производственная кооперация, необходимо признать, что основной контекст взаимоотношений экономик двух стран на внешних рынках заключается в высокой степени конкуренции между ними.

В то же время Россия является крупнейшим торговым партнером Украины. По данным Росстата, в 2008 г. внешнеторговый оборот РФ с Украиной составил 39,8 млрд. долл. США. Украина является пятым по величине торговым партнером России после Германии (67,3 млрд. долл. США), Нидерландов (61,8 млрд. долл.), Китая (55,9 млрд. долл.) и Италии (52,9 млрд. долл. США) и занимает во внешнеторговом обороте России со странами СНГ первое место (3).

Российский рынок для Украины имеет стратегическое значение, как один из немногих рынков на планете, потребляющий продукцию украинской промышленности и сельского хозяйства.

Российский экспорт на Украину больше чем наполовину состоит из поставок энергоносителей (52%), что говорит о высокой зависимости Украины от российских энергоресурсов. Экономика страны чрезвычайно энергоемка.

В мощный промышленный комплекс Украины входят горно-металлургическая промышленность (27% ВВП), химическая отрасль (4,3), машиностроение (12), крупный энергетический комплекс (13,8% ВВП) (6).

Нормальное и эффективное функционирование экономики и жизнедеятельность Украины требуют постоянного импорта значительных объемов энергетических ресурсов, главным образом природного газа, являющегося для Украины ключевым энергоносителем. Доля природного газа в общем объеме потребления энергоносителей в Украине является относительно большой и превышает 40%, что почти в 2 раза больше среднего мирового показателя 24,9%. В производственном секторе основными потребителями природного газа являются металлургические предприятия, химическая отрасль и энергетика, суммарная доля которых в общем объеме потребления составила 33%.

Опыт последних двух десятилетий показал, что разорвать сложившуюся социально-экономическую и культурно-историческую связи между российскими и украинскими народами и экономиками достаточно сложно. Тем не менее за последние пять лет произошли события, которые не могли не повлиять на экономическое сотрудничество между странами. В первую очередь речь идет об «оранжевой революции» 2004 г., в результате которой в Украине произошли сложные политические изменения.

В годы, предшествовавшие «оранжевой революции», в республике активно шел процесс формирования украинского политического класса и бизнес-сообщества (промышленно-финансовых групп), в большей степени ориентированных на сотрудничество с ЕС, чем с Россией, и нацеленных на получение доступа к предприятиям и отраслям экономики, жестко привязанным к российским энергопоставкам (нефтегазовый сектор, электроэнергетика, черная и цветная металлургия, машиностроение, пищевая промышленность). Столь специфическая и во многом противоречивая формула формирования украинской элиты заложила основу долговременного конфликта с Россией. Однако именно эти группы и составили политическую основу «оранжевой» коалиции 2004 г.

Еще в 1990-е годы украинский истеблишмент поставил перед собой стратегическую цель – вступление в ЕС. Сомнительно, что при новом президенте Украины В. Януковиче украинский политический класс сменит свою геополитическую ориентацию.

Несмотря на то, что в целом привлекательность украинского рынка и украинских производственных активов для производителей и инвесторов из России сохранилась, после 2004 г. условия работы российского бизнеса в Украине резко ухудшились. Ухудшение произошло по ряду причин: разрыв налаженных связей в сфере энергетики, приведший Украину к затяжному энергетическому кризису, что резко снизило инвестиционную привлекательность

украинских промышленных активов; усиление ставшего традиционным противостояния в сфере транспортировки российского природного газа по украинской газотранспортной системе (ГТС).

Энергетическая проблематика с 2004 г. оказывала постоянное негативное влияние на российско-украинские отношения. С приходом к власти «оранжевой» коалиции курс на евроинтеграцию существенно усилился. Соответственно, с 2002 г. первостепенными внешнеполитическими задачами на Украине воспринимались членство в ВТО, НАТО и ЕС. Налаживание и поддержание стабильных экономических отношений с Россией на этом фоне стало политически невостребованным. Затормозился процесс вхождения Украины в Единое Экономическое Пространство, что вскоре привело к девальвации данного интеграционного проекта.

Присоединение Украины к ВТО в 2008 г. носило политический характер, так как для Киева принципиально было не столько вступить в ВТО, сколько стать членом организации раньше, чем это сделает Россия.

Ряд законов и решений украинской исполнительной власти, принятых Верховной радой, негативно сказались как на внутренней социально-экономической ситуации, так и на экономических и политических отношениях двух стран. В частности, «успешно», с точки зрения украинского правительства, была осуществлена политика «реприватизации», тяжело ударившая по российским инвесторам. Знаковым в этом плане актом стала реприватизация металлургического комбината «Криворожсталь». Официально реприватизация была нацелена на передел собственности среди украинских олигархических групп, но практически она затронула позиции и инвестиции российского бизнеса. Стоит отметить, что к процессу реприватизации была причастна и «Партия регионов».

Новая экономическая элита Украины использовала инструменты исполнительной и судебной властей, переформированных «оранжевой революцией», для «возвращения» предприятий. Помимо действий, направленных на изъятие у представителей российского бизнеса их собственности на Украине, украинской стороной предпринимаются также меры, препятствующие приходу российского бизнеса на украинский рынок, что проявилось, к примеру, в ситуации с приватизацией Криворожского горно-обогатительного комбината окисленных руд.

Приход в 2004 г. «оранжевой» коалиции к власти изменил не только внутриполитическую обстановку в стране, но и поменял стратегические экономические и геополитические векторы развития Украины. Ставка на тесное экономическое и геополитическое сотрудничество с ЕС и США негативно повлияла на устоявшиеся экономические, социальные и политические связи с Россией.

Топливно-энергетический комплекс Украины: Формирование и структура

Особое место в российско-украинских экономических отношениях занимает топливно-энергетический комплекс, в частности газовая сфера. В российских и украинских СМИ данная тема является определяющей в оценках российско-украинских отношений. Стоит отметить, что вследствие политической остроты вопроса о поставках российского газа на Украину общая картина энергетических взаимоотношений России и Украины в угоду политическим конъюнктурным потребностям политических элит двух государств оказалась серьезно искаженной.

Необходимо напомнить, что Украина уже в конце 40-х годов XX в. была одним из центров зарождения газовой промышленности СССР. С 1960-х годов начинается внедрение технологий производства с использованием природного газа в качестве основного энергоносителя и формирование инфраструктуры доставки природного газа потребителям.

На Украине много десятилетий осуществлялась целенаправленная политика замещения ранее привычных топливных источников природным газом. «Реки дешевого природного газа, хлынувшего в Украину из Сибири и Севера по вновь проложенным газопроводам, вытесняли местный уголь и привозной мазут из энергобалансов сотен городов и тысяч предприятий. Дешевый газ, умноженный на мощь централизованной экономики, быстро преобразил Украину, сделав ее богаче, чище и конкурентоспособнее» (17). После распада СССР Украина унаследовала вторую после России по размерам на постсоветском пространстве газотранспортную систему[1].

Газовый рынок Украины в 1990-е годы формировался в условиях трансформации плановой экономики, складывание рыночных отношений в газовом секторе было сложным и болезненным процессом. Свою роль сыграло отсутствие государственной стратегии реформирования этого сектора. «Украинский рынок природного газа развивался под жестким, но бессистемным правительственным давлением. При этом сохранялся высокий уровень монополизации, а цены на газ формировались преимущественно в директивном порядке. Основные инструменты конкуренции имели на таком рынке не экономическую, а административную природу. А схемы организации газового

1. Система включает 37,5 тыс. км газопроводов, в том числе 14 тыс. газопроводов большого диаметра, 71 компрессорную станцию общей мощностью 5380 МВт, 1392 газораспределительных станций, сеть АГНКС, газоизмерительных станций. Пропускная способность системы на входе составляет 288 млрд. м^3 в год, на выходе – 175 млрд. м^3 (из которых около 140 млрд. м^3 – в страны Европы, около 35 млрд. м^3 – в Россию и Молдову). Максимальный возможный отбор при полной загрузке хранилищ составляет 240 млн. м^3 газа в сутки. Создана также сеть из 13 подземных газовых хранилищ общим объемом более 30 млрд. м^3.

сектора представляли собой результат лоббирования различными группами своих интересов» (16).

В настоящее время структура потребления энергоносителей в Украине имеет противоречивый характер: с одной стороны, Украина близка к группе стран, обладающих значительными собственными запасами газа, с другой – по использованию запасов ее нельзя отнести к данной группе, так как собственная добыча осуществляется на уровне 19–20 млрд. $м^3$ в год, а потребность в природном газе составляет 76 млрд. $м^3$ в год. Это говорит о достаточно высокой зависимости национальной экономики от импортируемых энергоносителей.

Доля импортного газа на Украине составляет около 75% от общего объема потребляемого «голубого топлива», и лишь 25% – собственно украинская добыча. Природный газ сейчас является наиболее важным источником энергии на Украине по сравнению с альтернативами (уголь, ядерная энергетика), и со времен получения страной независимости роль газа в экономике только возрастает (4). По объемам потребления природного газа Украина входит в первую десятку стран мира.

С приходом к власти в 2004 г. «оранжевой» коалиции деятельность президента Украины В. Ющенко и премьера Ю. Тимошенко привели к многократному росту цен на природный газ и фактическому банкротству в 2008–2009 гг. украинского нефтегазового монополиста – НАК «Нафтогаз Украины». В этой ситуации решение стратегических задач – организация разведки и освоение новых месторождений, наращивание объемов добычи углеводородов, модернизация газотранспортной системы и обеспечение энергобезопасности страны – НАК «Нафтогаз Украины» выполнять практически не в состоянии. Так, например, в период 2005–2008 гг. газовый баланс страны утверждался Кабинетом министров с опозданием на три-шесть месяцев. 2010 г. в этом плане стал исключением, газовый баланс был утвержден 29 декабря 2009 г., раньше прогнозируемого срока – январь–март 2010 г. В прогнозный баланс вошли: природный газ, добытый в Украине – 20,672 млрд. $м^3$, поступление импортного газа – 27 млрд. $м^3$, отбор из подземных хранилищ газа (ПХГ) – 13,22 млрд. $м^3$ (14).

Распределение природного газа (всего 60,892 млрд. $м^3$) по Украине выглядит следующим образом: на производственно-технологические нужды – 6,593 млрд. $м^3$, потребителям – 50,357 млрд. $м^3$. Потребление: населением – 17,553 млрд. $м^3$; бюджетными организациями – 0,704 млрд. $м^3$; предприятиями ТЭК – 8,300 млрд. $м^3$; промышленными потребителями – 23,8 млрд. $м^3$. Закачка газа в ПХГ – 3,77 млрд. $м^3$ (1).

Как видим, основными потребителями природного газа в Украине являются промышленные предприятия и население.

Потребление газа населением в Украине

Постановлением Кабмина № 1729 от 27 декабря 2001 г. «Об обеспечении потребителей природным газом» (последнее изменение от 26 марта 2008 г. № 247) установлено, что потребность населения в природном газе удовлетворяется из ресурса государственных газодобывающих организаций и предприятий с участием государства (ДК «Укргаздобыча» – дочерняя компания НАК «Нафтогаз Украины», ГАО «Черноморнефтегаз» (100% акций принадлежит НАК) и ОАО «Укрнефть», где государство владеет 50% + 1 акция; в среднем в год они добывают порядка 19 млрд. м^3 газа) (8, с. 6).

За время своего премьерства Ю. Тимошенко неоднократно говорила, что цены на газ для населения повышаться не будут. Подобные заявления звучали и в конце января 2009 г., после подписания долгосрочного контракта с ОАО «Газпром». Но цена увеличилась до 483,6–1968,6 грн. (63–256,4 долл. США), в то время как до прихода к власти «оранжевой» коалиции в 2004 г. стоимость газа для населения составляла 175–190 грн. за 1 тыс. м^3 (22,8–24,7 долл. США). Оснований для повышения цены на газ не было, так как «Нафтогаз Украины» получал газ для населения от газодобывающих компаний по стабильной цене, которая держалась на уровне 182–289 грн. (23,7–37,6 долл. США) за 1 тыс. м^3 (8, с. 6).

Предельная, экономически обоснованная, цена на газ для населения формируется исходя из следующих критериев: а) стоимость газа как товара; б) налог на добавленную стоимость; в) тарифы на транспортировку и поставки газа. Таким образом, предельный уровень стоимости газа должен составлять примерно 374,4–502,8 грн. за 1 тыс. м^3 (48,7–65,5 долл. США) (8, с. 7).

Причина роста цен на газ для населения заключается в структуре НАК «Нафтогаз Украины». Компания была создана в качестве концентратора финансовых потоков отрасли, перераспределяющего поступившие средства в интересах правящей элиты. Смена президентов, премьеров, министров не отменяла паразитические схемы распределения доходов компании, а лишь модифицировала и обновляла их.

НАК «Нафтогаз Украины» является посредником между газодобывающими и газораспределяющими предприятиями. Именно внутри данной цепочки у компании оседает разница между экономически обоснованным предельным уровнем цены на газ и установленным чиновниками уровнем тарифов, составляющих миллиардные суммы.

Промышленные потребители газа в Украине

Горно-металлургический комплекс

По объемам производства металлургия занимает первое место среди промышленных отраслей украинской экономики и на сегодняшний день на-

считывает 365 предприятий – металлургические и трубные комбинаты и заводы, заводы цветной металлургии и пр. В 2009 г. Украина заняла восьмое место в мире среди крупнейших стран – производителей стали (17). Предприятия ГМК Украины обеспечивают около 27% ВВП страны. Экспорт металла и продукция из него во внешнем товарообороте страны занимает 43% (2). Таким образом, именно экспортной выручкой горно-металлургического комплекса Украины наполняется большая часть государственного бюджета Украины.

Однако ГМК Украины может успешно работать только при определенных внешних условиях. Внешнее воздействие в виде экономического кризиса 2008–2010 гг. и российско-украинские «газовые войны» 2006 и 2009 гг., чрезвычайно сильно сказались на неустойчивой системе украинского ГМК, потребляющего 47,7% всего газа, направляемого промышленным предприятиям (18, с. 34). Так, по итогам первого полугодия 2009 г., украинские горно-металлургические предприятия сократили производство чугуна, стали и проката, по сравнению с аналогичным периодом 2008 г., на 34–39%, а железорудного сырья – на 22–35%. В итоге, по информации объединения «Металлургпром», за первую половину 2009 г. убытки металлургических предприятий Украины составили около 4 млрд. грн (2).

С новой силой о роли и зависимости украинской промышленности от цены на российский газ заговорили, когда в 2006 г. произошло первое резкое повышение цен на импортируемый из России газ. Оно имело следующие негативные последствия для крупнейших украинских металлургических предприятий: ощутимое сокращение внешних рынков; снижение объемов реализации продукции; сокращение заработных плат; массовые увольнения персонала; остановка предприятий; раскрутка гиперинфляции; неустойчивость национальной валюты (18, с. 34).

Именно владельцы предприятий ГМК Украины наиболее резко критикуют правительство за проводимую газовую политику. Они неоднократно требовали остановить «нелегитимные», с их точки зрения, переговоры с «Газпромом», в том числе лишить полномочий Кабинет министров Украины на подписание межгосударственного соглашения в период премьерства Ю. Тимошенко.

Накануне энергетического кризиса 2009 г., когда Туркменистан, Узбекистан и Казахстан подписали с «Газпромом» соглашение о повышении цен с 1 января 2009 г. до уровня европейских (за вычетом расходов на транспортировку), ряд украинских экспертов и политиков не видели в повышении цены на газ признаков глубокого энергетического кризиса для металлургической и химической промышленности страны. Так, Валерий Мазур, министр промышленности Украины в 1995–1997 гг. и член-корреспондент Национальной академии наук Украины, предполагал, что энергоемкие отрасли Украины

способны пережить повышение цен на энергоресурсы главным образом за счет режима жесткой экономии. По его словам, большинство заводов уже в середине 2008 г. были готовы работать в условиях дефицита и высоких цен на газ. Между тем в апреле 2008 г. стоимость газа на границе России и Украины составляла 179 долл. США за 1 тыс. $м^3$, а на входе химических комбинатов она достигала уже 250–265 долл. США за 1 тыс. $м^3$.

На сегодняшний день технология производства чугуна и стали в Украине настроена на избыточное потребление природного газа. До 2006 г. на газе украинская металлургия и химическая промышленность особо не экономили, так как цена на «голубое топливо» была существенно занижена. Именно по этой причине реальные энергетические затраты украинской металлургии в 2 раза превышают затраты европейских металлургических предприятий.

В. Мазур говорит, что следует не обвинять Россию в повышении цен на газ, а, напротив, благодарить за то, что подорожание наступает сейчас, а не раньше. Резервы сокращения расхода газа в металлургии огромные и на ближайшие пять лет составляют 20–25%. Цена газа должна рассматриваться в сопоставлении с мировыми ценами на продукцию химических или металлургических комбинатов. Повышение цены на газ, конечно, уменьшит прибыль предприятий, но послужит стимулом к повышению эффективности производства, а кроме того – спровоцирует промышленное лобби на «выдавливание» преференций от государства для покрытия дополнительных затрат на закупку газа по более высокой цене – последнее может оказаться, по мнению эксперта, безрезультатным (9, с. 6).

Можно констатировать, что металлургические предприятия Украины уже работают в весьма сложных условиях, которые им обеспечил не столько российский газовый монополист – «Газпром», сколько правительство Украины в результате политико-экономической игры с «Газпромом»; создания и поддержания непрозрачной финансовой структуры НАК «Нафтогаз Украины»; низкого уровня инвестиций в энергосберегающие технологии и необоснованное повышение стоимости газа на внутреннем рынке для промышленных предприятий.

В этой связи существующее мнение, что украинская металлургия переживает временные трудности, обусловленные лишь внешней, неблагоприятной экономической конъюнктурой, является ошибочным. ГМК Украины последовательно и неуклонно продолжает движение к системному кризису (2). Причины – бесперспективная энергетическая политика правительства Украины и износ основных фондов ГМК.

Химическая промышленность

Химическая промышленность является второй после металлургии экономически значимой отраслью и так же, как и ГМК, представляет собой наследие Советского Союза. С провозглашением независимости объемы хи-

мического производства, по сравнению с советским периодом сократились в Украине почти на 60%. Однако после того, как у наиболее рентабельных предприятий появились частные владельцы (приблизительно с 2000 г.), отрасль стала давать ежегодный прирост производства (2).

На данный момент химический комплекс Украины объединяет более 200 предприятий, производящих 8 млн. т продукции в год. В структуре промышленного производства Украины на химическую промышленность приходится 6–8%. Доля химической продукции в структуре экспорта составляет 8–9% (2). Но экспортные возможности отрасли на протяжении длительного периода времени обеспечивались исключительно демпинговыми ценами.

Ситуация, в которой оказались украинские химические предприятия, аналогична ситуации, в которой оказался ГМК Украины. Все первое полугодие 2009 г. украинские химические заводы проработали с отрицательной рентабельностью[2].

Чаще всего падение производства в отрасли связывают с мировым финансовым кризисом. Однако украинский химпром, так же как и металлургия, переживает спад по однотипным причинам – повышение себестоимости продукции, связанное с ростом цен на газ, и нарастание изношенности основных фондов.

Цена на продукцию украинской химической промышленности напрямую зависит от цены на российский газ, который составляет 65–85% себестоимости продукта. Растущий в цене российский природный газ неуклонно делает продукцию украинского химпрома неконкурентоспособной и нерентабельной.

Во время первого российско-украинского энергетического кризиса бывший министр экономики Украины А. Кинах и министр промышленной политики Украины К. Кучер, в своих интервью заявляли, что если цена на газ для Украины превысит 130–180 долл. США за 1 тыс. $м^3$, то ее химическая отрасль станет нерентабельной и убыточной, что приведет к полной или частичной остановке химических предприятий. В целом рост мировых цен на минеральные удобрения позволил сохранить валовую рентабельность украинского химпрома.

Стоимость природного газа в I квартале 2009 г. для химпрома Украины составляла 360 долл. США за 1 тыс. $м^3$, во II квартале – 270,95 долл., в III квартале – 198 долл., в IV квартале – 208 долл. США за 1 тыс. $м^3$. Таким

2. По итогам первого полугодия 2009 г., производство аммиака, который составляет основу азотных удобрений, в Украине сократилось на 43,8% по сравнению с январем–маем 2008 г. В частности, концерн «Стирол» за указанный период сократил производство аммиака на 66%, Северодонецкое объединение «Азот» – на 54,1, Одесский припортовый завод – на 53,2, Ровноазот – на 37,7%.

образом, средняя цена на природный газ для химических предприятий Украины в 2009 г. была примерно 260–318 долл. США за 1 тыс. $м^3$, что по свидетельству Европейского совета химической промышленности на 30% превышало показатели производителей аналогичной продукции в странах ЕС, на 40% – в странах Северной Америки, и больше чем в 2 раза в России. Российская промышленность получает газ примерно по 70 долл. США за 1 тыс. $м^3$, в то время как украинская – в 5 раз дороже.

Соответственно, более дешевый газ для конкурентов лишает украинский химпром перспектив роста рентабельности и конкурентоспособности. Так, например, газовые договоренности между правительством Украины и России в январе 2009 г. поставили на грань остановки Одесский припортовый завод, «Черкассыазот», ОАО «Стирол», «Днепроазот», «Ровноазот» и Северодонецкое ОАО «Азот», поскольку производить продукцию при установленном уровне цен на газ оказалось нерентабельно.

В поисках схем, обеспечивающих химическую промышленность газом, правительство Украины приняло постановление, разрешающее шести указанным предприятиям покупать газ у нерезидентов украинского газового рынка. Таким образом, они получили эксклюзивное разрешение покупать природный газ не у НАК «Нафтогаза Украины» (имеющего исключительное право на реализацию газа потребителям на территории Украины), а, например, у российских компаний (2). Это позволило им добиться снижения закупочной цены на газ.

Следует отметить, что «газовое» решение Кабинета министров Ю. Тимошенко было впервые озвучено заместителем председателя правления «Газпром» А. Медведевым еще в 2005 г. Уже тогда российская газовая компания исходила из того, что Украина не сможет оплачивать поставки газа по европейским ценам, и «Газпром», используя данную ситуацию, будет работать с украинскими предприятиями напрямую, без посредников в лице государственных компаний Украины.

Цена на импортный природный газ для промышленников, несмотря на обещания премьера Ю. Тимошенко, продолжала расти, и в 2008 г. выросла на 45%, по сравнению с уровнем 2007 г. (179,5 долл. США за 1 тыс. $м^3$). Правительство увеличило ценовую надбавку на природный газ с 2 до 12% (на какие цели она идет, известно только правительственным чиновникам). С 1 мая 2009 г. в структуру оптовой цены на природный газ была включена новая надбавка в размере 87,43 грн. за 1 тыс. $м^3$ (без НДС) – услуги НАК «Нафтогаз Украины» по реализации газа. Примечательно, что подобная надбавка отсутствовала даже у официального посредника поставок импортного газа в Украину – RosUkrEnergo. По рекомендации правительства Национальная комиссия регулирования электроэнергетики Украины в начале августа пересмотрела размеры тарифов газораспределительных организаций на транспор-

тировку и поставки природного газа. В итоге общий тариф на транспортировку газа трубопроводным транспортом увеличился для потребителя на 26,7% – до 122 грн. за 1 тыс. $м^3$ (15,8 долл. США). Средний же расчетный тариф в результате этого пересмотра возрос на 28,7% – до 34 грн. за 1 тыс. $м^3$ (4,4 долл. США). Таким образом, конечная цена газа для промышленных предприятий составляет порядка 2500 грн. за 1 тыс. $м^3$ (325 долл. США) при прогнозируемой среднегодовой цене импортного газа 239,65 долл. США за 1 тыс. $м^3$. Более того, с 1 января 2010 г. из действующей газовой формулы был изъят понижающий коэффициент 0,8, что автоматически увеличило цену импортного газа для украинских потребителей на 25%. В итоге стоимость импортного газа, потребляемого промышленными предприятиями Украины, постоянно росла, несмотря на официальные заявления бывшего премьер-министра.

В 2010 г. предприятия ГМК и химпрома вошли не готовыми к новым затратам. Особенно ощутимо повышение ударило по предприятиям, себестоимость продукции которых включает большие затраты на газовое топливо и сырье. Очередное ценовое повышение может привести к коллапсу украинского химпрома и металлургии.

Ситуация, складывающаяся в Украине на сегодняшний день, представляется тяжелой и малоперспективной, так как, с одной стороны, энергозатратность предприятий высока, а с другой – вследствие итогов болезненного газового противостояния января 2009 г. украинская экспортная экономика балансирует на грани банкротства. В начале 2009 г., после роста цен на импортируемый газ в Украине остановилось 23 крупных бюджетообразующих предприятия. Сегодня Украина потребляет столько же энергии, сколько Германия, но производит всего 10% от объема немецкого ВВП. Эти цифры отчетливо демонстрируют ближайшее будущее экономики страны.

Необходима адекватная политика в газовом вопросе, отвечающая интересам ключевых отраслей украинской промышленности – металлургической и химической, в крайней степени зависимых от импортируемого из России газа. В краткосрочной и среднесрочной перспективе (как минимум, ближайшие десять лет) альтернативы этому сырью, так же как и поставщику, найдено не будет.

Новое российско-украинское соглашение, подписанное нынешними президентами двух стран Д. Медведевым и В. Януковичем в апреле 2010 г., сохраняет и даже может усилить газовую зависимость Украины от России. 10%-ная скидка на газ, предоставляемая сроком на десять лет, позволяет на ближайшее время завуалировать паразитические схемы НАК «Нафтогаз Украины» и не решать проблемы. В то же время это соглашение усиливает политические позиции «Газпрома» в Украине.

Для развития промышленного сектора, а значит и для восстановления экономики Украины в целом, команде В. Януковича критически важно пред-

принять меры, направленные на оздоровление НАК «Нафтогаз Украины». В ином случае предприятия ГМК и химпрома будут продолжать нести убытки и терять рентабельность, что неотвратимо приведет к потере мировых отраслевых рынков и стагнации экономики страны.

Доходы от металлургической и химической отраслей, практически на 100% зависящих от импортируемого российского газа, доля которого в себестоимости продукции достигает 60%, составляют 1/3 ВВП Украины. Переход на альтернативные источники энергии – нефть, уголь, ядерную и другие ее виды – требует многомиллиардных вложений и перестройки всей системы украинской экономики.

Снижение издержек на энергоносители высвободит колоссальные суммы на переоснащение основных фондов и развитие энергосберегающих технологий и сделает отрасль привлекательной для инвестиций.

Киев при правительстве Ю. Тимошенко пытался найти альтернативных поставщиков энергоресурсов и рассчитывал на реализацию достаточно авантюрных энергетических проектов (например, газопровода «Белый поток»), но эти проекты не изменят серьезно ситуацию на внутреннем газовом рынке и не ликвидируют коррупцию в энергетическом секторе.

Идея «Белого потока» разрабатывалась еще Юлией Тимошенко с 2005 г., но после ее отставки и назначения премьер-министром В. Януковича проект не получил своего развития в Украине. Однако он не был забыт. Развитие проекта продолжалось в рамках международного частного консорциума «Грузия–Украина–Европейский союз» (GUEU – White Stream Pipeline Company), созданного в 2004 г. (неофициальное название «Свободный от политического давления газ») (10, с. 7).

Проект обсуждался на двухсторонних и многосторонних встречах длительное время и более того, был презентован на саммите по вопросам энергетической безопасности в Вильнюсе. 29 января 2008 г. в Брюсселе проект был представлен вернувшейся на пост премьер-министра Ю. Тимошенко, после чего интерес к нему вырос, и «Белый поток» стали рассматривать как основного конкурента другим потенциальным трубопроводам, прежде всего «Набукко».

Данный проект – это единственная возможность диверсифицировать поставки газа на Украину. Однако, несмотря на политическую и финансовую поддержку ЕС, «Белый поток» – сложно реализуемый проект. Главная проблема – наполняемость трубы (пропускная способность 32 млрд. $м^3$), так как весь туркменский газ законтрактован российским «Газпромом» и Китаем на несколько лет вперед. Кроме того, на туркменский газ претендуют Индия и Пакистан. Участники проекта не торопятся с подписанием соглашений и утверждением проекта, что ставит вопрос о сроках его реализации. В сово-

купности эти проблемы крайне осложняют перспективы освобождения украинской экономики от зависимости поставок газа из России.

Тем не менее директор «White Stream Pipeline Company» Роберт Пиран заявил, что строительство газопровода начнется в 2012 г., а первую фазу проекта завершат к 2015 г. (5).

На данный момент Украина не имеет альтернативных поставщиков энергетического сырья. Высокая зависимость от импортируемых из России энергоносителей, низкая инвестиционная привлекательность в силу внутренней политической и экономической нестабильности, периодические газовые кризисы в отношениях с Россией ставят перед президентом В. Януковичем задачи глубокой системной реформы украинской экономики и реального вклада в развитие и укрепление российско-украинских экономических и политических отношений, расширения сотрудничества двух стан в сфере энергетики.

Литература

1. В этом году из ПХГ возьмут 13,22 млрд. кубов газа, закачают – 3,77 млрд. // ИА УНИАН. – Режим доступа: http://www.unian.net/rus/news/news-358208.html (дата обращения: 25.01.2010).

2. Ваджра А. РАСПАД: Миф о «Закромах Родины» – 1 // Руська Правда. – Режим доступа: http://www.ruska-pravda.com/index.php/200911035002/stat-i/arhivy-andreja-vadzhry/l-r.html (дата обращения: 20.01.2010).

3. Внешняя торговля Российской Федерации со странами СНГ // Федеральная служба государственной статистики РФ. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_11/IssWWW.exe/Stg/d03/26-06.htm (дата обращения: 15.02.2010).

4. Внутренний рынок газа на Украине: политика, экономика, криминал // ИА Регнум. – Режим доступа: http://www.regnum.ru/news/802954.html (дата обращения: 17.03.2010).

5. Глава газового проекта «Белый поток»: Не думаю, что Китай будет импортировать газ в том же объеме, что и Европа // Информационно-аналитический портал «Нефть России». – Режим доступа: http://www.oilru.com/news/151139/ (дата обращения: 17.02.2010).

6. Государственный комитет статистики Украины. – Режим доступа: http://www.ukrstat.gov.ua/ (дата обращения: 15.02.2010).

7. Гриб Н. Газовый император. Россия и новый миропорядок. 2009. – 288 с.

8. Гусак Л. Слишком горячий газ // Еженедельник 2000, № 51, 18.12. 2009.

9. Еременко А. Потянет ли украинская экономика цену газа в 300 долларов? // Зеркало недели № 15 (694), 25.04.2008.

10. Жильцов С.С. «Белый поток» обострил конкуренцию // НГ-Энергия № 42 11.03.2008.

11. Кобылянская Л. Экономические отношения России и Украины // Экономический портал. – Режим доступа: http://institutiones.com/general/997-ekonomicheskie-otnosheniya-rossii-i-ukrainy.html (дата обращения: 20.12.2009).

12. Косов Ю.В. Содружество Независимых Государств: Институты, интеграционные процессы, конфликты. – 2009. – 224 с.

13. Либман А.М. Экспансия российского капитала в страны СНГ. – 2006. – 367 с.

14. Минтопэнерго: Газовый баланс-2010 правительства Тимошенко опасен и требует пересмотра // finance.ua 2000. – Режим доступа: http://news.finance.ua/ru/~/1/0/all/2010/03/17/190603 (дата обращения: 17.03.2010).

15. Становление газового рынка Украины // АНТ Consulting 2004. – Режим доступа: http://www.aht.org/eng/analitics/2007/gas_sector.pdf (дата обращения: 18.12.2009).

16. Степаненко В.А. Встречный ветер-2 // Электронный журнал Энергосервисной компании «Экологические системы». – Режим доступа: http://esco-ecosys.narod.ru/2005_12/art107.htm (дата обращения: 18.12.2009).

17. Украина заняла 8-е место среди ведущих производителей стали // ИА Минпром. 22.01.10 – Режим доступа: http://minprom.ua/news/36044.html (дата обращения: 22.01.10).

18. Цены на газ для украинской металлургии // Информационно-аналитический журнал «Металлургический бюллетень», № 3, 03.01.2006.

А.Ш. Жвитиашвили

РОССИЯ И БЕЛОРУССИЯ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СРАВНЕНИЯ

Жвитиашвили Анатолий Шалвович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

Задачей настоящей работы является сравнительный анализ российского и белорусского обществ под углом зрения перспективы их интеграции. Для ее оценки рассмотрено несколько направлений: динамика инновационной активности, распределение занятого населения по отраслям экономики и формам собственности, модели социально-трудового поведения, характер социальной стратификации, особенности среднего класса, социокультурные и политические факторы, способствующие и мешающие интеграции обеих стран.

После распада СССР Белоруссия находилась в более выгодном положении по сравнению с Россией. В границах СССР она имела статус «сборочного цеха» страны, концентрировавшего в себе значительную часть научно-инженерного потенциала всей страны (9, с. 20). В отличие от радикального курса на слом старой системы, принятого в 90-е годы в России, Белоруссия избрала эволюционную модель развития. Это помогло ей во многом предотвратить быстрое распыление своих высококвалифицированных кадров. Правда, период перестройки социальных отношений в 90-е годы не прошел без потерь и для нее. По такому показателю современного развития как ИРЧП (индекс развития человеческого потенциала), республика опустилась ниже. Если в 1990 г. ИРЧП Белоруссии составлял 0,869, то в 1998 г. – 0,781 (13, с. 148). Однако в начале нового столетия она снова вошла в группу стран с высоким уровнем ИРЧП, заняв 53-е место по международной шкале (13, с. 149).

Россия и Белоруссия ставят своей задачей создание инновационной экономики. В России создан Федеральный центр науки и технологий МЧС. В него входят 45 организаций, среди которых предприятия, научно-

исследовательские институты, вузы. Функционируют более 60 инновационно-технологических центров, а также инновационно-промышленные центры (комплексы), центры трансфера технологий, особые экономические зоны (ОЭЗ). С целью финансовой поддержки инновационных проектов были созданы Инвестиционный фонд, государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности», Российский венчурный фонд (здесь и далее вплоть до табл. 1 данные взяты из: 4). В первом десятилетии XXI в. начали складываться элементы национальной инновационной системы (НИС). Ее определяют как совокупность экономических субъектов, государственных и общественных институтов, обеспечивающих условия для производства новых знаний, новых продуктов, услуг, технологий, системы распространения и рыночной реализации выпускаемой продукции. Однако создание элементов НИС не приводит пока к радикальному сдвигу в процессе модернизации российской экономики. То обстоятельство, что эта модернизация во многом осуществляется на основе закупок импортного оборудования, использования и копирования импортных технологий, свидетельствует о том, что российская экономика остается в рамках адаптивного (заимствованного) типа модернизации. Такой тип предусматривает издержки (в виде выплат инновационной ренты) на приобретение авторских прав, патентов, лицензий, оборудования, сервисное обслуживание и т.д. Если в 2000 г. в России объемы импорта и экспорта технологий были примерно уравновешены, то в 2006 г. импорт, составивший 57,5 млрд. руб., заметно опередил экспорт технологий в объеме 43,1 млрд. руб. В России получили развитие и такие направления использования западных инноваций, как поставки комплектующих частей для сборки готовых изделий (например, автомобилей), приобретение зарубежных компаний, производящих высококачественную технику.

Элементы НИС складываются и в Белоруссии. В республике функционируют шесть технопарков, несколько сот малых инновационных предприятий, Республиканский центр трансфера технологий, отвечающий за обеспечение взаимодействия разработчиков технологий, их потребителей и возможных инвесторов, парк высоких технологий (ПВТ). Финансовую поддержку инновационным проектам оказывают фонды, действующие на отраслевом и общегосударственном уровнях. Так, Белорусский инновационный фонд (БИФ) в 2004 г. финансировал 30, а в 2005 г. – уже 35 инновационных проектов. В 2005 г. в России доля экспорта наукоемкой продукции на мировом рынке высокотехнологичной продукции составляла 1,0% а в Белоруссии – 0,0%. В России доля новой продукции в общем объеме продукции промышленности составила в том же году 12,6%, в Белоруссии – 10,4%. Негативная динамика в обеих странах наблюдается по такому показателю, как доля наукоемкой продукции в ВВП. В Белоруссии она составляла в 1991 г. 1,9%, а в 2006 г. – 0,7%, в России она составляла в 1991 г. 1,9%, а в 2006 г. – 1,2%. Так же как и

в России, в Белоруссии модернизация носит анклавный характер. Более 3/4 используемых в экономике Белоруссии технологий относятся к третьему и четвертому технологическим укладам и только 5,2% – к высоким технологиям (все приведенные выше данные взяты из: 4). Таким образом, в России и в Белоруссии инновационная динамика носит фрагментарный и даже нисходящий характер.

В новых условиях в России и в Белоруссии произошел переход от всеобщего и обязательного труда к добровольному выбору того или иного вида трудовой деятельности. Слом старой производственной структуры в результате реформ 90-х годов XX в. привел к изменениям в структуре занятого населения России. Они происходили под влиянием появления частной собственности, становления рынка труда, усиления роли сферы услуг, а также перехода статистической методологии к международной отраслевой классификации хозяйственной деятельности. В результате во второй половине первого десятилетия нового столетия сложилось следующее распределение занятых по видам деятельности (табл. 1).

Таблица 1

Структура занятых в России (в %)

Виды деятельности	*2009 г.*
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство	10,0
Добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды	19,7
Строительство	7,8
Оптовая и розничная торговля, гостиницы, рестораны, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	19,7
Государственное управление, обеспечение военной безопасности социальное обеспечение, финансовая деятельность	7,2
Транспорт и связь	8,0
Образование, здравоохранение, предоставление социальных услуг	17,0
Другие виды деятельности	10,6

Источник: 5, с. 138.

Основная часть занятых в сфере услуг сосредоточена в торговле, гостиницах, ресторанах и т.п. Отрасли, в которых происходит вложение в человеческий капитал (образование, наука, здравоохранение), проявляют тенденцию к сокращению. При этом наибольшее число занятых остается в первичном и вторичном секторах (материальном производстве): в сфере добычи полезных ископаемых, обрабатывающих производств, а также аграрном секторе. Невелико число занятых в сфере транспорта и связи, государственного управления, социального обеспечения и финансовой деятельности.

На формирование новой структуры занятости повлияли также изменение роли государственной собственности в экономике, безработицы, неформальной занятости. Вот как распределялась численность занятых по формам собственности в 2007 г. (табл. 2).

Таблица 2

Структура занятых по формам собственности (в %)

Формы собственности	*2009 г.*
Государственная и муниципальная собственность	31,3
Частная собственность	57,8
Собственность общественных и религиозных организаций	0,5
Смешанная российская собственность	5,7
Иностранная и совместная российская и иностранная собственность	4,7

Источник: 5, с. 137.

В настоящее время большинство работников занято на предприятиях, находящихся в частной собственности. Снижается доля собственности общественных и религиозных организаций, а также смешанной российской собственности. С точки зрения структуры форм собственности и распределения рабочей силы по формам собственности российская экономика является типично капиталистической. Однако такой характер экономики еще недостаточен, как мы видели из предыдущих данных о структуре занятости населения по видам экономической деятельности, для развития постиндустриального общества.

Реальные сдвиги произошли и в структуре занятости в Белоруссии. В отраслевой структуре занятости в результате перераспределения рабочей силы уменьшилась численность работающих в реальном секторе экономики и увеличилась численность работающих в сфере услуг. Так, в промышленности в 1995 г. было занято 27,6, а в 2009 г. – 26,2%. В сельском хозяйстве в 1995 г. работали 19,1, в 2009 г. – 9,3% (15, с. 54). В эти годы шел рост занятости в непроизводственных отраслях. Наиболее высокие темпы роста наблюдались в таких отраслях как транспорт, торговля и общественное питание, жилищно-коммунальное хозяйство, здравоохранение, социальное обеспечение. Доля занятых в сфере образования сначала росла (с 9,5% в 1995 г. до 10,4% в 2005 г.), а затем стала снижаться – с 10,3% в 2006 г. до 9,7% в 2009 г. (15, с. 54). Тенденция изменения числа занятых в области науки носит регрессивный характер – их доля снизилась с 1,0% в 1995 г. до 0,8% в 2009 г. (там же). В 2007 г. число занятых в производственной сфере составляло 45,3%, а в непроизводственной сфере – 54,7% (8, с. 121). Наметившаяся тенденция перевеса сферы услуг (третичный сектор) над отраслями материального произ-

водства (первичный и вторичный секторы) свидетельствует об изменении структуры производства в сторону неиндустриального типа развития.

По сравнению с Россией частный сектор в Белоруссии развит слабее. Доля занятых в нем по мере развития рыночных отношений увеличивалась (с 40,1% в 1995 г. до 50,7% в 2009 г.), а доля занятых в государственном секторе постоянно сокращалась – с 59,8% в 1995 г. до 47,7% в 2009 г. (15, с. 52). Для структуры занятости в белорусской экономике также свойственны убывание вторичной занятости и распространение неформальной занятости. По данным опроса, в 2005 г. вторичная занятость охватывала 5,1% респондентов. В то же время по тем же данным неформальная занятость охватывала около 8,0% опрошенных (7, с. 22). Неформальная занятость может считаться показателем определенной модели социально-трудового поведения – максимизации труда, обусловленной низким уровнем заработной платы. На долю последней в Белоруссии приходится 2/3 денежных доходов населения. При этом такие статьи расходов, как покупка товаров долговременного пользования и оплата бытовых услуг, отсутствуют у 1/3 респондентов; отдых, посещение концертов и театров – у 1/2 респондентов; затраты на платное образование – у 2/3 респондентов (7, с. 23).

Что касается модели социально-трудового поведения квалифицированных рабочих России, то и ее основным признаком является максимизация труда, направленная на достижение максимально возможного заработка за счет интенсификации труда и продолжительности рабочего времени (18, с. 42–43). Эта стратегия соседствует с преобладанием пассивной позиции в решении других жизненных проблем. Так, в том, что «успех в работе основан на личной инициативе человека и его старании», уверены порядка 40% респондентов, тогда как лишь около 10% опрошенных считают, что они способны реализовать свои планы, а свыше 50% не уверены в завтрашнем дне. За возможность «попробовать свои силы в новом деле» высказались только 5% профессионалов (6, с. 42). Среди рабочих столь же слабо выражено стремление к получению дополнительного образования и повышению квалификации, к участию в собственности предприятия за счет удержания или приобретения акционерного капитала (18, с. 43).

Сходную модель социально-трудового поведения демонстрируют белорусские работники. Согласно результатам социологического мониторинга, проведенного в Белоруссии в 2007 г., у них «преобладает традиционный тип экономического мышления» (9, с. 128). Наиболее важными ценностями в работе считаются хороший заработок (86,9%), хорошие условия труда (69,0) и хороший коллектив (63,0%). Работа над интересными и сложными проблемами в этой иерархии ценностей занимает одно из последних мест (9,7%). Слабо выражено стремление к повышению квалификации. «И это не удивительно – отмечает Г.Н. Соколова, – так как 3/4 занятого населения … не про-

ходили повышение квалификации за последние два года, потому что в этом не было необходимости» (9, с. 128).

Важным социологическим показателем сходства и различий социальных систем является состояние социально-стратификационной структуры. Квинтильный принцип распределения групп по объему денежных доходов населения России дает следующую картину распределения доходов между основными стратами. Первая группа (с наименьшими доходами) имела в 1995 г. 6,1, в 2009 г. – 5,1% всех денежных доходов. У второй группы (с доходами ниже среднего) в 1995 г. было 10,8, в 2009 г. – 9,8%. В третьей группе (со средними доходами) в 1995 г. сосредоточивалось 15,2, в 2009 г. – 14,8%. Четвертая страта (с доходами выше среднего) в 1995 г. обладала 21,6, в 2009 г. – 22,5%. Пятая группа (с наибольшими доходами) владела в 1995 г. 46,3, в 2009 г. – 47,8% (5, с. 184). В этой страте выделяется небольшая группа миллионеров и миллиардеров. Хотя их удельный вес не превышает 1% населения страны, их доходы и финансовые активы могут составлять до 1/3 от ВВП (12, с. 47). О крайне неравномерном распределении доходов в российском обществе свидетельствует и увеличение коэффициента Джини. Если в 1995 г. он составлял 0,387, то в 2009 г. – 0,422 (5, с. 190).

В ином направлении развивается социальная структура в Белоруссии. Группы с самыми низкими доходами в 1995 г. имели 9,6 всех денежных доходов, в 2009 г. – 9,6%. У второй группы (с доходом ниже среднего) в 1995 г. было 13,9, в 2009 г. – 13,9%. В третьей группе (со средними доходами) в 1995 г. сосредоточивалось 17,6 всех денежных ресурсов, а в 2009 г. – 17,1%. Четвертая группа (с доходами выше среднего) в 1995 г. обладала 22,5, в 2009 г. – 22,1%. Пятая группа (с наибольшими доходами) в 1995 г. владела 36,4, в 2009 г. – 37,3% (16, с. 102). Динамику степени распределения ресурсов между разными стратами отличает стабильная ситуация практически во всех группах. В пятой группе наблюдается, хотя и незначительный, рост доли ресурсов от общего объема ресурсов населения республики. По сравнению с верхним слоем в России верхний слой в Белоруссии гораздо меньше. Коэффициент Джини составлял в 1995 г. 0,261, а в 2009 г. – 0,268, т.е. неравенство в Белоруссии за полтора десятилетия увеличилось незначительно (15, с. 102).

Сравнение высоты и профиля экономической стратификации в России и Белоруссии показывает, что стратификационные процессы в обеих странах разнонаправлены. В России высота экономической стратификации в несколько раз превосходит высоту экономической стратификации в Белоруссии. Профиль экономической стратификации в России резко смещен в сторону верхнего слоя, а в Белоруссии – в сторону слоев, имеющих доходы, ниже доходов верхнего слоя. Таким образом, если в Белоруссии складывается эгалитарная социально-стратификационная модель, то для характеристики соци-

альной структуры в современной России уместно воспользоваться понятием «поляризованный плюрализм», введенным в научный оборот одним из классиков современной политической социологии Дж. Сартори (см.: 3, с. 5). В российском обществе размещение классов частных собственников и наемных работников на противоположных полюсах социальной иерархии стало результатом резко выраженного дихотомического деления общества. И поляризованная и эгалитарная модели каждая по-своему являются препятствием для инновационного типа развития. В поляризованном типе социальной стратификации нет стимула к инновационным действиям из-за незаинтересованности в этом со стороны наиболее и наименее привилегированных страт с наибольшей и наименьшей «рентной отдачей» в силу занимаемых ими социальных позиций. В эгалитарном типе отсутствует заинтересованность в инновациях из-за снижения трудовой мотивации и смещения профиля экономической стратификации в сторону менее обеспеченных слоев населения (10, с. 42). В дихотомической (поляризованной) модели социальной стратификации существенно затруднено становление среднего класса. В эгалитарной модели формирование среднего класса тоже наталкивается на трудности, связанные с желанием властей поднять доходы нижнего слоя до уровня установленного бюджетного прожиточного минимума. От того, каким будет средний класс, во многом будут зависеть перспективы модернизации. При выделении среднего класса используются следующие критерии:

– уровень образования не ниже среднего специального (профессионального);

– душевой доход в семье не ниже медианного для данного региона;

– не физический характер труда;

– самоидентификация со средним классом (13, с. 6).

В России процесс формирования среднего класса происходит на ином фоне, чем тот, который имел место в свое время на Западе. Составными компонентами этого фона являются высокая доля селян, маргинализация и люмпенизация значительной части населения села, малых городов и поселков городского типа, высокая доля бюджетных отраслей в структуре занятости, где доходы слабо связаны с уровнем квалификации работников и др. (16, с. 120–121). Однако несмотря на неблагоприятный фон исследователи фиксируют некоторый рост среднего класса. В 2008 г. средний класс составлял 1/3 населения против 29% в 2003 г. и около 40% экономически активного городского населения против 37% в том же 2003 г. (16, с. 93). В 2008 г. 49% представителей среднего класса были заняты в госсекторе, 19 – на приватизированных предприятиях, 21% – на вновь созданных частных предприятиях (16, с. 100). Так что в госсекторе сохранялось большинство работающих представителей среднего класса. По данным за тот же год, в распределении представителей среднего класса по профессиональным статусам доминировали работники

торговли и сферы обслуживания – по 18%, на долю менеджеров и супервайзеров приходилось 13% и только 3% составляли предприниматели и самозанятые (16, с. 101). Данные, показывающие состояние модернизированности сознания и поведения среднего класса, дают противоречивую картину. В 2006 г. средний класс более чем на 3/4 состоял из представителей ядра и периферии «модернистов». Однако к 2008 г. число последних среди представителей среднего класса несколько уменьшилось. Для ядра среднего класса соотношение «модернистов» и «традиционалистов» в 2006 г. было 85:15, в 2008 г. – 75:25, для «ближней периферии» – 72:28 – в 2006 г. и 55:45 – в 2008 г., а для «дальней периферии» – 68:32 – в 2006 г. и 42:58 – в 2008 г. (16, с. 265–266). Для других групп экономически активного городского населения соотношение «модернистов» и «традиционалистов» оставалось не в пользу «модернистов» (49:51 – в 2006 г. и 30:70 – в 2008 г.) (16, с. 266).

Как отмечают Н.Е. Тихонова и С.В. Мареева, «в настоящее время российский средний класс как коллективный актор находится еще в стадии формирования. …Формирование специфического классового сознания и моделей поведения автоматически не влечет за собой понимания своих классовых интересов и способности бороться за их реализацию. Этот этап развития российского среднего класса пока даже не начался» (16, с. 284).

В белорусской социологии под средним классом понимают «иерархию социальных групп, сходных по профессии, имущественному положению, объему гражданских прав, занимающих срединное положение в обществе и разделяющих ценности трудовой и рыночной идеологии» (11, с. 129). Однако базовым критерием выделения среднего класса белорусские социологи предпочитают считать уровень благосостояния – соотношение объема доходов населения с величиной минимального потребительского бюджета (МПБ), который рассматривается в качестве основного социального норматива, представляющего собой стоимость набора материальных благ и услуг, необходимых для удовлетворения минимальных физиологических и социальных потребностей (11, с. 133). Г.Н. Соколова выделяет низший-средний класс, средний-средний класс и высший-средний класс. Ядро среднего класса Белоруссии составляют специалисты-служащие высокой квалификации и профессионалы, включая высококвалифицированных рабочих. По мнению Г.Н. Соколовой, белорусский средний класс находится в эмбриональном состоянии. Его развитию мешают слабость экономических ресурсов, слабость восходящей социальной мобильности из нижних страт в средние слои, ограничения, налагаемые на расширенное воспроизводство интеллектуального капитала. Здесь серьезным ограничителем выступает крайне низкий процент занятых в науке и даже его сокращение (до менее 1,0% к концу первого десятилетия 2000-х годов). Поэтому способность среднего класса Белоруссии выполнять функцию «агента научно-технического и социального прогресса» (11, с. 139)

заметно лимитирована. «Для выполнения ролевых функций, присущих среднему классу в его западном варианте, – подчеркивает Г.Н. Соколова, – средний класс белорусского общества должен стать более многочисленным; приобрести экономическую самостоятельность; стать субъектом реформирования общества» (11, с. 139).

На роль сдерживающих процесс российско-белорусской интеграции факторов указывает и посвященное этой теме исследование, проведенное под руководством С.И. Григорьева несколько лет назад, но сохраняющее свою актуальность. В ходе исследования было опрошено 317 экспертов из 32 регионов России (1, с. 46). Свыше 40% считают, что создание Союзного государства значимо, прежде всего, для белорусского народа и его государственности; около 1/3 видят такое объединение наиболее важным для России, ее международного влияния и престижа. Другие оценки (глобальный контекст интеграции названных стран, значение этого процесса для формирования единого европейского пространства и др.) не получили существенной поддержки (1, с. 47–48). Значимость внутренних факторов интеграции респонденты оценивают по-разному, полагая, что она:

1. Обеспечит гарантии безопасности, полноценного развития коренных народов России и Беларуси (91%).

2. Позволит обеспечить успешное духовное, социокультурное развитие народов России и Беларуси (73%).

3. Обеспечит стабильность общественно-политического развития общества в Союзном государстве России и Беларуси (71%).

4. Стабилизирует, ускорит развитие экономики России и Беларуси (63%).

5. Поможет решить основные социально-бытовые проблемы населения (62%).

6. Создает благоприятные условия для решения демографических, социально-экологических проблем (50%).

7. Будет способствовать обеспечению прав человека (32%).

8. Будет способствовать развитию юридических основ общественного и личностного развития (23%) (1, с. 48).

На вопрос «Что наиболее серьезно мешает сегодня интеграции России и Беларуси в сфере хозяйственно-экономической деятельности?» ответы распределились так:

1. Незаинтересованность ряда финансово-промышленных групп России в интеграции двух славянских государств (63%).

2. Конфликтная ситуация с решением проблем торговли энергоресурсами (61%).

3. Слабость правовой базы хозяйственно-экономического сотрудничества обоих государств (53%).

4. Разрушение в 1990-е годы традиционных хозяйственно-экономических связей между регионами России и Беларуси (51%).

5. Отсутствие новой практики планирования социально-экономического сотрудничества (42%).

6. Различия современных хозяйственно-экономических укладов России и Беларуси (40%) (1, с. 52–53).

Опрос о причинах торможения объединения России и Белоруссии с точки зрения различий в условиях социальной жизни обеих стран отмечает в качестве таких причин:

1. Различия социальных потенциалов возможностей социального обеспечения, систем социальной защиты двух государств (35%).

2. Отличия в экономических основаниях развития социальной сферы обеих стран (28%).

3. Различия в стандартах современного социального обеспечения населения регионов России и Беларуси (25%).

4. Существенные отличия в уровнях реальной социальной защищенности, благополучия населения России и Беларуси (23%).

5. Неразвитость, противоречивость правовых оснований интеграции систем социальной защиты России и Беларуси (19%).

6. Нежелание населения России и Беларуси рисковать, дестабилизировать социально-бытовую ситуацию новыми реформами в условиях Союзного государства (16%) (1, с. 55).

Еще одну группу факторов, сдерживающих интеграционные процессы между двумя странами, выявляет опрос, сопоставляющий общественно-политическую ситуацию в России и Белоруссии:

1. Несовпадение стиля политического мышления и главных целей президентов России и Беларуси (51%).

2. Различия характера современного политического устройства двух государств (37%).

3. Различия доминирующих настроений и действий политических элит обеих стран (33%).

4. Противоречия в сотрудничестве общественно-политических организаций и политических партий России и Беларуси (23%).

5. Различия в масштабах современных государственно-политических образований России и Беларуси (22%).

6. Существенные отличия современных общественно-политических ориентаций населения двух государств (16%).

7. Отличия в современном административно-территориальном устройстве регионов России и Беларуси (13%) (1, с. 53).

Обобщая результаты проведенных опросов, можно сказать, что перспективы синтезации оцениваются экспертами не очень оптимистично. К тормо-

зящим факторам с тех пор добавились вспыхнувшие в 2009 г. «газовая» и «молочная» войны, а в 2010 г. обострение «газового» конфликта между Россией и Белоруссией это вновь подтвердило. Как и несколько лет назад «объективные отличия все более масштабно создают главные преграды для объединения двух наиболее близких в духовно-культурном плане славянских государств» (вывод С.И. Григорьева) (1, с. 57).

В России и в Белоруссии в постсоветский период произошли серьезные сдвиги: появились разные формы собственности, изменилась структура общественного производства и занятости населения, сформировались новые социальные слои. Однако структурные сдвиги не приблизили обе страны к интеграции. В обеих странах отход от логики индустриального пути развития сочетается со слабо выраженной инновационной составляющей. Средний класс в России и Белоруссии находится в зачаточном состоянии, ведущая роль в принятии решений в обоих государствах принадлежит не технократам и экспертам, а верхнему слою чиновничества, основными типами социально-трудового поведения при низкой оплате труда, пассивно-выжидательная и адаптивная позиции работников, направленные на выживание при слабой ориентации на поиск инновационных решений. Консервативная модель развития затрудняет процесс интеграции современного типа.

Литература

1. Григорьев С.И. Основные факторы и условия торможения интеграции России и Беларуси // Социология. – М., 2007. – № 2. – С. 46–57.

2. Дыльнова Т.В. Социальная справедливость и социальное неравенство в условиях современной России // Вестник РУДН. – М., 2004. – № 6–7. – С. 161–168.

3. Модернизация социальной структуры российского общества (отв. ред. Голенкова З.Т.). – М., 2008. – 288 с.

4. Модернизация экономики в странах СНГ: Национальные, региональные и глобальные факторы. Mode of access: 2008 // http://www.eurasianhome.org/Filepdf

5. Российский статистический ежегодник. Статистический сборник. – М., 2010. – 795 с.

6. Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2004 (отв. ред. Дробижева Л.М.). – М., 2004. – 408 с.

7. Соколова Г.Н. Белорусский рынок труда: Традиции развития и социальные механизмы регулирования. – Минск, 2006. – 134 с.

8. Соколова Г.Н. Проблемы регулирования рынка труда в период становления инновационной экономики в Беларуси // Общество и экономика. – М., 2009. – № 3. – С. 115–129.

9. Соколова Г.Н. Развитие рыночных отношений в контексте глобализации // Социология. – М., 2007. – № 2. – С. 17–29.

10. Соколова Г.Н. Социальная политика и экономическая стратификация общества // Социология. – М., 2006. – № 1. – С. 42–49.

11. Соколова Г.Н. Средний класс Республики Беларусь // Социология. – М., 2006. – № 2. – С. 27–140.

12. Соколова Г., Ермаков В. Человеческий капитал в Республике Беларусь // Общество и экономика. – М., 2003. – № 10. – С. 148–159.

13. Социальные неравенства и социальная политика в современной России / Отв. ред. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. – Москва, 2008. – 423 с.

14. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь. Статистический сборник. – Минск, 2010. – 357с.

15. Темницкий А.Л. Собственность и стратегия трудового поведения рабочих в условиях реформ // Социс. 2007. – № 2. – С. 40–50.

16. Тихонова Н.Е., Мареева С.В. Средний класс: Теория и реальность. – М., 2009. – 320 с.

О.В. Маляров

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ: ОПЫТ ИНДИИ

Маляров Олег Васильевич – доктор экономических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

При проведении экономической реформы в России был выбран путь «прыжка» в экономику, свойственную сформировавшимся развитым капиталистическим странам – с полной свободой рынка и частного предпринимательства. При этом был *полностью проигнорирован опыт главных стран с переходной экономикой – «развивающихся стран» Азии.*

В результате магистральным путем к построению «капиталистического рая» стало «устранение государства как субъекта экономических отношений в стране» (Е. Гайдар). Именно этот путь, абсолютно доминирующий и сейчас, стал главной причиной экономических бед России.

Между тем успешный опыт модернизации экономики Индии демонстрирует совершенно иной подход. Именно активная роль государства в экономике обеспечила этой стране ее экономические успехи.

Разумеется, говоря о возможностях использования этого опыта для корректировки и оптимизации социально-экономического курса России, нельзя забывать о громадных различиях социально-экономических структур и природно-ресурсной базы двух стран, связанных с этими различиями проблем развития.

Россия не знает тех тяжелых проблем, которые стоят перед Индией. Среди них:

– доставшееся от колониальных времен громадное аграрное перенаселение, возросшее в ходе трехкратного увеличения общей численности населения страны за годы независимости. Невозможность «рассосать» его в ходе модернизации промышленности, базирующейся на современной технике с

низким потенциалом занятости, – база сохранения огромных ареалов бедности;

– истощение водных ресурсов страны, все больше ограничивающее возможность расширения ирригации, жизненно необходимой для развития сельского хозяйства Индии;

– крайняя ограниченность запасов нефти и газа, вынуждающая страну тратить 30–40% импортных расходов на их ввоз из-за рубежа.

И тем более поразительно, что при страшной тяжести этих проблем Индия добилась огромных успехов в преодолении колониальной структуры и модернизации экономики, достижении устойчивых темпов экономического роста. Индия избежала экономического кризиса 1998 г. и нынешнего экономического кризиса.

Опыт Индии заслуживает внимательного изучения с точки зрения возможности его использования для решения задач, стоящих перед Россией.

* * *

Планирование. Ключевое значение для разработки стратегии социально-экономического развития и целенаправленного использования всех мер государственного воздействия на экономику имеет планирование. Оно является необходимым условием модернизации экономики путем осуществления глубоких сдвигов в ее структуре.

После завоевания политической независимости Индия заимствовала у СССР опыт планирования, адаптировала его к рыночной экономике и сделала стержнем всех мер государственного регулирования, направленного на подчинение стихии рыночных сил целям социально-экономического развития. Отметим его главные особенности.

1. Индийское планирование – *категория переходного общества, стратегия поэтапной комплексной системной модернизации всей социально-экономической структуры.*

Для каждого этапа развития планирование определяет роль рынка и государственного регулирования, государственного и частного секторов, национального и иностранного капитала, крупного и мелкого производства.

Планирование определяет параметры и темпы развития основных отраслей экономики, социальных условий жизни населения.

2. В индийском планировании *сочетаются долгосрочные (на 20–25 лет) прогнозирование и стратегия развития, среднесрочное (пятилетнее) и годовое планирование.*

Основную роль играют пятилетние планы. Они определяют параметры экономического развития и экономического роста в стране и постулируют такие макроэкономические показатели как совокупные ресурсы, совокупные

накопления, размеры капиталовложений, рост ВВП и другие более широкие экономические и социальные требования. В них подробно рассматриваются программы развития различных отраслей и секторов экономики, проблемы и трудности их развития, пути их решения и преодоления. Таким образом, пятилетние планы определяют программу капиталовложений и деятельности, которые должны содействовать развитию экономики страны в нужном направлении.

Разработка годового плана связана со сравнительно более детализированным распределением ресурсов между центром и штатами, а также между различными отраслевыми сферами деятельности правительства, особенно же с распределением бюджетных ресурсов – с тем, чтобы сделать *годовой план частью годового бюджета*. Разработка годового плана также связана с более детальным анализом объектов программ и проектов. *Пятилетний план осуществляется через годовые планы.*

3. Индийское планирование *сочетает директивное планирование в отношении государственного сектора с индикативным планированием в отношении частного сектора.* Планируются капиталовложения как государственного, так и частного секторов. Планирование в отношении государственного сектора связано с большей детализацией разработки показателей продукции, капиталовложений и программ. Но даже в частном секторе, если необходимо достигнуть определенных плановых показателей важных с общенациональной точки зрения, правительство использует политические рычаги и стимулы.

4. Индийское планирование *учитывает федеральный характер государства.* Составляются как общегосударственный план, так и планы развития штатов – в пределах конституционного разделения их полномочий в сфере регулирования экономики. Эти планы затем согласуются и увязываются в рамках Национального плана. В последние годы в процесс планирования, особенно в сфере сельского хозяйства и сельского развития, все больше вовлекаются и нижестоящие органы государственного управления.

5. Индийское планирование *опирается на тщательно разработанную институциональную базу.*

Главным органом планирования является **Плановая комиссия Индии**. Это мозговой трест страны по вопросам планирования и развития. *Будучи формально консультативным органом правительства, она тем не менее призвана в значительной мере определять политику страны по вопросам, связанным с развитием.* Этому способствует состав Плановой комиссии как *органа экспертов*. В то же время ее председателем является премьер-министр, а в число ее членов входят министр финансов и другие ключевые министры, что повышает ее статус в системе государственного управления,

обеспечивает ей реальное влияние на социально-экономический курс государства.

После составления плана комиссия продолжает следить за его выполнением, докладывать о нем, помогать в необходимых пределах исполнительным органам центра и штатов, давать советы, вносить коррективы и всеми другими способами способствовать тому, чтобы экономическая и финансовая политика соответствовала требованиям плана и его социальные цели и долговременные задачи не упускались из виду ни на одном из этапов.

Важное значение имеют *координирующие функции Плановой комиссии.* Во-первых, это координирование деятельности различных министерств и ведомств. Во-вторых, Плановая комиссия координирует центральный план и планы штатов. Координирующие функции осуществляются через сам процесс планирования.

Высшим органом, утверждающим пятилетние планы, является **Национальный совет развития**, состоящий из премьер-министра, министров центрального правительства, главных министров штатов – глав правительств штатов и членов Плановой комиссии.

Разработка пятилетнего плана начинается с подготовки документа, называемого «Approach» – «Подход» (к пятилетнему плану), в котором содержатся макроэкономические параметры, стратегия и цели плана. Подготовленный документ обсуждается в Плановой комиссии и представляется для рассмотрения и утверждения Национальному совету развития. Этот документ также представляется на рассмотрение штатов и министерств центрального правительства. Те и другие подготавливают детальные планы, базирующиеся на параметрах, содержащихся в «Подходе», и обсуждают их с Плановой комиссией.

В результате этих обсуждений разрабатывается проект детального плана, который представляется Плановой комиссии и Национальному совету развития. Пятилетний план оформляется в виде документа, четко прописывающего цели и детали нового плана, перспективы развития, макроэкономические параметры, основы экономической политики, источники финансирования плана и отраслевые разделы плана.

6. Индийское планирование *опирается на широкую статистическую базу*. Всеиндийская крупномасштабная статистика охватывает переписи населения (Population Censuses), переписи экономических заведений, кроме земледелия (Economic Censuses), сельскохозяйственные переписи (Agricultural Censuses), переписи скота (Livestock Censuses), общенациональные выборочные обследования, включая ежегодные обследования промышленности (Annual Surveys of Industries), социально-экономические обследования (Socio-Economic Surveys), а также статистику национальных счетов (National Accounts), индексов цен, промышленного производства и т.д. Сбором стати-

стики занимаются также правительства штатов и их статистические организации, министерства и ведомства.

Центральным органом, ответственным за организацию и координацию всей статистической деятельности в соответствии с определенными нормами и стандартами, является Министерство статистики и выполнения программ (Ministry of Statistics and Programme Implementation). Оно имеет два подразделения. Первое, ответственное за статистику, – Национальная статистическая организация (National Statistical Organisation) включает Центральную статистическую службу (Central Statistical Office), Национальную службу выборочных обследований (National Sample Survey Office) и Компьютерный центр (Computer Centre). Второе подразделение (Programme Implementation Wing) занимается отслеживанием и оценкой выполнения социально-экономических программ.

7. Индийское планирование – *главный механизм вовлечения индийского научного и экспертного сообщества в процесс принятия решений в области разработки и осуществления социально-экономической политики.*

Индийское планирование базируется на тесной связи с наукой. Само планирование – функция ученых и экспертов, а не чиновников. К разработке планов привлекаются многочисленные научные институты; в процесс обсуждения плановых документов вовлекаются широкие круги ученых и экспертов. Как отмечалось выше, это определяется самим составом Плановой комиссии.

Кроме того, для изучения наиболее важных проблем развития и поисков путей их решения правительство или Плановая комиссия создают специальные комиссии или комитеты экспертов**,** которые составляют и публикуют доклады**,** содержащие анализ проблем, выводы и рекомендации по их решению. Эти доклады представляются правительству или Плановой комиссии (некоторые выводы и рекомендации встраиваются непосредственно в плановые документы). Авторы докладов, на основании которых принимаются решения, становятся тем самым известными широкой общественности, что повышает степень их ответственности.

Востребованность науки государством через механизм планирования оказала огромное влияние на ее развитие в Индии. В сфере общественных наук это во многом определило тот большой вклад, который внесли индийские экономисты в разработку концепции «экономического развития» как категории переходного общества. Она намного шире понятия «экономический рост», включает в себя поэтапную комплексную трансформацию и модернизацию всей социально-экономической структуры.

8. Индийское планирование *имеет важное значение для мобилизации индийской общественности на участие в процессе социально-экономического развития.* Публикации Плановой комиссии и их бесплатное размещение в Интернете дают возможность индийскому обществу знакомиться с полными

текстами планов – долговременных, среднесрочных и годовых – на всех стадиях их составления и контроля за выполнением. Обнародуются стратегия и прогноз развития страны на 20 лет (обычно несколько сценариев), «подход» к очередному пятилетнему плану (его концепция и основные параметры), полный проект пятилетнего плана, окончательный текст пятилетнего плана, годовой план, среднесрочная оценка выполнения плана. За этим следует огромный шлейф публикаций экономистов, обсуждений, дискуссий и предложений в прессе и на телевидении.

Особое значение столь широкое обсуждение планов имеет для предпринимательского сообщества, так как позволяет им более обоснованно выбирать сферы предпринимательской деятельности, уменьшает степень неопределенности и рисков.

Таким образом, ключевую роль в индийском опыте играет социально-экономическое планирование и его осуществление органом экспертов (а не чиновников), не подчиненным какому-либо министерству и ведомству, но возглавляемым руководителем государства.

Бюджетная политика. Ключевое значение в бюджетной политике придается обеспечению необходимых капиталовложений для экономического развития.

Это определяет отношение к **бюджетному дефициту**. По словам бывшего управляющего Резервным банком Индии (центральным банком страны) «нельзя распинать экономику на кресте сокращения бюджетного дефицита». Признавая необходимость сокращения дефицита текущего бюджета, правительство страны твердо заявляет, что *не будет сокращать необходимые капиталовложения во имя сокращения бюджетного дефицита*.

В Индии не только не используют «трехлетний» или какой-либо другой многолетний бюджет (не позволяющий своевременно реагировать на изменения ситуации в стране и в мире, заставляющий постоянно «латать» бюджет и консервирующий неэффективные статьи в нем), но, напротив, перешли к составлению *бюджета с нулевой базой.* При таком подходе статьи очередного бюджета не являются экстраполяцией предшествующего, а анализируются с точки зрения их эффективности в данный период и выстраиваются в систему приоритетов.

Политика в отношении денежного рынка и рынка капиталовложений. В Индии государство активно регулирует направления осуществляемых коммерческими банками финансовых потоков. Во-первых, определяя норму ликвидности, оно вынуждает банки вкладывать определенную часть средств в низкодоходные государственные облигации, мобилизуя ресурсы для государственных капиталовложений. Во-вторых, оно устанавливает долю банковских кредитов, которые должны направляться для финансирования определенных «приоритетных» секторов экономики.

Для кредитования сельского хозяйства (одного из таких приоритетных секторов), кроме того, используется трехступенчатая *государственно-кооперативная система кредита*.

В качестве главного источника долгосрочного финансирования приоритетных секторов экономики используется не рынок ценных бумаг (что на практике ведет преимущественно к крупномасштабным биржевым спекуляциям), а созданные в годы независимости государственные организации долгосрочного финансирования.

Политика в отношении иностранного капитала. Признавая важность привлечения иностранных инвестиций (прежде всего как стимулятора развития передовых технологий) в Индии исходят из того, что *иностранные инвестиции не могут стать главным источником капиталовложений*; роль последнего отводится внутренним сбережениям. Иностранные инвестиции тщательно регулируются, чтобы направить их прежде всего в приоритетные сферы экономики, требующие высоких технологий, предотвратить приток спекулятивного капитала и установление иностранного контроля над отраслями и производствами.

Политика в отношении государственных предприятий. В Индии *государственный сектор стал главным механизмом преодоления колониальной отраслевой и территориальной структуры экономики*. Он взял на себя выполнение тех задач, которые не хотел или не мог реализовать национальный частный капитал, стал главной опорой общего развития экономики, в том числе ее частного сектора. По мере укрепления национального частного капитала и расширения частного сектора он все больше концентрировался на развитии производственной и финансовой инфраструктуры.

Происходившая в ходе экономической реформы частичная продажа акций государственных предприятий (при сохранении контрольного пакета акций в руках государства), наряду с предоставлением последним большей автономии, ставила своей целью не переход их в частный сектор, а адаптацию к рыночной экономике, укрепление их финансовой базы и повышение эффективности. Расширение частного сектора происходит не путем приватизации государственных предприятий (что само по себе не создает новые мощности), а путем создания новых мощностей в частном секторе при поддержке государства.

Сбыт сельскохозяйственной продукции. В Индии поддержка сельского хозяйства на рынке сбыта осуществляется целым комплексом мер. Во-первых, это жесткий *импортный протекционизм*, проявлявшийся в практически полном запрете импорта сельскохозяйственной продукции. Протекционистская защита сельского хозяйства сохранилась и в годы реформы, хотя она осуществляется более гибкими методами.

Во-вторых, проводятся *«поддерживающие» государственные закупки*, цены которых объявляются в начале сельскохозяйственного сезона, гарантируя крестьянам определенный минимум рентабельности в случае падения рыночных цен ниже этого уровня. В целях осуществления таких закупок были созданы государственные корпорации для основных видов сельскохозяйственной продукции. Государственные закупки используются также для создания «буферных» запасов сельскохозяйственной продукции; они служат базой для товарных интервенций государства на свободном рынке в целях стабилизации желательных рыночных цен. Наконец, эти закупки используются для нормированного обеспечения населения (прежде всего его беднейших слоев) продуктами питания по субсидируемым ценам через систему общественного распределения товаров первой необходимости.

В-третьих, поддержка сельского хозяйства на рынке сбыта осуществляется через государственно-кооперативную систему сбытовых и перерабатывающих кооперативов, членами которых являются крестьяне – производители сельскохозяйственной продукции.

Политика в отношении «малого бизнеса». Главной социальной целью развития «малого бизнеса» является не расширение «среднего класса», а уменьшение бедности путем расширения занятости. Во главу угла был поставлен не «малый бизнес» как средоточие «среднего класса», а «мелкая промышленность» как важный составной элемент развития промышленности, роста занятости и экспорта. Главной формой содействия ее развитию стало не устранение государственного регулирования, а напротив, активное участие государства в развитии мелкой промышленности путем обеспечения ее кредитами, производственной инфраструктурой, дефицитным сырьем, современными средствами производства, содействия сбыту ее продукции и т.п.

Внешнеэкономический курс. В Индии основной задачей экспортной политики было *устранение колониального характера экспорта и увеличение в экспорте доли готовой продукции с высокой добавленной стоимостью.*

В результате общей модернизации экономики за годы независимости структура экспорта существенно изменилась: резко упала доля традиционных для колониальной Индии экспортных товаров (чая, специй, табака, орехов кэшью, хлопка-сырца, хлопчатобумажных и джутовых изделий, изделий из койры, слюды) – с 61,5% в 1960/61 фин. г. до 6,4% в 2004/05 фин. г., возросла доля готовых изделий – соответственно с 45,3 до 73,7%; среди готовых изделий резко возросла доля продукции машиностроения и химической промышленности – соответственно с 1,8 до 32,1%.

Первостепенное внимание, которое индийское правительство уделяет развитию информационных услуг, прежде всего программированию, привело к тому, что в XXI в. главным изменением стал стремительный рост *экспорта*

информационных услуг. Общие экспортные поступления этой сферы возросли с 7,7 млрд. долл. в 2001/02 фин. г. до 31,3 млрд. долл. в 2006/07 фин. г., или более чем в 4 раза (среднегодовой темп прироста – 32,4%). В результате доля Индии на мировом рынке информационных технологий, получаемых из зарубежных источников, составила 65%, а на рынке услуг, связанных с информационными технологиями, – 46%.

* * *

После завоевания политической независимости в 1947 г. Индия избрала модель импортозамещающей структурной модернизации экономики с опорой на государственный сектор и государственное регулирование экономики, направленное на подчинение стихии рынка (консервировавшей колониальные черты экономики) целям социально-экономического развития.

В результате реализации этой модели за период с 1950/51 фин. г. (год, предшествовавший началу планирования) по 1991/92 фин. г. общая доля государственного сектора в воспроизводимом национальном богатстве (материальных активах) страны возросла с 15 до 38%, а в чистом внутреннем продукте – с 3 до 19%. Его доля в общей занятости в «организованном» секторе экономики (несельскохозяйственные предприятия и заведения с числом занятых не менее десяти) увеличилась за этот период с 35 до 61%.

Государственный сектор занял не только монопольное или абсолютно доминирующее положение в сфере производственной и финансовой инфраструктуры (железнодорожный и воздушный транспорт, связь, электроэнергетика, кредитно-финансовая сфера) и оборонной промышленности, но также сильные позиции в целом ряде отраслей тяжелой промышленности. Так, в 1986/87 фин. г. на его долю приходилось 100% добычи нефти, выплавки меди и свинца, 98 – добычи угля, 87 – производства цинка, 75 – выплавки стали, 46 – производства азотных удобрений, 38 – выплавки алюминия, 34% производства фосфорных удобрений.

В результате осуществления этой модели был в значительной мере преодолен колониальный дуализм индийской экономики, и она стала более интегрированной. Разрыв между крупным капиталистическим сектором, с одной стороны, и мелкой промышленностью и сельским хозяйством – с другой, был существенно уменьшен, экономические и технологические связи между ними возросли. Были созданы отсутствующие звенья общественного воспроизводства и диверсифицированная структура экономики, резко ускорились темпы экономического развития.

Доля внутренних сбережений в ВВП увеличилась с 9% в 1950/51 фин. г. до 23% в 1990/91 фин. г., а доля внутренних капиталовложений в ВВП – с 9 до 26% соответственно.

Если в период 1900/01–1950/51 фин. гг. (50 лет, предшествовавших завоеванию политической независимости и принятию Первого пятилетнего плана) среднегодовые темпы прироста национального дохода составляли лишь 1,2%, сельскохозяйственной продукции – 0,3% и промышленной продукции – 2,0%, то в 1951/52–1994/95 фин. гг. они возросли соответственно до 4,1%, 2,9 и 6,2%.

Существенно изменилась отраслевая структура экономики. Доля обрабатывающей промышленности, электроэнергетики, строительства в ВВП удвоилась – с 15% в 1950/51 фин. г. до 30% в 1995/96 фин. г. В результате была построена промышленная база развития экономики. Ее зависимость от зарубежной индустриальной и научно-технической базы была значительно уменьшена.

Была обеспечена высокая степень экономической самостоятельности. Измеряемая отношением экспортных поступлений к стоимости импорта, она достигла в Индии 85% в 1993/94 фин. г. При этом качественно изменилась структура экспорта – резко увеличилась доля готовой промышленной продукции.

Ускорение экономического развития сопровождалось повышением жизненного уровня населения. За период с 1951 по 1991 г. национальный доход на душу населения в Индии (в ценах 1980/81 фин. г.) удвоился – с 1127 рупий до 2222 рупий; уровень смертности (на 1 тыс. человек) снизился с 27,4 до 9,8; уровень детской смертности – со 146 до 80; процент грамотности поднялся с 18,3 до 52,2%; ожидаемая продолжительность жизни – с 32,1 года до 59,4 лет. Только за период с 1973/74 фин. г. по 1989/90 фин. г. доля населения за чертой бедности уменьшилась с 54,9 до 34,3%.

С завершением основного этапа импортозамещения, Индия перешла к *экспорториентированной модели развития.* Этот переход, начавшийся в середине 80-х годов, официально оформился с провозглашением *экономической реформы 1991 г.* Реформа предусматривает *расширение свободы рынка, крупного частного предпринимательства, открытости экономики.*

Индийская экономическая реформа началась практически одновременно с российской экономической реформой и имела аналогичную направленность. Однако она имела и существенные отличия, связанные с определением роли государства в экономике.

Хотя экономика Индии и раньше была в основном рыночной и ей, казалось бы, было легче «устранить государство» как субъект экономических отношений в стране, она не пошла на демонтаж системы государственного сектора государственного регулирования, созданной после завоевания политической независимости.

Как уже отмечалось, было сохранено планирование в качестве главного механизма разработки стратегии социально-экономического развития и базы использования всех мер государственного регулирования экономики.

Было продолжено развитие государственного сектора, прежде всего в сфере материальной и финансовой инфраструктуры. Как отмечалось выше, продажа акций ряда государственных предприятий осуществлялась при сохранении контрольного пакета в руках государства и ставила целью не переход этих предприятий в частный сектор, а, наряду с предоставлением им большей автономии, – приспособление их к рыночной среде и к большей открытости экономики для повышения их конкурентоспособности и эффективности. Расширение частного сектора происходило не за счет передачи ему государственных предприятий (что само по себе не дает прироста мощностей), а через оказание государственной поддержки созданию и росту новых мощностей.

Продолжается государственное регулирование форм и отраслевых сфер иностранных инвестиций, хотя и более гибкими, стимулирующими методами.

Все это определило различные результаты экономической реформы в России и Индии (см.: Приложение).

К концу 2007/08 фин. г. доля внутренних сбережений в ВВП поднялась до 37,7%, а внутренних капиталовложений – до 39,1%. За период с 1951 по 2001 г., при росте населения с 361 млн. до 1029 млн., уровень грамотности поднялся с 18 до 65%. Ожидаемая продолжительность жизни увеличилась с 32 лет в 1951 г. до 64 лет – в 2006 г.

* * *

Изучение опыта Индии в области управления экономикой и возможностей его использования в России может сыграть важную роль в коррекции социально-экономического курса России.

Существенную роль в этом может сыграть также устранение перекосов в географической направленности российских внешнеэкономических связей посредством расширения и углубления сотрудничества с традиционными партнерами в Азии. Оптимизация структуры российского экспорта и экономики в целом будет облегчена, если Россия поддержит предпринимаемые Индией усилия по созданию региональной экономической организации, охватывающей весь континент Азия, и будет активно сотрудничать с ней в строительстве необходимой для этого общей инфраструктуры.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГОДОВЫЕ ТЕМПЫ ПРИРОСТА (СНИЖЕНИЯ) ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РОССИИ И ИНДИИ В ГОДЫ РЕФОРМ, % К ПРЕДЫДУЩЕМУ ГОДУ

*Годы***	*ВВП*		*Промышленная продукция*		*Сельскохозяйственная продукция*		*Капиталовложения**	
	Россия	*Индия*	*Россия*	*Индия*	*Россия*	*Индия*	*Россия*	*Индия*
1992 (1992/93)	-13,9	5,4	-18,0	2,3	-9,4	5,4	-39,7	6,2
1993 (1993/94)	-9,3	5,7	-14,1	6,0	-4,4	3,9	-11,6	3,5
1994 (1994/95)	-12,8	6,4	-20,9	9,1	-12,0	5,3	-24,0	11,8
1995 (1995/96)	-4,2	7,3	-3,3	13,0	-8,0	-0,3	-10,6	19,3
1996 (1996/97)	-3,2	8,0	-5,0	6,1	-7,0	8,8	-18,0	1,5
1997 (1997/98)	-3,6	4,3	-1,9	6,7	0,1	-1,5	-5,0	2,1
1998 (1998/99)	-4,9	6,7	-5,0	4,1	-15,8	5,9	-12,0	4,1
1999 (1999/00)	6,4	6,4	11,0	6,7	-4,8	0,6	5,3	9,3
2000 (2000/01)	10,0	4,4	8,7	5,0	7,7	0,1	17,4	4,1
2001 (2001/02)	5,1	5,8	2,9	2,7	7,5	5,9	10,0	4,3
2002 (2002/03)	4,7	3,8	3,1	5,7	1,5	-5,9	2,8	6,6
2003 (2003/04)	7,3	8,5	8,9	7,0	1,3	21,7	12,5	13,7
2004 (2004/05)	7,2	7,5	8,3	8,4	3,0	-3,1	13,7	18,9
2005 (2005/06)	6,4	9,5	4,0	8,2	2,3	8,1	10,9	15,3
2006 (2006/07)	7,4	9,7	3,9	11,6	3,6	2,9	13,7	14,3
2007 (2007/08)	8,1	9,0	6,3	8,5	3,3	3,2	21,1	15,2
2008 (2008/09)	5,6	6,7	2,1	2,8	10,8		9,1	4,0
2009 (2009/10)	-7,9	7,2					-17	
2008 г. в % к 1990 г. (2007/08 г. в % к 1990/91 г.)	107,5	288,8	88,2	292,5	68,0	139,6	62,7	401,7

* Валовые вложения в основной капитал.

Источники: Российский статистический ежегодник. Росстат. – М.; Economic Survey. Government of India. Annual. New Delhi.

** В Индии статистический учет ведется не за календарный год (как в России), а финансовый, который начинается 1 апреля текущего года и заканчивается 31 марта следующего. Финансовые годы указаны в скобках.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Ю.С. Пивоваров

«ВТОРАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ» И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ (К ВОПРОСУ О РОДОСЛОВИИ ПОСЛЕСОВЕТСКОГО СТРОЯ)

Пивоваров Юрий Сергеевич – академик РАН, директор ИНИОН РАН.

Первая половина 2010 г. прошла под знаком войны. Великой Отечественной войны, как всех учили в школе. Внимание к ней нагнеталось изо всех сил. Пафоса расточили немеренно. Порою казалось, что нас вновь хотят окунуть в ту военную атмосферу. Некоторые «заигрались» настолько, что сами себя стали воспринимать едва ли не как фронтовиков. «Репортажи» (телевизионные, газетные) со съемок фильма Н.С. Михалкова «Утомленные солнцем»-II напоминали сводки с поля боевых действий. Он сам и его актеры держали себя так, как будто только что вышли из-под пуль. Наверное, к этому следовало бы отнестись иронично (не к памяти о войне, а к «мероприятиям» с ней связанным), а вот не получалось. За пропагандой, игрой-мишурой, наверняка не всегда оправданной тратой денег, стояло нечто очень серьезное и важное для нашей сегодняшней жизни (еще раз: память о войне не подлежит ревизии; имеется в виду не уточнение знания и оценок, а память о подвиге, жертвах, преступлениях, в том числе и своих, войну усугубивших).

Так может быть поэтому власть и общество буквально растворились в теме «Отечественная…»? Или это громаднейшее, страшное, великое, кровавое событие, несмотря на «65 лет», все еще не стало «историей», не изжита его боль, травма? Или культивирование памяти о войне, начатое в далекие советские годы, принесло плоды, и новые поколения так же опалены этим, как, к примеру, мое и чуть старшее?

…А вот, скажем, Революция Семнадцатого – не менее важное событие. Но говорят о ней несравнимо «экономнее». Хотя на ход мировой истории она оказала куда бóльшее влияние (я об Отечественной, а не о Второй мировой; и хотя Отечественная – часть Мировой, вспоминают-то у нас не Вторую империалистическую; вообще соотношение Отечественной и Мировой сложнее,

чем части и целого). Или, скажем, то, что опять же в школе нам называли «коллективизацией». Разве это менее «судьбоносно», чем Война?

…Кстати, попутно о названиях. Определи «коллективизация» – один смысл, если вдруг «голодомор», «раскрестьянивание» и т.п., то совсем-совсем другой. Или «Великая Отечественная…», а в противовес, как уже прорывается в русских текстах, – «советско-нацистская…» Разные содержания высвечивают из разных слов.

* * *

Но – к Войне. Власть абсолютно мотивированно схватилась за нее. **Отдашь – легитимности не будет** (собственно, вот и ответ на мои вопросы). Ведь Власть, Режим, Социальный Строй всегда знают, где их корни. Знанием не научным, не рефлексивным, если можно так сказать, а – животным, природным. – Современная Властная Россия, Управляющий Режим и Господствующая Социальность вышли из Войны, являются ее порождением, коренятся в ней. – С первого, привычного, взгляда – это чушь какая-то. Разве нынешняя Россия не родилась из Перестройки, событий 91–93-го, вообще 90-х годов и начала нового века? – Да, и из них тоже. Однако в основе своей – из Войны.

И ничего странного и удивительного здесь нет. Ведь и предшествовавший режим родился из Войны. Первой мировой. Да, да, я о большевистском режиме. Он начал складываться в ходе той самой Первой. И, конечно, никто тогда и предположить не мог, что выплавляется нечто небывалое. И сами большевики тоже ничего не знали и в том процессе не участвовали. Во-первых, воспитывался «массовый человек» – новый социальный индивид, проживающий свою жизнь в кипящем многомиллионном котле. Во-вторых, этот «массовый человек» сразу же был помазан Войной – кровью, убийством, безжалостностью, бессердечностью и пр. Но какой Войной! Массовой, бесконечной (и вправду сказать, начавшись в 14-м, когда была завершена? в 45-м? в 89-м?), технической и анонимной. – На два последних ее свойства следует обратить особое внимание.

Ленинизм-сталинизм, гитлеризм, маоизм и т.п. стали возможны тогда, когда появилась и реализовалась **техническая** возможность **анонимных** массовых убийств. Первая мировая («Великая война» – у англичан, французов и др., но не у немцев и русских) научила человека (миллионы людей) уничтожать себе подобных с большой дистанции с помощью каких-то сложных устройств, без всякого физического перенапряжения и – главное – без личного соучастия-сопереживания в убийстве, так сказать, **имперсонально, «ничего личного»**. На этом и были построены тоталитарные режимы XX в.

Евреев массово убивали уже не в ходе массовых погромов, где христиане-антисемиты, представленные своим боевым авангардом, встречались со своими жертвами лицом к лицу. Евреев убивали в специально отведенных местах в газовых камерах. Штурмбанфюрер утром дома попил кофе, поцеловал жену и милых детишек, напомнил, что вечером приглашены к Шульцам послушать Шумана и поужинать, пришел на работу, получил задание на сегодняшний день, из своего бюро отправился на объект и, вспомнив, что надо написать матушке, она заждалась, открыл газ… Вечером Шуман, веселый разговор с Шульцем (коллегой), чуть-чуть больше пива, чем надо. В целом неплохой день. Массовый русский зэк умирал от голода и холода в вечной мерзлоте, исчезал в тюрьмах, надрывался в шахтах и на лесоповале, и никто лично к этому не был причастен. Система. «Мы ничего не знали». «Таковы были приказы». Майор утром поел вчерашних щей, опохмелился, напомнил жене, что вечером идут к Семеновым, Степану Гаврилычу рыбца из Астрахани прислали, пришел в лагуправление, сактировал семерых умерших ночью, шестую бригаду отправил на дальнюю делянку, велел сократить норму жиров, прочитал газету, а вечером хорошо пил и пел со Степаном. Ужравшись, велели привести двух новых «бандеровцев» и заставили их голыми плясать на 40°-ном морозе. Во потеха была, Степа даже от восторга блеванул. Эх, хорошо все-таки…

Во многом это следствие отделения факта убийства от непосредственного – глаза в глаза – участия в нем. Разумеется, это не единственная причина торжества тоталитарных диктатур. Но – необходимая. Другое дело, что это «выстрелило» в России и Германии, а в значительной части мира не случилось. Значит там взрывоопасных проблем накопилось меньше, и защитные социальные механизмы были надежнее…

В-третьих, – возвращаемся к Первой войне – зарождалась, укреплялась, утверждалась «чрезвычайщина» как способ решения внезапно возникавших и неотложных вопросов. А во время войны почти все они таковы, т.е. неожиданны и неотложны. Если же она длительная, тотально-массовая и тотально-техницизированная, то чрезвычайщина становится системой. Системой чрезвычайного управления. Системой планирования чрезвычайных мер. Этим наносится страшный удар по основам европейской и европейски ориентированной социальной жизни – правовому конституционному государству и гражданскому обществу.

В-четвертых, власть берет на себя роль Главного Планировщика, Сборщика и Распорядителя жизненно важными ресурсами. В военный же период тенденция к сокращению ресурсов усиливается. «Забыть» эту роль после войны власти непросто. В-пятых, в условиях войны существенно повышается значение насилия как метода управления. Ну и так далее.

Это идеальная модель вызревания большевизма (и нацизма). В реальной жизни было сложнее. В годы Первой мировой в России выросло Гражданское Общество. Если отбросить негативные стереотипы восприятия Русской Власти эпохи Войны, увидим, что и Власть многому училась и росла («министерская чехарда», «распутинщина» и т.п. – разве это было определяющим?). Но в Семнадцатом и Общество, и Власть разлетелись в пух и прах под напором Общинной и других революций (в первом выпуске «Трудов по россиеведению» я писал об этом). И, напротив, энергия напора этих революций напитала большевизм, сначала как движение, затем как режим. И он, побив всех остальных, стал на ноги и поволок Россию за собой.

Безусловно, Гражданская война катастрофически ухудшила все условия жизни и тем самым сказочно укрепила Режим, сформировав, выдвинув нужных людей – тех, кто прошел жестокий отбор безостановочного убийства и жесточайшего насилия как единственного метода побеждать и управлять. Но без решающего вклада Первой мировой большевизм бы не состоялся. Это она стала питательной и воспитательной средой Коммунистического Режима-1.

Попутно замечу: несмотря на ошеломительную новизну этого монстра, он не был первым, рожденным из комбинации внешней и гражданской войн. Режим Ивана Грозного стал результатом и следствием Ливонской войны и опричнины, в их ходе он кристаллизовался, рос, мужал… Режим Петра Великого оформлялся в битвах Северной войны и систематического насилия, обрушенного на собственный народ этим кумиром будущих русских «европейцев», западников, либералов… Забегая вперед скажу, что каждый раз после смерти насильников-демиургов «номенклатура» пыталась взять реванш. Отложенная в силу ряда причин Смута грохнула в 1598 г., а затем уже без отлагательств: в 1725 г. началась Смута дворцовых переворотов, и в 1953 г. номенклатура начала Смуту оттепели, реформ, послаблений…

Итак, Коммунистический Режим (КР)-1. Зарождение где-то около 1915–1916 гг., угасание – в 1941–1942 гг. (почему так – объясню ниже). Это режим тотальной и перманентной революции как вширь (по всему земному шару), так и вглубь (до паренхимы надпочечников абсолютно всех – без исключения! – индивидов). Направление главного удара («вширь» или «вглубь») зависит от конъюнктуры момента. Метод – всеобщее, абсолютное насилие, стремление **к переделке** всего и вся. Забегая вперед и чуть в сторону: Россия знает в основном два типа режима – переделки и **передела**; соответственно: грозненский, петровский, сталинский – переделка, постгрозненский, постпетровский, постсталинский – передел; типологически это схоже с двумя принципами жизнедеятельности Русской Системы – **уездным и удельным** (см.: Политическая наука. – М.: ИНИОН, 1997. – № 2–3); причем переделка всегда выдыхается (нередко со смертью Главного) и «вырождается» в передел (как правило, Главный здесь – лишь первый из передельщиков). Полагаю, что это

более адекватная модель, нежели яновская с реформами, контрреформами и стагнацией, поскольку природа и социальные последствия реформ и т.д. совсем не таковы, какими предполагаются нормальной и нормативной западной наукой; иначе говоря, «реформа» и т.д. могут означать совершенно различные по своей сути действия. Это также, представляется мне, более эффективный подход, чем продемонстрировал Ален Безансон в своей известной работе 1976 года «Краткий трактат по советологии, предназначенный для гражданских, военных и церковных властей», где история СССР дана как постоянная смена двух режимов, двух моделей советской политики – военного коммунизма (ВК) и НЭПа: 1917–1921 – ВК1; 1921–1928 – НЭП1; 1929–1941 – ВК2; 1941–1945 – НЭП2; 1946–1953 – ВК3; 1953 – далее НЭП3. Если «загнать» советскую историю в эту схему, в этот ритм, пропадет своеобразие каждой эпохи; останется лишь монотонное, автоматическое движение типа «вздох»–«выдох» – всё, сплошная биология.

КР-1 – совершенно безгарантийная система. Записав в своей Конституции 1936 г. кучу гарантий трудящимся, большевики лишили их главной гарантии – на жизнь (веру, свободу, собственность, социальный выбор). Когда-то Павел Пестель предлагал России систему гарантийной деспотии, в рамках которой люди подпадали под власть жесточайшей диктатуры, но получали немалые социальные гарантии. Его подельник Никита Муравьёв, напротив, хотел облагодетельствовать отечество системой безгарантийной свободы – у тебя все права свободного гражданина, однако не предусмотрено никаких социальных гарантий; свободен и никому–не–нужен. – Большевики-мичуринцы скрестили пестелевскую деспотию с муравьёвской безгарантийностью. Но пошли еще дальше. Свою безгарантийную диктатуру объявили царством свободы и социального обеспечения.

И еще: КР-1 работал в крестьянской стране, т.е. был возможен только в ней. Да, он разрушил Россию как крестьянскую страну, «раскрестьянил» самого сельского жителя, резко ускорил процесс урбанизации, однако, повторю, то, каким он был, обусловлено во многом крестьянским характером тогдашнего русского мира. КР-1 потому-то и побил крестьянство, что оно было главной его «окружающей средой» (правда, и питательной; но это уже другая тема).

* * *

…Но вот пришла Вторая мировая война и в целом не затронула КР-1. «Момент истины» для него настал 22 июня 1941 г. И хотя Вячеслав Молотов, на то время начальник № 2 в СССР, сразу же заявил о громадности угрозы, нависшей над страной, судя по целому ряду признаков Сталин и его окружение еще не поняли катастрофичность происшедшего. До самого конца июня

«Правда» давала ложную информацию о происходившем на фронте. Не было даже косвенных намеков на страшную катастрофу. И здесь, наверное, сыграло свою роль не только вполне понятное стремление не раздувать панических настроений, но и нормальное человеческое чувство: невозможно в **такое** поверить… Конечно, и остатки самоуверенности, и надежды, что вот-вот все развернется в другую сторону. И лишь выступление Сталина по радио 3 июля, тон его речи, сказанное им стали настоящим психологическим началом Войны… «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой…»

Хотя 23 июня в первом же после нападения нацистов выпуске «Правды» большой русский патриот Ем. Ярославский зафиксировал: «Великая Отечественная война советского народа», до Великой Отечественной еще было далеко… К тому же, бывало, и ошибались. В 14-м тоже заявили: «Вторая отечественная», «Великая всемирная(?) отечественная», «Великая отечественная». В Петрограде с 30 августа 1914 г. выходило даже печатное издание «Великая отечественная война». И что? – Не на такую патетическую масштабность потянули, да и надобности не было. Речь не шла о том: «быть или не быть»…

Масштаб катастрофы 41-го (в 42-м она продолжилась) был беспрецедентным. Военное и государственное поражение. РККА образца июня практически перестала существовать. Немец взял до 1 млн. км^2 и подмял под себя около 65 млн. человек. – Да, что там, вермахт уже входил в Москву. 30 ноября в зимнюю ночную пургу немецкие мотоциклисты были обнаружены в районе Химок, вблизи нынешней станции метро «Речной вокзал». В ночь на 1 декабря был сброшен авиадесант на Воробьевы горы и в Нескучный сад. До Кремля оставалось 4 км (см.: 1, с. 528).

«Зима, Барклай иль русский бог». Не морозы, не Жуков, не гнилой сталинский режим, посыпавшийся от сокрушительных ударов германцев, но – люди, которые в ходе войны вновь станут народом, а не классами, прослойками, винтиками, которые начнут вспоминать: отечество, Родина, семья, дом, а не «троцкистско-бухаринские убийцы», «мировая революция», «пятилетка в четыре года». В фильме Алексея Германа «Двадцать дней без войны» фронтовик, которого гениально играет Юрий Никулин, выступает на заводском митинге в тылу, куда он ненадолго попал. И спокойно, буднично, хотя и с внутренней гигантской силой, говорит: «Они думали, что победят они, а победим мы». В этот момент и его лицо, и лица рабочих (женщин и подростков в основном) настолько убедительно несокрушимы, они настолько убеждены в своей правоте, что абсолютно ясно – победа будет за нами. Началась Отечественная война и более того – Освободительная для русского народа. От сталинского коммунистического режима. Еще раз: Отечественная стала, помимо прочего, войной за самоэмансипацию народа от людоедской системы, стала первым этапом самоосвобождения.

Кстати, и Людоед начал что-то понимать. Еще 30 сентября в разговоре с американским дипломатом, будущим послом США в СССР У.А. Гарриманом, заметил: «Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию… Может быть, будет сражаться за Россию» (1, с. 529). – Потом в речи на параде 7 ноября – его знаменитый ряд наших великих предков, в разные эпохи спасавших родину. И, наконец, через несколько дней после развертывания контрнаступления советских войск под Москвой со всех военных газет снимается лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (10 декабря) (там же, с. 530).

Итак, Война перестает быть советско-нацистской, советско-германской, постепенно превращаясь в Отечественную и освободительную. В ней вновь обретены Отечество и история. Когда-то Первая Отечественная 1812 г. принесла русским будущее, их собственное великое будущее. До этого мы жили заемным (у Европы) умом, временем, будущим. Оно рисовалось нам по «ихним» стандартам. А теперь у нас было наше. Ведь мы совершили **такое**! И еще совершим! И дойдем (дошли) до Парижа! Голова закружилась от восторга (за несколько десятилетий до того предтеча главной русской славы А.В. Суворов, в спазме самолюбования и гордости, восклицал: «Мы – русские! Какой восторг!»). И, закружившись, создала великую культуру.

Вторая Отечественная вернула русским историю, которую отобрала у них Октябрьская революция и КР-1, с его абсолютным ужасом, насилием, попыткой универсальной **переделки**. Русские вновь начали становиться нормальным народом со своим прошлым. Ведь, действительно, СССР – название страны, возникшей из 1917 и 1922 гг., без малейшего намека на прошлое в своем имени. И, как я уже неоднократно писал, страны, не связанной с определенной территорией (по Конституции 1924 г. в СССР могли в принципе войти все те государства, которые встали на путь коммунизма). То есть СССР в строгом смысле слова и не страна вовсе, а нечто совершенно иное. «Мир-система» в интенции. И советский народ строился как некая новая, никогда не бывалая, историческая общность (хотя и назовут его так позднее). У этой общности не должно было быть не только прошлого (истории), но и религии, собственности, семьи, права и т.д. У ее членов отнимались имена и присваивались «новоделы» – клички, как животным. «Интегратором» этой «исторической общности» являлись беспрецедентный массовый террор, вызывавший полностью парализующий человека страх, и коммунистическая идеология, состоявшая из низкопробной смеси вырванных из нормального контекста обрывков религии, науки, традиционных мифов, суеверий и пр.

И при первом столкновении с реальной угрозой всему этому пришел конец. Оказалось, что мы не СССР, а Россия, не Марлены, а Иваны, не «земшарная республика Советов», а «ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины», не «пролетарии всех стран…», а «Господи, помоги», не новые взаимоотношения полов, а «жди меня» и «ты у детской кроватки не спишь…»

Но во время войны произошло и иное. Страну сотрясла «демографическая» катастрофа, изменившая общество. Вот некоторые цифры. Погибли или умерли свыше 26 млн. человек, т.е. примерно **16%** всего населения. Из них 10 млн. – военные потери, 11 млн. – прямые гражданские, 5 млн. – повышенная смертность гражданского населения. Другими словами, смерть коснулась всех – и фронтовиков, и тыловиков, и мужчин, и женщин, и молодых, и не очень. 65 млн. человек – почти **40%** советских людей – оказались в оккупации. 30 млн. мужчин и 600 тыс. женщин были призваны в армию (чуть более 1 млн. взяли из ГУЛАГа). Это – **18%** населения. 17 млн. человек были эвакуированы на восток (**10%**). 3 млн. – побывали за границей (**менее 2%**). Более 4 млн. (57% – женщины) – депортированы (в основном) в Германию. 2 млн. – осуждены военным трибуналом (650 тыс. – за сотрудничество с немцами, 200 тыс. – к смертной казни), 1 млн. человек погибли в ГУЛАГе (в 1942 г. смертность там достигла 20%). В первые месяцы войны в плен взяли 3 млн. 300 тыс. Из них более 2 млн. (60%) умерли или были казнены немцами до конца 1941 г. Всего попало в плен за годы войны 5 млн. 400 тыс., из них выжили и вернулись примерно 1 млн. 600 тыс. (менее 30%). В Ленинграде от голода и холода умерли более 700 тыс. человек.

В мае 1945 г. в ВКП(б) состояли 5 млн. 700 тыс. членов. Около 70% вступили в партию в годы войны.

Новая страна, новая партия. – Совершенно очевидно: четыре года войны существенно трансформировали наше общество. Да просто сменились актеры исторической трагедии. Одни ушли навсегда, другие навсегда приобрели новый – бесценный! – социальный опыт. **Тотальная переделка** 30-х была как бы отодвинута в сторону. – Из войны вышел Коммунистический режим-2. Он откажется от переделки и обратится к традиционно-русскому **переделу**. То есть русская история вернется в СССР, или СССР возвратится в русскую историю (не полностью, конечно, но – тенденция обозначилась)!

Таким образом, рождение и становление КР-2 совершенно отличны от генезиса его предшественника (КР-1). Да, тоже из войны и войны еще более обезличенно-технизированной. Однако войны, **ставшей** Отечественной и – в интенции – Освободительной. Вторая Отечественная явилась великим подвигом и опытом преодоления русским народом Ленина / Сталина, советско-нацистских шашней, советско-германского вооруженного противостояния. Отечественная проросла сквозь все это. И потому в великом страдании России на маршруте «Гражданская война – Гражданское общество» Отечественная занимает ключевые позиции. С Отечественной началось начало конца Гражданской.

* * *

…Как тонко, глубоко, точно почувствовал все это тот, кого полагали «нэбожителем», «гениальным дачником», «эстетом, далеким от народа и чуждым ему», «внутренним эмигрантом», а сам себя он называл «мечтателем и полуночником»; уже в 44-м он фиксирует: «Все нынешней весной особое, / Живее воробьев шумиха. / Я даже выразить не пробую, / Как на душе светло и тихо. / Иначе думается, пишется, / И громкою октавой в хоре / Земной могучий голос слышится / Освобожденных территорий. / Весеннее дыханье родины / Смывает след зимы с пространства / И черные от слез обводины / С заплаканных очей славянства. / Везде трава готова вылезти, /…» И так далее. Там еще есть: «Сорвавши пелену бесправия, / Цветами выйдут из-под снега». Внешне – это, конечно, о наших победах начала 44-го, о предполагаемом походе в Европу, в славянские земли. Внутренне же все пронизано свободой, светом, предчувствием весеннего обновления, радостных перемен. – Он ошибся? Послевоенный зажим, страшная последняя сталинская восьмилетка (45–53) разве не свидетельство краха всех этих абсолютно необоснованных и поверхностных надежд – ожиданий? Разве это не «бред торопливый полубезумного болтуна» (сказано им по другому «поводу», гораздо более благородному)?

Нет, он не ошибся. И сам об этом напишет через несколько лет: «Хотя просветление и освобождение, которых ждали после войны, не наступили вместе с победою, как думали, но все равно, предвестие свободы носилось в воздухе все послевоенные годы, составляя их **единственное историческое содержание** (выделено мною. – *Ю.П.*)». Да, иного исторического содержания у второй половины 40-х – начала 50-х не было (разумеется, был еще подвиг материального восстановления страны, но и он в конечном счете, хотя никто и не подозревал об этом, был мотивирован и тысячами нитей связан с грядущим).

…Отечественная дала нам «Доктора Живаго» (может быть, «Спекторский», написанный до войны, эстетически сильнее и новее, но в историческом смысле менее животворен). Вообще-то, как теперь становится ясным, Борис Леонидович писал его всю жизнь – начиная еще с дореволюционных поэтических и прозаических опытов. Конечно, не будь Революции, мы бы ничего этого («этого» – не только плодов творчества «the first our poet», как сказала о нем Ахматова, но и ее самой, и Цветаевой, и Мандельштама, и Платонова, и Булгакова, и Зощенко, и других) не имели. Писать-то писал, но **написать** смог лишь после Освободительной войны. Ведь и у него, как у всех наших главных выразителей, всё по Пушкину – «и неподкупный голос мой / был эхом русского народа». Русские вновь обрели голос, когда затравленные и травящие друг друга массы стали возвращаться в состояние «народ», когда

запуганный и пугающий всё и вся обыватель («проваренный в чистках предатель», с высокомерным отвращением молвил Осип Эмильевич) стал возвращаться в состояние «человек» («Жить и сгорать у всех в обычае, / Но жизнь тогда лишь обессмертишь, / Когда ей к свету и величию / Своею жертвой путь прочертишь». – Слышите? **Своею**, а не классового врага, не «низшей» расы (по-русски: «жидов», «хачей», «азеров», «чурок» и т.д.), не политического оппонента или конкурента по бизнесу). И эхом этого нового голоса явился «Доктор Живаго» (все то, что породила Революция, в целом находилось под спудом и ждало своего часа; вскоре он настанет…)

Заметьте: я перескочил с одних рельсов на другие. Вместо попыток понять советскую историю и ответить на вопрос, почему власть приватизировала Великую Отечественную войну, разговор пошел о «стишках». – Но ведь это очевидно: русская литература есть квинтэссенция русской истории, так сказать, ее «продолжение другими средствами». Иначе говоря, это идеалтипическое выражение отечественной истории, ее **эхо**. Которое само порождает новые исторические смыслы, человеческие типы, социальные ситуации…

Хорошо известно: наша классическая литература «уложилась» в 100 лет (немало!). От романа «Евгений Онегин» (20–30-е годы XIX в.) до романа «Клим Самгин» (20–30-е годы XX в.). И все в ней: о бремени человеческого существования, о «невозможности» быть человеком, о «лишности» всякого не-стадного, стороннего человека на Руси. И КР-1 это подтвердил, закрепил конституционно и залил кровавой (не сургучной) печатью (еще в 1918 г. появилась новая социально-правовая категория «лишенцы»; точнее: бесправно-расстрельная категория; так «лишние люди» стали «лишенцами»; так из гениальных прозрений, тоски и любви умнейших русских родился режим людоедства – а ведь действительно лишних надо съесть; так, кстати, из немецкой классической и постклассической философии – от Фихте до Ницше, тоже 100 лет! – выползло схожее с нашим, национал-социалистическое чудовище). Казалось бы: «Все расхищено, предано, продано, / Черной смерти мелькало крыло, / Все голодной тоскою изглодано…» (ведь о том, что в «катакомбах» шла спасающая и спасительная работа, знало лишь абсолютнейшее меньшинство…)

И вот – «Доктор Живаго». **Этот текст и XX съезд** (о нем мы еще скажем) **в самом прямом смысле слова вдохнули в нас жизнь** (то, что Мыкита скоро будет соучаствовать в убийстве Бориса Леонидовича, есть символический (но не для Б.Л.) пролог КР-2). Главное в «Докторе…» не литература, но – христианство. И вот в каком смысле.

Все мы знаем зацитированные слова Г.В. Федотова, что «Капитанская дочка» самое христианское произведение русской литературы. Верно. Именно это пушкинское, а не мучительные попытки Федора Михайловича «явить миру образ русского Христа», не моральные искания зрело-позднего Толсто-

го, не славянофильская утопия «Святой Руси». Верно, но для России XIX в., дореволюционной. Хотя, конечно, продолжало «работать» и в условиях Эсесерии. Но необходимо было нечто иное и новое, сказанное **современным** (во всех отношениях) голосом. В **этом** смысле «Доктор» подобен «Капитанской дочке», христианство которой не в (гениальном) выдумывании князя Льва Николаевича Мышкина, не в (гениальных) сценах «Братьев Карамазовых» и «Бесов», не в (гениальной) диалектике духовного восхождения «Преступления и наказания», не в толстовском «Мне отмщение и аз воздам» и прозрении Нехлюдова «Воскресения» (может быть в обоих случаях лучшей мировой прозе), а в естественной, простой, свободной атмосфере. При всем ужасе и безобразии описываемого. Это и вправду «евангельский» текст. И потому могучий (помните: «могучая евангельская старость / и тот горчайший Гефсиманский вздох»). Атмосфера «Капитанской дочки» позволила русскому человеку (к сожалению, только из культурно-привилегированной среды) в XIX столетии строить приемлемое общество, минимизировать рабство, варварство, насилие, творить. Все это унаследовал «Доктор» в совершенно новых формах и тонах (у В.О. Ключевского есть работа «Евгений Онегин и его предки», в которой он с потрясающей достоверностью историка, художника, психолога «реконструирует» родословную нормативного героя русской литературы; я же скажу: Юрий Андреевич Живаго был прапраправнуком Петра Андреевича Гринева…)…

И от этого импульса Отечественной пошло-поехало. Гроссман, Окуджава, «Современник», Таганка, Хуциев, К. Муратова, многое-многое другое. Проза, поэзия, театр, кино, живопись – высочайшего качества, тонкое, умное, новое, и возвращение тех, кто в 20–30-е творил катакомбно. Все это великое искусство 50–80-х, вплоть до Бродского, Высоцкого, А. Германа, русского рока. И даже до Александра Исаевича Солженицына, чей генезис, правда, сложнее, многообразнее. Но и его без Отечественной и ее эмансипационных последствий представить невозможно (хотя, в отличие от большинства «послевоенных» par excellence, он и, наверное, Бродский «вписаны» во всю русскую историю, которая их как будто ждала; это ведь их в своем «Поэте» (а не современников) приветствовала и предчувствовала Марина Ивановна: «Он тот, кто смешивает карты, / Обманывает вес и счет, / Он тот, кто **спрашивает** с парты, / Кто Канта наголову бьет, / Кто в каменном гробу Бастилий – / Как дерево в своей красе. / Тот, чьи следы – всегда простыли, / Тот поезд, на который все / Опаздывают…»; с младых лет помню: Жозеф де Местр, такая романтическая русская «легенда», обещал петербургскому свету – явится, явится еще с той же Волги Пугачёв, но с университетским дипломом; действительно, Бог не спас, явился; я же по аналогии и ретроспективно: пусть не Добрармия, не вообще Освободительная армия Юга России, с Дона, Ростова-

на-Дону, но пришел оттуда человек и по его любимой поговорке произошло: «Одно слово правды весь мир перетянет». Перетянуло).

И из этого же, конечно, корня – инакомыслие, правозащитное движение, диссидентство в целом. То есть помимо прочего, строительство гражданского общества. Сегодня даже не важно (конечно, важно, но здесь о другом), какие идеи их вдохновляли и что они продуцировали сами. Главное: они начали строить, не спросив разрешения у начальства. Эта самостоятельность, эта их свобода выбора и мужество и есть их грандиозный вклад в дело нашего выздоровления–возрождения.

И здесь пришла пора сказать о событии, которое конституировало КР-2, стало вторым (наряду с Войной) источником его легитимности, ключевым моментом его становления. **Речь идет о русском Нюрнберге**.

* * *

В 1956 г. руководство СССР–КПСС решилось на самоубийственный шаг: оно провело свой Нюрнбергский процесс. Я настаиваю на том, что XX съезд был **русским** Нюрнбергом. И потому никакого другого Нюрнберга в России уже не будет. При всей (внешней) скромности и «робости» саморазоблачения это было именно саморазоблачение и заметим: одно из самых морально достойных событий русской истории за все ее тысячелетие. Даже если оно стало возможным в результате острой внутрипартийной борьбы. То есть такая цель – саморазоблачение – и не ставилась. Кстати, подчеркнем, вследствие и после этого система была обречена, начался процесс эмансипации.

В перестроечные и постперестроечные годы много говорилось о необходимости Нюрнбергского суда над коммунистами-чекистами, над всей системой большевизма. И поскольку ничего подобного не получилось и не случилось, проницательные аналитики сделали вывод: русский народ не хочет каяться, не хочет очиститься; и это открывает возможности для новых трагических событий. – Конечно, эти критики правы. Ничего **такого** мы не хотим. Но только ли мы?

Вот что пишет немецкая исследовательница Юта Шерер: «Переход от диктатуры к демократии был крайне трудным и длительным процессом. 1945-й год не стал точкой отсчета, знаменующей начало новой немецкой истории. Не было какой-то готовой нормы, к которой можно было бы перейти. Сразу после окончания войны не произошло решительного разрыва с наследством Третьего рейха. Огромное большинство немцев стремилось к материальному и психологическому возрождению, вытесняя из сознания реалии нацистского государства, только-только ставшие прошлым. Нюрнбергские процессы, которые, по замыслу держав-победительниц, должны были сыграть также и воспитательную роль, оставляли немцев равнодушными или вы-

зывали неприятие – населению Германии хотелось достичь хоть какой-то “нормализации”. Осознания преступного характера национал-социализма не произошло. Господствовало мнение, что все происходящее – это просто суд победителей над побежденными. Преступления Третьего рейха в общественном сознании уравнивались с ущербом, нанесенным немецким городам бомбардировками союзников, а признание массовых национал-социалистических организаций преступными воспринималось как огульное коллективное обвинение всего народа»[1].

И далее: «Навязанная западными союзниками денацификация в Западной Германии была малоуспешной. Уже в 1949 году был принят закон об амнистии, который открыл многочисленным бывшим национал-социалистическим чиновникам и кадровым военным путь в государственные структуры и заново формируемую армию. И вряд ли экономическое возрождение и перевооружение ФРГ могли бы состояться без опыта и знаний представителей прежнего национал-социалистического режима. В эпоху Аденауэра политика прошлого обосновывала отказ от дальнейшего уголовного преследования нацистов со ссылкой на желательность умиротворения и политической стабилизации. В середине 1950-х уже почти никто не опасался преследований со стороны государства или судебных органов за свое национал-социалистическое прошлое. Однако черта была подведена не только под прошлым 3,6 млн. денацифицированных и десятков тысяч амнистированных немцев. По бóльшей части вышли на свободу и те, кто в 1945–1949 годах был осужден в рамках Нюрнбергских процессов или военными судами союзников за военные либо нацистские преступления»[2].

Таким образом, немцы, которых мы называем примером мужественного покаяния, переработки и переосмысления своего прошлого, в реальности были иные. Не столь идеальные. К тому же напомню хорошо известное: после в прах проигранной войны, после тотального уничтожения городов в условиях оккупации. Но ведь люди и народы вообще не идеальны. Скажу рискованное: герои 1944 года, выступившие против фюрера и его режима, почти все погибшие, ставшие образцами для подражания и восхищения (и они, несомненно, заслужили это) в послевоенной демократической Германии, решились на этот мужественный и самоубийственный шаг, когда осознали, что их родина идет к поражению в войне. А вот если бы ефрейтор победил? Они бы восстали?

Правда, не мне, не нам судить этот великий и несчастный народ. Сами-то каковы… Однако XX съезд был проведен. Всего лишь через десять с не-

1. Шерер Ю. Германия и Франция: переработка прошлого / Pro et contra. – 2009. – № 3–4. (Т. 13). – М. – С. 91.

2. Там же. – С. 92.

большим лет после выигранной и справедливой Великой Отечественной войны (а не проигранной и несправедливой). И мы сами выпустили из лагерей миллионы заключенных, а не победоносные оккупационные армии. И сами сказали о совершенных преступлениях.

Мало сказали, не всё? Да, мало, не всё.

Но что же на самом деле сделал Хрущёв на XX съезде? – Его критики-либералы утверждают: «развенчал» Сталина и спас сталинскую (по сути) систему. Нет, Никита Сергеевич, сбросив отца народов с корабля современности, покончил со сталинским КР-1, режимом **тотальной переделки** и дал зеленый свет становлению и расцвету КР-2, **номенклатурного режима передела**.

Хрущёв – не я, конечно, придумал это сравнение – был Лютером коммунизма. Слишком рискованно и вольно? Возможно. И все же в истории христианства и коммунизма налицо параллели (пусть поверхностные, «внешние»…). «Краткий курс» – несомненно, подобие «Нового Завета». Правда, в отличие от последнего главный персонаж «Курса» фактически возглавлял авторский коллектив и корректировал-редактировал текст. Действительно, апостолы писали после гибели Учителя, а сталинские «райтеры» под его руководством, в смысле: под диктовку.

Вообще сталинизм структурно был схож с христианством. Бог-Отец – Ленин, Бог-Сын – Сталин, Бог-Дух Святой – Идеология (Маркс, Энгельс – пророки, «крестители»). Церковь-Партия. И вот является Хрущёв. Когда-то Лютер произнес: каждый сам себе священник. Так начиналось современное полисубъектное общество. Так христианство «приватизировалось» христианами и отменялась посредническая функция церковной иерархии. Никита Сергеевич «разоблачил» Сталина и тем самым сказал коммунистической номенклатуре: каждый сам себе сталин, мы все сталины, нам не нужен Сталин. Так коммунизм «приватизировался» номенклатурой, отменялась главная функция Сталина – «Ленин сегодня». Поэтому Усатого и вынесли из Мавзолея. Поэтому началось возвращение к Ленину и борьба за подлинного (несталинского) Ленина. В результате возникла коммунистическая полисубъектность, особенно в мировом коммунистическом движении и мировой социалистической системе.

Разумеется, плюрализация и демонополизация коснулись Идеологии (Святый Дух) и Партии (Церковь). Единства в них не стало. Понятно, что вслед за коммунистическим протестантизмом возникла и коммунистическая Контрреформация. Это – неосталинизм. И заметим: Вольтерово «раздавить гадину», обращенное к церкви на излете христианской эпохи, в пору острейшего кризиса Христианства, вполне корреспондирует главному требованию «перестройки», эпохи угасания и смертельного кризиса коммунизма: «убрать 6-ю статью Конституции». То есть «раздавите гадину – партию»…

Вообще-то не только у нас, но и у некоторых других народов Европы в XX в. тоталитарно-авторитарно-демократические режимы воспроизводили христианскую матрицу (при этом, конечно, даже в «мягких» своих вариантах не соответствовали эссенции христианства). Гитлер, скажем, объявлялся «арийским Христом», «спасителем»… Однако и обращение к дохристианским образцам, «языческим» было характерно для всех этих «крутых парней» и их «крутых режимов». Фюрер, пьяневший от германо-арийских древностей (и, как полагается немцу, прежде всего в музыкальном переложении; нацистам еще повезло – у них был величайший Вагнер). Дуче, игравший в древнеримского императора, балдевший от латинской античности и оправленной в мрамор солдатчины. Да и наш тоже. Отправили Ильича в Мавзолей, и какие бы безумные оправдания этому ни предъявляли (когда-нибудь оживить и пр.), на деле это был совершенно «египетский» путь спасения (спасения – в религиозном смысле). Так спасались египтяне, возводя пирамиды для фараонов. Бессмертие «царей» обеспечивало вечность подданным.

Мавзолей с Лениным – это доступная большевикам-безбожникам спиритуальность. Кстати говоря, нечто подобное я видел в Париже, на знаменитом Пер-Лашез. Только там много мавзолеев. Этакий город мертвых, материалистическая вечность. Все правильно, мы – мир моносубъектный (как идеальный тип), они – полисубъектный. У нас все объединены в одно – один Ленин, у них – все (многие) ленины…

И все же вернемся к русскому Нюрнбергу – XX съезду КПСС. – Итак, убрав Сталина, Хрущёв ликвидировал и его Систему. Сталин был в ней главным, системообразующим элементом, субстанцией. Без Сталина и система оказалась другой. КР-1 – это Сталин-Система, КР-2 – сталинская система. «Все», т.е. номенклатура, стали коллективным «сталиным» (отчасти схожее мы можем обнаружить после смерти Петра I, когда аристократия временами натягивала на себя мундир Самодержца-Моносубъекта, и в стране устанавливалась система «коллективного руководства…)

Эта ситуация хорошо описана известным американским исследователем М. Малиа. Он говорит: в 1953 г. в партии состояли 6,9 млн. человек. Она «твердо была на пути к тому, чтобы стать партией номенклатуры, где доминировала бы управленческая элита… Однако эта новая корпоративная природа партии… еще слабо проявляла себя из-за ее абсолютной подчиненности Сталину и опеки над ней со стороны госбезопасности. К моменту падения Хрущёва в партии состояли 11 млн. 750 тыс. человек, и она уже окончательно превратилась в партию номенклатуры – корпоративную организацию управ-

ленческой элиты. Одновременно с падением Берии она освободилась от опеки госбезопасности, а также… и от собственного вождя»[3].

И далее Малиа уточняет: «…Десталинизация означала… защиту партии от произвола любого Первого секретаря… Когда Хрущёва сместили, номенклатура в качестве некой коллективной единицы превратилась в нового высшего руководителя системы»[4]. Никита Сергеевич «обеспечил аппаратчикам не только личную неприкосновенность, но и … возможность пожизненного сохранения ими своих должностей… В отсутствие террора Генеральный секретарь… держал ответ перед "кадрами", а не наоборот, как это было при Сталине»[5].

Вот, собственно, и все. XX съезд, помимо того, что покончил с самым страшным в истории режимом массовидного террора и суицидального самопожирания, позволил реализоваться двум социальным потенциалам: номенклатурократии и гражданскому обществу. Оба этих потенциала и реализовались в Коммунистическом Режиме-2. Этот строй, пережив революцию конца 80-х – начала 90-х годов, мутировав, существует и сегодня. Его начало – во Второй Отечественной.

* * *

Помню, как в 80-е впервые услышал лозунг движения «Солидарность»: «Чтобы Польша была Польшей» и тоскливо (но и с гордостью за поляков и с завистью к ним) думалось: ну а мы, когда же нас стыд и дерзание заставят выкрикнуть: «Чтобы Россия была Россией». – Прошло двадцать пять лет с начала горбачёвской весны, но русский вариант польского лозунга по-прежнему на повестке дня. Недавно на каком-то книжном развале видел работу перестроечного Юрия Николаевича Афанасьева «Опасная Россия». Да, конечно, «опасная», «больная»; какой ей еще быть после суицидального столетия?! Больным надо сострадать, жалеть их… Дело, однако, в том, что Россия – это мы (извиняюсь за пафосный трюизм). То есть нездоровы мы. А себя жалеть после того, что мы (и наши деды, отцы) сотворили, почему-то не хочется. Как-то все сладенько получится. Типа (стилистически здесь уместен чудесный русский новояз) «не согрешишь – не покаешься».

Мне ближе – «неприемлемая Россия». Иными словами, неприемлемы мы. Наша задача – стать приемлемой, нормальной страной, нормальным обществом. И это мое рассуждение никак не диссонирует с моим же тезисом: Рос-

3. Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917–1991. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 368.

4. Там же. – С. 369, 371.

5. Там же. – С. 372, 374.

сия, подобно другим, идет **своим** путем, который для нее **нормативен**, девиантных развитий не бывает, поскольку в «природе» не существует некоей общечеловеческой социальной нормы. Мир многообразен, разноцветен, разнонаправлен (никаким глобализациям не под силу отменить эту фундаментальную плюральность; они лишь могут драматически обострить конфликт универсального и уникального). И вот в рамках **своей** нормативности любой социум в принципе подвержен испытаниям, искушениям, неадекватным выборам. Любой социум – и русский тоже! – колеблется между двумя возможностями: быть приемлемым (для мира и себя) или неприемлемым. В 1917–1920 гг. моя родина встала на неприемлемый путь.

Затем – через жертвы, сопротивление, преступления, войну – вроде бы начала возвращение в нормальность. И вот сегодня, спустя почти 100 лет после рокового решения, нам, убежден, предстоит ответить на обязательные для всех наций вопросы. Среди них есть два из разряда важнейших: легитимность государства, политико-правовой системы в целом (это шире государства) и самоидентификация общества.

1. **Легитимность**. Не будем ломиться в открытые двери и доказывать ее обязательность для устойчивого функционирования государств и политий. Как же здесь обстоят наши дела? – Но прежде напомним, **какую** легитимность имеют современные государства. В качестве примера возьмем Францию – одну из «законодательниц мод» в политике. Будучи президентом Республики (1995–2007) Жак Ширак, представитель умеренно-консервативных, центристских сил, заявил: наше государство имеет своим источником Великую революцию, а не, скажем, деяния Жанны (д'Арк). То есть человек, вышедший из голлистской (католической, национальной) традиции, апеллирует не к глубинным – во многом духовным, религиозным – основам и организационному опыту полуторатысячелетней Франции, а к светским, республиканским принципам 1789 г. Нет, **та** Франция не забыта, но **это** государство выросло из Революции. Можно оспорить мнение Ширака, но оно ясно, точно, определенно. И в обществе по этому вопросу существует консенсус; ведущие политические игроки вполне принимают шираковскую версию.

Это – **историческая легитимность**, или легитимность в истории. Без нее невозможны устойчивость, успешность государства, социальной системы. Другой необходимый тип легитимности – **правовой**. Он коренится в Конституции, которая, по словам крупнейшего теоретика права XX столетия Г. Кельзена, является «основной нормой» жизнедеятельности политической системы и правопорядка. Само же государство – «правопорядок в действии». Не больше, но и не меньше.

Таким образом, две легитимности – историческая и конституционно-правовая дополняют друг друга, переплетаются, создавая новое качество. Это пришедшие на смену «Власти от Бога», – власть от народа, суверенитет на-

рода. Историческая и конституционно-правовая легитимность оформляют народный суверенитет, придают ему предельную для современности обоснованность, релевантность, консенсуальность.

Посмотрим на Россию. В XX в., как мы знаем, в ней последовательно существовало три государства: Российская империя, СССР и Российская Федерация.

Российская империя. Конституция 23.04.1906 г. превратила самодержавную монархию в полупарламентскую (в контексте общего перехода страны к открытому, плюральному обществу, пронизанному снизу доверху принципом представительства). Соответственно с этим государство черпало свою легитимность и в «Основных законах», и в сохранявшемся (как оказалось, весьма непрочном) сакральном понимании природы власти, и в исторических традициях. Судя по всему, Россия – в специфической форме, с вариациями – шла к описанной выше историко-правовой легитимности. Война сыграла свою роковую роль. Но не только она. Общество в лице своего либерально-буржуазно-«генеральского» авангарда легкомысленно отказалось от «исторического компромисса», заключенного с властью в ходе первой революции и закрепленного в «Основных законах» 23.04.1906 г. В свою очередь, Николай II, фактом юридически нерелевантного отречения нанес удар в сердцевину им же октроированной Конституции. А также, как ни горько мне это говорить, добил сакрально мотивированное восприятие власти на Руси («горькость» от того, что все это работало на руку поднимавшим голову «ворам» – в старорусском смысле этого слова). Понятно, история судила ему быть главным десакрализатором власти, но, опять должен признать, в конкретных условиях 1916–1917 гг. это способствовало катастрофе. Что касается исторической легитимности, то она все-таки была доступна немногочисленным культурным кругам. «Восставшие массы» в этих категориях не рассуждали (как, впрочем, и в правовых).

Иными словами, вполне удовлетворительная легитимность образца, к примеру, 1912 г. в силу целого ряда объективных и субъективных причин, к 1917 г. рассыпалась. И здание, потерявшее опору, рухнуло.

СССР тоже обладал своим «комплексом» легитимности. В нем практически отсутствовала правовая составляющая, что отличало его от современных государств. Да и историческая компонента была иной, чем это было принято в XX в. Но об этом чуть позже. Основополагающая советская легитимность коренилась в марксистско-ленинской идеологии. То есть носила идеократический характер (из-за особенностей этой идеологии «практикующие» большевики получили неслыханную свободу действий; буквально все их решения находили оправдание в этой «единственно верной» ортодоксии. Можно сказать и так: специфика «марксизма-ленинизма» заключалась в том, что содержательная убогость его «догматики» восполнялась широтой и гибкостью

«прагматики»; сегодня, когда их внешнее владычество закончилось, приходится признать: это было социальное оружие по силе своей разрушительности и убедительности сопоставимое с ядерным; слава Богу, что мир со временем выработал против него непреодолимую ПРО; внутреннее же владычество большевизма сохраняется, поскольку на русской исторической сцене и в историческом зрительном зале находится советский человек, как оказалось: «продукт долгосрочного пользования»[6]). В этой идеократической похлебке «варились» и правовые, и исторические «куски» (и другие). В определенном отношении она напоминала древнерусскую легитимность в «правде» (от митрополита Илариона, «Русской правды» и т.п.). Спецификой советской легитимности было и то, что по исторической линии она «уходила» в мировую историю, прочитанную как борьба классов, которая, в свою очередь, трактовалась как борьба «добра» со «злом». Из этого следовало, что государство СССР не ограничено собственно русской историей и обладает всемирным (универсалистским) характером[7]. Поэтому не может быть связано и заключено в конкретно-исторические территориальные границы (мы знаем, ленинцы зафиксировали это в Конституции 1924 г.). Одновременно такая интенция «предполагала» и оправдывала советский экспансионизм, впоследствии выродившийся в специфический империализм. Этот последний пришел на смену «земшарно»-интернационально-коминтерновскому экспансионизму, когда большевик-черносотенец Сталин – с целью укрепления **своего** режима – полез за легитимностью в русскую историю. Полез по-мародерски, затоптав одно, фальсифицировав другое, установив монополию на эксплуатацию третьего… Нет, он не отказался от классически-большевистской идеократической легитимности, была «лишь» проведена определенная «смена вех».

Коммунистический же миф, повторим, был невероятно гибким и адекватным (при этом и жестко-догматичным; это – не противоречие или кажущееся противоречие; это – органическое качество, поскольку, как известно, для большевиков морально то, что служит их интересам; мораль есть категория полезности; вдогонку скажу: ох как не случайно поздний большевизм

6. В первом выпуске «Трудов по россиеведению» я уже писал: большевистская революция продолжается. Торжествуют субъективный материализм, имморализм, презрение к праву, власть-насилие и т.п. (см.: 3).

7. Еще Николай Васильевич Устрялов обращал внимание на то, что государство СССР с его экстерриториальностью, трансграничностью, универсальностью претензий и мировоззренческих установок напоминает государство Ватикан. Неглупая мысль, интригующее сравнение! – Проблема только в том, что СССР – при всем этом – вынужден был оставаться и национальным государством, т.е. нормальным, обычным. Со временем эта нормальность нарастала. И внутренний конфликт двух этих «компонент» взорвал СССР (не только он, конечно). Да и мировоззренческая установка не в пример «ватиканской» не выдержала экзамена на адекватность, и хвастливые претензии на «всесильность» учения оказались туфтой.

выродился в режим и ментальность потребительства, т.е. пользы для себя; действительно, «романтика» и универсалистский замах ушли, приказали долго жить, осталось: «обогащайтесь» – ведь жизнь дана один раз; вот чем закончилось, во что выродилось мировое притязание и гордыня суровых и храбрых безбожников; Владимир Ильич, Лев Давыдович, Николай Иванович, – вы, из заслуженной вами адской области, видите тех, кто пришел вам на смену? а Вы, Иосиф Виссарионович, довольны нами?; мы, мне кажется, все-таки достойны вашего коллективного одобрения – поскольку пользуемся всеми теми возможностями (материальными, идеологическими, политтехнологическими), что вы создали для нас; и не порицайте за наше беспощадное и легкомысленное потребительство, ведь если Бога нет (а Его же нет?), как и семьи, и частной собственности, и права, и национальных предрассудков, и «искусства ради искусства» и прочих «мелочей», то – **все позволено**; замечу: ваша «дьяволиада» и гениальна, и долгоиграющая; другие, эссенциально близкие вам, но безрассудно оставившие среди своих реквизитов «Gott mit uns», давно уже сошли с дистанции, или, как Вы, Лев Давыдович, изволили выразиться: «оказались на свалке истории»).

Тем не менее, когда этот миф в 80-е годы XX в. обветшал, его победность померкла, эффективность как-то истончилась и он все более-более напоминал «осетрину» не первой свежести и когда – одновременно – русский Дубчек[8] попытался придать ему «ускорение», оздоровить «гласностью» и даже модернизировать через «перестройку», он не выдержал, сдулся, лопнул.

СССР закончился как государство.

Государство Российская Федерация (РФ) по типу своей легитимности резко отличается как от своих предшественников – Российской империи и СССР, так и от современных классических государств. Поначалу доминант-

8. Сравнение не случайно: пражская весна закончилась вторжением русских танков, московская, растянувшаяся на несколько лет, тоже. Правда, оказалось, что в 1991 г. важнейший большевистский лозунг – «танки решают все» – уже не работал. Более того, через два года, большевикам было продемонстрировано, как можно бить врага его же оружием. Это им отмщение за Будапешт–56, Прагу–68, Москву–91. – Пользуясь случаем (узнаете этот оборот?), хочу выразить горячую благодарность Владимиру Ильичу. Недаром-недаром заучивали мы (и те, кто принимал решение ранним утром 4 октября 93-го) Ваши указания товарищам из ЦК. Помните: «Я пишу эти строки вечером 6 ноября (24 октября), положение донельзя критическое». И дальше там: «Теперь все висит на волоске, ...на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов)...», «нельзя ждать!! можно потерять все!!», «история не простит промедления...», «было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования... народ вправе решать подобные вопросы не голосованием, а силой». И т.д. Владимир Ильич, как и Вы, люблю Пушкина и «за учителей своих заздравный кубок поднимаю». Не знаю, был ли Борис Николаевич в курсе Ваших указаний, но и дух, и какую-то беспощадную неотвратимость усвоил на все сто. Вам бы за него не было стыдно.

ной легитимностью была конституционно-правовая. Этому способствовало и то, что Основной закон 12.12.1993, с одной стороны, находился в русле конституционного мейнстрима XIX – начала XX в. (проект Сперанского, создание Госсовета, земское самоуправление 1864 г., Основные законы 23.04.1906, проект Конституции Российской Республики к Учредительному собранию), т.е. здесь работала, независимо от того, осознавало это общество или нет, **конституционно-историческая** компонента легитимности, с другой – параметры Конституции–93 позволили выжить – метафорически говоря – Русской Власти и связанным с ней элементам Русской Системы. Это была компонента **субстанциально-историческая**.

Что касается **легитимности исторической**, то здесь «все смешалось». РФ объявила себя правопреемником СССР. Это было еще одним аспектом конституционно-исторической легитимности. И означало: во-первых, указание на то место, которое принадлежит ей в международных отношениях, во-вторых, взятие на себя обязательств СССР и ответственности за его деяния, в-третьих, объявление о преемстве правовых измерений. Но это, если угодно, формальная сторона вопроса. В содержательно-историческом отношении выходило, что РФ есть «продолжение» СССР. И это соответствовало действительности. Ведь скоро выяснилось, что социальная природа РФ не антисоветская (как советская была антицарской), а постсоветская. Или, точнее: некая новая стадия развития советского. Это, напомню, вполне соответствует моему теоретическому предположению о Коммунистическом Режиме (КР)-2 и о природе русской социальной революции конца 80-х – начала 90-х годов XX в.[9]

Таким образом, конституционно-правовая легитимность была дополнена легитимностью правопреемства РФ–СССР. Но сквозь них «прорастали» и преемство с дореволюционной Россией (следовательно, с исторической Россией вообще), и преемство с СССР, причем и с ленинской, и сталинской, и хрущёвско-брежневской моделями, и преемство с Русской Системой (Русской Властью, в первую очередь), и преемство с Россией–СССР, великой державой, претендующей на мировые роли. Все это находилось в хаотическом смешении и, на поверхностный взгляд, в противоестественных связях и переплетениях. Удивительным образом, такое «смешение» полностью корреспондировало характеру Бориса Николаевича Ельцина (видимо, не случайно, что выход на первый план того или иного варианта легитимности или комбинации тех или иных ее измерений связан с типом личности персонификатора власти данной эпохи).

9. Об этом я писал в первом выпуске «Трудов по россиеведению» (3). Но, безусловно, тема не закрыта. Мы лишь подходим к пониманию революции конца XX в.

Но, заметим, – и это важнее всего – впервые в русской истории доминирующей, «предельной» была конституционно-правовая легитимность.

Путинский режим, путинская система резко изменили ситуацию. Фактический отказ от выборов, смена модели избирательной системы, усиление внеконституционных «институтов» (чрезвычайных комиссий по своей природе) и процедур резко сократили действенность правовой легитимности. Однако полного отказа от Конституции не произошло. Напротив, загнав ее – по сути – на периферию реальной политики, в максимальной степени использовали авторитарные, недемократические возможности, заложенные в Основном законе (таковые имеются в интенциональной форме во всех конституциях). Однако подчеркнем, конституционно-правовая легитимность перестала быть сущностной необходимостью путинского status quo.

Здесь-то и оказалась сверхвостребованной легитимность историческая. В качестве компенсации дефицита правовой – однако правопреемство от СССР резко ограничило возможности исторического маневра. К тому же было весьма опасно и невыгодно брать на себя ответственность за весь советский период. Поэтому ритуально осудив сталинские нарушения социалистической законности, ошибки коллективизации и т.п., игнорируя Революцию, Гражданскую войну и т.п., сосредоточились на Отечественной войне 1941–1945 гг. Именно ее «назначили» главным источником легитимности современной России. Надо признать, выбор сделан в высшей степени умно. Подвиг и страдания народа в войне отодвигают куда-то в тень, на второй план преступления и ужас зверского ленинизма-сталинизма. Кроме того, этот ход вполне соответствует подлинному ходу российской истории XX в. Я имею в виду все то же: нынешний режим есть своеобразное продолжение КР-2, истоки которого в великой и освободительной Второй отечественной.

Казалось бы, все складывается неплохо. И новая конфигурация легитимностей найдена. Однако это было заблуждением. Отказ от конституционно-правовой легитимности не может быть «уравновешен» акцентированной исторической легитимностью. Обосновать суверенитет народа только подвигом и страданием Войны, при всем их величии, невозможно. Как говорил один из персонажей фильма, посвященного любимому герою многонационального российского народа («Александр Невский»): кольчужка оказалась коротковатой. – Конституционно-правовую легитимность можно по-настоящему поменять на идеологическую. Тем более, что наши люди привыкли существовать под опекой одной мирообъясняющей идеологии. Но сегодня все мы живем в эпоху тотального дефицита идеологий. Традиционные как-то подвыдохлись или вообще ушли то ли в небытие, то ли в запасник истории. Пожалуй, единственным возможным кандидатом является национализм. Мы ведь по-настоящему, всерьез его еще не пробовали.

Да и историческая ситуация складывается для его подъема вполне удачно. Впервые с середины XVI столетия Россия стала страной с решающим преобладанием одного этноса – русского народа (более 80% населения). К тому же именно русские – и по причине своей численности и по другим (сейчас мы не будем обсуждать эту тему) – несут основное бремя сегодняшних социальных перемен и состояний. Больной, уставший, измученный народ, потерявший во многом ориентацию в мире и самоидентификацию, утративший веру в мудрое и заботливое государство, может легко стать жертвой националистических мифов, искушений, упрощений. Поскольку же русский национализм идейно весьма слаб, неразработан, неискушен, он, скорее всего, проявит себя в примитивно-этнической форме (его подъему способствует и укрепляющийся национализм нерусских этносов РФ). Потенциальная сила национализма в том, что именно он в состоянии «склеить» воедино различные интересы различных социальных и возрастных групп.

Но, разумеется, делать ставку на националистическую легитимность крайне опасно (это ведь и «обоюдоострая» штучка). И, кажется, власть имущие пока, слава Богу, не делают этого и вроде бы понимают гибельность обращения к национализму. – Что же касается исторической легитимности, то из-за ее «ограниченного» (редуцированного к Отечественной войне) характера она обладает и ограниченной эффективностью. И во весь рост встают вопросы: а дореволюционная (множество эпох, разнящиеся друг от друга столетия) история «наша»? Если «да», то как же быть с советским периодом, который хоть и был хронологически продолжением предшествующего, но содержательно по преимуществу отрицанием? Или, о чем уже говорилось, как «брать» Войну и отвергать 20–30-е годы? Или, как «брать» Войну и занимать уклончиво-сдержанную позицию по отношению к хрущёвско-брежневской России, из неё выросшей (да и РФ, мы знаем это, есть следующая стадия позднего советизма)?

Как-то все исторически зыбко, нет твердого упора и определенности. Следовательно, и историческая легитимность, которую так жаждет руководство страны, весьма проблематична, противоречива, непрочна.

Отсюда вывод: государство РФ не обладает необходимой для устойчивого функционирования легитимностью. Фундамент этого государства непрочен. Что произойдет в **таких** условиях неясно. Ситуация открыта для действий в разных направлениях. Хотелось бы надеяться, что мы изберем путь, ведущий нас к конституционно-правовой и адекватной исторической легитимностям. Любой другой выбор, убежден, означал бы ниспадение в новый хаос, насилие и диктатуру.

2. **Самоидентификация общества**. Рассматривая вопрос легитимности, мы отчасти уже коснулись и этой темы. – Около 100 лет тому назад Леон Дюги выдвинул ставшее сразу же классическим, нормативным для науки объяс-

нение легитимности и самоидентификации общества. Он говорил, что для этих целей (объяснения) человечество «придумало» два мифа – «сакральный» и «демократический». Первый правит, как сказали бы мы сегодня, в традиционалистском обществе. Согласно этому мифу власть – от Бога (разумеется, существуют различные варианты божественности власти), а основным регулятором жизни социума является религия. Демократический миф господствует в современном, «расколдованном» обществе. Здесь – власть от народа, а основной регулятор – право. То есть, повторим, доминантная легитимность – конституционно-правовая; государство – правовое, а общество – гражданское. Причем у социума как совокупности индивидов есть своя конституция, подобно тому как у государства своя. Все это соответствует автономному бытованию публичной и частной сфер, публичному и частному праву.

«Конституцией» общества является гражданский кодекс (Наполеон I, имея в виду «свой» Гражданский кодекс, утверждал, что это лучшая конституция – в том смысле, что если таковой кодекс имеется, то и Основной закон не обязателен). Именно в нем закреплены права и обязанности индивида в частной сфере (в публичной это делает конституция). Гражданский кодекс – наиболее эффективный способ преодоления хаоса индивидуальных воль и притязаний, благодаря ему устанавливается – насколько это возможно вообще – равновесие между единичным и целым, кристаллизуются институты и процедуры, структурируется частносоциальное пространство, устанавливается в качестве фундаментальной частная собственность – комплекс правоотношений, предполагающих не только «святость» индивидуального обладания, распоряжения и наследования, но и тяжелую ношу социальной ответственности и обязанности перед обществом. Доминантная самоидентификация современного общества – гражданско-правовая. Ее особенность в том, что она строится снизу и вверх (по социальной иерархии). Будучи горизонтальной по своей природе, она воздвигает свою вертикаль обязанностей и прав, единства и множества от фундамента к «крыше».

Альтернативой по отношению к гражданско-правовой самоидентификации общества в XX в. выступали идеологии – коммунистическая, корпоративно-солидаристская (ее итальянская версия – фашистская), национал-социалистская и др. Их специфика в вертикальности сверху вниз, насильственной тотальности, внеправовом содержании, идеократическом и дискриминирующем характере. Кроме того, все эти идеологии в той или иной форме апеллируют к неким сверхиндивидуальным ценностям, т.е. претендуют на статус квазирелигии. Важнейшее отличие идеологических самоидентификаций от гражданско-правовой – в том, что индивид рассматривается исключительно как неотъемлемая часть целого, он – не субстанция, но строительный «кирпичик» для целого, его функция.

Приходится констатировать: российское общество явно не обладает гражданско-правовой самодентификацией. В нем по-прежнему власть не отделена от собственности, доминирует властесобственнический (патримониальный) порядок, т.е. публичная и частные сферы не разведены. Отсюда – импотентность судебной системы как таковой и использование ее в качестве расправной функции властесобственности (как это было на Руси с X по XIX в.). Вместе с тем и собственность понимается у нас как инструмент удовлетворения хищнически-гедонистских инстинктов. Если на Западе для одних собственность есть основа современного общества с его правовым государством и социально ориентированной рыночной экономикой, для других же – «кража» и главная причина всех общественных невзгод, то у нас собственность напоминает город или крепость, взятые штурмом и отданные на – долго (или кратко – как получится) на разграбление. Когда-то Федор Степун, квалифицируя отношение русских к земле, припечатал – «военнопленная» земля, я же скажу: практически вся крупная русская собственность – военнопленная субстанция материального или нематериального характера. Крупный русский собственник (власть, бюрократия, привластно-олигархический элемент, «независимые» попутчики, «допущенные» или своим особым умением прорвавшиеся к поеданию пирога) – оккупант и эксплуататор богатств страны.

Безусловно, такой расклад не может в долгосрочной перспективе гарантировать социальное спокойствие. Недовольство большей части населения, обездоленной и обескровленной, неизбежно растет. Вот здесь-то, и мы уже говорили об этом, на первый план выходит, во всяком случае готовится к этому, националистическая идеология. Национализм «униженного и оскорбленного» русского народа. Вот к чему, а не к сияющему стеклянным блеском «городу-солнцу» Сколково и инновационно-модернизационной Кремниевой долине а-ля рюс, движется былой Третий Рим и «отечество трудящихся всего мира».

Литература

1. История России XX – начала XXI века / Под ред. Л.В. Милова – М., 2006. – 960 с.

2. Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России 1917–1991. – М., 2002. – 582 с.

3. Пивоваров Ю.С. О русских революциях: Послесловие // Труды по россиеведению. – М.: ИНИОН РАН, 2009. – С. 21–67.

4. Политическая наука: Теория и методология. – М.: ИНИОН РАН, 1997. – № 2. – 194 с.

5. Политическая наука: Типы власти в сравнительно-исторической перспективе. – М.: ИНИОН РАН, 1997. – № 3. – 190 с.

6. Шерер Ю. Германия и Франция: Переработка прошлого // Pro et contra. – М., 2009. – № 3–4. – С. 89–107.

7. Янов А. Россия и Европа. В 3-х кн. – М., 2007–2009.

8. Besançon A. Court traité de soviétologie á l'usage des autorités civiles, militaries et religieuses. – P., 1976. –125 p.

ДВЕ БЕСЕДЫ С ДИРЕКТОРОМ ИНИОН РАН, АКАДЕМИКОМ РАН Ю.С. ПИВОВАРОВЫМ.

Беседа вторая. КАК Я СТАЛ ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ*

Юрий Сергеевич, мы работаем вместе десять лет, и я вижу, сколь широк круг Ваших научных интересов. Мне кажется, он определяет то, что я бы назвал стилем творчества. Ваш стиль – на грани историософии и литературы, художественного мышления, с одной стороны, и позитивистской традиции – исторической, юридической, политологической – с другой. То есть по направленности мышления Вам ближе историософия. А по приобретенной профессиональной подготовке Вы анализируете факты, исторический опыт, социальные процессы, схватывая главное и отсеивая второстепенное. Я правильно понимаю или все обстоит сложнее?

Это вообще очень лестно, что Вы говорите. Потому что если бы речь шла не о господине Пивоварове, а о ком-то другом, я мог бы сказать, что это идеальный случай, когда есть воображение, как Вы определяете, историософа, или просто воображение, и есть еще некий вкус быть исследователем. Разумеется, элементы этого есть в господине Пивоварове – есть какое-то воображение и одновременно некая позитивистская закваска. Но это есть в очень многих людях. Более того, я должен сказать, что воображение имеет и отрицательную сторону, потому что иногда вместо конкретного знания воображение придает пафосность. У Черчилля (не знаю, то ли это правда, то ли легенда, и, разумеется, я себя не сравниваю с Черчиллем) в тексте какой-то речи было написано, что вот здесь слабое место – прибавить пафоса, усилить голос. Но между тем, в отличие от политики, в западной науке этого нет. Там в исследовательской среде отношение к красивости речи, к апломбу очень прохладное и подозрительное. Я знаю конкретных людей, не буду называть их. А в российской науке зачастую вот таким большим стилем, словами с прописных букв и прочим «нажимом» прикрывается профессиональная недоподготовленность. Я этого очень боюсь, не люблю, зная за собой такую

* *Беседу с Ю.С. Пивоваровым провел Ю.Ю. Черный.*

органическую склонность. Это связано с тем, что русская культура – об этом писали миллионы раз, в том числе и я – насквозь литературоцентрична, она вся – художественное слово. Если это привносится в науку, то оборачивается слабостью русского ума. Собственно говоря, тогда это – уже не наука.

Но это также связано с тем – еще один мой конек, – что позитивистская наука возникла на Западе прежде всего для того, чтобы объяснять западное общество. Это способ рационального самопознания западного общества и западного человека. Перенос ее в иные культуры и цивилизации (а я – твердый сторонник того, что Россия не есть часть западной цивилизации и западной культуры, это особый социоисторический и социокультурный феномен) всегда болезнен. А поскольку он болезнен, то люди, у которых есть начатки творчества, стремятся придумать что-то свое. В процессе такого придумывания начинает включаться русская сторона их души со всеми ее атрибутами. Должен сказать, что я за собой эту слабость знаю и пытаюсь выжечь ее огнем, но она сильнее, чем моя воля бороться с нею.

Кстати говоря, Ваши выступления по телевидению нравятся очень многим. И ценится прежде всего то, что в отличие от иных Вы выступаете профессионально, по делу.

Дело, наверное, в природной артистичности. Это не плюс и не минус, а врожденное свойство. А также моя любовь к поэзии. Больше всего на свете люблю стихи. Для меня это важнее, чем философия, чем наука, чем музыка, чем живопись.

Еще преподавательская работа. Я много лет преподаю и твердо уверен в том, что преподаватели – отчасти неудавшиеся актеры. Я не только за собой это знаю, но и за другими. Каждый в меру темперамента «играет». Что касается меня, прибавьте повышенную эмоциональность. Она иногда привлекательна на телевидении, а вот в административной работе не сулит ничего хорошего. Это всегда палка о двух концах. Но если говорить собственно о науке, то к ней это никакого отношения не имеет. Вообще все это – ни лекции по телевидению, ни склонность к историософии, ни даже сотни прочитанных работником ИНИОН западных книг – еще не наука в строгом смысле слова. Наука – это редкость. Сказать о себе, что ты ученый, мнить себя ученым – невозможно, ученым можно только быть. Иосиф Бродский говорил о себе: «Стишки пописываю». А был гениальный поэт. Поэтому мне всегда смешно, когда мои студенты говорят: «Я в моем творчестве…» Я никогда в жизни этого не скажу. И не только потому, что это дурной вкус, но ясно отдаю себе отчет в том, что я никакой не ученый в высоком смысле слова. Я – научный работник, исследователь…

Ландау говорил: «Ученым может быть и пудель».

Я этого не знал. Но, опять же, не могу себя равнять с гениальным Ландау и не хочу никаких параллелей и аллюзий на Ландау. Я – научный работник, причем научный работник определенного учреждения, всю жизнь проработавший здесь. Конечно, на мне стоит клеймо «Made in INION». Как и на многих других. Причем я, как писали в советских биографиях, «прошел путь от рабочего до директора завода» – начинал младшим научным сотрудником, который не только писал рефераты, но и редактировал за других, выписывал иностранную литературу. Конечно, я знаю эту реферативную часть работы хорошо. А некоторые другие ИНИОНовские виды работы на самом деле узнал, лишь став директором. Но вот эту часть ИНИОНовской работы – важную, но не единственную – я знал и чувствовал хорошо. И, естественно, она формировала таких людей, как я. Формировала в том смысле, что… Ведь чем мы отличаемся от обычного научно-исследовательского института? Ну, хотя бы тем, что должны были каждый день работать. Люди в классическом научно-исследовательском институте имели право долго думать, у них был план – монография на пять лет или на три года. Они обдумывали и писали. А у меня не было времени обдумывать. Потому что я должен был ходить в «Белый зал», куда поступают книги и журналы. Тогда было много литературы. Ее надо было выписывать, получать, распределять между внештатными референтами. Звонить им, напоминать. Стараться, чтобы книги не пропали. Самому писать рефераты. Переписывать за своих друзей. Перепечатывать, считывать и так далее. Причем все это надо было делать аккуратно. Я часами сидел на телефоне. Сутками переписывал за других. Читал книги, которые никакого отношения к моим внутренним интересам не имели. То есть это похоже на суровую армейскую службу. Если взять метафору – гвардия и армия, то аспирантуру ИМЭМО, которую я закончил, можно уподобить гвардии, а в ИНИОНе мы были такими… Девятым армейским пехотным полком, так сказать, который занимался самой скучной обычной работой.

И тем не менее в процессе обработки потока литературы как-то исподволь формировался и круг Ваших научных интересов. Вы занимаетесь российской политической традицией – но, я бы сказал, как-то нетрадиционно. Есть много политологов, которые просто транслируют западное знание к нам, есть «чистые» философы, которые больше занимаются литературой и философией… А Вы писали и о Бердяеве, и о Франке, и о Струве, но с определенной точки зрения. Я бы так сказал, что Вы в философии – политолог, а в политологии – философ. И Вы были заведующим Отделом государства и права. Вы «сидели на потоке» по правоведению. Как формировались Ваши научные интересы?

Я очень быстро сформировался. Несколько событий в моем раннем детстве определили мою судьбу. Я в 12–13 лет понимал все то, что понимаю и сейчас. Просто не мог этого выразить. Когда мне было восемь лет, в 1958 г. я во дворе своего дома случайно нашел учебник для вузов 1940-го года издания по истории Древнего мира. Помню, как лежал на крыше сарая, загорал и прочел этот учебник, найденный на помойке. Причем я читал, что Древний мир – это борьба рабов и рыбовладельцев. Уже потом, в пятом или шестом классе, когда мы в школе стали проходить античность, я удивился, что это не рыбо-, а рабовладельцы. А в восемь лет я не мог понять: почему история античности – это борьба рабов и рыбовладельцев. На меня это произвело страшное, просто убийственное впечатление. Я просто бредил всеми этими Помпеями, Цезарями. Причем Рим меня всегда больше интересовал, чем Греция. Это сразу настроило на историософский лад. А второе – в этом же возрасте я прочитал синий толстый учебник по истории КПСС под редакцией академика П.Н. Федосеева. И я влюбился в историю КПСС, это был мой любимый предмет в МГИМО. При том, что я МГИМО окончил с отличием, у меня была только одна четверка – по истории КПСС. Именно из-за того, что я хорошо ее знал, и преподаватели ревновали. Я помнил всякие там (сейчас ничего не помню) псевдонимы большевиков, как они менялись. Каждый съезд был для меня поэмой – какой-нибудь съезд в Стокгольме… Я вырос в семье старых коммунистов, моя бабушка, вступившая в партию в 1908 г., многих из этих людей знала и мне про них рассказывала. Всю эту литературу я до сих пор сохранил – и собрания сочинений Ленина разных эпох, и стенограммы съездов, конференций…

Живой истории.

Да, живой истории. Я их читал, а бабушка мне рассказывала, кто что говорил, поскольку она участвовала в некоторых съездах. Помню людей, которые возвращались из лагерей в 1950-е годы – то было время оживления, причем не только в поэзии и литературе. Возвращавшиеся из лагерей старые большевики были друзьями моей бабушки. Я слышал их разговоры, рассказы. И уже тогда сформировался как твердый антисталинист, противник всяких «тоталитаризмов», как сторонник таких вот, как сейчас я сказал бы, демократии и либерализма. Ну, разумеется, я был пионер-ленинец, комсомолец и прочее. Но! Уже тогда был готовым гуманитарием – в современном смысле. В школе, получая двойки и тройки по всем остальным предметам, я всегда был лучшим в классе по гуманитарным дисциплинам. Так бывает. Но я не хотел быть ученым. И для меня уход в аспирантуру после окончания МГИМО – это был способ просто (я уже говорил об этом) «закосить» от армии, «закосить» от всякой службы и быть свободным человеком. Три года я

действительно был свободным человеком и не чувствовал никакого призвания к науке. И только пожив достаточно, я вдруг обнаружил, что имею к ней какое-то отношение, скорее всего потому, что род занятий обязывал.

Должность обязывает?

Положение обязывает! А при этом мне все время нравилось писать стишки, прозу. Ничего не получалось. То есть получалось, но плохо. Но никакого ужаса не было. Видимо, моя природа не трагическая, и как-то в общем легко пережил эту свою литературную неудачу. И постепенно вжился, втянулся в науку. Знаете, такая «обыкновенная история» – как у Гончарова. Человек приходит со всхлипом «Ах!» А потом постепенно тянет лямку. Вот и я тянул лямку. Был таким работягой в Отделе государства и права…

Но все-таки, почему российская политическая традиция, а не какая-то другая?

Должен сказать, что основным моим воспитателем, поскольку родители работали, как и все, очень много, была бабушка. А бабушка, хотя и была старой коммунисткой, оставалась типичной русской барыней-помещицей – такой Салтычихой. Она вышла из известных дворянских родов. И все детство мне об этом рассказывала – о наших предках, об их замечательной роли в русской истории и прочее-прочее. Именно это сделало меня таким русофилом, если угодно. Причем даже не по политическим убеждениям, а по каким-то инстинктам, внутренней органике. При этом бабушка знала восемь языков и полжизни прожила за границей, была дипломатом. И я поступил в МГИМО, занимался Германией и писал о Германии. То есть не только о Бердяеве. Я в том же ИНИОНе написал несколько работ, брошюр о разных немецких деятелях и занимался социальной политикой Германии. У меня была неплохая кандидатская диссертация. Это, может быть, единственное, что в то время я по-настоящему серьезно знал. Это все было важно и интересно, но…

Это, – с одной стороны. Но, с другой стороны, – я ведь мира не видел. Я впервые попал на Запад в 38 лет. До того был только в Болгарии и Чехословакии. Не видя Запада, не знал его. Не мог его любить или ненавидеть. А Россия? Она была здесь, она была своя. И потом, собственно говоря, сложилась традиция таких русских мальчиков, которых никуда не пускали, но они чувствовали ответственность за Россию. «Он был за Россию ответчик», понимаете? Такое странное ощущение… Оно формировало меня, мой интерес, скорее не научный, а экзистенциальный, если угодно. А почему интерес к русской мысли? Это тоже понятно, нужна была какая-то отдушина. Всякие там самиздаты – они существовали, и я читал эти издания, но так уж сильно

они меня не задевали. Западные книжки? Они тоже были. Но все-таки они были о другом. А вот когда ты приходил в Историческую библиотеку, тебе 22 года, и ты начинал читать Константина Леонтьева… А Историческая библиотека, где я тогда занимался – это ведь дом, где Рогожин убил Настасью Филипповну, где происходит действие романа «Идиот». И Старосадский переулок. И пока ты туда идешь, рождаются стихи…

И на эту горку поднимаешься…

И там сидишь и читаешь Константина Леонтьева. А потом вечером приходишь и пишешь роман о Чаадаеве…

Как назывался тот район, простите?

Это район Покровки, Солянки.

Нет-нет, он как-то по-другому назывался. Там же был и бандитизм.

В это время уже нет. До революции – да. Знаменитая Хитровка. Хотя там много было и дворянских усадеб. Ведь рядом Мясницкая – дворянская улица. Старые церкви тоже рядом. И все это настраивало на некий мифопоэтический лад. Вот так я и прочел всего Леонтьева и Чаадаева. Моя первая работа по русской мысли – «Философия истории Чаадаева». Я написал ее в 22 года. Или в 23, уже не помню. Как реферат по философии.

Она издана?

Ну, конечно, нет. Но в эту работу я вложил всю любовь к Чаадаеву, ненависть к той России, которая его окружала, и ненависть к советской России. Параллельно я писал роман о Чаадаеве – мне приятель подсказал идею, что Чаадаев живет сейчас, во второй половине XX в. Вот опиши его. И все это очень интересно – читать письма Чаадаева, узнавать о любви к нему Авдотьи Норовой. Все это вместе взятое делало меня таким вот русофилом, и я даже когда с диссидентами в свое время общался, то был связан с националистической средой... В общем, когда мне было 25, я придерживался взглядов, о которых можно сказать: они не были такими, какие сейчас выражает газета «Завтра», но очень близкими к ним. Что, конечно, достаточно позорно для меня, поскольку я считаю эту газету крайне опасной, вредной… Но тогда я не воспринимал историю России или русской мысли как предмет, которым я должен заниматься профессионально. Это, собственно, была страница моей биографии, моей внутренней личной жизни.

А что же случилось?

А ничего не случилось!

Как потом появилось столько статей и книг?

Ничего вообще не случилось. Просто я стал старше, опытнее, менее поэтичен. А поскольку параллельно занимался тяжелым каждодневным трудом, о котором уже рассказал, то это отточило некую форму на стыке литературы и науки. К примеру, у меня есть статьи о Сперанском, но отдельной книги о нем нет. Вернее, она есть, но не опубликована. Я не знаю, публиковать ее или нет. Сейчас мне это уже не так интересно. В свое время я сделал запись (не дневниковую, просто иногда я какие-то записи для себя делаю), что пишу роман о Сперанском. То есть придумываю Сперанского. И, разумеется, в том виде, в каком я пропагандирую Сперанского по телевидению и в своих статьях, – это Сперанский по Пивоварову. А он, возможно, был другой.

Юрий Сергеевич, это все, на мой взгляд, совершенно нормально. Академик Вячеслав Семенович Степин написал книгу «Становление научной теории», где он выступил против позитивистов, которые считали, что теория строится как обобщение фактов. На примере физики показал, что теория – это умственная конструкция, подбирается для объяснения фактов, но не выводится из них. Поэтому здесь существует конфликт интерпретаций, как говорил Рикёр.

Согласен.

Есть Сперанский по Пивоварову. Есть Сперанский еще по кому-то. Но нельзя, скажем, прочитать все произведения о Сперанском и самого Сперанского и из фактов установить настоящего Сперанского.

Разумеется. Абсолютно с Вами согласен. И это мой тезис, что вообще мы никогда не проникнем во внутреннюю структуру личности Бердяева, Сперанского, любого другого – как и в нашу с Вами. Это было бы все ничего. Но, понимаете, я придумываю. Придумываю, условно говоря, ну, как Тынянов. Он говорил: «Я начинаю там, где кончается документ». Тынянов гениально знал документ, а потом он был великий историк литературы. Просто профессионал великий. При этом писал романы. Конечно, я не знаю Сперанского, Бердяева (хотя о нем вообще говорить нечего, это не мой герой), Леонтьева, каких-то других мыслителей так, как знал Пушкина и Грибоедова Юрий Николаевич Тынянов. Но полагаю, что у меня примерно такой же тип сознания.

Я понимаю.

И я Вам напомню очень известные и немножко кокетливые слова. Эйнштейн говорил, что ему Достоевский дал больше, чем Гаусс. Я могу Вам сказать, что мне чтение стихов Пастернака дает больше, чем десяток научных работ. Сейчас историки много говорят о повседневной истории, о том, как люди жили и так далее. А Пастернак еще в 1920-е годы понял, что это все ерунда. И написал: «История – не в том, что мы носили, а в том, как нас пускали нагишом». То есть не в том, как конкретное поколение погубили или что-то со страной сделали, нет! «Пускали нагишом» – это метафора. Пастернак ищет некоего смысла: «Я понять тебя хочу, смысла я в тебе ищу».

Об этом я тоже хотел у Вас спросить. В пятом классе учитель истории вызвал в школу мою маму и сказал, что у меня с историей проблемы. Потому что история – это даты. «Он (это я) дат не помнит». И потом со мной была проведена воспитательная работа. С другой стороны, в начале 1920-х годов Николай Александрович Бердяев написал книгу «Смысл истории», в которой сказал, что даты в истории – не главное. Главное – смысл события, который ты должен пережить как свой личный смысл.

Конечно.

Мне кажется, что Вам близка вторая точка зрения.

Конечно. Сейчас часто цитируют слова Фернана Броделя, крупнейшего французского исследователя: «Событие – это пыль». Разумеется, это тоже метафора. Но здесь направление указано. Это ясно.

То есть пережить Чаадаева, пережить Сперанского?

Шпенглер говорил, что история – это все то, что не математика. Это не значит, что количественные методы не могут применяться в истории. Могут, конечно. Но история – это не даты, история – это не события…

История – это некая нить, которая тянется, или что?.. Тянется из прошлого в настоящее? Св. Августин говорил, что нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего…

Абсолютно согласен. Я знаю эти слова Августина и часто их цитирую. Они прекрасны. История – это, конечно, о другом. У Томаса Элиота, великого английского поэта, нобелевского лауреата, есть мысль о том, что не только

прошлое воздействует на будущее, но и настоящее видоизменяет прошлое. Настоящее! Но это же понятно. Например, Андрей Амальрик в свое время написал книгу «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» Это было за два десятилетия до того, как Советский Союз рухнул. Амальрик уехал на Запад, там трагически погиб в автокатастрофе. Это был молодой парень, который написал неплохую брошюру, публицистическую и неглупую. Дату «1984» он заимствовал у Оруэлла, не зная на самом деле, чем все это закончится. А я уже знаю. И мой взгляд абсолютно другой, чем Амальрика, потому что я знаю, чем закончился советский эксперимент. Может быть, гении чувствуют что-то изначально, как Есенин, Пастернак или Маяковский. Или возьмите Александра Исаевича Солженицына, который всю жизнь боролся с советской властью. Как протопоп Аввакум титанически боролся с никонианством, так он боролся с советской властью. Только в отличие от Аввакума вроде бы он победил. В 90-е годы идеологически развернулся и стал человеком других убеждений. Зиновьев тот же, Максимов и т.д. Потому что они одно писали в 70-е годы – изнутри, как им казалось, ада. А потом, когда они попали в ад 90-х годов, то уже на 70-е глядели по-другому. И даже их исторические взгляды изменились. Я не хвалю и не ругаю этих людей, а просто констатирую. История – это то, во что мы привносим смысл. Британский философ истории Коллингвуд говорит: «История – это деяния людей в прошлом». Но что значит действия людей в прошлом? Когда мы говорим «Цезарь решил и сделал это», или «Генералиссимус Суворов сделал это», «Маршал Жуков дал приказ», это не история, это пересказ каких-то вещей. История же – что за этим стояло, как они к этому пришли.

А спросить у них мы не можем. Поэтому вынуждены приписывать им какие-то свои мысли.

Конечно. Это автобиография. Ключевский говорил, что история последних веков России – это наша автобиография.

Получается, Юрий Сергеевич, что наука история для Вас – это жизнь?

Это самопознание.

Это самопознание, но человека, получившего профессиональную подготовку, в той или иной степени овладевшего техниками работы с материалом, способного соединять смыслы с технологиями. Верно?

Знаете, что важнее всего? Важнее всего позиция, точка зрения, угол. Угол, с которого можно что-то увидеть. Помните, как Мандельштам опреде-

лял ремесло поэта? – «Хищный глазомер мастерового». Ты мастеровой – иначе ты не можешь стихи писать. И твой глазомер хищный. Хищная птица видит то, что не видит другая. Вот есть талант – это тот, кто попадает в ту цель, в которую никто другой не может попасть. А гений попадает в ту цель, которую никто не видит. И в этом смысле гениев единицы и талантов не так уж много. Но во многих исследователях есть вот этот проблеск гениальности, талантливости, когда он с какой-то позиции, точки зрения что-то увидит, чего другие не видят, и расскажет об этом. Он не превратится ни в Макса Вебера, ни в Василия Ключевского, ни в кого-то еще. Но он…

Но это и есть самое главное?

Это и есть самое главное.

А все остальное техника, ремесло?

Понимаете, когда мы слушаем какого-то пианиста, мы не думаем о том, что он гениальный технарь, что он должен с утра до вечера этим заниматься, иначе он ничего не сможет. То же, когда мы видим фигуриста, который делает прыжки в три, четыре оборота. А вот тот продукт, который он производит – причем этот продукт – «облако в штанах», его нельзя потрогать – это и есть главное.

Я сейчас осваиваю классическую гитару. И нам преподаватели пишут в лекциях: «Не гонитесь за виртуозностью, за скоростью, чтобы мы не гнались за виртуозностью, за скоростью. Самое главное – это качественный звук. Многие музыканты готовы полжизни отдать за качество звука. Добейтесь этого качества в простых пьесах, которые должны зазвучать совершенно по-новому».

Вопросов нет. У меня есть несколько любимых русских актеров. Я вообще считаю, что некоторые русские актеры абсолютно гениальны. Например, Евстигнеев. Или Михаил Ульянов. Через игру Ульянова – генерала, потом маршала Жукова я понимаю войну изнутри. Не то, какие сражения произошли, – меня это мало волнует, пусть специалисты из Института военной истории адекватно описывают их в учебниках. А вот каков esprit войны – это мое…

А я вспоминаю сейчас Бахтина, который переносил теорию литературных жанров на историю, помните?

Да, конечно.

Он говорил, что что-то должно описываться как трагедия, что-то как мениппея и т.д. Мне кажется, этот литературоцентризм в Вас проявляется и здесь.

Он есть. А дело в том, что я безусловно нахожусь, как и сотни тысяч других людей, в мейнстриме русской культуры. Я – продукт русской культуры. А поскольку русская культура построена на рецепции западной, то мы знаем отчасти и западную. И ИНИОНу здесь спасибо. Но, подчеркну, я – продукт русской культуры. И когда я пишу, что гоголевские типы не только незаменимы для познания российского общества XIX в., но и представляют собой важнейшие социологические категории, это – не просто красивые слова. Это глубокое убеждение, что русский гений – гений не в своей профессии, а в гораздо более широком смысле. Философы Бердяев и Владимир Соловьёв – художники. Вместе с тем писатели Достоевский и Толстой – безусловно, мыслители. Понимаете, тут грани совершенно размыты. И Гоголь мыслил образами, ему было мало только литературы. Всем известно, что Достоевский берет форму романа Эжена Сю, условно говоря, французского романа середины XIX в., – но производит нечто совершенно другое. В этом другом есть громадная привлекательность, но есть, между прочим, и отрицательная вещь, например, сплошная декламация.

Мне неблизок Чехов. Я понимаю, что это гений. Но он мне неинтересен. А почему? Потому что Чехов – простой. Чехов по крови, может, самый русский и вышел из самой русской глубинки, социальной и географической…

Она и сейчас осталась во многом такой.

И я Вам скажу, слава Богу, что она осталась такой. Не люблю я всех этих ленинских проспектов. И ленинградских тоже. А Чеховым я холодно восхищаюсь и завидую. Но как тип русского человека он мне совершенно чужд. Он пишет не о философских материях, не о борьбе добра и зла, а о человеке, простом обычном человеке.

Или о том, как открутили гайку на железной дороге.

Да-да.

И те не могут понять, за что их собственно судят.

И это не сатира, не юмор. Это просто русская жизнь. Что может быть страшнее всего и важнее всего. Но я, конечно, продукт этих вот: «Верите ли Вы в Бога?» – спросили Шатова. А Шатов ответил: «Я верю в Россию!» Вот, к сожалению для себя, в почтенном возрасте понимаю, что я – человек этого плана. В этом смысле ИНИОН возвращал на грешную землю, заставлял заниматься конкретными вещами, не давал совершенно утонуть в химерах, за которые сейчас стыдно. Действительно смешно: я был членом ВЛКСМ, закончил МГИМО, ходил в какую-то там дружину, а сам для себя писал, что Россия, русские – это богоизбранный народ, Россия – это Третий Рим!

В связи с этим у меня такой вопрос. Вот, мы с Надеждой Юрьевной (Н.Ю. Соколова – ученый секретарь ИНИОН РАН. – Ред.) думаем, планируем. С одной стороны, эти планы в решающей степени предопределены номенклатурой наших изданий и предъявляемыми к ним требованиями, с другой – надо что-то делать с реферативными журналами. Как реально сохранить реферативный журнал и поднять его на более высокий уровень? Борьба между творческим началом и императивом практической работы происходит в каждом из нас.

Могу сказать, что во всякой научной работе, как и в фигурном катании, есть обязательная программа и произвольная программа. Важно их соотношение. Но понятно, что без обязательной программы и произвольная не получится. ИНИОН в этом смысле силен тем, что он тебя постоянно заставляет заниматься обязательной программой, формой. Еще до Вашего появления в ИНИОНе здесь шла для многих смешная, а на самом деле серьезная дискуссия о том, каким должен быть реферат. О его свертываемости, индикативности и т.д. Все это было смешно даже многим ИНИОНовским людям, а на самом деле речь шла о стремлении к созданию такого реферативного продукта, который действительно будет влиять на науку, во многом ее определять. Я всегда говорил, что ИНИОН – это такой волк, санитар леса. Это борьба с псевдонаукой, паранаукой, околонаукой. Это «промывание мозгов» людям, особенно после падения марксизма-ленинизма, когда всякие ограничивающие нормы исчезли, пусть они даже были плохие.., и полилось. И когда читаешь, что методология диссертации – это мысли русских религиозных философов, волосы встают дыбом. Потому что при всей любви к ним это не может быть методологией научного познания. Это – из другой оперы. У меня есть одна статья, которой я горжусь, поскольку я не философ – о Семене Франке.

Да, я помню.

Насколько нефилософ может понимать философа. Я показываю, что он – все равно поэт. Даже этот человек, который написал систему, который, может быть, самый большой философ из всех русских философов – это не мое мнение, это мнение Василия Зеньковского. Но он все равно поэт, он мифотворец. Будучи стопроцентным этническим евреем, он – стопроцентный русский духовно. Я не знаю, был ли он православным или нет – его дети и жена были православными. Но это такой вот совершенно русский тип. Не чеховский тип, а достоевский. Строгий русский дяденька с европейской внешностью…

Юрий Сергеевич, в апреле 85-го года обсуждались вопросы реформ. Вам было тогда 35 лет. Вам было 36, когда Михаил Сергеевич Горбачёв в Тольятти впервые произнес слово «перестройка». Наконец, был 41 – период расцвета и уже наступившей человеческой и научной зрелости – когда распался Советский Союз. А потом, в 99-м году, 31 декабря Борис Николаевич Ельцин назначил своим преемником человека, который на два с половиной года Вас моложе.

Да.

Наверное, в эти годы – в середине и в конце 80-х – начале 90-х годов, Вы почувствовали, как история из прошлого вдруг становится настоящим. И Вы со своим багажом изучения прошлого вдруг начинаете участвовать в настоящем, может быть, сначала как исследователь, а теперь уже и как человек. Вопрос: та Россия (новая Россия, как сейчас говорят), которая образовалась в 91-м году, близка ли она Вам?

Я, кстати, очень осознавал свои 35 лет. «Земную жизнь пройдя до половины…» Во-первых, у меня ребенок родился в 84-м году. И мы жили в 85–87-м годах на даче в Алабино под Москвой. Я написал там книгу о Сперанском. Впервые готовился читать лекции по истории политических и правовых учений в университете. Это были внутренне очень важные для меня годы. Но я поначалу не верил ни в какую перестройку. Думал, что все это дело лопнет. И только потом понял, что всерьез. Единственный раз в жизни я был счастлив не тогда, скажем (стыдно об этом говорить), когда у меня родились дети или что-то еще произошло. Конечно, я тогда тоже был счастлив. Но я был счастлив по полной, когда провалился путч и стало понятно, что все, с этим кончено. Говоря «с этим», я имею в виду не социально-политическое устройство, а некоторые формы жизни. Причем часть из них была совершенно разумна, нормальна. И сохранилась, кстати говоря. Но пришел конец всему этому позору, страху и ужасу. Мне было стыдно всегда за мою страну, понимаете? Ужасно стыдно. Я как-то всегда отождествлял себя со всем этим,

и мне было позорно все это видеть. Другие удивлялись, а мне было позорно. Короче говоря, я был счастлив. Но потом я очень скоро перестал быть счастлив, потому что 90-е были тяжелыми, и я не участвовал в социальной жизни. Напротив, я от нее бежал. Меня пытались всячески втянуть, а я бежал. Мои друзья становились министрами, советниками вождей и прочее, а я, наоборот, бежал этого и занимался своей работой – писал, преподавал, руководил Отделом. Я инстинктивно не хотел в этом участвовать, потому что… У меня есть неопубликованная статья, посвященная двум известным тогда персонажам – «прорабам перестройки», обоих я знал и сейчас знаю, они оба живы. Это очень известные имена, поэтому называть их я не буду. Статья называется «О мародерах». Есть известная мысль о том, что поле битвы принадлежит мародерам. К власти пришли мародеры. Пришли не те, кто заслуживал победы… Анатолий Марченко, который умер в 86-м году, сказал, что он заставит советскую власть уважать законы, если Запад не может заставить. Объявил голодовку и умер. После этого Горбачёв позвонил Сахарову, людей стали освобождать и т.д. КГБ перестал быть всесильным, и страх уходил. Для меня было близко именно это, а не ускорение или решение научно-технических проблем. Все это – второстепенные вещи по сравнению с положением человека. Человек, человек, человек… Антропоцентризм – вот что главное. Так вот, я во всем этом не участвовал, а сейчас если отчасти участвую, то опять же ex oficio – как директор, академик и пр. Все это, надеюсь, понятно. Внутренне не участвую.

Сейчас страна уже находится в руках Вашего поколения…

Нет. Она уже у более молодого поколения. Мое поколение уходящее. Посмотрите: среди министров мой однокурсник Лавров – один из самых старших. (При всей его моложавости он принадлежит к «сеньорам» – так в итальянском футболе называют немолодых игроков.)

Поскольку история – это жизнь, Вы, наверное, сравниваете эту жизнь с прошлым?

Сравниваю. Я могу сказать, что это – моя страна безотносительно того, кто здесь правит. Самый лучший путь или самый худший путь – не в этом дело. Это все равно моя страна. Вы помните, как Николай II ответил на вопрос о профессии в ходе переписи населения в конце XIX в.: «Хозяин земли русской». Я не Николай II и не сочтите меня сумасшедшим, но я тоже себя чувствую хозяином. Как в той советской песне: «Человек проходит как хозяин необъятной родины своей». Это, может быть, очень смешное утверждение и к тому же карикатурное, но я чувствую себя хозяином этого дома. Один из

140 млн. людей, которые живут в России. Не более того. И в конечном счете мне все равно, кто у власти – Путин, Медведев, Иванов, Петров или Сидоров. Мне не все равно сиюминутно, конкретно, в реальной жизни. Но я точно знаю, что моя Россия, наша Россия – это не Россия Ельцина, Горбачёва, Брежнева, Сталина, царя или Путина. Это нечто иное. И от этого ни меня не оторвать, ни сам не оторвусь. Это мое, понимаете? Со всем ее ужасом, со всей ее красотой, со всем ее неудобством, и со всем для меня удобством. Я себя в Москве чувствую так, как это гениально описано у Толстого. Когда Пьер приезжал из Петербурга, он как будто старый халат надевал. И чувствовал себя уютно, грязно, лениво и т.д. Но это было его ощущение. Вот для меня Россия – это мое ощущение. Я могу ужасаться тому, что здесь происходит, негодовать или восхищаться, но это – мое. Изнутри я – абсолютно русский человек. Со всеми ужасами, слабостями русского человека, со всеми его какими-то непонятными…

«Ты и убогая, ты и обильная», да?

И так далее, и так далее. Мне близка Россия и Некрасова, и Чернышевского, и Ленина, и борцов с Лениным, и красных, и белых. Мне всякая Россия близка и при всей моей ненависти к сталинскому террору, но и это время близко тоже. Я ничего не могу с собой поделать.

Что же это такое – всеядность или осознанная позиция?

Это не позиция, а какое-то звериное родство со всей этой жизнью. И в этом есть много гнусного, нехорошего. На практике это выливается в такое типичное русское поведение, часто безответственное, часто безалаберное, бесформенное. И одновременно это может проявляться в каких-то неожиданно хороших поступках, в упертости – «Вот это надо сделать все равно». Почему мне интересен человек в истории? Потому что я чувствую, что я историей сформирован. Я это физиологически чувствую. Самое сильное качество, которое мне дала природа – у кого-то абсолютный музыкальный слух, у кого-то что-то еще – это некая интуиция даже не на научные вещи, а на некие русские смыслосодержащие дела. Они могут быть и в истории, и в современности… Именно поэтому меня обижает, когда люди в той же газете «Завтра» себя называют патриотами, а других не патриотами. Это то же самое, что у меня есть сестра, а я бы говорил, что только я один – ребенок у наших родителей. А вот ты – нет, потому что ты так себя ведешь. В этом смысле и современная Россия для меня абсолютно моя. Как, впрочем, и ИНИОН в его нынешнем состоянии. Вид из окна, который я ненавижу – это мой вид. Он

мне дороже, чем вид в Венеции, или Париже, или в Баден-Бадене, в котором я никогда в жизни не был.

А что меня не устраивает в современной России? Да, как и всех. Не устраивает все. Ведь русский интеллигент всегда всем недоволен. Способ самоопределения русского интеллигента – ненавидеть свой строй, своих правителей. Но все пустое. Нечего Сталина ненавидеть, нечего Путина ругать – сами виноваты. Вот недавно Путин сказал, что Ходорковский должен сидеть в тюрьме. И люди говорят: какой плохой Путин! Ну, хорошо. А вы не воруйте сами. Если вы считаете, что он неправ, – идите на демонстрацию. На разрешенную демонстрацию. Ведите себя достойно на ней. Но твердо стойте на своем.

А ругать не надо. Говорят: «Сталин, Сталин, Сталин…» Так вы же и попустили Сталина. Или сейчас говорят: «Чубайс обворовал всех». А вы протестуйте, находите формы протеста. Я понимаю, что то, что я говорю, похоже на то, как добрый дедушка рассказывает внучкам, как надо жить. Но по сути ведь верно. Самое ужасное – неумение самоорганизовываться. Я постоянно это говорю. Русский человек органически не умеет самоорганизовываться. Мне объясняли, что это умение отбили татаро-монголы, жидомасоны, крепостное право, НАТО, тяжелая природа – все понятно. Неважно! Важно, что мы должны уметь самоорганизовываться. Я всю жизнь проработал в государственной структуре, потому что здесь не надо самоорганизовываться. Я побоялся в 90-е годы рисковать, как многие мои друзья рискнули, стали известными, состоятельными и т.д. Другое дело, что не всегда праведно. Но я просто органически боялся рисковать тем малым, что имею. Вот какая-то тихая гавань, заводь, я становлюсь постепенно первым парнем на деревне, а в город боюсь выходить. Это тоже очень русское. Россия при всем ее централизме – при том, что все в столицах происходит – очень провинциальная страна. Как сказал бы Габриэль Алмонд, классик политической науки, парохиальная, приходская страна. И я поэтому Москву люблю с ее старосадскими переулками, а Петербург люблю меньше. Я не петербургский человек совершенно с его проспектами, с Невою. Люблю Петербург так же, как я могу любить Версаль, или Сан-Суси, или Шанхай, в котором мы с Вами побывали. Но это – не мое. Вместе с тем я понимаю, что если Россия не будет меняться, она погибнет. Только меняться изнутри! А разве меняются страны? Меняются. И мы это видели. И, изменившись, они получают новые проблемы. От рабства американцы перешли к такой политрасовой корректности, что страшно становится в американских университетах. Может и мы, если Россия изменится, новые проблемы себе наживем. Но чтобы выжить, чтобы дальше существовать – надо меняться.

Больше всего меня интересует судьба русского языка. Это единственное богатство, которое у нас есть, – для меня абсолютное. Реформа армии, газ,

нефть, модернизация – вещи несущественные. Существен русский язык. Он сохранится – сохранится и остальное. Помните провидческое стихотворение Ахматовой, когда она говорит: «Мы знаем, что ныне лежит на весах». Это когда гибнет Россия, и нацисты побеждают нас в 41-м году. А она: «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово». Не говорит, что мы сохраним наши поля, заводы, даже людей. И это не какие-то рассуждения пикейного жилета о том, что русский язык важнее всего. Русский язык – это квинтэссенция, материализация, воплощение, реализация всего русского, причем в самом высоком, глубоком, фундаментальном смысле этого слова. Это та валюта, которая никогда не подвержена инфляции, нечто спасительное… Как для Антея земля была спасительной. Это то, без чего мы пропадем. А что значит спасать русский язык? Язык нас спасет! Почему Россия справилась с тоталитаризмом сама? Потому что в школах преподавали великую русскую классическую литературу. И отец Александр Шмеман, священник, эмигрант – родился уже в эмиграции – говорит, что русская поэзия – это русская сотериология. Это учение о спасении.

Вы считаете, что выражения типа «Он позиционирует себя как...» опасны для нас?

Меня это просто убивает. Я думаю, это страшнее, чем украсть нефть или газ. Потому что одно восполнимо, а другое невосполнимо.

Икона была всем для допетровской русской культуры. Она говорила с людьми всех чинов и слоев общества, язык воплощался в ней. Так и русская литература, русская поэзия, русская проза, вообще русский язык… Русский язык Ключевского, Бердяева, русский язык деревенской прозы – Распутина, Белова, Астафьева и одновременно интеллектуалов типа Бродского – наша современная икона. Это – учение о спасении. И если вы не хотите, чтобы Россия пропала, надо в школе учить наизусть русскую прозу, русские стихи. Надо, чтобы каждый мог говорить языком Цветаевой и Есенина.

Использовать в повседневной речи?

Это не значит говорить в рифму или цитировать. А вот тем языком, который они создали, – вот им жить. Если угодно, для европейца деньги – эквивалент всего в материальном мире. Так и русский язык должен стать основной национальной жизни. Та интонация, которая появилась у русских людей, оскорбительна. Это варваризация России. Ужасно то, что никто ничего не знает. Когда Путин сказал: «Петр во время Семилетней войны…», я чуть не упал со стула. Это оскорбительно, что он не знает, что Петр умер за 30 лет до Семилетней войны. То была Северная война – война за создание его города. Та-

кие вещи выпускник Петербургского университета знать обязан. И когда глава правительства, а до этого государства, безусловно умный человек, сказал: «Они ураганили в 90-е годы» – это против всяких правил. Нельзя так по-русски говорить. Это еще хуже, чем «позиционировать», потому что «ураган» – тоже не русское слово, но оно уже стало русским.

Это английские штучки – превращать существительные в глаголы.

Если Россия покончит с языком, это будет страшнее сталинского террора, чубайсовской ваучеризации, прошлого лета в России. И это для меня неприемлемо. Мне все равно, летаем мы в космос или не летаем. Но если мы потеряем свой язык… У нас и сейчас есть гений языка – академик Юрий Сергеевич Степанов. Для меня одна из высших наград за всю мою жизнь – книга, надписанная мне Ю.С. Степановым, как знак того, что он ко мне относится с большим уважением. Пусть даже это акт вежливости – коллега по Отделению историко-филологических наук РАН подарил книгу коллеге. Но для меня он – герой России. Для меня это важнее, чем все прочее. Есть и сейчас хранители русского языка. Те люди, которые как волхвы, хранят тайны. Русская литература сделала русскую революцию – всемирно-историческое событие. Русская литература создала русского человека. Русская литература выиграла Великую Отечественную войну. Русская литература проиграла экономические реформы и так далее. Русский гений выразил себя в этом. Британия правит морями. А Россия – в этом. Вся эта большая территория – ерунда. Мы ее не захватывали. Мы ее немножко заполнили и обозначили, что мы здесь. Это совсем другое. А вот создание языка, литературы, культуры – это феноменально. И потерять это никак невозможно.

Спасибо большое, Юрий Сергеевич. Вспоминаю, когда я был в 2005 г. в Пушкинском доме в Санкт-Петербурге и посетил архив, то видел в числе прочих документов оригинал «Стихотворений в прозе», переписанных Тургеневым. Он писал стихотворения по отдельности, а потом все их переписал в одну тетрадь. И я просил тогда: «Покажите мне "Русский язык", который мы учили наизусть в школе».

У меня дома хранится веер, который получила моя прапрабабушка, закончившая Смольный институт. А девицы, которые заканчивали с отличием, имели право пройтись один тур по залу с императором. Он приезжал на их выпускной бал. И расписывался у них на веерах. У нас сохранился веер, подписанный Александром II. Это был 1856 год. Это моя прапрабабушка, которая стала потом Вельяшевой Ольгой Алексеевной, она была Ольгой Беляевой по рождению. И он написал: «Ольге Беляевой. Александр». И это – для меня

(я не монархист никакой) – тоже история. Она абсолютно живая. И когда я в ИНИОНе читал книги с надписями: «Дорогому Николаю Александровичу Бердяеву от уважающего и любящего его Сергея Булгакова» – это невероятно! Это история, язык, это все! Это нельзя утерять. Поэтому сохранение, скажем, Пушкинского дома важнее Саяно-Шушенской ГЭС. Я не говорю, что Саяно-Шушенская ГЭС не нужна. Но сохранение редкого фонда Библиотеки ИНИОН важнее всех остальных книг ИНИОНа. Потому что все остальные есть в других местах. А этих – нет нигде.

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Т.А. Савинова

ИСТОРИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА В НЕИЗВЕСТНОЙ РАБОТЕ С.Н. ПРОКОПОВИЧА

Савинова Татьяна Александровна – кандидат экономических наук, ведущий специалист отдела личных фондов Российского государственного архива экономики.

Если зарубежные ученые широко и повсеместно используют труды экономистов русской эмиграции, то в собственном отечестве их исследования остаются не просто невостребованными, но часто и неизвестными. В определенной мере это относится и к выдающемуся русскому экономисту С.Н. Прокоповичу.

Высылка С.Н. Прокоповича и его жены Е.Д. Кусковой из Советской России летом 1922 г. не была бессрочной, и по прошествии положенных трех лет они надеялись на возвращение. Первым этапом на этом пути им виделось издание работ Сергея Николаевича на родине. Переговоры об этом начались в конце 1927 г. (3, с. 27), посредниками и курьерами, доставлявшими рукописи, являлись деятели Московского комитета помощи политическим заключенным М.Л. Винавер и Е.П. Пешкова. В начале 1929 г. в Москве находились уже две рукописи С.Н. Прокоповича, одна из которых «Народный доход западноевропейских стран» была издана в 1930 г. Госиздатом (5), что позволяло автору надеяться на публикацию следующей рукописи «Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований», вышедшей в Берлине в 1924 г., тем более, что по свидетельству М.Л. Винавера, «книга очень нравилась Струмилину». Более того, этот факт воодушевил Прокоповича на предложение плана новой работы «о методологических основах статистики». Винавер не советовал этого делать, «а то еще воспользуются планом». Он рекомендовал прислать саму работу, что экономист, видимо, и выполнил, так как рукопись монографии С.Н. Прокоповича «Познавательная ценность статистических рядов», изданной в 1936 г. в Чехословакии, обнаружена нами в

фонде С.Г. Струмилина в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ).

Судя по документам этого фонда, для публикации в СССР работа должна была понравиться не только Струмилину. Последнему, несмотря на большой партийный стаж, пришлось дважды писать предисловие к книге С.Н. Прокоповича «Народный доход западноевропейских стран» в соответствии с отзывом одного из отделов ЦК ВКП(б) следующего содержания: «Книга С.Н. Прокоповича представляет значительный интерес по фактическому материалу и выводам. Но анализ этого материала и выводов, как и вся методологическая и идеологическая установка книги совершенно чужды марксизму. Поэтому, как мне кажется, книгу можно издать только при том условии, чтобы предпосланное ей предисловие значительно подробнее и глубже критиковало бы идеологическую (последнее слов подчеркнуто два раза. – *Т.С.*) установку автора». После того, как Прокопович был назван в предисловии «мудрейшим классовым врагом», давшим «столько фактического материала для посрамления капитализма», его работа была опубликована.

Общеизвестен факт, что большинство исследований организованного С.Н. Прокоповичем сначала в Берлине, а затем в Праге Экономического кабинета были посвящены изучению различных сторон советской экономики. При этом неукоснительно соблюдался принцип использования только «советской информации и советских цифр», на которых были построены абсолютно реальные выводы о численности населения СССР, заработной плате советских рабочих, величине национального дохода и других показателях, а также состоянии всей советской экономики в целом. Кроме уже названных выше работ, в период 1920–1930-х годов С.Н. Прокоповичем были написаны: «Очерки хозяйства Советской России» (8), задачу которых автор видел в том, «чтобы дать строго экономический анализ хозяйственных мероприятий власти за эти пять лет и их неизбежных последствий» (8, с. 5), не потерявший свою актуальность очерк «Об экономических основах национального вопроса» (7) и ряд других. Деятельность Экономического кабинета и самого С.Н. Прокоповича в этот период внимательно и подробно исследована современными учеными (1; 9; 10; 12), 1920–1930-е годы считаются временем расцвета деятельности русской эмиграции первой волны, в том числе научной.

Однако нельзя не согласиться с Т.И. Ульянкиной, что «ни с началом, ни с окончанием Второй мировой войны эмигранты первой волны отнюдь не исчезли с карты Европы и Америки» (11, с. 16). Многие продолжали свою профессиональную деятельность. Среди них и С.Н. Прокопович, швейцарский период жизни и работы которого (1939–1955) изучены значительно хуже, что могло быть обусловлено рассеянностью и недоступностью источников этого времени.

Изучая экономические воззрения С.Н. Прокоповича, известные специалисты по русской экономической эмиграции Э.Б. Корицкий, А.В. Карашев и Г.В. Нинциева называют и анализируют два наиболее основательных труда экономиста, созданных им после 1930 г. Это – «Идея планирования и итоги пятилетки» (4), в котором «Прокопович осуществил серьезное обобщение советского опыта народнохозяйственного планирования» (2, 130) и двухтомная монография «Народное хозяйство СССР» (6), «ставшая шедевром русской историко-экономической литературы и своеобразным посмертным памятником замечательному ученому» (2, с. 133). В этих работах, по мнению исследователей, «содержится исчерпывающая характеристика рыночной и планово-административной систем хозяйствования и формулируется собственная позиция автора о том, каким должен быть эффективный экономический механизм» (там же).

Однако изучение документов фонда С.Г. Струмилина позволяет утверждать, что в 1939–1940 гг. С.Н. Прокоповичем была написана еще одна крупная работа.

В совершенстве владея экономической ситуацией в СССР, ученый, видимо, не совсем представлял себе политическую ситуацию, так как продолжал надеяться на публикацию своих трудов не только в начале 30-х годов, но и много позже. Об этом свидетельствует документ, который, в силу его важности, мы публикуем полностью.

Проф. С.Н. Прокопович
Pension Tschiffeli
3, Avenue Mark Monnier
Geneve, Suisse

Декабря 12, 1940 года

В Совет по изучению производительных
сил СССР при Академии наук.

Одновременно с этим письмом я посылаю мою рукопись под заглавием: «Изменения в размещении мировых производительных сил в XIX и XX вв., их причины и экономические следствия». Я нахожу, что в современной экономической литературе уделяется слишком мало внимания вопросам морфологии народного хозяйства. Пока экономическая теория стояла в значительной мере в стороне от жизни, такое игнорирование вопросов строения народного хозяйства было более или менее понятным. Но в настоящее время, когда вопросы планирования народного хозяйства и международных экономических отношений приобрели такое большое значение, изучение морфологии народного хозяйства, размещения различных отраслей мировой экономической деятельности и миграции товаров, капиталов и рабочей силы должны

быть, наконец, поставлены на очередь. Многое уже сделано в этом направлении английскими и немецкими экономистами (Дж. Стюартом, Ад. Смитом, Рикардо и Миллем, Кернсом, Тюненом, Рошером и Альф. Вебером). Но после мировой войны в размещении мировых производительных сил произошли резкие изменения.

Усилия отсталых и колониальных стран развить свою национальную промышленность достигли больших успехов и приобрели крупное международное значение. Казалось бы, внимание экономистов должно было направиться к тщательному изучению причин и следствий произошедших изменений. Между тем именно этот вопрос остается все время в тени и не занимает в экономической литературе подобающего ему места. Замалчивание этого едва ли не самого актуального вопроса особенно ярко обнаружилось в программах международных экономических конференций 1927 и 1933 гг.: в обеих программах этот вопрос отсутствовал. Вспыхнувшая затем война 1939 г. с необычайной очевидностью показала, что и развитие военных конфликтов происходит именно на почве размещения мировых производительных сил, на почве стремлений бедных и отсталых стран к развитию национальной промышленности и городов.

Как представитель одной из отсталых стран, России, делающей после революции 1917 г. огромные усилия для развития своих производительных сил, я давно уже осознал крупное значение этого вопроса. Моя работа над историей народного хозяйства России XVIII и XIX столетий, которую я веду уже много лет, показала мне, насколько сложен и мало изучен вопрос о процессе индустриализации отсталой страны и как тесно связан он с географической экспансией экономической деятельности старых торгово-промышленных стран и с ростом мирового рынка. Мне пришлось поэтому временно оставить работу над русским народным хозяйством для того, чтобы систематически заняться изучением процессов экспансии мирового хозяйства и рынка. Над этой проблемой я работал последние годы и результатом ее является предлагаемая вниманию Совета рукопись.

Если моя работа заинтересует Совет и он найдет нужным ее издать, то мои условия ограничиваются следующими пунктами:

1) она должна быть издана под моим именем, как в 1930 г. была издана государственным издательством моя книга «Народный доход западноевропейских стран»;

2) если же издание работы под моим именем, как эмигранта, окажется неудобным, то я согласен на издание ее под каким-либо псевдонимом (напр. С. Николаев);

3) никаких изменений (сокращений, вставок и т.д.) в тексте работы не должно быть произведено;

4) право издания работы на иностранных языках за границей СССР я оставляю за собой.

С уважением.
Проф. С. Прокопович.

(РГАЭ. Ф. 219. Оп. 1. Д. 728. Л. 1–3)

Рукопись, видимо, попала к С.Г. Струмилину как к члену президиума Совета по изучению производительных сил АН СССР (СОПСа) и руководителю его экономического бюро, а затем вместе с личным фондом академика оказалась в Государственном архиве экономики.

Монография С.Н. Прокоповича «Изменения в размещении мировых производительных сил в XIX и XX вв., их причины и экономические следствия» состоит из шести глав (РГАЭ. Ф. 219. Оп. 2. Д. 94).

В первой главе «Международное размещение отраслей сельского хозяйства и промышленности» экономист рассматривает, как благодаря миграции производства пшеницы, шерсти, хлопчатобумажной пряжи, каменного угля и чугуна меняется территория, входившая в область международных экономических отношений с конца XVIII до первых десятилетий XX в. Говоря о развитии международной хлебной торговли, он отмечает время вступления в нее России. В первой половине XVIII в. хлеб вывозился из России в небольших количествах. «Во второй половине XVIII в. Англия превратилась в ввозящую хлеб страну, и начался вывоз хлеба из России через Данциг, Мемель и Ригу. Велась эта торговля по Балтийскому, Северному и Белому морям, Ламаншу, Бискайскому заливу, морскому побережью Португалии, Средиземному морю и впадающим в них рекам. Занятие Россией черноземных степей на северном берегу Черного и Азовского морей привело к развитию экспорта русского хлеба через порты этих морей на хлебные рынки Средиземного моря». В результате бурного развития железнодорожного транспорта в 1870–80-х годах на первое место в мировой хлебной торговле вышли США и Россия, за ними шли Аргентина и Индия. Прокопович доводит историю мировой хлебной торговли до всемирного аграрного кризиса 1930-х годов, когда Россия утратила свое былое значение на этом рынке.

В производстве и торговле шерстью, каменным углем и нефтью, а также в машиностроении Россия принимала, по Прокоповичу, незначительное участие.

Экономист рассматривает прогресс народного хозяйства передовых стран как фактор европеизации отсталых и колониальных стран. Однако развитие транспорта и снижение транспортных издержек способствуют, по его мнению, росту в этих странах рыночных отраслей сельского хозяйства, но не обрабатывающей промышленности. Надежды на изменения международного размещения отраслей обрабатывающей промышленности ученый связывал с

разработкой новых месторождений каменного угля и нефти. Далее он попытался представить процесс формирования современного капитализма, показать влияние прогресса транспорта на размещение отраслей народного хозяйства в передовых и отсталых странах в соответствии с учением А. Вебера.

Во второй главе «Международная торговля и торговая политика» экономист отмечает на основании статистических данных, что «колоссальный рост мировой торговли после 1830 г. находится в несомненной причинной связи с развитием парового транспорта. Обороты торговли Великобритании, 7 торгово-промышленных европейских стран и всей Европы росли непрерывно вплоть до 1929 г., но росли они медленнее, чем обороты во внеевропейских странах. Особенно усилился этот процесс отставания Европы после 1880 г. Это перемещение центра тяжести мировой торговли за границы Европы находится в прямой связи с развитием железнодорожной сети в отсталых и колониальных странах».

Подробно рассмотрев взгляды на развитие международной торговли и торговой политики таких экономистов, как А. Смит, Д. Юм, Дж. Стюарт, Ч. Гобсон, В. Петти, Д. Норс, Ф. Кенэ, Д. Рикардо, Дж. Милль, Дж. Кэрнс, Г. Шмоллер, Фр. Лист, И. Тюнен, проанализировав вслед за ними такие явления, как свобода торговли, меркантилизм, промышленный и торговый протекционизм, Прокопович делает следующие выводы: «…характер и содержание современной торговой политики определяется в своей основе существованием национальных государств и национальных хозяйств. Эти национальные противоречия и антагонизмы современного экономического строя требуют активного вмешательства государственной власти в экономическую жизнь». По его мнению, вмешательство политической власти в международные экономические отношения необходимо и должно «содействовать оптимальному размещению подвижных факторов производства в соответствии с развитием путей и средств сообщения и геоэкономическими данными различных стран с вытекающим отсюда сокращением посреднической торговли, покупки сырья в обмен на фабрикаты и смягчением международных экономических антагонизмов и борьбы».

Третья и четвертая главы посвящены изучению международной миграции капиталов и населения.

Рассмотрев историю международных кредитных отношений, начиная с XVIII в., основное внимание экономист сосредоточил на их развитии в 1860–1930-х годов, особенно на разрушительном влиянии Первой мировой войны, а также кризиса 1930–1934 гг. В конце главы экономист сделал следующие выводы: война 1914–1918 гг. поглотила огромные количества капиталов, накопленных западноевропейскими странами, и сильно понизила их капиталообразующую способность. «Стремление этих стран, невзирая на всеобщее обеднение, не только сохранить, но и повысить уровень жизни своего населе-

ния привело к кризисам 1929 и 1931 гг. В то же время страны-должники, пострадавшие от кризисов 1929 и 1931 гг. гораздо более стран-кредиторов, сократив свое потребление привозных фабрикатов, не только покрыли часть своих долгов, но и значительно развили свою обрабатывающую промышленность за счет своих внутренних накоплений… Таким образом, международные экономические отношения между странами-кредиторами и странами-должниками претерпели после войны радикальное изменение в пользу последних». По мнению Прокоповича, странам-кредиторам придется иметь дело с большим числом стран, создавших собственную обрабатывающую промышленность за счет своих национальных накоплений и не нуждающихся в импорте европейских капиталов и фабрикатов.

Глава о международной миграции населения посвящена эмиграционным потокам между Европой и США в течение всего XIX в. и первых десятилетий XX в. На основе обширной статистической базы Прокопович делает вывод, что «если Первая мировая война привела к значительному сокращению заокеанской эмиграции из Европы, с 9,2 млн. человек в 1901–1910 гг. до 4,8 млн. человек в 1911–1920 гг. и 3,5 млн. человек в 1921–1930 гг., то кризис 1929 г. привел к полной ее остановке: в 1931–1937 гг. число обратных переселенцев в Европу почти на 400 тыс. человек превысило число иммигрантов. Очевидно, внеевропейский колониальный мир также мало нуждается в настоящее время в импорте европейских рабочих сил, как и в импорте европейских капиталов».

В пятой главе автор анализирует учения Д. Рикардо, И. Тюнена и А. Вебера о размещении отраслей сельского хозяйства и промышленности, подводит итоги развития этих учений и намечает его перспективы.

Наконец, шестая глава посвящена изучению «влияние прогресса транспортного дела на структуру народного хозяйства». Прокопович проследил историю развития всех видов транспорта: морского, железнодорожного, автомобильного, привел сравнительную стоимость перевозки грузов и определил степень влияния развития парового транспорта на снижение транспортных издержек и строение народного хозяйства в целом.

В заключении экономист дал общую характеристику развития европейского и мирового народного хозяйства в XIX – начале XX в.

Публикация труда в СССР в 1940 г., скорее всего, казалась автору возможной ввиду чрезвычайной актуальности темы, но Совет и его экономическое бюро не посчитали нужным ее издать, да и вряд ли тогда это зависело от них.

Как мы помним, одним из последних пунктов, указанных автором работы в сопроводительном письме, было право ее публикации на иностранных языках. В условиях начавшейся Второй мировой войны, да и сразу после нее, издавать научные труды было почти невозможно. В одном из писем января

1948 г. Е.Д. Кускова писала из Швейцарии в США Б.А. Бахметеву: «Здесь развивается резкий издательский кризис. Пока она (книга. – *Т.С.*) у меня не будет лежать на столе, буду дрожать… Все сделано, переведено, контракт заключен с Oprecht'ом. …Думаю все-таки, что Oprecht книгу о пятилетке издаст: она сейчас очень нужна. Вся беда в том, что здесь до смерти боятся большевиков.

Страна – маленькая, хочет иметь у себя межд[ународные] учреждения и не позволяет критиковать ни Америку, ни Советы» (цит. по: 11, с. 164. Речь скорее всего идет о книге С.Н. Прокоповича «Der vierte Fünfjahrplan der Sowjetunion, 1946–1950» – 13).

Несмотря на трудности, в 1940-е годы вышло несколько крупных работ С.Н. Прокоповича на немецком языке, посвященных анализу развития народного хозяйства СССР. Это была область, в которой ученый являлся признанным экспертом, но его занимали и процессы, происходящие в мировой экономике.

В 1946 г. в Невшателе и в Париже на французском языке была опубликована книга Прокоповича «L' Industrialisation des pays agricoles et la structure de l'economie mondiale aprѐs la guerre» (14; 15, с. 570) («Индустриализация аграрных стран и структура мирового хозяйства в послевоенный период»), которая явилась переработанным и дополненным вариантом присланной в 1940 г. в Москву монографии.

Научная и историческая ценность находящейся в РГАЭ рукописи первой работы С.Н. Прокоповича по истории мирового хозяйства, на наш взгляд, сохраняется и сейчас. Хочется надеяться, что труд выдающегося русского экономиста заинтересует исследователей и не будет навсегда похоронен в архивной папке.

Литература

1. Бачурина О.Н. Экономическое наследие С.Н. Прокоповича и его общественно-политическая деятельность в эмиграции (1922–1939 гг.). – СПб., 2005. – 138 с.

2. Корицкий Э.Б., Карашев А.В., Нинциева Г.В. Экономисты русского зарубежья 20–50-х годов: либеральное течение: Учебное пособие. – СПб., 1999. – 178 с.

3. «Наш спор с Вами решит жизнь». Письма М.Л. Винавера и Е.П. Пешковой к Е.Д. Кусковой. 1923–1936. – М., 2009. – 334 с.

4. Прокопович С.Н. Идея планирования и итоги пятилетки. – Париж, 1934. – 115 с.

5. Прокопович С.Н. Народный доход западноевропейских стран. – М., 1930. – 196 с.

6. Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. – Нью-Йорк, 1952. – Т. 1. – 398 с.; Т. 2. – 355 с.

7. Прокопович С.Н. Об экономических основах национального вопроса. Отд. оттиск из «Русского экономического сборника». – Прага, 1927. – 47 с.

8. Прокопович С.Н. Очерки хозяйства Советской России. – Берлин, 1923. – 216 с.

9. Ручкин А.Б. Русские ученые-эмигранты в 1920-е годы. (На примере экономического кабинета С.Н. Прокоповича) // История российского зарубежья: Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX вв. Сб. статей. – М., 1996. – С. 115–124.

10. Телицын В.Л. Русские экономисты-эмигранты в Праге 1920–30-х годов. – Там же. – С. 125–132.

11. Ульянкина Т.И. «Дикая историческая полоса…» Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). – М., 2010. – 639 с.

12. Kojima S. Exiled Russian economists and the USSR: Brutzkus and Prokopovich // Economics in Russia. Studies in intellectual history /Ed. by V. Barnett and J. Zweynert. – Burlington, 2008. – P. 123–140.

13. Prokopovich S.N. Der vierte Fünfjahrplan der Sowjetunion 1946–1950. – Zürich, 1948. – 152 p.

14. Prokopovich S.N. L' Industrialisation des pays agricoles et la structure de l'economie mondiale aprѐs la guerre. – Paris, 1946. – 313 p.

15. The National Union Catalog Pre-1956 Imprints. – Mansell, 1976. – Vol. 472.

ПИСЬМА П.Н. МИЛЮКОВА К С.В. ПАНИНОЙ И ПИСЬМА А.С. ИЗГОЕВА К М.М. ВИНАВЕРУ (Предисловие к публикации и примечания В.М. Шевырина)

В этом номере наш журнал публикует письма видных деятелей дореволюционной России, членов ЦК кадетской партии, – ее вождя П.Н. Милюкова и А.С. Изгоева к своим соратникам.

Два послания П.Н. Милюкова[1] к графине С.В. Паниной[2] относятся к концу 1919 – началу 1920 г., – критическому, для белых армий, периоду в Гражданской войне, когда они терпели катастрофические поражения. В этих письмах отражен отклик П.Н. Милюкова на тактику его партийных коллег в стане генерала Деникина в связи с создавшимся положением на фронтах и оценка кадетским лидером отношения к России союзников по Антанте. В это время П.Н. Милюков, уже обосновавшийся в Лондоне, вел активную общественно-политическую деятельность, стремясь убедить союзников, и прежде всего Англию, в необходимости всемерной помощи белым армиям. Его корреспондентка С.В. Панина играла заметную роль на Юге России (Екатеринодаре, Ростове-на-Дону) – участвовала в совещаниях с представителями «Союза возрождения России», вошла в «Национальный центр», работала как член бюро ЦК кадетской партии, выезжала в Париж в составе делегации Добровольческой армии и т.д. Письма к ней П.Н. Милюкова обусловлены и многолетней совместной работой в партии, и той значительной ролью, которую графиня играла в кругах, близких к А.И. Деникину. В «Особое совещание» при главнокомандующем входил и ее гражданский муж Н.И. Астров, бывший московский голова, политический деятель, пользовавшийся, как и С.В. Панина, особым расположением генерала Деникина.

Письма А.С. Изгоева к члену ЦК кадетской партии М.М. Винаверу относятся уже к первым годам существования «белой эмиграции». Еще сравнительно недавно имя А.С. Изгоева мало что говорило широкой читательской аудитории. Ныне имя Александра Соломоновича Изгоева (1862–1935) уже не tabula rasa в исторической литературе: в переизданных сборниках – знамениях «Вехи», «Из глубины», в уникальнейшем «Архиве русской революции» есть и его «капля меда». А в 2009 г. в ИНИОН вышла в свет полузабытая книга А.С. Изгоева «Рожденное в революционной смуте». В Предисловии к

этому раритету академик Ю.С. Пивоваров, и ранее писавший об А.С. Изгоеве, дал биографический очерк об авторе – «политическом мыслителе, правоведе, историке, публицисте, общественном деятеле»[3].

А.С. Изгоеву посвящена и содержательная статья в новейшей энциклопедии российского либерализма[4], и публикация в нашем журнале.

Не слишком рискуя ошибиться, можно предположить, что интерес исследователей к А.С. Изгоеву будет только возрастать. Необычайно разносторонний по своим интересам, наблюдательный и тонкий аналитик, умевший смотреть «в корень» проблем своего времени и предвосхищать ход событий, – он, кажется, «обречен» на такое внимание к его личности.

Впрочем, столетие назад, когда его сценарии будущего роковым образом становились реальностью, к нему и коллеги из ЦК кадетской партии порой обращались: «Что будет дальше? Как по вашему мнению? Вы пророчествуете иногда не дурно»[5].

Как писал А.С. Изгоев: «с 1905 года у меня создалось вполне определенное представление о характере русской революции, которую я считал, к несчастью, неизбежной, как только "внешний толчок" освободит связанные силы. Таким внешним толчком и явилась война»[6]. И в июне 1917 г. еще тогда, когда кадеты во Временном правительстве были «на коне», он столь же уверенно говорил своему однопартийцу: «Теперь уже не надо быть пророком. Надо только ясно видеть. Революции, когда удалось раскачать массы, имеют свои законы. Теперь придут социалисты, за ними большевики, погонят нас отсюда, объявят террор, перевешают тысячи людей и приведут за собой диктатора. Так всегда кончаются революции, если стране, на которую они обрушились, не суждено погибнуть»[7].

Отзвук таких идей о революции «слышен» и в переписке А.С. Изгоева с М.М. Винавером, одним из лидеров кадетской партии, заметным деятелем русской эмиграции начала и середины 1920-х годов. Ниже публикуются два письма А.С. Изгоева к М.М. Винаверу. В них отразились и эти размышления о революции, и «сюжеты» из жизни самого Александра Соломоновича – обыденные заботы, его настроение, планы, отношения с соотечественниками, а также общая атмосфера жизни эмиграции «на чужих берегах». Письма – всего два листочка из эпистолярного наследия А.С. Изгоева. Но в них проступает и масштаб личности этого человека, и эпоха, в которую он жил. Эти письма хранятся в фонде 5818 (М.М. Винавер) Государственного архива Российской Федерации. Они печатаются полностью, – без каких-либо купюр и сокращений.

Примечания

[1] *Милюков П.Н. (1859–1943) – историк, известный общественный и политический деятель. Председатель кадетской партии, депутат III и IV Госдум, министр Временного прави-*

тельства. После Октября 1917 – активный противник большевизма. С 1920 г. – в эмиграции, один из самых влиятельных ее деятелей.

[2] *Панина С.В. (1871–1957) – графиня, общественный и политический деятель, меценат (см.: Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия. – 2010. – С. 698–700).*

[3] *Пивоваров Ю.С. Александр Изгоев о русской революции // Труды по россиеведению. Сб. научн. трудов. Вып. 1. – М., 2009. – С. 345.*

[4] *Российский либерализм середины XVIII – начала XX в. Энциклопедия. – М., РОССПЭН, 2010. – С. 364–366.*

[5] *Изгоев А.С. Пять лет в советской России // Архив русской революции. Т. X. – Берлин, 1923. – С. 16.*

[6] *Там же. – С. 12.*

[7] *Там же. – С. 16.*

Письма П.Н. Милюкова к С.В. Паниной*

[28 декабря 1919 г.].

…Тон Вашей печати показывает, что Вы ужасно присмирели и сибирская перемога должна привести Вас в полный ужас…[1]

Деникин согласен вести переговоры с разными национальностями. Я нахожу по-прежнему, что в этом вопросе надо идти на уступки и сам начинаю употреблять термин «федерация», – единственный, который здесь можно противопоставить «конфедерации» и независимости.

Полная непримиримость при теперешней отсрочке, может укрепить позицию независимости… Вероятно, обо всем этом [неудобно. – *В.Ш.*] говорить в печати. Но между собой и в Совещании[2], во всяком случае говорить нужно. Иначе Вы принимаете слишком большую ответственность за молчание и портите позицию для будущего.

[4 января 1920 г.]

Только недавно писал Вам, еще не зная всех размеров постигшего нас бедствия. Теперь телеграммы с юга России как молотом бьют нас по голове каждое утро…[3]

Я уже говорил в предыдущем письме.., что очутившись лицом к лицу с большевистской проблемой, без колчаковского и деникинского средостения, англичане задумались. Страх большевистской пропаганды, в особенности в Азии, заставляет их понять, что деникинское и колчаковское поражение – их поражение.

Они чувствуют, что сидеть сложа руки нельзя долее. Но в то же время они знают, что у них самих, – и ни у кого из союзников нет вооруженных сил и нет желания тратить большие денежные средства, чтобы серьезно начать

* *ГАРФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 1109. Л. 13–16.*

борьбу с большевиками. Отсюда единственный вывод: раз бороться надо, а самим бороться нечем, надо навязать эту задачу другим. Союзникам теперь не навяжешь, ибо все они теперь косятся друг на друга. И вот неожиданный вывод получается такой: поручить Россию Германии и Японии. Идеал эксплуатации России как колонии…

Вот с какой обстановкой нам придется решать вопрос о новой форме интервенции. Если раньше не выходило союза равного, то теперь и подавно. Помогать будут.., конечно, чужими руками. Но за какое вознаграждение? Колчак в июле не согласился на японские предложения ссудить нас капиталами, займом, товарами и отдать им в аренду маньчжурскую железную дорогу. Боюсь, что условия помощи будут не легче, а тяжелее.

Хотел бы очень получить от Вас в ответ уверение, что крах вовсе не так велик, как здесь пишут и что национальные центры сопротивления все-таки сохранятся. Но… боюсь верить, что это так. Здесь, кстати, все настойчивее сообщают слухи о происшедшем у Вас перевороте, в результате которого Деникина заменил Романовский[4], а кадетов с Национальным центром[5] заменил Союз возрождения[6]. Что тут верного? Я догадываюсь, что у Вас, как и в Сибири, после неудач произошел сдвиг влево. Из прежних писем Вы знаете, что я даже нахожу здесь положительную сторону, если только не перегнуть палку в другую сторону.

Письма А.С. Изгоева к М.М. Винаверу*

Берлин, 22 февраля 1923 г. Дорогой Максим Моисеевич![7] Ваше любезное письмо застало меня за укладыванием чемоданов. Завтра рано утром уезжаю с женой в Прагу – второй этап нашего странствования. В Берлине я не нашел себе подходящей работы, да и атмосфера здешней русской жизни меня как-то не удовлетворила. Окажется ли Прага этапом или же я смогу там обосноваться прочнее – судить пока совершенно не могу. Хотелось бы написать книгу, в которой на основании того, что я лично пережил и узнал от других и из книг, осмыслить революцию как процесс. Я наблюдал его почти 6 лет, думаю, что кое-что в нем понял, и это понятое хотелось бы передать другим[8].

Ваше письмо, дорогой Максим Моисеевич, меня чрезвычайно обрадовало. В эмиграции, как это всегда с ней бывает, люди чрезвычайно быстро ссорятся друг с другом, разбиваются [л. 1] на мельчайшие кружки. В силу этого и нас, приезжих из России, встретили здесь кое-где со своеобразными предвзятыми взглядами. Создавалась обстановка, при которой обращаться заочно к людям, живущим не в Берлине, было нелегко, а вдруг в ответ получишь пожатие плеч и молчание, если не хуже? За это время так изболелась душа и

* *ГАРФ. Ф. 5818 (М.М. Винавер). Оп. 1. Д. 17.*

стала, вероятно, столь чувствительной, что не хотелось лишний раз подвергать ее испытанию. Я приехал в Берлин, остановился у И.В. Гессена[9], который встретил меня чрезвычайно любезно. Теперь я уезжаю в Прагу. Работать в «Русской мысли» я, вероятно, не буду, так как с П.Б. Струве[10] я расхожусь в некотором основном подходе к русским событиям, но лично у меня с ним сохранились самые сердечные отношения.

Думаю кое-что и кое-где писать. П.Б. Струве устроил уже помещение нескольких моих статей в одной чешской газете. Потребности у меня с женой после русской жизни небольшие – авось просуществуем. С удовольствием [л. 1об] принимаю Ваше предложение и постараюсь уже из Праги, прислать что-либо для «Звена», представляющее интерес и не задевающее злободневных политических вопросов. «Звена» я, к сожалению, еще не видал, кроме номера 1-го, Б.И. Элькин[11], у которого я беру для прочтения «Последние новости», остальных №№ «Звена» еще не получил. Нужно сказать, что жизнь в Берлине, чтение «Посл. Нов.», разговоры с В.А. Оболенским[12], протоколы заседаний московской кадетской группы под председательством Н.В. Тесленко[13] убедили меня в правильности мысли, утвердившейся во мне еще

в России: кадетской организации не существует. А между тем потребность в организации прогрессивных не социалистических слоев чрезвычайно настоятельна. Идейная слабость нынешних либеральных течений такова, что молодежь либо вовсе ничем не интересуется, либо тянется к самой крайней бессмысленной и вредной реакции. А вожди наши продолжают те самые споры, которые они вели в 1908–1912 гг. На меня все это производит чрезвычайно тягостное впечатление. П.Н. Милюков как-то [л. 2] писал, что Бердяев[14] оставил далеко позади Струве и сопоставлял его с Ильиным[15]. Он, видимо, не вполне осведомлен. Бердяев – вовсе не «реакция». Он скорее мешает «реакции», основным лозунгом которой уже теперь является простое утверждение, что вся русская революция просто бесчинство кучки интернациональных негодяев.

Нам нужна широкая европейская политическая партия, в которую бы могли войти люди разных религий и разных «вер», а не старые интеллигентские кружки. Нынешнее состояние умов готовит торжество крайних правых.

Адреса своего теперь сообщить еще не могу. Напишу из Праги. Очень прошу Вас, дорогой Максим Моисеевич, вне всякой политики, просто по-человечески, как память о многолетнем сотрудничестве, передать мой сердечный привет П.Н. Милюкову и И. Демидову, П.П. Гронскому, П.Я Рыссу и А.Я. Левинсону. Горячо жму Вашу руку. Глубоко уважающий Вас А.С. Изгоев.

* * *

Прага, 10 марта 1923. Дорогой Максим Моисеевич! Наконец-то я несколько устроился в Чехии и, по-видимому, смогу начать работать. Спешу исполнить свое обещание и прилагаю при письме статейку для «Звена». Я ее не переписывал потому, что если набор производится с рукописи, то мой почерк наборщиками всегда считался разборчивым, если же они требуют обязательной переписки на машинке, то мне все одно пришлось бы просить редакцию взять на себя этот труд. Не знаю, удовлетворит ли Вас мой отрывок, но очень бы хотел быть Вам полезен в той мере, в какой могу. Был бы очень признателен за высылку уже вышедших №№ «Звена» по указанному адресу. Денежную корреспонденцию следует направлять по паспортной фамилии: «A. Lande-Isgoev».

Я с женой поселился здесь под Прагой, [л. 3] в 60 минутах езды по жел. дороге. Весной, которая уже наступает, здесь будет хорошо. В Праге мне нравится неизмеримо больше, чем в Берлине. Прежде всего, здесь интересная русская колония, публика, которая искренно, горячо интересуется русскими делами. Каковыми ни были убеждения большинства, для здешних русских все эти вопросы серьезное дело и для них стоит работать. Тут можно найти резонанс. Напишите, дорогой Максим Моисеевич, откровенно, подошел ли посланный мной Вам отрывок. Если подойдет, пришлю еще что-нибудь из своего запаса нейтральных тем. Не скрою, мне приходится теперь руководствоваться и вопросами заработка.

Мой искренний привет Павлу Николаевичу [Милюкову] и прежним друзьям. Крепко жму руку. Искренне преданный Вам А.С. Изгоев [л. 3].

Примечания

[1] *Речь идет о катастрофе колчаковской армии.*

[2] *Имеется в виду «Особое совещание», созданное 31 августа 1918 г. в Екатеринодаре как высший орган гражданского управления при верховном руководителе Добровольческой армии. В декабре 1919 г. «Особое совещание» было реорганизовано в «Правительство при главнокомандующем вооруженных сил Юга России», которое в марте 1920 г. уступило свое место «Южнорусскому правительству».*

[3] *Сообщения о разгроме основных сил армии Деникина.*

[4] *Слухи были ошибочными. Романовский И.П. (1877–1920) – генерал-лейтенант (1919). Окончил Академию Генштаба (1903). Был первым ген. квартирмейстером в Ставке верх. Главнокомандующего в Первой мировой войне. Соратник Л.Г. Корнилова, участвовал в создании Добровольческой армии; с февр. 1918 – нач. штаба. В янв. 1919 – апр. 1920 – нач. штаба «Вооруж. сил Юга России». После поражения Деникина оказался в Константинополе, где был убит (18 апр.) русским офицером.*

[5] *Национальный центр – всероссийская антибольшевистская организация, созданная по инициативе членов кадетской партии в мае-июне 1918 г. в Москве, которая была центром*

организации до осени 1918 г. После отъезда ряда руководителей Нац. центра на Юг – в Добровольческую армию, Главное правление центра переместилось сначала в Екатеринодар, потом в Ростов-на-Дону. Нац. центр объединял представителей либерально-демократических и либерально-консервативных партий, различных внепартийных групп. В Нац. центре разрабатывалась программа постбольшевистского переустройства России, обсуждалась текущая политическая ситуация, поддерживались связи с Добровольческой армией, с союзническими миссиями. Чекисты в июле-августе 1919 г. арестовали многих деятелей Нац. центра. Он окончательно прекратил свое существование с разгромом армий Колчака и Деникина.

6 *«Союз возрождения России» – антибольшевистское объединение представителей социал-демократий, неонароднических и кадетской партий, созданное в марте 1918 г. С апреля 1919 г. входил в «Тактический центр». После гибели «белого дела» распался.*

7 *Винавер Максим Моисеевич (1862–1926) – общественный и политический деятель, член ЦК кадетской партии, депутат I Госдумы. В 1917 г. избран в Учредительное собрание. В годы Гражданской войны поддерживал Белое движение. В эмиграции оказался на левом фланге кадетской партии, стал одним из организаторов «Демократической группы партии Народной свободы». Создатель Русского университета в Сорбонне вместе с М.И. Ростовцевым и Б.Э. Нольде. С 1923 г. – редактор журнала «Звено».*

8 *О том, что А.С. Изгоев пережил и осмыслил и что хотел передать другим, свидетельствуют и две его работы (А. Изгоев. Пять лет в советской России // Архив русской революции. Т. X. Берлин, 1923. – С. 5–55; А.С. Изгоев. Рожденное в революционной смуте (1917–1932). Париж, 1933. – 32 с.) За те три дня в середине ноября 1922 г., когда «философский» пароход «Пруссия» плыл из Петербурга на чужбину, увозя высланных интеллигентов, в числе их и А.С. Изгоева, Александр Соломонович, по его словам, «мог вспомнить и продумать… почти 6 лет революции». Уже в Берлине он записал продуманное и опубликовал в 1923 г. (Архив русской революции. Т. X. Берлин, 1923).*

9 *Гессен Иосиф Владимирович (1865–1943) – общественный и политический деятель, юрист, издатель, председатель редакционного совета газеты «Право», директор-распорядитель изд. фирмы «Общественная польза». Входил в «Союз освобождения», один из создателей Конституционно-демократической партии, член ее ЦК. Фактически был редактором (вместе П.Н. Милюковым) кадетской газеты «Речь», депутат II Госдумы. В 1917 г. организовал газету «Земля», вошел в Предпарламент. Октябрьскую революцию 1917 г. не принял. В эмиграции играл видную роль (был одним из создателей газеты «Руль», «Архива русской революции», возглавлял Берлинскую кадетскую группу и т.д.)*

10 *Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – философ, публицист, общественный и политический деятель. В своих взглядах эволюционировал от марксизма к либерализму. Один из основателей Конституционно-демократической партии, до 1913 г. – член ее ЦК. В годы Гражданской войны – заметная фигура в антибольшевистских правительствах. С 1920 г. – в эмиграции, где играл одну из ключевых ролей, в частности был редактором ряда газет и журналов, в том числе «Русской мысли» (1921–1925, 1927).*

11 *Элькин Борис Исаакович (1887–1972) – либеральный деятель, эмигрант. Душеприказчик А.И. Гучкова и П.Н. Милюкова. Редактировал последний том «Воспоминаний» П.Н. Милюкова. Редактор книги Г. Адамовича о В.А. Маклакове. Исследователь истории русского масонства.*

12 *Оболенский Владимир Андреевич (1869–1951) – князь, известный статистик, земец, общественный деятель, член кадетской партии (с 1910 г. – член ее ЦК), депутат I Госдумы. В годы Первой мировой войны – один из руководителей Союза городов, член Предпарламента. После Октября 1917 г. – в антибольшевистском «Комитете спасения родины и*

революции». С ноября 1920 г. – в эмиграции. В кадетской партии занимал центристскую позицию.

[13] *Тесленко Николай Васильевич (1870–1942) – юрист (с 1899 г. – присяжный поверенный, впоследствии председатель Московского юридического общества), гласный Московской городской думы и Московского губ. земства. Член «Союза освобождения», один из учредителей кадетской партии и видный член ее ЦК. Депутат II Госдумы. В годы Первой мировой войны работал в Союзе городов. К Октябрьской революции 1917 г. отнесся отрицательно. Поддерживал Белое движение. С 1920 г. – в эмиграции.*

[14] *Бердяев Николай Александрович (1874–1948) – философ, публицист. В своих воззрениях эволюционировал от марксизма к либерализму и религиозному сознанию. Приветствовал февральскую революцию, октябрьский переворот не принял. В 1922 г. в составе группы российских интеллигентов был выслан за границу. В 1923 г. в Берлине были опубликованы его главные книги: «Философия неравенства» и «Письма к недругам по социальной философии»; «Смысл истории. Опыт философии и человеческой судьбы».*

[15] *Ильин Иван Александрович (1882–1954) – религиозный философ, публицист. С 1922 г. – в эмиграции.*

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

И.В. Сабенникова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЕВРОПЕ, 1917–1939: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Сабенникова Ирина Вячеславовна – доктор исторических наук, заведующая сектором Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД).

Задача данной статьи – сравнение типологически сходных явлений, какими были русская, испанская, итальянская и немецкая эмиграции в Европе между двумя мировыми войнами. С этой целью в статье проведено конструирование идеальной модели эмиграции, вызванной авторитарными и тоталитарными режимами XX в., с тем чтобы выявить специфику основных параметров русской эмиграции и определить ее уникальную роль в мире. Очень важно конкретизировать существенные черты феномена «антитоталитаристской» эмиграции, что позволит отделить его от очень широкой и неопределенной категории эмигрантских движений в истории и современном мире, которые были связаны с перемещением населения под влиянием различных экономических, национальных, природных факторов, но не имели таких выраженных качественных характеристик, которые присущи антитоталитаристской эмиграции (с. 1).

Хотя российская постреволюционная эмиграция имела четыре наиболее крупных анклава проживания, мы рассматриваем ситуацию во Франции, которая в межвоенный период приняла наибольшее количество беженцев и эмигрантов из различных стран.

Среди колоний эмигрантов на территории Франции наиболее значительными по численности были итальянская, русская, испанская и позже немецкая. Проследить динамику развития этих диаспор, их внутреннюю структуру, причины создания и формы деятельности позволяют документы, отложившиеся во французском полицейском архиве. В функции префектуры полиции входила не только регистрация общественных или политических объединений и печатных изданий иностранцев, но и наблюдение за ними на террито-

рии страны. Благодаря четкой деятельности префектуры полиции мы располагаем уникальным сводным источником, позволяющим провести систематическое, количественно выраженное сопоставление российской эмиграции с национальными группами эмиграции из других стран. Аналитическая записка по этому вопросу была составлена французской полицией в 1948 г. в связи с проверкой всех политических организаций после Второй мировой войны. Записка отражает те существенные изменения, которые произошли в ходе войны, делает выводы о политических настроениях и прогнозы будущей политической ориентации данных групп[1]. Однако, несмотря на свою прагматическую цель, данный документ содержит исчерпывающую характеристику истории формирования национальных эмигрантских групп, их структуры, численности представляющих их общественных и политических организаций и лидеров. Этот единовременный срез всех эмигрантских групп позволяет констатировать их общий и удельный вес в политической жизни Франции, взаимные отношения и в конечном счете судить о степени их адаптации в новом для себя обществе. При исследовании национальных эмигрантских диаспор проведено их сравнение по таким параметрам, как: история формирования диаспоры, ее численность, организационная структура, социальный и профессиональный состав ее членов, политические ориентации различных групп, культурный уровень, образовательные учреждения и т.д.

Значительные перемещения беженцев в Европе возникли в 1930-е годы в результате установления фашистских режимов в Италии, Испании и Португалии, что привело к возникновению новых эмигрантских диаспор на территории Франции. Выбор эмигрантами Франции для жительства объясняется объективными причинами: Франция к середине 30-х годов оказывается единственной экономически развитой страной в Европе с демократическим режимом, способной принять и большей частью трудоустроить беженцев.

Итальянская диаспора

Подавляющее большинство итальянских эмигрантов жили во Франции, где итальянское население значительно: согласно переписи 1936 г., оно насчитывало 897 732 человека и составляло треть всех иммигрантов во Франции. По полицейским архивам, итальянская колония в Париже составляла к 1938 г. более 100 тыс. человек.

Итальянские эмигранты не подпадали под обычно используемую Лигой Наций дефиницию «беженец», однако они могли быть включены в категорию беженцев того же типа, что и беженцы из Германии. Можно выделить три основных категории беженцев, сгруппированных в соответствии с причина-

1. Prefecture de Police. Cabinet du Prefet Archives. BA 1681.

ми, заставившими их покинуть страну: лица, вынужденные выехать за границу из-за реальной опасности, угрожающей их жизни и свободе, но не вовлеченные в активную политическую борьбу; лица, составляющие оппозицию итальянскому фашизму, оставившие Италию легально или нелегально, но продолжавшие свою борьбу из-за границы; лица, покинувшие Италию по различным причинам, незадолго до или после 1924 г. и решившие принять участие в антифашистском движении, уже будучи за границей. Представители последней группы не стремились объявлять о своих антифашистских настроениях, боясь за свои семьи, оставшиеся в Италии (8, с. 3, 5–6).

Количество итальянских политических беженцев определить сложно, можно назвать лишь приблизительные цифры. По мнению бывшего депутата-социалиста доктора Занетти, хорошо знакомого с беженскими кругами, их число во Франции составляло 6 тыс. человек и в других странах около 2 тыс. В фашистский «черный» список политических беженцев было внесено 14 тыс. имен, и он постоянно пополнялся. Согласно некоторым данным, к 1937 г. во Франции проживали 10 тыс. итальянских политических беженцев, состоявших в различных антифашистских итальянских организациях и определявших себя как политических беженцев при обращении за документами о своем статусе (cartes d`identite). Антифашистских итальянских организаций во Франции в 1937 г. было зарегистрировано семь: «Итальянская Лига по правам человека» («La Ligue Italienne des Droits de l`Homme») – 2 тыс. членов; «Итальянская коммунистическая партия» – 4 тыс.; «Итальянская социалистическая партия» – 1,5 тыс.; «Максималистская социалистическая партия» – 500; «Республиканская партия» – 500; «Федерация анархистов» – 500; «Справедливость и свобода» («Giustizia e Liberta») – 500.

Союз Итальянского народа (Unione Populare Italiana), создававшийся как организация противодействия официальной фашистской итальянской пропаганде за границей, имел около 40 тыс. членов, реально включал еще большее число за счет итальянцев, не зарегистрированных как беженцы.

Некоторые исследователи считают, что во Франции перед Второй мировой войной находились около 10 тыс. политических итальянских беженцев и около 50 тыс. итальянцев, которые входили в ассоциации с антифашистскими организациями различных типов и возвращение которых в Италию было проблематично.

Итальянские беженцы, иммигрировавшие в Германию до 1933 г., после установления там нацистского режима покинули страну. В это время многие итальянцы, прежде всего анархисты, отправились в республиканскую Испанию и принимали участие в гражданской войне. Некоторые коммунисты уехали в СССР, многие – к друзьям и родственникам в Америку.

Итальянскую политическую эмиграцию можно разделить на четыре периода.

Первый период – между маршем на Рим в октябре 1922 и 1926 гг. Кульминация этой волны эмиграции приходится на май 1924 г. – убийство Джакомо Маттеотти, ограничение свободы печати и ассоциаций, преследование оппозиции[2]. Эта эмиграция еще не носила ярко выраженного политического характера; многие покидали страну по экономическим причинам.

Второй – с ноября 1926 по июнь 1929 г. Причины эмиграции в этот период – принятие закона против любых форм оппозиции, введение Специального трибунала фашистской милиции. В эти годы начинает отчетливо преобладать политическая эмиграция.

Третий этап – с июня 1929 по июль 1936 г. Эмиграция проходила как легальным, так и нелегальным путем. Уехали многие деятели культуры.

С июля 1936 г. четвертая волна эмиграции обусловливается началом гражданской войны в Испании. Политическая эмиграция представлена преимущественно молодыми людьми, едущими волонтерами на войну на стороне Испанского правительства.

Часть политических итальянских беженцев не имела необходимых документов (главным образом покинувшие страну нелегально), и их правовое положение в странах эмиграции зависело от местной администрации и не было определено юридически. Поэтому итальянские политические и общественные деятели в иммиграции подняли вопрос в Лиге Наций о предоставлении итальянцам юридического статуса беженцев, аналогичного тому, который был предоставлен русским или немецким беженцам. Им был предоставлен легальный статус, аналогичный немецким беженцам, позволявший им определять место жительства и право на передвижение.

К 1948 г. итальянская колония в Париже, согласно полицейским документам, сократилась до 50 тыс. человек. Это было связано с оттоком политической эмиграции, вернувшейся в Италию после свержения Муссолини. Оставшаяся часть эмиграции была аполитична, состояла преимущественно из рабочих, которые смогли адаптироваться во французской экономике.

Испанская диаспора

Проблема беженцев, возникшая в связи с гражданской войной в Испании, превратилась в международную, поскольку бóльшая часть беженцев была из разрушенных инсургентами районов или репатриирована из Франции. Ос-

2. В Италии Закон от 31 января 1926 г. «Изменения и добавления к закону от 13 июня 1912 г. о гражданстве» касался итальянских граждан, живущих за границей и виновных в совершении каких-либо действий, ведущих к нарушению государственного порядка в Италии или противоречащих интересам Италии, наносящих вред репутации и престижу государства. Закон был опубликован в Gazetta Unifficale del Regno от 4 февраля 1926 г.

новная трудность для международных организаций заключалась в определении численности и мест расселения испанских беженцев, что было связано с постоянно меняющейся линией фронта, нежеланием многих беженцев признавать себя таковыми и вносить свои имена в списки беженцев. Согласно данным комиссара Международной Комиссии д'Лилехук, многие семьи эвакуировались по несколько раз за год. Первое значительное движение беженцев было зарегистрировано на юге Испании в августе 1936 г. при разрушении Гранады, Кордовы, Эстремадуры. Беженцы перемещались главным образом в Мадрид и другие города Кастилии. Зимой 1936 г. значительная часть гражданского населения была эвакуирована из Мадрида (а дети еще в ноябре 1936 г.) на острова в Каталонию и другие части правительственной Испании. Что касается иностранных государств, то численность испанских беженцев в них, исключая Францию (в конце сентября 1937 г. – около 55 тыс. беженцев), была незначительна. Согласно требованиям французского правительства, все беженцы, прибывшие в страну после 16 июля 1936 г., должны были быть репатриированы, однако в Испанию из 50 тыс. вернулись лишь 50 человек. Испанских детей вывозили в Великобританию, Данию, Мексику, СССР. Другие страны, такие как США, Швеция, Голландия, Швейцария, Египет, Канада, Уругвай, Чехословакия, на территории которых не были размещены испанские беженцы, оказывали материальную помощь их колониям во Франции и Испании. К концу 1937 г. во Франции было около 16 тыс. испанских детей.

Ключевыми событиями, определившими наплыв испанских беженцев во Францию, где сформировалась самая большая диаспора испанских беженцев, являлись провозглашение Республики в 1934 г., попытка восстания в Астурии в июле 1936 г., франкистский мятеж, официальное признание франкистского режима Англией и Францией в феврале 1939 г., ограничение въезда на территории испанских колоний к концу гражданской войны (5, с. 6).

С поражением верной правительству армии Испании в 1939 г. около 340 тыс. (по другим данным 450 тыс.) беженцев перешли границу с Францией. Хотя сначала во Франции существовала неопределенность позиции правительства в вопросе о беженцах, окончательное решение состояло в том, чтобы интернировать их в Аржель-сюр-Мер и на Кипре. Поскольку многие из беженцев бежали главным образом от военных действий, то возвращение их на родину началось сразу по окончании войны, однако около 40 тыс. человек были политическими беженцами, которые не могли вернуться в Испанию. Они были размещены в трудовых лагерях и работали на французскую промышленность. Другие мигрировали в Северную Африку, Мексику, Домини-

канскую Республику, латиноамериканские страны. Некоторые источники называют цифру в 200 тыс. оставшихся во Франции беженцев[3].

Испанская эмиграция продолжала пополняться и после гражданской войны. О ее масштабах говорит тот факт, что только в Парижском департаменте Сены эта «наиболее старая колония» насчитывала 32 537 человек (21 024 мужчины, 9 411 женщин, 2 102 ребенка). Диаспора, возникшая после гражданской войны, имела свои специфические особенности. Для нее было характерно преобладание политических беженцев, принадлежащих к 27 политическим и профсоюзным организациям, отражающим весь спектр настроений в испанском обществе.

Обращает на себя внимание сходство профиля многих организаций с теми, которые были представлены в русской эмиграции. Участников гражданской войны объединяли общие воспоминания, интересы и политические устремления: одних – антифашистские, других – антикоммунистические. Другая группа организаций имела благотворительный характер и основывалась на солидаристских принципах. Их основной целью, как и в российском случае, была материальная помощь беженцам, их медицинское обслуживание, а также официальное представительство их корпоративных интересов перед французскими властями. Наконец, в третью группу входили уже чисто технические организации, связанные с представительством экономических и торговых интересов ранее существовавших режимов в России и Испании во Франции. Наблюдался характерный параллелизм функций ряда организаций, отражающий сосуществование старой (официальной) и новой (фактической) системы представительства интересов (например, «Официальной Коммерческой палаты Испании» и аналогичной ей «Коммерческой палаты»). Данный параллелизм свойственен и русской эмиграции, где, наряду со старыми официальными организациями царского правительства, существовали новые организации, представлявшие эмиграцию или даже новый советский режим (примером может служить дискуссия о том, кто в действительности представляет Российский Красный Крест).

Политические организации испанской эмиграции отражают резкую поляризацию общества этой страны, выражающуюся в его расколе на сторонников либерально-демократической, социалистической, ультралевой, националистической и монархической направленности. Наиболее крупной организацией испанской эмиграции являлась, несомненно, «Национальная конфедерация труда и освободительного движения Испании», которая была расколота на две фракции – правительственную и антиправительственную.

3. Prefecture de Police. Cabinet du Prefet Archives. BA 2253.

Данный раскол был связан с отношением к испанскому республиканскому правительству в изгнании, его поддержкой или выступлением против него.

Антиправительственная часть эмиграции, согласно данным французской полиции, насчитывала 24 300 сторонников во Франции и занималась вопросами помощи эмигрантам. Она была связана с французской Конфедерацией труда и французскими анархистами, однако она не сотрудничала с Испанским республиканским правительством в ссылке и выступала против коммунистической партии. Основную свою цель данная организация видела в свержении режима Франко.

Демократические организации антифашистской направленности, включавшие различные политические элементы, были представлены «Альянсом демократических сил Испании», «Испанским республиканским союзом», «Испанской Лигой прав человека», «Сражающейся Испанией», «Антифашистскими группами Испании», «Антифашистским международным Союзом», «Федерацией публичных служащих Испании» и др.

Левые организации социалистической, марксистской и анархистской направленности были представлены «Коммунистической партией Испании», «Друзьями “Monde Ouvrier”», «Рабочей партией марксистского союза», «Рабочей социалистической партией Испании» (диссидентской фракцией), «Генеральным союзом рабочих (антиправительственной фракцией)», «Генеральным союзом рабочих (правительственной фракцией)», «Испанской республиканской левой».

Ряд организаций имел выраженную молодежную и феминистскую направленность – «Федерация молодежи Испании», «Движение социалистической молодежи Испании», «Союз женщин-антифашисток Испании».

В эмиграции присутствовали монархические элементы, несогласные с политикой Франко.

Предметом особого внимания французских властей становилась деятельность анархических организаций, традиционно сильных и активных в Испании, вступавших в конфликт с французскими властями. Они рассматривались французской полицией как наиболее опасные и нарушающие стабильность отношений в эмигрантской среде.

Анализ всего спектра политических организаций Испании позволяет констатировать глубину социального раскола общества и интенсивность идеологических противоречий, проявляющуюся в расколе больших политических объединений на многочисленные группы и группки, продолжающие свое автономное существование даже в неблагоприятных условиях эмиграции. Здесь представлены те же направления, что и в русской эмиграции, – от крайне левых, анархистских групп до монархистов. Особенностью испанской эмиграции, также позволяющей сравнивать ее с постреволюционной эмиграцией из России, является обилие националистических группировок, идентиче-

фицирующих себя прежде всего с национальной принадлежностью и только во вторую очередь с какой-либо идеологической программой. В этом смысле организации Каталонии, Басконии и Галлего могут быть сопоставлены с организациями украинских, кавказских и среднеазиатских националистов. Все они, будучи связаны с общенациональной диаспорой общностью судьбы, а в ряде случаев и политическими целями, стремились максимально отстоять свою независимость и автономный статус даже в эмиграции.

Сравнение русской и испанской эмиграции позволяет выявить и некоторые различия. Эти две эмиграции сильно различались идеологически, поскольку были вызваны авторитарными режимами противоположной направленности. Если в русской эмиграции преобладали национально-монархические силы, то в испанской – республиканско-социалистические. Другое отличие связано с ролью церкви и религии в эмиграции. Если большевистский режим целенаправленно подавлял религиозный культ, который эмигранты стремились возродить, то режим Франко, напротив, использовал католицизм в качестве государственной религии, противопоставляя его марксистской идеологии. Поэтому церковь играла объединяющую роль в русской эмиграции и не была столь значима в испанской.

В отличие от русской эмиграции в испанской не были столь отчетливо выражены элементы сохранения национальной культуры путем создания школ и целой системы высшего образования, ибо традиционистский режим генерала Франко не покушался на основы национальной культуры, в отличие от большевистского, и культура испанской эмиграции была в целом ближе французской культуре, так же как и язык (испанский и французский языки относятся к романской группе языков). Испанская эмиграция была менее продолжительной, чем русская. После Второй мировой войны режим Франко, который и прежде, в сравнении со сталинским, был более открытым и терпимым, стал более либеральным, что позволило многим эмигрантам вернуться на родину. Та же часть испанской эмиграции, которая представляла собой политическую и культурную элиту, смогла переехать в страны Латинской Америки и Мексику, где их способности были полностью востребованы. Русская эмиграция ни в какой своей части не могла вернуться в Россию и вынуждена была адаптироваться в иной культурной и языковой среде.

Португальская диаспора

Португальская колония на 1948 г. составляла 2965 человек. Она группировалась в двух основных общественных ассоциациях: «Федерация португальских эмигрантов во Франции» и «Португальский дом». Как и испанская эмиграция, португальская имела политический характер и возникла в результате военного переворота президента Салазара в 1924 г. Основной контин-

гент эмигрантов включал политических деятелей – сторонников республиканского строя, оппозиционных режиму, которые могли вернуться на родину лишь в случае изменения режима. Как видно, португальская эмиграция была сравнительно немногочисленна и менее активна, нежели испанская, поскольку диктаторский режим Салазара возник в результате не гражданской войны, а военного переворота. Можно предположить, что часть португальской политической эмиграции осела в Испании (до переворота Франко), а также в колониях; во всяком случае, документ отмечает, что португальская эмиграция во Франции лояльна французскому правительству и не участвует в активной политической борьбе. Для сравнения укажем, что голландская колония в Париже составляла 2210 человек и никак не была связана с крупными социальными потрясениями в родной стране.

Немецкая диаспора

После прихода нацистов к власти в Германии в 1933 г. тысячи беженцев распространились по Центральной и Западной Европе. Немцы, не разделявшие нацистских идей и политической философии (неарийцы, согласно нюрнбергским законам, писатели, художники, ученые, рабочие лидеры), стали первыми, кто оказался смещенным с государственных постов, арестован и выдворен из Германии[4]. Соседние страны – Австрия, Венгрия, Польша, Чехословакия, Швейцария, Бельгия, Нидерланды и Франция – принимали беженцев, часто пересекавших их границы нелегально в надежде, что найдут там временное убежище до того момента, когда смогут уехать из Европы. Приблизительно половина еврейских беженцев, покинувших Германию в этот период, эмигрировали в Палестину. Немецкий аншлюс с Австрией в марте 1938 г. добавил к общему потоку в Центральной Европе тысячи беженцев, которые истощили налоговые возможности стран, принимающих беженцев на временное поселение.

370 тыс. евреев и 30 тыс. нееврейских беженцев из Германии и Австрии находились в Европе между 1933 и 1939 г. Франция дала приют 60 тыс. евреев из Германии (7, с. 11).

Невозможно оценить эмиграцию XX в. исходя из исторических традиций, поскольку она происходила в существенно отличающихся условиях. Эмигранты XX в. в большинстве своем были выброшены из своего «национального целого» против их воли. Немецкий еврей был в значительной степени проникнут немецким национальным духом, доказательства чего многочисленны и разнообразны: процент израилитов, убитых и раненых в германской армии во время Первой мировой войны, очень значителен; имен-

4. Данные имперского вестника законов – Reichsgesetzblatt, 1935. Pt. I. – S. 1146.

но израилит Вальтер Ратенау организовал немецкую экономику и руководил ею в первые дни войны, а затем стал министром иностранных дел Веймарской республики; еврей профессор Фриц Хабер обеспечил ведение химической войны. Можно указать на видных еврейских деятелей, которые не могли пережить германского поражения: например, Альберт Баллин – директор Трансатлантической компании Гамбург–Америка, который покончил с собой после перемирия. Многие немецкие евреи чувствовали себя немцами и не склонны были смешивать режим, который их терроризировал, с немецкой нацией, детьми которой они себя считали наряду с другими немцами. Они рассматривали себя как «выброшенных из немецкого национального сообщества посредством “насильственной высылки”». Соответственно борьба, которую они вели против нацистской Германии, была направлена на возрождение «истинной» и «вечной» Германии. Значительное число немецких эмигрантов было готово сражаться в иностранных армиях против Германии и тем самым исполнить свой патриотический долг.

Существовавшие в германской колонии разногласия относительно правильной позиции во время войны были скорее доктринальными. Наиболее популярны были идеи Макса Брауна и его учеников, по мнению которых, Францию следует поддержать как «оплот европейской Свободы, Демократии и Цивилизации». В соответствии с этим все антигитлеровцы и защитники демократии должны считать своим долгом борьбу на стороне Франции[5].

В целом германская эмиграция, как и предшествующая итальянская политическая эмиграция, в случае военного конфликта неминуемо должна была растворить предполагаемых противников Франции, поскольку никто среди них реально не желал триумфа Гитлера или Муссолини. Следует отметить, что эти две колонии в политическом спектре склонялись в своем большинстве влево: среди них преобладали коммунисты, социалисты и демократы-антифашисты.

Отметим, что в предвоенной Франции существовала также колония австрийских легитимистов, объединявшая сторонников либеральной монархии, которые рассматривали Австрию как нацию, отличную от немецкой, и в своих патриотических чувствах противостояли идее «Великого Германского Рейха».

Эмиграция из Германии в предвоенный период имела ряд черт, сходных с русской, прежде всего массовый характер, затронувший лиц преимущественно одной национальности (еврейской в одном случае и русской в другом), но самых различных социальных слоев общества. Вместе с тем между двумя этими эмиграциями существуют очевидные отличия. Эмигранты из Германии

5. Prefecture de Police. Cabinet du Prefet Archives. BA 1681.

значительно быстрее, чем русские, адаптировались в новых странах, чему способствовало как языковое и общекультурное сходство, наличие «своей» (еврейской) микросреды, так и целенаправленное стремление стать полноправными гражданами стран пребывания. Беженцы из Германии в определенном смысле шли проторенными русской эмиграцией тропами. Они имели возможность пользоваться уже функционирующими общественными организациями и фондами, созданными для решения беженских вопросов. Их знания о Германии были востребованы в различных странах как до, так и во время войны, что позволяло им получить необходимую работу и гражданство. Вместе с тем период вынужденной эмиграции для этих беженцев был более коротким и завершился победой над фашистской Германией, что предоставляло им выбор – вернуться или остаться в принявших их странах. Русская эмиграция никогда не имела такого выбора. К тому же стремление сохранить свои культурные и этические ценности приводило к сложности и длительности адаптации для русских беженцев.

Российская эмиграция: Общее и особенное

Согласно демографическим данным, к 1920 г. за пределами тогдашних границ России проживали 1,1 млн. лиц, причислявших себя к русским. В это число не входили эмигранты, покинувшие страну в результате революции, Гражданской войны и изменения границ (2, с. 13).

Новая, наиболее массовая по численности (1,5–2 млн.) волна политических беженцев из России состояла на 95,5% из этнических русских, которые расселились главным образом в европейских странах. Именно эта волна эмиграции создала полноценную русскую диаспору, поскольку почти единовременно за пределами России оказалось значительное число ее наиболее деятельных, образованных граждан, ставших беженцами в результате политического переворота. Идея возвращения на родину стала единым стержнем для всего русского сообщества, вне зависимости от географии проживания, и долгое время препятствовала ассимиляции русских, а также их натурализации. Значительный процент интеллигенции среди русских беженцев позволил русскому этническому сообществу в Европе не только уцелеть физически, но сохранить и развить свою национальную культуру, создав целую сеть русских средних и высших школ за рубежом, библиотек, архивов, издательств, театров (6, с. 13).

Русская диаспора с момента своего создания приобрела определенную организационную структуру, объединяющую ее составные части. Бывшие русские консульства за рубежом выполняли функции правовых учреждений; Земско-городской комитет помощи русским беженцам за границей (Земгор) стал продолжением и развитием в новых специфических условиях прежде

существовавшего в России земского самоуправления; сложилась сеть профессиональных военных и гражданских организаций, учебных заведений, возникли многочисленные бюро труда, периодическая печать. Диаспора во Франции (после 1924 г. – 400–450 тыс. человек) в межвоенный период имела многочисленные организации, по данным французской полиции, около 800, из которых лишь 200 были официально оформлены в соответствии с положением от 12 апреля 1939 г.[6] Все объединения русских беженцев подразделялись на пять типов организаций, входивших в ассоциации: военные (боевые союзы, объединения казаков, инвалидов Первой мировой войны); профессиональные; солидарности; молодежи; художественные и культурные.

Активно действовали политические партии и объединения. В результате взаимодействия эмигрантских общественных и международных организаций был создан единый идентификационный документ – «нансеновский» паспорт, который более 20 лет выполнял роль удостоверения личности для всех русских беженцев (4, с. 14).

Одним из наиболее важных объединяющих факторов для русских эмигрантов была религия, которая даже после фактического исчезновения русской диаспоры в 50–60-е годы продолжала объединять их потомков. Чем более отличались религиозные и культурные традиции стран, где оказывались русские беженцы, тем бóльшую роль в жизни сообщества приобретала православная церковь.

Период существования русских диаспор был относительно недолгим – менее полувека. Возникнув в результате революции и Гражданской войны, они представляли собой идеологическую и моральную антитезу Советской России, их основная деятельность была направлена на доказательство нелегитимности и неправедности самого существования такого государства. Однако невозможность активной практической деятельности, новая мировая война, снявшая в какой-то мере остроту проблемы; прекращение деятельности значительного числа русских организаций, ликвидация библиотек и архивов в результате немецкой, а затем и советской (в восточной части Европы) оккупации; прекращение деятельности русских диаспор в Китае, прибалтийских странах, Польше, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Румынии в результате смены политических режимов в этих странах – все это привело к затуханию деятельности русских диаспор, постепенной натурализации ее членов в тех странах, где они проживали, и дальнейшей ассимиляции их потомков.

Сравнение русской диаспоры в Европе с другими диаспорами в один и тот же временной промежуток позволяет выделить общее и особенное в ис-

6. Prefecture de Police. Cabinet du Prefet Archives. BA 1681.

торических процессах эмиграции, причиной которой становились политические перевороты. Под углом зрения политических и идеологических противоречий между эмигрантами этой войны и режимами, установившимися на родине, этот тип эмиграции можно характеризовать как антитоталитаристский.

Сам феномен массовых антитоталитаристских эмиграций (несмотря на некоторые внешние предшествующие аналоги в виде религиозных войн или революций) присущ новейшему времени после Первой мировой войны. Определяющие характеристики этого феномена таковы: все они являются результатами крупных социально-политических потрясений, приводящих к смене не только политических режимов соответствующих стран, но и в разной степени социальной системы, а часто и культурной цивилизационной основы ее развития.

Другой особенностью этого типа эмиграции является сочетание ее массового характера с представительством практически всех социальных групп населения.

Третьей особенностью становится ведущая роль интеллигенции.

Четвертая особенность состоит в трудности адаптации этого типа эмиграции к культуре принимающей страны в связи с тем, что она рассматривает свой статус как временный, который должен быть преодолен путем свержения этого тоталитарного режима и возвращения эмиграции на Родину.

Как явствует из всего сказанного выше, к числу наиболее типичных волн эмиграции, соответствующих этой модели, относятся российская постреволюционная эмиграция 1917–1939 гг., антинацистская эмиграция из Германии после 1933 г., испанская эмиграция 1936 г. (итальянская и португальская эмиграция после авторитарных переворотов были более малочисленны, не имели столь явно выраженного идеологического характера, не были так гомогенны). Ключевыми вехами начала эмиграции становится принятие законов, лишающих прав гражданства соответствующую категорию населения (Постановление СНК от 28 октября 1921 г. и ЦИК от 15 декабря 1921 г., Нюрнбергский закон, закон от 31 января 1926 г. «Изменения и добавления к закону от 13 июня 1912 г. о гражданстве» в Италии, «черные» списки политических беженцев в Италии и Испании).

Конкретизируем второй признак – в эмиграцию попадали лица независимо от своего прежнего социального, экономического, политического статуса (в России – «классово чуждые элементы», в Германии – расово чуждые элементы, в Испании – противники Национальной революции Франко). Парадоксальным образом беженцы могли представлять прямо противоположные по содержанию идеологические течения и институты: антикоммунисты в России и коммунисты в Испании, служители культа в России и анархисты, противники церкви в Испании, националисты в России и интернационалисты

в Испании). Эти категории эмигрантов легко пересаживались в другой тоталитарный режим: царские офицеры на стороне Франко и, соответственно, испанские революционеры – эмигранты в СССР.

Роль интеллигенции (третий признак) – выражена чрезвычайно четко во всех трех случаях. Об этом свидетельствуют образовательная система в русской эмиграции и идеологические теории, созданные или развиваемые во всех эмигрантских потоках – испанский марксизм, франкфуртская школа, евразийские концепции.

Отношение эмигрантов к своему статусу как временному (четвертый признак) наиболее выражено в среде русской эмиграции, где стремление сохранить культуру выразилось в самой разнообразной общественной деятельности: создании русских школ, университетов, молодежных организаций, изданий, церкви за рубежом. В этом состояла главная специфика русской эмиграции в сравнении с испанской и германской, представители которых были более разобщены и легче ассимилировались в другой культурной среде.

Можно сказать, что в российской эмиграции наиболее характерно проявились черты антисистемных, антирежимных (антитоталитаристских) эмигрантских потоков XX в. Более того, она в известном смысле сформировала черты «идеального» типа антитоталитаристской эмиграции, поскольку была первым историческим примером такого рода эмиграций в Европе после Первой мировой войны. Она существовала наиболее длительное время, что объяснялось сохранением тоталитарной системы в СССР в течение наибольшего периода времени.

Литература

1. География общественной мысли русского зарубежья // Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2010.
2. Население России за 100 лет (1897–1997). – М., 1998. – 222 с.
3. Сабенникова И.В. Российская эмиграция 1917–1939 гг.: Структура, география, сравнительный анализ // Российская история. – 2010, № 3.
4. Сабенникова И.В. Русская эмиграция (1917–1939): Сравнительно-типологическое исследование. – Тверь, 2002.
5. Garcia Duran J. La Guerra Civil Espanola: fuentes (Archivos, bibliografia y filmografia). – Barcelona, 1985. – 443 p.
6. Raeff M. Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939. – N.Y., 1990. – 252 p.
7. Skran C. Refugees in Inter-War Europe: The Emergence of a Regime. – Oxford, 1995.
8. The Refugee problem. Report of a survey by Sir John Hope Simpson. – L., 1939. – 166 p.

Л.В. Бобровская

ВТОРОЕ КРЫМСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО (НОЯБРЬ 1918 – АПРЕЛЬ 1919 г.)

Бобровская Людмила Викторовна – сотрудник Московской консерватории.

О Гражданской войне в России написаны тысячи исторических исследований, диссертаций, книг и статей. Внимание авторов в основном концентрируется на самих военных действиях, на причинах побед и поражений, ибо именно от этого в то время зависело будущее России. Жизнь людей, напрямую не связанная с войной, интересует историков гораздо реже, даже когда дело касается местных городских и земских самоуправлений, когда речь идет об институтах гражданской власти. В Интернете, например, нет ни одной статьи, целиком и полностью посвященной второму крымскому краевому правительству. Хотя упоминается оно в сотнях работ, все ограничивается фамилиями министров, сроками действия этой власти и чрезвычайно кратким, зачастую не точным, изложением ее истории. Более подробный рассказ о работе этого правительства (а иногда и настоящее исследование) можно найти лишь в статьях, посвященных В.Д. Набокову, С.С. Крыму и М.М. Винаверу, бывших его министрами. Но эти люди имели всероссийскую известность еще до Гражданской войны, и, хотя участие в управлении Крымом стало важным этапом в их судьбах, все же для каждого из них это был лишь один из эпизодов богатой событиями жизни.

Поэтому важнейшими источниками для данной темы по-прежнему остаются книги и статьи, вышедшие в 1920-годы, поскольку они были написаны самими участниками событий. Это: книга Д.С. Пасманика «Революционные годы в Крыму» (Париж, 1926), книга М.М. Винавера «Наше правительство» (Париж, 1928) и статья В.А. Оболенского «В период крымского правительства» (журнал «На чужой стороне», Берлин, 1924, № 7.)

В руках автора оказался еще один первоисточник – рукопись Петра Семеновича Бобровского, моего деда, который также был министром второго

крымского правительства. Рукопись, которая так и называется «Второе крымское правительство», уже набранная на компьютере, содержит около 260 тыс. знаков, 83 страницы текста. Она сочетает стремление к объективности изложения с большим эмоциональным накалом, с болью за Россию. Здесь очень много деталей, подробностей, личных наблюдений и впечатлений. Когда Петр Семенович писал ее, то уже был знаком с текстами Пасманика и Оболенского. Поэтому часто, излагая суть того или иного документа, он отсылает читателя к этим изданиям, если документ был в них опубликован. Все эти первоисточники не противоречат, а дополняют друг друга.

В настоящее время рукопись П.С. Бобровского хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, № фонда 6400, № рукописи 1, РЗИА № 7135). Чтобы читатель понял, каким образом она попала в Центральный архив страны, и почему автор не опубликовал ее в 1920-годы, необходимо кратко изложить его биографию.

Петр Семенович Бобровский закончил юридический факультет Московского университета, вся его взрослая жизнь связана с Крымом. В 40-летнем возрасте он покинул Россию вместе с армией Врангеля в ноябре 1920 г. Моя бабушка с сыном (моим отцом) к нему не приехала. После Югославии, Парижа и Берлина он с новой семьей обосновался в Праге, где 22 года проработал в отделе документов Русского заграничного исторического архива (РЗИА). Петр Семенович передал на хранение в свой архив большое количество рукописей (13 названий, около 1 000 страниц текста). Кроме того, в Праге сохранился его домашний архив, где нашлась рукопись опубликованного им очерка «Крымская эвакуация» (журнал «На чужой стороне», Берлин, 1925 г, № 11, 12). В 2003 г. этот очерк стал доступен в Интернете, широко востребован и цитируется в исторической литературе. Саму рукопись в числе других работ домашнего архива я передала в ГАРФ в 2005 г., предварительно опубликовав эти работы в первом издании своей книги «На чужой стороне» (Johannes A. Wolf Verlag, 2004).

Две единственные публикации Петра Семеновича, которые появились в эмиграции, были озаглавлены лишь инициалами, а не полным именем. (В 1924 г., в № 8 того же журнала был напечатан его небольшой рассказ «Необычайный губернатор».) А позже он и вовсе перестал выступать в печати, так как боялся привлечь внимание к своему имени из-за сына, оставшегося в России. В 1945 г. РЗИА был вывезен в Москву, а через год Петра Семеновича арестовали органы НКВД, и он погиб в июле 1947 г. в Бутырской тюрьме. Пражский архив в Москве был строжайшим образом засекречен и стал доступен только после падения советской власти. В 2001 г. мне стало известно, что большая его часть, в том числе и депозит моего деда, хранится в ГАРФ. Сегодня я располагаю копиями всех его работ с любезным разрешением ди-

рекции на их публикацию. Пять из них, в том числе и «Второе крымское правительство» уже подготовлены к печати и ждут своего издания.

Основываясь на рукописи П.С. Бобровского и других выше названных полузабытых первоисточниках, можно более подробно, чем ранее, представить историю второго крымского правительства.

После октябрьского переворота власть в Крыму, как и во всей стране, менялась постоянно. Однако жизнь там была в эти годы все же более стабильна, более нормальна и естественна по сравнению с остальной Россией, во многом в силу самого географического положения полуострова. Уже с конца 1917 г. в Крым стали съезжаться аристократы и дворяне, ученые и писатели, финансисты и политики, священники, философы и богословы. Все они бежали от большевиков, многие с надеждой на продолжение борьбы. В октябре 1918 г. в Симферополе был торжественно открыт Таврический университет. И здесь стали одновременно преподавать академик геохимик В.И. Вернадский, его сын, историк и славист Г.В. Вернадский (в будущем профессор Русского юридического института в Праге), геолог и путешественник В.А. Обручев (будущий академик), философ, экономист и знаменитый богослов отец Сергий Булгаков (в Симферополе он был профессором кафедры политэкономии), правовед и философ П.И. Новгородцев (в будущем основатель и декан русского юридического факультета в Праге), философ и литературовед Л.И. Шестов. Все они прибыли из разных городов России, большей частью из Петербурга и Москвы. Были, конечно, и местные силы. Среди них выделялся замечательный ученый-почвовед, знаток Крыма, Н.Н. Клепинин. Такому составу профессоров мог бы позавидовать любой столичный университет.

Большевики занимали Крым дважды: с января по апрель 1918 г. и с апреля по июль 1919. Третий, победоносный и окончательный захват ими власти в ноябре 1920 г. вошел в мировую историю невероятными по своим масштабам зверствами, это был поистине кровавый пир. Каждый их приход означал паралич хозяйственной жизни, закрывались банки, магазины, рестораны и кафе, исчезали предметы первой необходимости. Как следствие, начиналась продажа из-под полы, процветала спекуляция, появлялись распределители и привилегии. Сопровождалось все это грабежами и убийствами без суда и следствия. Тем не менее полностью разрушить инфраструктуру крымских городов за несколько месяцев было невозможно. С уходом коммунистов жизнь входила в нормальную колею, возобновлялась торговля, появлялись продукты, а летом 1918 г. даже начались съемки фильма «Хаджи-Мурат».

Когда – между апрелем 1918 и апрелем 1919 г. – Крым был полностью свободен от большевиков, там один за другим появились два гражданских (а не военных!) правительства. Первое из них, созданное в июне 1918 г., опиралось на оккупационную немецкую армию, которая полгода хозяйничала в

Крыму после заключения Брестского мира. Немцы поддерживали сепаратистские настроения татар (а их было то время около 40% населения). Первое крымское краевое правительство называлось «татарским» и было образовано без ведома и против желания органов местного самоуправления. Его председателем стал Сулькевич, генерал царской армии, татарин по национальности, не знавший татарского языка. Власть немцев держалась до начала революции в самой Германии. После ухода немецкой армии правительство Сулькевича перестало существовать. 15 ноября 1918 г. оно передало власть второму крымскому правительству, сформированному на съезде Земгора (земских и городских гласных) пяти уездов со следующими лозунгами:

1. Крым – часть великой России, не мыслит себя без России. Отсюда – борьба с любым сепаратизмом.

2. Власть считает себя временной и будет действовать вплоть до возвращения центральной российской власти.

Главой правительства был единогласно избран Соломон Самойлович Крым (1867–1936), караим по национальности, мусульманин по вере, кадет по партийной принадлежности и глубоко образованный русский человек по культуре. Он владел в совершенстве не только русским и татарским, но и французским языками. Личный дворянин и надворный советник, он был депутатом первой и четвертой Государственной думы и членом последнего состава Государственного совета. Именно ему принадлежат идея и разработка законопроекта об открытии Таврического университета. Ученый-агроном по профессии, он был одним из богатейших землевладельцев и одним из лучших в России виноделов. В своем правительстве он исполнял еще функции и министра земледелия. Его не только глубоко уважали, но и любили за врожденный такт и чувство меры. При этом Соломон Самойлович был изобретательным и решительным человеком. Он спас, например, винные погреба Мацесты и от «первых» большевиков, и от немцев, замуровав основные входы и оставив для общего пользования всего два-три подземных зала. Во время эмиграции он умудрился вывезти с собой 60 тыс. ведер лучшего вина, продал его в Париже, на вырученные деньги закупил сельскохозяйственный инвентарь и переслал его в Крым (тогда еще не окончательно советский).

Из местных деятелей во второе правительство вошли кадет Н.Н. Богданов – министр внутренних дел, эсэр С.А. Никонов – министр народного просвещения и плехановец П.С. Бобровский (1880–1947), мой дед – государственный контролер и секретарь, а с 1 декабря – министр труда.

Николай Николаевич Богданов принимал участие в корниловском «ледяном походе», а во Временном правительстве занимал должность комиссара Тавриды. Его первым заместителем работал тогда П.С. Бобровский.

Большую роль и в создании, и в работе правительства играл симферополец, князь Владимир Андреевич Оболенский, председатель Таврического

земства. Не входивший в состав правительства, он тем не менее принимал участие во многих важнейших его заседаниях.

Во втором крымском правительстве стали работать также приехавшие из Петербурга В.Д. Набоков (1869–1922) – заместитель премьера и министр юстиции и М.М. Винавер (1862–1926) – министр внешних сношений. Владимир Дмитриевич Набоков был горячим сторонником власти закона и права, считая, что Россию погубило беззаконие. После Февральской революции Набоков стал управляющим делами Временного правительства. Максим Моисеевич Винавер – известный всероссийский адвокат и общественный деятель. Александр Солженицын посвятил Винаверу целую главу в книге «Март семнадцатого». Марк Шагал считал его своим духовным отцом, утверждая, что без него никогда не стал бы художником. Оба они явились учредителями кадетской партии, были членами первой Государственной думы, подписавшими «Выборгское воззвание».

Соломон Самойлович Крым пытался привлечь в свое правительство татар, но попытки эти были безуспешны. Татарский парламент Курултай находился во власти демагогов, их желанием было отделение Крыма в самостоятельную республику или, в крайнем случае, – признание его автономии. Татары стали непримиримыми врагами и правительства, и особенно его председателя. Были забыты все его былые заслуги, хотя именно татары избирали его в свое время и в Государственную думу, и в Госсовет. Теперь он стал «предателем».

Кроме шести полноправных членов правительства, несших политическую ответственность, в его состав вошли также четыре «деловых» министра, такой ответственности не имевших. Это были управляющий казенной палатой А.П. Бардт (кадет), ставший министром финансов, и А.А. Стевен (беспартийный), получивший должность министра путей сообщения, торговли и промышленности. Несколько позже были учреждены министерства военное (генерал Бутчик) и морское (адмирал Канин).

Первое заседание правительства состоялось 15 ноября 1918 г. Расположилось оно очень скромно в бывшем губернаторском доме Симферополя. Большинство членов кабинета (Крым, Набоков, Богданов, Винавер, Никонов) были не симферопольцами и жили без семей единой коммуной все в том же доме (каждый имел по комнате, а питались все вместе): город был переполнен, и найти там квартиру было совершенно невозможно. Живший в Симферополе Бобровский был их частым гостем, и это постоянное общение зачастую делало ненужными дискуссии на официальных заседаниях, которые проходили ежедневно и были очень плодотворны. С.С. Крым умел сглаживать, примирять, находить необходимые компромиссы.

Вот что пишет о работе правительства в неопубликованных еще воспоминаниях П.С. Бобровский: «О нашей внутренней работе, о наших взаимоот-

ношениях моя память не сохранила ни одного темного пятна. Люди разных убеждений, разных общественных положений, наконец, совершенно неодинакового калибра, мы работали дружно, без трений, без интриг… Без ложной скромности могу сказать, что мы работали не за страх, а за совесть. Из внешних признаков своей деятельности мы, как-то даже особенно и не сговариваясь, совершенно изгнали всякие признаки какого бы то ни было величия: высокий стиль, высокие оклады, автомобили, обилие секретарей, недоступность приемов. Всеми своими действиями и словами мы всегда подчеркивали временный, деловой, рабочий характер нашей власти»[1].

Жалованье каждому министру определили в 20 000 руб. в год. Насколько это было немного можно судить по тому, что в семье моего деда, состоявшей из четырех человек, моя бабушка вынуждена была работать, иначе нельзя было свести концы с концами.

Безопасность Крыма стала первой заботой кабинета министров. Для этого был заключен договор с Деникиным, по которому точно разграничивались права армии и гражданской власти. Военные не должны были вмешиваться в дела правительства, а правительство – в дела военные. Цель у всех была одна и та же: изгнание большевиков. Штаб Добровольческой армии (ДА) расположился в Екатеринодаре. Деникин мог послать в Крым только небольшие отряды в 300–400 человек (со временем их количество немного увеличилось). Их размещение и полное содержание брало на себя правительство. Поражало обилие начальства и многочисленность штабов. Командующим войсками Крыма был назначен барон де Боде, начальником крымской дивизии – генерал Корвин-Крюковский.

Второй военной силой, которую нельзя было игнорировать (их не звали, они пришли сами), стали бывшие союзники, подошедшие к Севастополю на смену немцам (английские, французские, итальянские и греческие войска). В помощь иностранцев в деле борьбы с большевиками горячо верил министр внешних сношений М.М. Винавер, ведший с ними постоянные переговоры. Эту веру мало разделяли другие члены кабинета. Самым большим скептиком был Набоков.

Каждый месяц правительство должно было отчитываться в своей работе избравшему его Земгору. Кроме того нужно было постоянно держать связь с социалистическими партиями (меньшевики и эсэры), в прессе которых часто звучали нападки как на ДА, так и на работу кабинета министров.

Крымское правительство выполняло функции и законодательной, и исполнительной власти. Поэтому еще в ноябре начали готовить проект закона о выборах в сейм (парламент), который уже 12 декабря (!) был принят Земго-

1. П.С. Бобровский. Второе крымское правительство. Рукопись. – ГАРФ, Ф. 6400. Оп. 1 (Русский Заграничный Исторический Архив № 7135), с. 17.

ром. Работа была проделана огромная, выборы должны были стать прямыми, совершенно демократическими. Но дата их постоянно откладывалась из-за противодействия командования ДА, которое видело в притязании на сейм сепаратистские устремления гражданской власти. Подозрения эти были совершенно нелепы, ибо одним из первых действий правительства стала отмена всех подобных законов кабинета Сулькевича. Например, был изменен закон о крымском гражданстве. Татарское правительство установило для этого срок оседлости в десять лет, что не давало никаких прав большому притоку высокообразованных людей из других районов России. Новым сроком оседлости стал всего один год. Было также изменен закон о выборах в местные органы самоуправления в сторону его демократизации.

От коренных социальных реформ (например, от введения восьмичасового рабочего дня) правительство отказалось, но в интересах рабочих было сделано очень много: восстановили фабричную инспекцию, стали работать больничные кассы, и даже начали проводить мероприятия по социальному страхованию. У министра труда П.С. Бобровского были многолетние, крепкие и многочисленные связи с рабочими, он очень хорошо знал их нужды и давно защищал их интересы, ему верили, и главное, он был абсолютно доступен.

В.Д. Набоков, как министр юстиции, возглавил работу по совершенствованию судебной системы. Прежде всего был восстановлен старый русский единоличный суд с институтом присяжных заседателей. Всячески подчеркивалась независимость судов от правительственной власти, и ее удалось достичь – действовало само имя Набокова. Не было создано никаких «особых» статей для уголовных дел большевиков, их судили, как и всех, судом присяжных, что дало повод представителям ДА обвинить правительство в «пособничестве большевикам». В Крыму открыли Судебную палату (раньше она находилась в Одессе) и Высший суд на правах сената (до этого он функционировал в Новочеркасске). Люди отныне могли доводить свои судебные дела до конца в Крыму. Эти благие дела объяснялись многими врагами как стремление правительства к сепаратизму. То, что связь с Одессой и Новочеркасском в это время была совершенно недоступна для рядовых людей, во внимание не принималось.

Финансовое благополучие правительства (в котором министром финансов был А.П. Бардт) не внушало опасений. Никаких крупных реформ налоговой системы, действовавшей еще с царских времен, не предпринималось. Было только одноразовое обложение капиталистов. Действовали косвенные налоги, собирались налоги с населения, достаточно еще богатого в Крыму. Правительство дало пенсии многочисленным нуждающимся в этом людям, съехавшимся из всех концов России – старым чиновникам, больным офицерам или их вдовам. Не было ни скачков цен, ни перебоев с продуктами. По-

скольку на полуострове возникла острая нехватка мелкой монеты, разменных денег, правительство взяло на себя смелость выпустить денежные знаки достоинством в 5, 10 и 25 руб. Так как стоимость рубля по сравнению с довоенной упала в 25 раз, то это соответствовало 10, 20 коп. и 1 руб. Таким образом, обменный голод был удовлетворен, но эта акция была также истолкована недоброжелателями, как проявление сепаратизма.

Проблема земельных отношений стала заботой С.С. Крыма. Была создана комиссия, которая занималась разработкой закона о ценах на аренду земли. Эта насущная проблема вызывала целые баталии в прессе и на съездах Земгора.

Таврический университет был в центре внимания министерства народного просвещения (министр С.А. Никонов). Здесь был открыт аграрный факультет. Разработали также закон о явочном открытии школ, библиотек и клубов.

Все постановления и законы ежедневно обсуждалось полным составом кабинета (иногда отсутствовал М.М. Винавер, часто пропадавший в Севастополе). Первым редактором всех текстов был П.С. Бобровский как секретарь. Избранные постановления публиковались в «Вестнике Крымского краевого правительства», выпуск которого лежал целиком на П.С. Бобровском (он был хорошим журналистом, в 1920 г. – главным редактором газеты «Южные ведомости»). С появлением Высшего суда с правами сената стало издаваться «Собрание Узаконений», где печатались только тексты, носившие характер законов.

В первые полтора месяца существования второго крымского правительства Крым представлял собой диковинную картину. Несмотря на ничтожное количество войска и малочисленную полицию, не было ни стачек, ни демонстраций, ни вооруженных столкновений. Царила ничем не ограниченная политическая свобода: отсутствовала цензура, легально существовали все политические партии, выходили газеты всех направлений (только большевики боялись себя проявлять), существовал явочный порядок всех собраний и союзов, правильно функционировал старый русский суд. Было спокойно и на дорогах – никаких грабежей и насилий. Приезжие называли Крым счастливым полуостровом Утопией, настолько потрясал вид нормальной и спокойной жизни после страшных картин бушевавшей вокруг Гражданской войны.

Однако положение было не столь лучезарно. Все омрачали более чем сложные взаимоотношения с ДА. Поначалу это чувствовало только крымское правительство, но с начала января стало ощущать и население Крыма.

Буквально на третий день после появления на полуострове ДА, генерал Корвин-Круковский направил паническую телеграмму Деникину о том, что Крым переполнен большевиками, что сюда поставляется в большом количестве оружие, что необходимо немедленно объявить военное положение,

арестовать всех подозрительных, забрать большевиков из тюрем и судить всех военным судом. Все это означало немедленную отставку правительства. Сведения были ложными, а в списке «подозрительных» после тщательной проверки не оказалось ни одного большевика. С.С. Крым связался с Деникиным. Status quo сохранился, но тревожные сведения наверняка оставили след в сознании главнокомандующего. Местное военное начальство оказалось весьма инициативным. 27 ноября генерал Корвин-Круковский приказал развесить объявления во всех городах о немедленной мобилизации всех офицеров, военных врачей и чиновников до 40 лет. Опять надо было запрашивать ставку, объясняя, что мобилизацию может проводить только правительство, если оно есть. (Мобилизацию объявляли потом дважды, но успеха она не дала. Пришло ничтожное количество людей, что было прискорбно. Рисковать жизнью не стремились и многочисленные штабные.) Все действия Корвин-Круковского были прямым нарушением договора о невмешательстве военных во внутренние дела правительства. Довольно скоро местные военачальники были отозваны, вместо них прислали генералов Боровского и Пархомова. Эти люди облегчили взаимоотношения с Деникиным, но положение дел обострялось с каждой неделей и уже не по их вине. Военная контрразведка начала необоснованные аресты. Они совершенно не знали местное население и хватали не только невинных, но зачастую и преданных Белому движению людей, преимущественно евреев. Крымскому правительству удавалось освободить подавляющее большинство. Но не всех. Некоторых успели расстрелять. Все же, если с контрразведкой можно было еще разговаривать, поскольку это была какая никакая, но организация, то гораздо более страшным беззаконием стало самоуправство офицеров, которые хватали людей, издевались над ними, а затем расстреливали.

Самым громким из таких дел было убийство московского фабриканта Гужона. Его убили днем несколько человек в масках, на террасе собственного дома, на глазах у семьи. Тщательное расследование доказало, что убийцы были офицерами ДА. Но так как Гужон был подданным Франции, дело всячески затягивали, не желая обострять отношения с французской армией, и никого не арестовали. Этот случай был единственным, когда удалось хотя бы узнать фамилии преступников. Позже, уже в Париже, многие из этих убийц цинично рассказывали о своих «деяниях» на страницах русской прессы, подписываясь полным именем. Но нельзя забывать и о провокациях большевиков, которым зачастую удавалось войти в доверие к офицерам-деникинцам, а иногда и переодеться в их форму. К счастью, во времена второго правительства террористические акты такого рода были единичными и в основном происходили в Ялте. Во многих городах обстановка оставалась спокойной.

Нелепые донесения Корвин-Круковского, контрразведки и многих офицеров все больше действовали на Деникина, отношения между ним и прави-

тельством постоянно ухудшались. Основные разногласия сводились к вопросу о борьбе с «внутренними» большевиками и о мнимом сепаратизме. Не нравились Деникину и самостоятельные переговоры М.М. Винавера с союзниками, в чем он был отчасти прав. У Деникина тогда не было достаточно сил, чтобы в полном масштабе заниматься еще и гражданскими проблемами Крыма. Но он не доверял правительству, считая, что излишняя мягкость опасна для их общего дела. Деникин постоянно требовал отменить излишнюю демократию: закрыть некоторые враждебные газеты, запретить свободу союзов и собраний. И в марте правительство было вынуждено удовлетворить некоторые из этих требований. Были изданы «исключительные законы», что вызвало бурю негодования всех партий, почти всех газет и многих бывших друзей членов правительства. Трудность заключалась еще и в том, что нельзя было даже намекать на инициативу военного командования, все министры всячески поддерживали ДА, понимая ее роль в борьбе с большевиками и преклоняясь перед героизмом ее боевых офицеров. Все трудности были внутренним делом, все переговоры – строго секретными. Правительство защищало армию даже от справедливых нападок. О разногласиях мало кто догадывался. А ведь по сути дела на полуострове царило двоевластие. И надо скорее удивляться, что целых четыре месяца вообще существовала демократия в самое неподходящее для нее время.

Последний, пятый, месяц – с середины марта и до середины апреля 1919 г. – был труднейшим. Большевики подходили уже к Перекопу и Сивашу. И отношения с Деникиным обострились до предела, когда С.С. Крым, с трудом добившись от местной военной власти разрешения на осмотр укреплений на перешейке, с ужасом выяснил, что никакой защиты там просто нет. (Как это могло произойти, непонятно и сегодня.) Уже через несколько часов инженер Чалов занялся необходимой работой по распоряжению правительства. Конечно, налицо было вмешательство в военные дела, но ведь вопрос стоял о жизни и смерти Крыма. Рапорт Деникину был отправлен одновременно с началом работ, и главнокомандующий ответил совершенно истерическим письмом с приказом ввести военное положение. За правительство вступился генерал Боровский, объяснив своему шефу, что крымская армия слишком малочисленна, чтобы выполнить этот приказ, а работы по укреплению перешейка совершенно необходимы. Уже на следующий день Деникин отменил свой приказ, Чалов продолжал работы, но эта вспышка раздражения говорила о настоящей ненависти, основанной на полном непонимании.

Конец всему положил приход большевиков. Члены правительства уезжали вместе со своими семьями. Никто не знал, что армия закрепилась в Керчи. П.С. Бобровский пишет, что знай он это, уехал бы к армии. Комендантом Севастополя назначили французского полковника Труссона, который заявил С.С. Крыму и М.М. Винаверу, что ни на один французский корабль их он не

допустит. Изысканная европейская вежливость сменилась грубостью настоящего солдафона. Больше всех был потрясен Винавер, он даже слег. Помогли греки, поместившие всех на грязное торговое судно «Трапезунд». Но Труссон буквально орал на премьера и министра финансов, требуя каких-то несуществующих денег, запретив всем отъезд. Когда три члена правительства (среди них – мой дед, как секретарь) находились в севастопольском банке, где при них ломом вскрывали сейфы (ничего конечно не обнаружив), «Трапезунд» ушел в море. Свои семьи они нашли на маленьком, но таком же грязном греческом суденышке «Надежда». Но отчалили только через пять дней, 15 апреля 1919 г., уже под обстрелом Севастополя и Графской пристани.

Только для Крыма, Винавера и Набокова этот отъезд стал началом эмиграции. Богданов с женой и двумя сыновьями пробрался в Сибирь, к Колчаку, остальные министры вместе со своими семьями вернулись на родину в августе того же года. Деникин опять освободил Крым и двигался на север. Он уже объявил себя диктатором, отменив почти все демократические законы краевого правительства. Насколько при этом было несладко простым людям (многократно увеличились самосуды, на дорогах грабили и убивали, в горах хозяйничали «зеленые»), можно догадаться из слов, с которыми обратился к моему деду один из былых ярых противников «исключительных законов»: «Если бы я и мои друзья завтра вдруг узнали, что ваше правительство прибыло в Севастополь, мы бы на руках донесли всех вас в Симферополь».

Литература

1. Бобровский П.С. Второе крымское правительство. Рукопись. ГАРФ. № фонда 6400, № описи 1. (Русский Заграничный Исторический Архив № 7135).
2. Пасманик Д.С. Революционные годы в Крыму. – Париж, 1926.
3. Винавер М.М. Наше правительство. – Париж, 1928.
4. Оболенский В.А. В период крымского правительства // «На чужой стороне». – Берлин, 1924. – № 7.

Д.И. Рублёв, П.В. Рябов

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ БОРОВОЙ: ЧЕЛОВЕК, МЫСЛИТЕЛЬ, АНАРХИСТ

Рублёв Дмитрий Иванович – кандидат исторических наук (МГУП).

Рябов Петр Владимирович – кандидат философских наук, доцент (МПГУ).

Забытое (усилиями большевистских цензоров) на полвека имя Алексея Алексеевича Борового (1875–1935) – замечательного мыслителя, ученого–энциклопедиста, общественного деятеля, теоретика российского анархизма – в последние годы медленно возвращается к читателю из исторического небытия. Переиздаются некоторые работы Борового, публикуются архивные рукописи, выходят статьи, посвященные различным аспектам его многогранной личности и творчества[1]. Фонд Борового в РГАЛИ, открытый для исследова-

1. Назовем некоторые наиболее важные публикации последних лет: Боровой А.А. Анархизм. – М., 2009; Он же. Бакунин. – М., 1994; Он же. Власть // Анархия и Власть. – М., 1992; Он же. Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм. (Отрывки) // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX в. Избранные произведения. – М., 1994; Он же. Моя жизнь. Воспоминания. Глава VII. Как я стал анархистом // Человек. – М., 2010. – № 3; Он же. Париж был и остается значительнейшим фактом моей биографии // Диаспора: Новые материалы. Т. 6. – СПб., 2004; Из последних работ о Боровом: Цовма М.А. Алексей Боровой и Петр Кропоткин // Труды Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. Выпуск 3. П.А. Кропоткин и революционное движение. – М., 2001; Рябов П.В. Философия классического анархизма (проблема личности). – М., 2007; Он же. Михаил Бакунин и Алексей Боровой: Созвучие и резонанс // Прямухинские чтения 2007 года. – Тверь, 2008; Он же. «Былое и Думы» Алексея Борового // Человек. – М., 2010. – № 3; Он же. Алексей Алексеевич Боровой и его книга «Анархизм» // Боровой А.А. Анархизм. – М., 2009; Он же. Хорошо забытое старое. Обзор архивного фонда А.А. Борового в РГАЛИ // Культурология: Дайджест. – М., 2009. – № 1 (48); Он же. Философия постклассического российского анархизма – terra incognita для историко-

телей 20 лет назад, стал ценнейшим источником для изучающих историю анархизма и русскую культуру начала XX в.

Однако попытки дать более или менее полный очерк биографии, философских и научных взглядов Борового предпринимаются редко (обычно дело ограничивается краткими справками в словарях и энциклопедиях или изложением одной-двух его книг). Мы попытаемся отчасти восполнить этот пробел.

I. Человек. Вехи биографии

Алексей Алексеевич Боровой родился 30 октября 1875 г. в Москве. Его отец – действительный статский советник – преподавал математику. Мать, воспитывавшая Алешу и его брата Сашу, увлекалась музыкой.

В 1894–1898 гг. Алексей учился на юридическом факультете Московского университета, углубленно изучая политическую экономию. Всеобщее увлечение тех лет марксизмом захватило Алексея Борового: он «религиозно воспринял и пережил марксизм». С присущей ему самоиронией он вспоминал в мемуарах: «Недаром даже студенты возмущались на мои марксистские “неистовства” (“он ест, пьёт и спит с Марксом”»)[2]. Параллельно с учебой в университете юноша обучался в консерватории по классу фортепиано. Но увлечение наукой и любовные романы не дали ему завершить музыкальное образование, о чем он позднее сожалел.

Окончив университет, Алексей был оставлен при кафедре для продолжения научных занятий и в 1901 г. стал приват-доцентом. Он преподавал политическую экономию и право в Московском университете, Практической Академии и Александровском Коммерческом училище. В 1898 г. он женился на А.А. Пейкер, но семейные узы тяготили этого бунтаря и любимца женщин. Второй брак – с Эмилией Васильевной Струве (племянницей П.Б. Струве) оказался более счастливым и долговечным.

Затяжной кризис первого брака, нарастающие сомнения в марксизме и неудовлетворенность Борового собственной жизнью (его затягивала рутина

философских исследований (к постановке проблемы) // Преподаватель XXI век. – М., 2009. – № 3; Кривенький В. Боровой Алексей Алексеевич // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в. Энциклопедия. – М., 1996; Гусева Ю.В. Из творческого наследия анархиста А.А. Борового // Отечественные архивы. – М., 1992. – № 4; Годунова Н.В. Проблема власти в творчестве А.А. Борового // SCHOLA-2000. (Сост. А.А. Воробьёв). – М., 2000; Талеров П.И. Гуманист Алексей Боровой: Страницы истории российской анархистской мысли // Исторические личности России. Материалы 11-й Всерос. заоч. науч. конф. – СПб., 1998; Он же. О жизни и творчестве Алексея Борового – анархиста-гуманиста // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2008. № 3.

2. РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 167. Л. 17.

мещанско-богемной жизни, он не находил применения своему революционному темпераменту и немалому честолюбию) завели его в глубокий внутренний тупик. Счастливым разрешением кризиса, обновлением и самообретением для него стала двухлетняя поездка за границу. В 1903 г. Алексей Боровой был отправлен в заграничную командировку для сбора материалов к диссертации. Париж поразил его свободной, творческой атмосферой. Здесь Боровой, разочаровавшийся как в марксистских догмах, так и в представительной демократии, осознал себя анархистом. Анархизм для него стал не просто социальным учением, но исповеданием веры, оформлением личного мировоззрения. Он констатировал: «Анархизм, как мироощущение, для меня – первоначально данное, элементарное. (...) Важнейшие практические решения моей жизни естественно вытекали из этого основного чувства»[3]. Придя к анархизму самостоятельно и в зрелом возрасте, Алексей Алексеевич долгое время был далек от массового анархического движения, действуя в одиночку как теоретик и пропагандист анархизма.

Возвращение в Россию в 1905 г., в разгар революции, быстро сделало Борового известным выдающимся оратором и публицистом. В автобиографии он писал: «С 1906 г. читал в Университете ряд курсов: “Рабочий вопрос”, “История профессионального движения на Западе”, “Фабричное законодательство в России”, “Французский революционный синдикализм”, “Общий курс административного права”. (...) Одновременно выступал с рядом публичных лекций с защитой изначально анархо-индивидуалистического, с 1908 г. анархо-синдикалистского мировоззрения»[4].

Наряду с активной лекционной деятельностью Алексей Боровой участвует в работе ряда музыкальных и литературных обществ, сотрудничает в журнале «Перевал», публикует несколько новаторских по содержанию и блестящих по форме книг: «Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм» (первоначально – публичная лекция, с успехом прочитанная 5 апреля 1906 г. в Историческом музее в Москве, ставшая первым легальным исповеданием анархизма в России и изданная не только в России, но и в Германии), «Революционное миросозерцание», «Популярный курс политической экономии», а также десятки статей и рецензий.

Боровой стал одним из пионеров издания анархистской литературы в России. В 1906 г. при его активном участии были созданы первые легальные анархистские издательства «Заратустра» и «Логос»[5]. С «Логосом» сотрудничал молодой философ И.А. Ильин, который вместе с Н.Н. Вокач перевел кни-

3. РГАЛИ. Ф.1023. Оп. 1. Д. 162. Л. 16.
4. РГАЛИ. Ф.1023. Оп. 1. Д. 838. Лл. 8–9.
5. РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 25, 81–85.

гу П. Эльцбахера об идеях классиков анархизма и собирался перевести труд Штирнера «Единственный и его собственность»[6].

Для окружающих Алексей Боровой был воплощением многих ипостасей: дворянин, ушедший в революцию; юрист – и тем не менее анархист; меломан, любитель поэтов-символистов – и страстный боец; крайний индивидуалист и одновременно – идейный социалист; критик религии – и человек с богатым мистическим опытом; выдающийся и разносторонний ученый, но – враг академизма и «цеховой учености». Вот лишь некоторые имена его знакомых, живо описанных на страницах мемуаров Борового: синдикалисты и анархисты – Д.И. Новомирский, В.А. Поссе, Ж. Сорель, Ю. Лагардель; общественные деятели – В.Л. Бурцев, В.И. Ленин, Ж. Жорес, А. Бебель, В.Н. Фигнер, Ф.Н. Плевако; поэты – А. Белый, В.Я. Брюсов, К.Д. Бальмонт, Г.И. Чулков, В.В. Маяковский, М.А. Волошин; философы – А. Бергсон, Е.Н. Трубецкой, И.А. Ильин, П.И. Новгородцев, Г.Г. Шпет, Б.А. Кистяковский, Б.П. Вышеславцев; историки и социологи – В.В. Ключевский, М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, Р. Михельс; деятели искусств – С.И. Танеев, А.Н. Скрябин, Н.К. Метнер, М.Н. Ермолова, С.В. Герасимов...

Пребывание пылкого анархиста в университете не могло быть долговечным. Коллеги, в большинстве кадеты, хотя и называли его «любимцем факультета», но не дали ему защитить диссертацию – «История личной свободы во Франции», опубликованную в 1910 г. По свидетельству писателя и журналиста В.И. Рындзюна (псевдоним – А. Ветлугин): «Книгу Борового повертели, понюхали, с опаской прочли и ввиду явно не кадетского образа мыслей автора не допустили к защите диссертации»[7]. Начались и преследования со стороны властей. В автобиографии Боровой отмечал: «Лекционная деятельность моя вскоре подверглась ограничениям со стороны администрации. (…) Был дважды арестован и устранен от лекторской деятельности на курсах и от преподавания в коммерческих училищах. В 1911 г. покинул университет, мотивируя свой уход – не солидарностью с либеральной профессурой, а вторжением полиции в университет. Одновременно был привлечен к судебной ответственности за политические брошюры и идейное руководство издательством “Логос”. В виду угрожавшей крепости, эмигрировал за границу и поселился в Париже»[8].

В эмиграции в 1911–1913 гг. Боровой работал гувернером и экскурсоводом, изучал философию Бергсона и практику революционного синдикализма, читал лекции о принципах современного капитализма, о синдикализме и Бергсоне в Свободном колледже социальных наук и в эмигрантском Рабочем

6. РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 285–286.

7. Ветлугин А. Сочинения. Записки мерзавца. – М., 2000. – С. 74.

8. РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 838. Л. 9.

университете. В конце 1913 г. к 300-летию династии Романовых последовала амнистия – и он вернулся в Россию, где работал журналистом в газетах «Утро России» и «Новь». В начале Первой мировой войны Алексей Алексеевич, подобно Кропоткину и некоторым другим анархистам, занял оборонческую позицию. Призванный в армию, он «служил по эвакуации. В 1918 г. состоял в звании военного комиссара при Главном Военном Санитарном Управлении»[9].

С энтузиазмом встретив Великую российскую революцию 1917–1921 гг., Боровой стал одним из признанных лидеров растущего анархического движения. Он издал несколько книг («Анархизм», «Революционное творчество и парламент», «Личность и общество в анархическом мировоззрении»), был инициатором объединения интеллектуального пролетариата на принципах революционного синдикализма в «Федерацию работников умственного труда», редактировал выходящий в 1917 г. орган федерации «Клич»[10]. С апреля 1918 г. он возглавлял Московский Союз идейной пропаганды анархизма, проводивший массовые мероприятия для распространения идей анархизма среди рабочих и интеллигенции[11], и выступал с рядом публичных лекций – «Класс и партия», «Что такое анархизм», «Анархизм и свободное творчество»[12] (слышавший его лекцию летом 1918 г. Нестор Махно, плохо относившийся к городским интеллигентам-анархистам, с восторгом отозвался о нем в воспоминаниях)[13]. В 1918 г. вместе с Д. Новомирским он редактировал газету «Жизнь».

Наряду с общественной и писательской деятельностью возобновилась преподавательская работа Борового: «В ноябре и декабре 1918 г. читал в Социалистической академии курс – “Политическая психология современных Европейских Народов”. (…) С 1918 г. читал в университете курс “История социализма”, а с 1920 г. на Архитектурном факультете ВХУТЕМАСа – “Историю социального быта”. (…) В 1921 г. читал “Историю рабочего движения” и вел семинарий по политической экономии»[14]. Профессор Боровой был весьма популярен среди студентов. Не случайно в 1921 г. студенты Коммунистического университета, решив провести дискуссию «Анархизм против марксизма», из всех приверженцев этих учений выбрали Бухарина и Борово-

9. РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 838. Л. 9.

10. РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 130–135.

11. Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. В 2 тт. Т. 2. 1917–1935 гг. – М., 1999. – С. 148–151.

12. РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 838. Л. 9.

13. Махно Н.И. Воспоминания. – М., 1992. – С. 143–144.

14. Там же.

го. Впрочем, диспут не состоялся из-за запрета со стороны большевистского руководства: время дискуссий закончилось.

Публичная деятельность анархиста не могла быть долго терпимой в большевистском государстве. В 1921–1923 гг. Боровому запрещают преподавать, несколько раз арестовывают. В отличие от многих анархистов, примкнувших к большевикам, он отказался отречься от анархизма. Некоторое время он был редактором экономического отдела «Малой Советской Энциклопедии» (написав ряд статей). Когда и там работать стало невозможно, ему пришлось зарабатывать на жизнь на Московской товарной бирже в качестве экономиста-консультанта. А поле его общественной активности сузилось до работы в анархо-синдикалистском кооперативном издательстве «Голос Труда». До прекращения своей деятельности в 1926 г. издательство выпустило и подготовило десятки книг авторов-анархистов. Среди них сборник «Очерки истории анархического движения в России» (для которого Боровой написал замечательный очерк «Бакунин»).

Другим местом общественной деятельности Борового стал Всероссийский общественный комитет по увековечению памяти П.А. Кропоткина (ВОК). С 1921 г. Алексей Алексеевич принимал активное участие в ВОК, будучи членом научной секции[15], а с апреля 1925 г. был товарищем (заместителем) Председателя ВОК В.Н. Фигнер. В Кропоткинском музее он выступал с докладами и участвовал в диспутах с анархо-мистиками, последователями А.А. Карелина и А.А. Солоновича, пытавшимися заменить традиционный анархизм гностическими идеями, трактуемыми в антиэтатистском духе. Анархо-мистики, поддерживаемые руководством музея во главе с С.Г. Кропоткиной (от которой ОГПУ требовало недопущения в музее «анархических сборищ»), препятствовали сторонникам традиционного анархизма легально распространять свои идеи. Боровой с группой товарищей продолжали пропаганду анархизма в стенах музея. Летом 1927 г. они попытались организовать легальный митинг солидарности с арестованными в США анархистами Н. Сакко и Б. Ванцетти, но не смогли добиться в Моссовете разрешения на него. Протестуя против засилья анархо-мистиков в Музее Кропоткина, Боровой со своими единомышленниками вышли из ВОК, выпустив обращение «К анархистам» от 25 марта 1928 г. с протестом против идеологической монополии «мистиков» и их интриг, которое получило резонанс в мировом анархическом движении[16].

15. Леонтьев Я.В. В.Н. Фигнер – председатель Кропоткинского комитета // Труды комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. Вып. 2. – М., 1992. – С. 72–73; Никитин А.Л. К событиям 20-х годов вокруг кропоткинского музея // Труды комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. Вып. 2. – М., 1992. – С. 110.

16. Никитин А.Л. Указ. соч. – С. 92, 112–115.

Осознав невозможность легального распространения своих идей в СССР, он участвовал в разработке программы подпольной анархической партии, которую начала в 1928 г. группа В.В. Бармаша, на основе «Организационной платформы Всеобщего союза анархистов», созданной П.А. Аршиновым и Н.И. Махно[17]. Наиболее дерзкой их акцией стала нелегальная переправка за границу и издание в Париже критикующей все стороны политики ВКП(б) книги А.А. Борового «Большевистская диктатура в свете анархизма. Десять лет диктатуры пролетариата»[18], написанной при участии В.В. Бармаша и Н.И. Рогдаева[19].

Выход книги стал причиной ареста членов группы в мае-июне 1929 г. Алексей Алексеевич был сослан на три года в Вятку, а потом во Владимир, где – в одиночестве и осознании фатальной невозможности реализовать свои творческие замыслы, – успел умереть своей смертью 21 ноября 1935 г., до конца сохранив человеческое достоинство и верность избранному делу. В эти годы им были написаны многие статьи на философские и социологические темы, незавершенная книга «Разговоры о живом и мертвом», фундаментальное исследование о Достоевском и замечательные мемуары[20].

Ветлугин полагал: «Боровой ни в чем и никогда не осуществил изумительного богатства своего таланта, своей богатой любящей жизнь натуры»[21]. И сам Боровой сходным образом оценивает свою судьбу в мемуарах: «Я скорей – поэт, без специфически-художественного творчества, человек артистического склада и темперамента, мыслящий образами, по преимуществу, самое мировоззрение свое открывавший не силой логических выкладок, не “научно”, а – вдохновением, инстинктом, как будто, вовсе без помощи дискурсии. (…) В силу объективно-исторических условий, или по собственной вине, я никогда не поднимался во весь рост и не сумел сказать и сделать то, что хотел и мог, по моему сознанию. (…) Но все это не мешало мне любить “жизнь” – в широком объеме этого понятия. (…) В общем потоке жизнера-

17. ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-27002. Лл. 12 об, 31–33, 151, 160–165; ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-36465; ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-63539. Лл. 16–16 об, 18–18 об, 20, 31; Должанская Л.А. «Я был и остался анархистом». Судьба Франческо Гецци (по материалам следственного дела) // Петр Алексеевич Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации. Материалы международной научной конференции. – СПб., 2005. – С. 243–244.

18. Большевистская диктатура в свете анархизма. Десять лет советской власти (коллективное исследование). – Париж, 1928.

19. ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-63539. Л. 31; ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-27002. Л. 162, 164; ГАРФ. Оп. 1. Д. 36465. Л. 3.

20. Подробнее о мемуарах Борового см.: Рябов П.В. «Былое и Думы» Алексея Борового // Человек. – М., 2010. – № 3.

21. Ветлугин А. Сочинения. Записки мерзавца. – М., 2000. – С. 73.

достности я все же склонен выделить особо – три центральных ценности, связавшие меня прочнее всего с миром: анархизм, музыку, женское чувство»[22].

Боровой прекрасно музицировал и дружил с выдающимися музыкантами. Он ощущал мир музыкально: «Музыкальное чувство – есть важный элемент моего общего мировоззрения. Не насилуя себя, я слышу музыку не только в музыке, но и в "немузыкальных", по существу, шумах природы, в пластических искусствах, в чувстве человека, в слове»[23]. Он интуитивно воспринимал музыку слов, музыку Революции, музыку Эроса как настоящее откровение. Его произведения полифоничны, холистичны, эмоционально заряжены, полны музыкальных подъемов и спадов, мыслеобразов. Он мог бы, как Мигель Унамуно, сказать о себе, что он мыслит чувством и чувствует мыслью.

Боровой был страстным читателем и библиофилом. К 1917 г. в его библиотеке «было – примерно 7750 названий: 6450 русских и 1300 иностранных в 10,5 – 11 тысяч томов. Было немало библиографических редкостей – изданий XVI–XVII вв., с ценными гравюрами и пр.»[24]. Он был феноменальным читателем: «Уже в детские годы я отличался быстрым чтением. (…) Книги на русском и французском я научился – не читать, а фотографировать»[25].

Сферой, в которой наш герой достиг наибольшего совершенства и самореализации, было ораторское искусство. «Оратором милостью Божьей» называла Борового Вера Фигнер. В своем ораторском мастерстве он соединил эрудицию, память, искусство виртуозной импровизации и талант музыканта. Его ученик анархист Н. Отверженный (Н.Г. Булычёв) в статье «Боровой как оратор» подчеркивал: «Ораторское искусство – наиболее бесспорная творческая стихия Борового. (…) Он оратор интуиции, а не логики, образа, а не силлогизма, картины, а не факта»[26]. Боровой отмечал: «Я мог не уставая говорить два, три часа в помещении на полторы, две тысячи человек». Но главное для оратора не голос, не эрудиция, но «умение потрясать само сердце»[27]. Сам Алексей Алексеевич в полной мере обладал этими способностями.

II. Ученый-энциклопедист

Не имея возможности в рамках статьи даже бегло описать все сферы научных интересов Борового и пересказать содержание двух десятков написанных им книг и сотен статей, коснемся лишь нескольких аспектов.

22. РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 162. Лл. 8, 14, 15–16.
23. Там же. – Л. 15.
24. Там же. – Лл. 20, 21.
25. РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 166. Лл. 47–50.
26. РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 1047. Лл. 14–15.
27. РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 171. Лл. 209, 213.

1. *Исторические работы* Алексея Алексеевича Борового в основном связаны с любимой им Францией: Великой французской революцией, французским революционным синдикализмом, социалистической мыслью, масонством. Отметим среди них уже упоминавшийся монументальный труд «История личной свободы во Франции» (два тома, посвященные периоду от Старого Порядка до Директории, 1789–1799), книгу «Современное масонство на Западе» (М., 1922), в которой он исследовал организацию, взгляды и деятельность масонов и их роль в демократической политической системе, ряд превосходных статей в «Книге для чтения по истории Нового Времени» (М., 1913) о Сен-Симоне и Фурье, религиозно-социальных учениях во Франции перед 1848 г., Первом Интернационале и Великой французской революции, где они достойно соседствуют со статьями Е.В. Тарле, Н.И. Кареева, С.А. Котляревского, И.В. Лучицкого и др.).

В своем исследовании о Великой французской революции А. Боровой показал себя исследователем высшей пробы: способным кропотливо осмысливать колоссальный исторический материал и выдвигать широкие обобщения. Он подверг подробному изучению правовое положение личности при монархическом строе, рассмотрел соответствующие аспекты наказов в Генеральные Штаты 1789 г., проанализировал «Декларацию прав человека и гражданина» и законодательные акты о правах личности, изданные различными революционными правительствами Франции, исследовал механизмы якобинского террора и причины Термидора.

Хотя в центре исследования – историко-правовые вопросы, оно и по кругу проблем, и по методологии является интегральным, сочетая воедино историю, право, социологию, психологию. Парадоксальность ситуации состояла в том, что об истории права в данном случае размышлял анархист (априори далекий от фетишизации закона). Естественно поэтому, что Боровой, во-первых, ставил рассмотрение эволюции права в зависимость от внеправовых факторов (борьбы сословий и группировок), во-вторых, неуклонно противопоставлял «Право» (и связанных с ним государство, парламент, партийных доктринеров) «Жизни» (т.е. стихии народного творчества), в-третьих, большое внимание уделял не только правовым актам, но и институтам и их правоприменительной практике, указывая на пропасть между нею и «теорией».

В диссертации Боровой успешно выступает как академический ученый, однако художник в нем не исчезает совсем. Он проявляет себя – в остром ощущении драматизма, пафоса, трагизма, скрытой иронии и грандиозного размаха исследуемой эпохи, в понимании иррациональных факторов в истории. Он подчеркивает многофакторность и альтернативность исторического процесса. «История», «Народ» в его системе координат есть псевдонимы и маски «Жизни» – пестрой, спонтанной, противоречивой, рационально непо-

стижимой творческой тотальности, противостоящей любым догмам и партиям, пытающимся сковать ее своими доктринами и регламентировать законами.

Так конкретно-эмпирическое историко-правовое исследование Борового органично выводит мыслителя на фундаментальные исторические и философские проблемы. Среди них: внутренняя логика революционного процесса, произвол государства и защита прав личности, соотношение «внешней» и «внутренней» несвободы человека, идейная роль Просвещения, семья как ячейка общества и орудие абсолютистского государства в подавлении личности, кризис верхов и делегитимизация Старого Порядка в ходе Революции, созидание и разрушение в революции, чрезвычайные меры и реформы сверху как элементы революции, общечеловеческое (идеальное, бескорыстное) и сословно-классовые интересы в процессе революции, невозможность «доброго короля», «хороших тюрем» и «благих реформ сверху».

Борового волновали внутренние парадоксы Революции: столкновение фетиша «общего блага» с правами живой личности, самоуничтожение революции в «революционном» терроре якобинцев. Ирония стихии «Жизни», ее «окостенение» в новых формах, по Боровому, проявлялось в том, как созданный революцией парламент постепенно становился контрреволюционным, из орудия бунта превращаясь в оплот новой тирании, и в том, как «чрезвычайные меры» и «государственные интересы», апеллирующие к революционной риторике, постепенно перечеркивали завоевания «Декларации прав человека и гражданина».

Причинами революционного террора, по Боровому, были и гнет рационалистических схем над Жизнью, и насилие государства, парламента, а также стоящих во главе его групп над революционным народом, и фанатизм террористов, и классовое своекорыстие буржуа, и, наконец, сама логика начавшегося террора, ведущая к раскручиванию маховика репрессий. Автор фиксирует очередной иронический парадокс истории: выступавшие от имени революции, идейные и самоотверженные якобинцы террором обескровили и убили революцию, а их самих, в свою очередь, уничтожили ничтожные и корыстные люди «золотой середины» – термидорианцы, в данном случае выступившие как бессознательные орудия «Жизни», защищавшейся от «смерти»: «Остановилась сама жизнь. (…) Революция убивала революционеров. Смерть восторжествовала над жизнью. Однако пробил час и “революционного правительства”, жизнь вступила в борьбу с отжившими бесплотными символами. (…) Термидорианское правительство пришло под знаменем жизни и в этом секрет его величайшего успеха»[28].

28. Боровой А.А. История личной свободы во Франции. Том I. Старый Порядок и Революция. Часть 2. – М., 1910. – С. 185–186.

2. *Особого внимания заслуживает неопубликованный труд последних лет жизни Борового – «Достоевский»* (365 машинописных страниц). Само его обращение к творчеству Достоевского было актом гражданского и интеллектуального мужества, поскольку большинство «правоверных» анархистов были вполне равнодушны к этому мыслителю, а в СССР в эту эпоху шла борьба против «достоевщины» и сложились устойчивые штампы о его «реакционности».

Для Борового Достоевский – чрезвычайно близкая фигура. Ему, вместе со Скрябиным, Пушкиным и Бакуниным, анархист посвятил свои мемуары, его роман «Бесы» разбирал в книге «Миф о Бакунине» (1926). А книгу «Достоевский» он писал трижды: первая рукопись была потеряна в 1922 г. при отправке в издательство, вторая – отвергнута цензурой, третья – создавалась в ссылке до последнего дня Алексея Алексеевича и все же (при всей своей зрелости, продуманности, и огромном богатстве содержания) оставалась принципиально незавершаемой (как жизнь, как свобода, как личность). Целями Борового были защита Достоевского и развенчание поверхностных стереотипов, осмысление его философии, полемика (пусть неявная) с большевистской реальностью и, главное, последняя попытка прояснить собственную философию и «хоть в чем-нибудь высказаться до конца» (говоря словами Льва Шестова). По признанию автора: «Кто говорит о Достоевском, говорит важное и о себе»[29]. В соответствии с этим он не коллекционирует «цитаты» и «позиции» Федора Михайловича, но пытается раскрыть его внутреннюю жизнь, мучившие его страсти и искания. Для него Достоевский – не мертвые и застывшие «измы», отделенные от человека, но музыкальные «лейтмотивы», «творческие стихии», «патетика» и «устремленность» – нечто неуловимое, развивающееся, целостное, не редуцируемое ни к чему и не расчленимое ни на что. Эта позиция позволяет деконструировать стереотипы в отношении Достоевского. Это – подход романтика, постигающего «душу души», «музыку музыки», «огонь» в вещах, улавливающего в объективированном мире мертвой материи живой и вечный Дух.

Боровой – не без оснований – сближает Достоевского с Бакуниным, Герценом, Ницше, Штирнером и Бергсоном. При помощи писателя он размышляет о мещанстве и либерализме, об анархизме, о трагическом чувстве бытия, о сциентизме, о «религии прогресса» и о Человеке во всех его измерениях и проявлениях. Для Борового Достоевский, прежде всего, – философ Жизни (причем Жизнь у него раскрывается во всем своем динамизме, полноте, трагизме и величии); мыслитель, показывающий «человека без кавычек» – вечное и личное в человеке, не редуцируемое к временному и социальному; на-

29. РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 113. Л. 3.

конец, – анархист и бунтарь, правдоискатель, неистовый борец против буржуазного мещанства за свободу личности. У Достоевского, писал Боровой, «я нашел и “мое”: диалектичность мышления, стихию “бунта”, примат “жизни” над “разумом”, утверждение личности, стремление к всемирному единству»[30].

Говоря о полемике Достоевского против социализма XIX в., Боровой имел мужество заявить, что в этом споре он всецело на стороне Достоевского, поскольку «для тогдашнего социализма и социалистов» в основании мировоззрения были «культ “разума”» и материалистическая философия, детерминизм и атеизм, утилитаризм[31]. Вслед за Достоевским Боровой протестовал против «религии прогресса», не желавшей видеть живого человека. «Какой же безграничной наивностью должно казаться нам ожидание столь многих, что в каком-то тридевятом царстве, тридесятом государстве – наступит, наконец, всеобщее довольство: сомнения будут разрешены, с враждой покончено, люди друг друга обнимут и поймут до конца и пределов не будет ликованию. Трагическое окажется навсегда вычеркнуто из жизни»[32]. В эпоху построения «хрустального дворца» и всеобщего официального ликования по этому поводу Боровой выступил против иллюзий о «конце истории», даже если бы это был «счастливый конец». В эпоху торжества партийной однозначности и идеологического диктата он отстаивал глубину и сложность человеческого против любых однозначных ярлыков и формул. В эпоху триумфа «научного» коммунизма Боровой напомнил, вслед за Достоевским, о пределах науки и разума и невозможности для них объять и тем паче определять жизнь.

Искания человека не сводимы только к набору социальных ролей и функций. «С прекращением “классовой войны”, с особенной рельефностью выступает биологическая природа человека и психофизическая индивидуальность, человек “сам по себе” станет центральной темой. Сейчас есть человек в кавычках (определение только через социальное), только тогда встанет перед исследователем человек без кавычек»[33]. «Человек без кавычек» – это и есть экзистенция в чистом виде. Там, где человеческая “единица” была признана количественно ничтожной и не заслуживающей внимания величиной перед лицом бесконечных величин, Боровой подчеркивал ее качественную незаменимость и уникальность. «Личность, ее воля, свобода, сознательность

30. РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 113. Л. 3 оборот.
31. Там же. – Л. 112 оборот.
32. Там же. – Л. 9.
33. Там же. – Л. 57 оборот.

в выборе средств – решающие факторы действия. Никто не может сбросить с себя личную ответственность»[34].

Боровой с невероятной смелостью писал в своей книге: «Это – коммунизм, по слову Герцена, «русское самодержавие навыворот», коммунизм-аракчеевщина, задуманный сверху, проводимый догматически, наивно верящий, что гармония и счастье целого могут быть достигнуты выхолащиванием своеобразия в человеческом, мечтающий о едином, рациональном и стандартном бытии, с предопределением идей, эмоций, устремлений, нетерпимый к самостоятельным исканиям. (…) Коммунизм-пародия, вырастающий не из воли и победы угнетенных, а из мозга доктринера, приносящий реальное в жертву химерам. Человек – мясо, навоз, бескачественная единица, допускающая над собой любые манипуляции»[35]. О чем, о ком эти горькие слова, написанные в середине 1930-х годов? Неужели только о «шигалевщине» у Достоевского? Боровой, не говоря ни слова об СССР, о Сталине и Ленине, но только о Достоевском, рассуждает о личности, жизни, свободе, бросая вызов тоталитаризму с его палачами, цензорами, идеологами и холопами, с его наглой «простотой», которая «хуже воровства».

Нельзя пройти мимо ***социологических*** работ А.А. Борового. Среди них наиболее интересна книга «Класс, партия и интеллектуальный пролетариат», завершенная в 1918 г. Ее рукопись, сохранившаяся в РГАЛИ, позволяет понять концепцию интеллигенции, созданную А.А. Боровым. Рассматривая интеллигенцию как «внеклассовое» явление, придерживаясь мировоззренческих и профессиональных критериев в ее характеристике, Боровой полагал, что она неоднородна по своему классовому составу, включая в себя различные слои[36]. К «интеллектуальному пролетариату», указывал он, принадлежат те, кто получает средства существования, продавая свою «умственную» рабочую силу[37], которая подчиняется законам спроса и предложения[38]. Причины роста этой подгруппы рабочего класса связаны с «интеллектуализацией труда» в XX в., с распространением общего и специального образования, ростом значения организации труда в производственных процессах[39]. Боровой отмечал тенденцию к «пролетаризации» в среде интеллигенции, вызываемую перепроизводством высшими учебными заведениями работников интеллектуальных специальностей[40]. Результат этого – растущая конкуренция между лица-

34. РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 113. Л. 57.
35. Там же. – Лл. 146–146 оборот.
36. Там же. – Л. 112–113.
37. Там же. – Л. 104.
38. Там же. – Л. 112–113.
39. Там же. – Л. 104–105.
40. Там же. – Л. 130–135.

ми творческого труда в поиске рабочих мест[41]. Поскольку «интеллектуальный пролетариат» является частью рабочего класса, он должен создать свою классовую организацию в виде профессиональных союзов и вести революционную борьбу теми же средствами, какие анархисты рекомендуют рабочим[42]. Анархист ссылался на деятельность синдикалистских профсоюзов учителей и служащих во Франции: «трудовая интеллигенция уже давно стоит на страже интересов борющегося пролетариата. Но нужно, чтобы она самое себя познала пролетариатом и, отбросив свой традиционный сентиментализм и навязанные ей замашки благотворительницы, во всеуслышание объявила свою классовую волю»[43].

Так Боровой преодолел народнические идеи о вине интеллигенции перед «пролетариатом физического труда». Концепцию Махайского об интеллигенции как едином классе, стремящемся к господству над обществом, он назвал «совершенным недоразумением»[44]. Антагонизм между пролетариями «физического» и «интеллектуального» труда он связывал не с мнимым стремлением интеллигенции к власти над рабочими, а со спецификой «интеллектуального пролетариата»: «пестрота состава, высший уровень культурности, утонченность вкусов, роль признанного организатора там, где пролетариат физического труда оставался простым исполнителем, близость к образованным и правящим слоям буржуазии»[45].

Боровой стал и одним из первых критиков тейлористской рационализации производства, развернувшейся в 1910-е годы на промышленных предприятиях Северной Америки и Западной Европы. Система организации труда по Тейлору, сводящая роль рабочего к выполнению указаний «сверху», от специалистов-интеллектуалов, управляющих производством, полагал он, таит в себе опасность подавления личной инициативы. Это «превратит рабочего в совершенно мертвый автомат, механически выполняющий инструкции заводского начальства», в «придаток к машине», в котором «безвозвратно гибнут все интеллектуальные потребности и способности»[46]. Он отвергал тезис Тейлора о том, что рабочий-грузчик должен быть настолько «туп», чтобы не понимать истинного значения слов «рациональный отдых»[47]. Боровой указывал, что деспециализация рабочих в сочетании с жесткой регламентацией труда на предприятиях будет способствовать закреплению разрыва в уровне

41. РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 113. Л. 116.

42. Там же. – Л. 124–129.

43. Там же. – Л. 111–112.

44. Там же. – Л. 104а.

45. Там же.– Л. 109–110.

46. РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 77. Л. 242, 250; Боровой А.А. Общественные идеалы современного человечества. – С. 76.

47. РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 77. Л. 248.

знаний между рабочим и технократической элитой, а значит – и системы социального неравенства[48].

В работах Борового разрабатывается теория «нового класса». Его появление он связывает, прежде всего, с формированием слоя профессиональных политиков и рационализацией производственных процессов. Выполнение многочисленных представительских и управленческих функций в партийных органах и парламентах способствует формированию в социал-демократических партиях интеллигентской элиты. Ведь для выполнения этих функций «требуется известный образовательный уровень, …интеллигентность. Представительство становится профессией»[49]. Эти идеи выражены в серии статей «Реформа и революция» (1907). Их центральная тема – критика парламента как учреждения, способствующего превращению народных представителей в касту, независимую от избирателей, чуждую их интересам. В своих выводах автор близок концепции Р. Михельса о новом правящем классе – «классе чиновников», идущем на смену буржуазии. Но, в отличие от Михельса, будучи увлечен идеями А. Бергсона, Боровой трактовал эту проблему в антирационалистическом духе. Рационализм для Борового обозначал «господство абстракции», подмену подлинной жизни в общественной мысли и практике «символами и схемами»[50], что, по его мнению, неизбежно ведет к доминированию интеллектуалов в жизни общества и в рабочем движении. Чуждые по своей «психологии» и условиям своего быта рабочим «физического труда», интеллигенты, составляющие элиту социал-демократических партий, навязывают рабочим взгляды, основанные на «вере в неограниченную силу разума (партийного)»[51].

III. Философ и теоретик анархизма

Алексей Алексеевич Боровой – крупнейший анархический мыслитель России первой трети XX в., не просто «пропагандист» или «идеолог» анархизма, но философ, предложивший новую мировоззренческую парадигму и подвергнувший пересмотру многие основания анархической философии (прежде всего, кропоткинской, основанной на сциентистском и позитивистском фундаменте). За 30 лет творчества Боровой прошел некоторую эволюцию (преодолевая индивидуалистические крайности и изживая марксистские

48. Там же. – Л. 242, 248–250.

49. РГАЛИ. Фонд 1023. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 49.

50. Боровой А.А. Разум и его современные критики. (К вопросу о новом человеке) // Новь. №№ 6–9. 21–24 янв. 1914 г. С. 2–3; Он же. Разум и его современные критики. (К вопросу о новом человеке) // Новь. № 7. 22 янв. 1914 г. С. 3.

51. РГАЛИ. Фонд 1023. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 49–50.

стереотипы), пережил разнообразные идейные влияния. И все же лейтмотивы его философствования мало изменились, лишь уточняясь.

Для Борового анархизм не только и не столько социальное учение или программа действий, сколько философское мировоззрение, ставящее в центр человеческую личность, ее свободу и творчество. А развитие личности, ее борьба с деспотизмом общества за самоосвобождение, также вечны, как и само человечество. «Мысль о невозможности конечного анархического идеала – центральный мотив моего личного анархического мировоззрения»[52]. Анархизм – не статичное и догматическое учение, а динамическая философия, пользующаяся услугами науки, но принципиально к науке не сводимая, как не сводимы к науке ни Жизнь, ни Свобода – символы анархической веры.

Идейный синтез, предлагаемый Боровым, состоит в соединении «философии жизни» (Бергсона, Ницше, Достоевского, Бакунина с их апофеозом спонтанности, развенчанием любых «фетишизмов», превознесением волюнтаризма, интуитивизма и антисциентизма) с практикой революционного синдикализма. Анархизм для него – «философия пробудившегося человека» и «романтическое учение с реалистической тактикой». Анархизм призван заимствовать лучшее из того, что выработали либерализм (политическая свобода) и социализм (экономическое равенство и социальная справедливость), но идет дальше – апеллируя не к политическому «гражданину» и не к «классу» пролетариев, но к личности в ее вечной тяжбе с обществом.

Если в своих ранних сочинениях мыслитель – в духе Штирнера – абсолютно противопоставлял личность и общество и считал задачей анархизма полное обособление и самообеспечение личности, то со временем (в книгах «Анархизм», «Личность и общество в анархическом мировоззрении» и поздних рукописях) он скорректировал свою позицию, органично сочетая персонализм и социализм. Теперь Боровой критиковал как кропоткинский анархокоммунизм (по его мнению, недооценивающий роль личности, растворяющий ее в обществе и чересчур идиллически и «финалистски» представляющий перспективы будущей социальной гармонии), так и крайний, «абсолютный индивидуализм» (Штирнера и Ницше), стремящийся полностью вырвать личность из общества. Развивая бакунинскую мысль о человеке, как одновременно «самом социальном и самом индивидуальном из всех существ», Боровой утверждал, что человеческая личность не может ни полностью уйти из общества, ни полностью примириться с ним, но в вечной борьбе за эмансипацию призвана одновременно и совершенствовать общественные формы, и вновь преодолевать и сокрушать их. Эта диалектическая «борьба с культу-

52. Боровой А. Бакунин. – М., 1994. – С. 8.

рой за культуру» и есть история человечества с ее неизбывным трагизмом и творческим драматизмом.

Обращение к полузабытым и недооцененным идеям М.А. Бакунина – еще одна важная философская заслуга Борового. Он акцентировал «негативную диалектику» Бакунина («творческое разрушение» и «разрушающее созидание» как бунтарскую душу Революции), интуитивистские и волюнтаристские идеи («бунт жизни против правления науки», примат воли перед мыслью, преобладание действия над теорией и целостного постижения мира над дискурсивным), поразительно сближавшие его с Бергсоном, а также принципиальный отказ великого бунтаря от попыток проектировать «конечный идеал» анархизма (из-за непредсказуемости жизни для мысли и принципиальной открытости и незавершаемости анархизма).

Значительное место в сочинениях бывшего марксиста Борового занимает полемика с «экономическим материализмом» Маркса и его социал-демократических эпигонов. Боровой отказывал марксизму в статусе «научности», обнаруживая в нем религиозные (недоказуемые) моменты, критиковал марксистское пренебрежение личностью, детерминизм и авторитаризм. Все это не мешало ему высоко ценить Маркса как ученого и использовать многие идеи из его критики и анализа капитализма.

Боровой был одним из наиболее известных в России теоретиков анархосиндикализма. Он противопоставил парламентской «реальной политике» революционные самоуправляющиеся профсоюзы рабочих, методами прямого действия осуществляющие борьбу за освобождение личности. Чуждающееся «теоретических выдумок» рационально мыслящих интеллектуалов синдикалистское рабочее движение, по Боровому, – не что иное, как «текучая работа, своеобразный трудовой поток, не замыкающийся в рамки ни каких-либо абсолютных теорий, ни раз навсегда установленных методов». Синдикализм воспринимался им как «продукт высокого развития производственной техники», выражение интересов «сильного, самостоятельного, способного к личной инициативе работника», вырабатывающего формы, принципы и лозунги рабочего движения в процессе непосредственной борьбы. Ему противопоставлялись рожденные в головах социал-демократических интеллигентов умозрительные представления о «классовом сознании», отчужденные от живой борьбы рабочего класса партийные структуры и парламентская тактика[53]. Если Бергсон и его последователи в теории разорвали с господствовавшим в общественном сознании рационализмом, то рабочие-синдикалисты, полагал Боровой, осуществили этот разрыв на практике: «рабочий синдикализм... отвергает партии, полагая, что формы рабочего движения, его принципы, его

53. РГАЛИ. Ф. 1023. Ед. хр. 77. Л. 37, 43–44.

действенные лозунги изготовляются не в лабораториях отдельными избранниками класса, а вырабатываются в процессе самого движения». Истинно рабочее, синдикалистское движение освобождает себя от «рационалистских элементов» – руководства отвлеченных теоретиков. Интеллигенции в этом движении отводится лишь «скромная служебная роль»[54].

В наследии Борового важна книга «Большевистская диктатура в свете анархизма». Ее авторы констатируют диктаторский характер большевистского режима, при котором власть находится в руках возглавляемой вождем иерархически построенной партии, превратившей Советы и органы экономического управления в свои «филиальные отделения» и опирающейся на террор спецслужб[55]. НЭП охарактеризован, как попытка большевиков удержать власть в ситуации экономической разрухи, массовых народных восстаний и давления капиталистических держав. Эта проблема была решена путем уступок буржуазии и крестьянству при частичном освобождении частной инициативы в экономике от государственных ограничений[56]. Экономическая система СССР оценивалась, как «государственно-капиталистическая», при которой государство – главный собственник средств производства, диктующий условия своим контрагентам в лице общинно-крестьянских и частно-капиталистических хозяйств. Основными признаками, определяющими капиталистический характер советской экономики, объявлены «антагонистические формы социальных отношений»: эксплуатация наемного труда работника государством, безработица, ликвидация независимости профсоюзов, «образование привилегированных паразитических групп, выполняющих исключительно функции надзора и охраны», экспроприация продуктов крестьянского труда в форме «заготовительных операций»[57].

В книге дан подробный анализ аграрной политики большевиков. Созданные под покровительством советской власти колхозы и совхозы оцениваются, как государственные предприятия с наемным трудом[58]. Авторы отмечали нарушение «естественных пропорций» хозяйства из-за ориентации на индустриализацию при поиске средств на ее проведение за счет деревни[59]. Поэтому, полагали они, основная задача экономической политики – снижение отпускных цен промышленности, как средство усиления товарности сельского хозяйства[60]. Курс руководства СССР на индустриализацию осуж-

54. РГАЛИ. Ф. 1023. Ед. хр. 77. Л. 37, 43–44.
55. Большевистская диктатура в свете анархизма. – С. 31–33.
56. Там же. – С. 34.
57. Там же. – С. 26–27, 33–35.
58. Там же. – С. 72–77.
59. Там же. – С. 45.
60. Там же. – С. 69.

дался за ориентацию исключительно на развитие тяжелой промышленности, хотя в период НЭПа наблюдался рост легкой индустрии, связанной с потребительским рынком[61]. Как видим, Боровой и его соавторы трезво оценивали сущность «Новой экономической политики», экономическую ситуацию в СССР, остро критикуя угрожающие тенденции ее развития. Интересно, что Боровой использовал для оценки социально-экономической системы СССР термин «государственный капитализм», позднее весьма распространенный среди представителей демократических левых сил.

В ситуации тотального кризиса современной цивилизации (и всех связанных с ней «идеологий»), А.А. Боровой предложил радикальное обновление анархической теории, поставив в центр внимания экзистенциальные проблемы, апеллируя к достоинству и активности личности (но не игнорируя и не идеализируя общество).

Тема раскрепощения и свободы человека доминирует, таким образом, в социальной, философской и политической мысли Алексея Алексеевича Борового. В этом – переходящее значение его творчества.

61. Большевистская диктатура в свете анархизма. – С. 50, 52.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

И.Ф. Селиванова

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ НОВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ (по материалам круглого стола в ОМЭПИ ИЭ РАН)

Селиванова Ирина Федоровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИЭ РАН.

Круглый стол «Особенности формирования внешней политики новых независимых государств», проведенный 2 декабря 2010 г. Центром политических исследований Института экономики РАН, собрал экспертов Центра системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук Беларуси, Института стран СНГ, информационно-аналитического центра по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве МГУ, Центра украинистики и белоруссистики МГУ им. М.В. Ломоносова, Российского института стратегических исследований, Российского университета дружбы народов, ИМЭМО РАН, МГИМО МИД РФ, Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД РФ, Всероссийской академии внешней торговли, представителей Госдумы и Совета Федерации ФС РФ, представителей посольства Республики Беларусь в России, других организаций и учреждений.

Эксперты попытались выявить основные факторы, оказавшие и оказывающие влияние на внешнеполитические ориентиры государств постсоветского пространства. Среди них определяющее значение имеет политика России, которая претерпела существенную эволюцию за прошедший период, но так и не определилась в своих стратегических параметрах в отношении этих государств.

Основные этапы и современные тенденции этой политики проанализировала в своем комплексном докладе ведущий научный сотрудник Центра проблем глобализации российской экономики ИЭ РАН Л.С. Косикова. С самого начала Россия воспринимала государства СНГ и Балтии как «неполноценную заграницу», «ближнее зарубежье», переоценивала их экономическую

зависимость от России («никуда они не денутся»). Эксперты отмечали, что уже в 1993 г. Соединенные Штаты, поняв, что Россия не в состоянии удержать новые государства в сфере своего влияния, впервые выступили с заявлением о том, что они не считают постсоветское пространство исключительной зоной российских интересов. Курс России на интеграцию СНГ официально провозглашается только в 1995 г. Этот курс был негативно встречен Украиной, Молдавией, Азербайджаном, следствием чего стала политика разноскоростной интеграции и последовавший раскол СНГ на государства пророссийской (Белоруссия, Казахстан, Киргизия) и прозападной (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия) ориентации. Неудачи первых интеграционных проектов обусловили курс на развитие двусторонних отношений.

С начала 2000-х годов борьба за постсоветское пространство активизируется со стороны как России, так и внерегиональных игроков. Россия провозглашает курс на стратегическое партнерство, формирует ЕврАзЭС, пытается ускорить строительство Союзного государства с Белоруссией, предпринимаются попытки вовлечь в интеграционные процессы Украину, которая получает порядка 1 млрд. долл. под ее вступление в Единое экономическое пространство. В то же время активизируется ГУАМ, борьба за Украину завершается «цветной революцией», приведшей к смене политического курса Украины с многовекторного на выраженный антироссийский. Нарастает скепсис в отношении перспектив СНГ, которое рассматривается лишь как инструмент «цивилизованного развода», сокращается интерес РФ к своим партнерам, начинается переход от льготных на равнодоходные цены на энергоносители. В 2006 г. начинаются первые «газовые войны» с Минском, ставшие, в том числе, следствием утраты надежды на возможность создания конфедерации с Белоруссией.

В результате политика интеграции уступает место политике консолидации с государствами СНГ, Россия по-прежнему декларирует приоритетность отношений со странами СНГ, что закреплено в Концепции внешней политики РФ 2008 г. Однако, как заметил заведующий Центром политических исследований Б.А. Шмелёв, на практике ее роль как системообразующего фактора на пространстве СНГ сокращается, и она сама утрачивает интерес к этому пространству. Экономический кризис 2008–2009 гг. показал, что Россия оказалась в самом худшем положении среди всех стран СНГ (кроме Украины), ее финансовые возможности были явно недостаточными, чтобы оказать помощь своим партнерам и союзникам. Пятидневная (2008) война с Грузией серьезно ухудшила имидж России в глазах Запада. Ни одно из государств СНГ не признало независимость Абхазии и Южной Осетии, опасаясь проблем в отношениях со своими внерегиональными партнерами (США, ЕС, МВФ).

Эта ситуация продемонстрировала, как отмечали многие участники круглого стола, что отношения России с государствами СНГ (союзниками, партнерами или просто соседями) будут наиболее успешными, если они будут носить прагматический (взаимовыгодный) характер. Сохраняющаяся экономическая взаимозависимость, общие задачи модернизации экономики заставляют и эти страны, и Россию искать опробованные в мире формы интеграционного взаимодействия. Отсюда – очередная попытка создания Таможенного союза России, Казахстана, Белоруссии, намерение сформировать их общее экономическое пространство.

В то же время и Россия, и страны СНГ отдают себе отчет в том, что решить задачи модернизации без достаточно интенсивного сотрудничества со странами Запада им не удастся. В этом отношении, полагает Б.А. Шмелёв, Россия предпринимает очевидные усилия по развороту к Западу, прорабатывая идею о создании с ним общего экономического пространства, педалируя самостоятельное вступление в ВТО (прежде речь шла о совместном вступлении с Белоруссией и Казахстаном).

Многие выступавшие констатировали, что в целом поведение России в отношении государств СНГ характеризовалось противоречивостью, острым несоответствием внутренней и внешней политики, противоречием между интересами государства и бизнес-групп. Политика формировалась путем проб и ошибок, государство то усиливало свое присутствие, то самоустранялось, надеясь на самоорганизацию постсоветского пространства, что в результате вылилось в отсутствие выверенной стратегии на постсоветском пространстве.

Для постсоветских государств характерна эволюция от состояния эйфории от обретенной свободы (Латвия, Литва, Эстония, Грузия, Украина, Молдавия) до разочарования и даже робости в связи с перспективой самостоятельного существования (государства Центральной Азии). По мере того, как государственное строительство в этих странах доказало способность их самостоятельного существования, а патронажные отношения с Россией исчерпывали себя, лидеры новых независимых государств (ННГ) стали все в большей степени опираться на другие центры силы, либо близкие цивилизационно, либо интересные с экономической точки зрения, либо способные обеспечить отход от влияния России на действия новых элит.

В современном глобализирующемся мире отделить внешнюю политику от экономики, от задач модернизации, актуальных для всех новых независимых государств, практически невозможно. И это в значительной степени влияет на выбор их внешнеполитических приоритетов. В этом контексте, подчеркивает Л.С. Росикова, привлекательность России весьма невелика, как с точки зрения экономики (сырьевая ориентированность российской экономики не предполагает широких интеграционных проектов), так и внутренних политических процессов, поведения элит. Экономическая ситуация не дает

возможности России осуществлять крупные инвестиционные проекты. Доля стран СНГ составляет всего 15% во внешнеторговом обороте России.

В то же время экономическая зависимость от России остается для этих государств весьма значительной. Это и сохраняющиеся кооперационные связи, и потребности в российских энергоресурсах, и емкий российский рынок. И тем не менее, понимая, что без России им пока не обойтись, ННГ готовы идти на сотрудничество и интеграционные формы взаимодействия до тех пор, пока нет угрозы их суверенитету. Для ННГ по-прежнему актуальна задача сохранения и укрепления суверенности, а главную угрозу выполнению этой задачи элиты Украины, Белоруссии, Молдавии, Грузии и других постсоветских стран видят именно в политике России по отношению к ним.

Суверенитет стал для этих государств сакральной ценностью, их руководители с очень большой неохотой идут на создание каких-либо наднациональных органов, что наглядно демонстрирует ситуация с Украиной и Белоруссией. Именно здесь, по мнению известного аналитика А.С. Ципко, кроется основное противоречие: «все хотят отойти от России, но Россия – центр этого мира и здесь находятся ее стратегические интересы, а цивилизационная и интеграционная привлекательность России явно недостаточна для восстановления ее лидирующего положения в евразийском регионе».

Эксперты отмечали, что Россия утрачивает свое положение центра притяжения не только в среде политической элиты, определяющей политику, но и в массе населения новых независимых государств, а также, к сожалению, и среди тех, кого мы считаем нашими соотечественниками. Еще большее сожаление вызывает то, что антироссийские настроения все в большей мере проявляются в славянских странах. А.В. Докучаева, заведующая отделом диаспоры и миграции Института стран СНГ считает тревожным сигналом влияние политики на демографическую ситуацию в постсоветских государствах. Итоги переписи населения Украины в 2001 г. показали, что число тех, кто назвал себя русскими, снизилось по сравнению с 1999 г. на 25% – более чем на 3 млн. человек. Нет оснований объяснять такую существенную потерю русского населения только миграцией или естественной убылью. Основная причина – дерусификация русских, которые в результате активной украинизации, показавшей, что быть русским неудобно и невыгодно, записались как украинцы. Эксперт предполагает, что предстоящая перепись населения Украины в 2011 г., как и предыдущая, выявит снижение доли русского населения в результате продолжающейся «украинизации» и предпочтения «европейского вектора развития».

Результат переписи населения, проведенной в 2009 г. в Белоруссии, также может свидетельствовать о повороте политики нашего партнера по Союзному государству в сторону от России. Количество жителей Белоруссии, определивших себя как русские в 2009 г., снизилось почти на треть (на 31%)

после последней советской переписи 1989 г. Если в 1999 г. в Белоруссии проживали 1 млн. 142 тыс. человек русских, то через десять лет их количество уменьшилось до 785 тыс. Теперь русские составляют 8,3% населения республики. В то же время почти 70% белорусов определили русский язык в качестве разговорного, что свидетельствует о том, что у населения нет отторжения русской культуры и русского языка. Одна из основных причин того, что русским в Белоруссии становится не очень комфортно, кроется в постоянном и назойливом формировании у населения крайне отрицательного образа России как некоего олигархического государства, насквозь пропитанного бандитизмом и коррупцией. Свою долю в формирование негативного имиджа России вносят и российские СМИ, которые являются важным источником информации о России. К сожалению, российская действительность во многом соответствует информации о ней, констатировала А.В. Докучаева.

Определенным предвестником возможного антироссийского поворота в казахстанском внешнеполитическом курсе является негативная оценка русским населением отношений между русскоязычным населением и представителями титульной нации. Многие эксперты предрекали, что со сменой высшего руководства в Казахстане Астана станет сложным и проблемным партнером для России.

В то же время, считает заведующий сектором Украины Института стран СНГ К.А. Фролов, не стоит драматизировать ситуацию и преувеличивать значение внешнего фактора на формирование внешнеполитических курсов ННГ. На примере Украины он предложил несколько возможных направлений действий России в рамках восточно-христианского проекта, считая его удобной нишей для использования цивилизационного потенциала России. Делая упор на европейских ценностях, Украина, считает эксперт, должна отдавать себе отчет, что эти ценности во многом трансформировались по сравнению с классическими и по сути стали уже постевропейскими, предполагающими практически полное отсутствие запретов на проявления личной свободы (гомосексуализм, употребление наркотиков и т.д.) и пока еще отвергаемыми восточнославянскими православными государствами.

Кроме того, по мнению эксперта, Россия должна обратить внимание европейских структур на усиление националистической составляющей так называемого галицийского проекта. Суть галицийской идентичности все больше становится из оранжевой коричневой, крайне националистические силы весьма популярны в западных регионах Украины, свидетельством чему стала их сокрушительная победа на местных выборах в ноябре 2010 г.

В принципе, считает эксперт, курс Украины на интеграцию в евроструктуры, как показал саммит ЕС–Украина в декабре 2010 г., не принес ей ожидаемых результатов. «Делать ставку только на деньги, на западные кредиты, считая их окончательной привязкой Украины к Западу, тоже неправильно», –

полагает К.А. Фролов. Пока еще ничего окончательно не решено, все может быть обратимо. Поэтому работа в направлении использования общего цивилизационного потенциала, с одной стороны, а с другой – устранение Россией собственных ошибок, способны изменить вектор внешнеполитической ориентации Украины с прозападного на пророссийский. «Все будет зависеть от того, с кем Украина будет осуществлять модернизацию – с государствами Таможенного союза или с Европейским союзом. Для реализации первого варианта России надо избавиться от двух ошибок. Первая – это архаизация, вторая – модернизация как отрицание прошлого. Проект модернизации может быть успешным, если он будет осуществляться на основе традиций», – полагает эксперт.

Н.В. Работяжев, старший научный сотрудник ИМЭМО, считает, что политический курс В. Януковича представляет «неопрагматизм», возврат к «многовекторной» практике балансирования между Москвой и Брюсселем и создает условия для взаимовыгодных, компромиссных, предсказуемых отношений с Россией.

Тенденцию к корректировке отношений с Россией во внешнеполитической и внешнеэкономической практике других государств СНГ и стран Балтии отмечали многие выступавшие (главный редактор журнала «Балтийский мир» Д. Кондрашов, старший научный сотрудник ИЭ РАН И. Селиванова и др.). После 20 лет независимого существования этих государств, когда лидеры многих из них активно использовали антироссийскую риторику как средство упрочения государственности и их личных позиций, наступило время подсчета баланса выгод и неудобств от сотрудничества с Россией. Подобная эволюция, обозначенная в экспертном сообществе как принцип избирательного партнерства, выражается в том, что каждая страна СНГ строит свои отношения с Россией только в областях, представляющих для них очевидный интерес. Так, центральноазиатские государства, далеко не всегда разделяющие внешнеполитические устремления Москвы, заинтересованы в военном сотрудничестве с ней. Другой вопрос – насколько это сотрудничество успешно. События в Киргизии весной 2010 г. продемонстрировали явную неэффективность ОДКБ, которая, по мнению, вице-президента Центра моделирования стратегического развития Г.П. Трофимчука, «разрывается от противоречий между входящими в нее странами».

В целом эксперты высказали консолидированное мнение о том, что «России надо сосредоточиться на Центральной Азии», как в силу конфликтных отношений между государствами «ферганской долины», так и учитывая усиление влияния США в регионе после вывода американских войск из Афганистана, присутствие которых скорее всего будет сохранено в государствах Центральной Азии. В.Л. Мусатов, сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД РФ, отметил, что пово-

рот России в сторону сотрудничества с НАТО, в том числе в афганском вопросе, – тенденция положительная, но вызванная, в первую очередь, очень сложным экономическим положением России, а, следовательно, чреватая невыгодными условиями этого сотрудничества.

Эксперты проанализировали ситуацию на Южном Кавказе, который, по выражению одного из экспертов, «вот-вот взорвется». В России эта ситуация вызывает особую обеспокоенность, поскольку семь автономий и две области Северного Кавказа являются регионом весьма далеким от стабильности, а с Южного Кавказа за постсоветский период в Россию переселились около 4 млн. человек. Агрессивная политика Грузии, которая за 20 лет независимости провела шесть войн и со своими автономиями, и с Россией, которые все проиграла, остается основным фактором нестабильности в регионе.

Уязвленное национальное самолюбие, подогреваемое Саакашвили и поддерживаемое Западом, сделало вопрос о принадлежности Абхазии Грузии национальной идеей, независимо от политических взглядов и ориентаций различных слоев грузинского общества. Вместе с тем, отметил посол России в Грузии в 1996–2000 гг. Ф.И. Станевский, эти претензии Грузии лишены всяких исторических оснований, поскольку именно Абхазия в свое время завоевала Грузию, создав абхазо-грузинское государство, и лишь под давлением Сталина в 1920-е годы Абхазия вошла в состав Грузии. Запад, занимая позицию о необходимости существования Грузии в рамках международно признанных границ и выделив ей помощь в размере 5 млрд. долл. после августа 2008 г. тем не менее не обольщается относительно агрессивного характера грузинской политики, используя ее как средство сдерживания российского присутствия в регионе. В то же время и Россия, и Запад заинтересованы в сохранении стабильности на Южном Кавказе, учитывая транзит энергоресурсов через Азербайджан и Грузию по нефтепроводу Баку–Тбилиси–Джейхан.

Другой проблемой, способной взорвать хрупкий мир на Южном Кавказе, является неурегулированный конфликт между Арменией и Азербайджаном по поводу Нагорного Карабаха. Поскольку позиции сторон остаются полярно противоположными, вероятность военного решения вопроса не кажется гипотетической. Президент Фонда стратегической культуры А.Г. Арешев допускает, что «спровоцировать вооруженный конфликт может не Азербайджан, а загнанная в угол Армения, несмотря на то, что военный баланс все более сдвигается в пользу Азербайджана (его военный бюджет равен всему бюджету Армении»). Изменение международного формата представителей Минской группы ОБСЕ (США, Франция, Россия) вряд ли способно принципиально изменить ситуацию. Учитывая военное присутствие России в Армении, «единственным средством поддержания мира является сохранение военного баланса в регионе».

В целом, считает главный советник аппарата Комитета Совета Федерации РФ по делам СНГ В.Е. Журавлев, внешняя политика Армении определяется прежде всего проблемой Нагорного Карабаха, а также сложной экономической ситуацией в стране. Это стимулирует руководство республики на дальнейшее углубление сотрудничества с Россией в сфере безопасности и совместных экономических проектов. Одновременно Армения, опираясь на влиятельную зарубежную диаспору, развивает контакты с США, государствами ЕС, Ближнего Востока и другими странами, добиваясь экономической помощи и политической поддержки.

Таким образом, даже беглый обзор внешнеполитических доктрин и международной деятельности постсоветских государств позволил экспертам прийти к очевидному выводу о том, что процесс их становления в качестве устойчивых субъектов международных отношений еще не завершен, а выбор внешнеполитических ориентиров далеко не окончателен. Являясь объектом конкурентной борьбы со стороны сильных внерегиональных игроков, эти страны все дальше отходят от однозначно пророссийской ориентации, предпочитая тактику избирательного партнерства с Россией. При этом явная антироссийская риторика уходит в прошлое (или все-таки сохраняется, но в меньших размерах), уступая место (или сочетаясь) с развитием экономических отношений в тех отраслях и сферах, которые представляют интерес для этих стран (эта тенденция характерна также и для стран Балтии). Однако роль России как системообразующего фактора на пространстве СНГ постепенно сокращается, а геополитические устремления России и государств СНГ все чаще расходятся, считает Б.А. Шмелёв. Эти государства предпочитают получать от России кредиты, помощь, сырье, не давая никаких политических обязательств. В результате Россия сталкивается с большим количеством вызовов, на которые у нее пока нет ответа.

Но и надежды на тесное сотрудничество с европейскими структурами, НАТО и США пока весьма призрачны. И не только в силу финансово-экономических проблем, с которыми сталкиваются западные страны, но и из-за нежелания самих элит новых государств действовать строго в рамках европейских норм и требований, следовать общеевропейским ценностям, а не только исходить из стремления реализовывать в этом сотрудничестве собственные интересы.

А.К. Никитин

ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ АЛБАНИИ КАК ЭЛЕМЕНТ «НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ» В РОССИЙСКО-АЛБАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Никитин Андрей Константинович – кандидат исторических наук, вице-президент Общества друзей Албании, старший научный сотрудник ОМЭПИ ИЭ РАН.

На сегодняшний день в нашей стране действуют более 50 обществ дружбы с зарубежными странами, организации которых являются членами «Российской ассоциации международного сотрудничества» (РАМС), правопреемника Союза советских обществ дружбы с зарубежными странами (ССОД).

В число подобных организаций входит Общество друзей Албании, президентом которого на протяжении многих лет является заместитель главного редактора Общенационального научно-политического журнала «Власть», канд. ист. наук С.Г. Кулешов, посвятивший более 30 лет изучению Албании и практической работе по развитию наших отношений с этой страной.

Как известно, Албания вплоть до 1985 г. переживала этап изоляции от внешнего мира, которая особенно усилилась после разрыва с КНР в 1978 г., а ранее фактического прекращения советско-албанского сотрудничества в 1960 г., вследствие разногласий советских и албанских политических лидеров того времени. Только в 1990 г. был подписан протокол о нормализации отношений между СССР и Албанией. Несмотря на это, все предыдущие годы в нашей стране не прекращалась работа ученых-албанологов – историков, этнологов и лингвистов.

В различные периоды наша страна оказывала влияние на историю Албании. В 1920-е годы русские офицеры-эмигранты обеспечили восстановление и укрепление власти короля Албании Зогу, осуществившего модернизацию страны. Албанцы также внесли свой вклад с борьбу против фашизма, что является важным объединяющим нас фактором.

После 1945 г. не только официальные власти, но и многие известные деятели науки и культуры нашей страны сыграли заметную роль в развитии от-

ношений с Албанией. В это время возникло большое количество смешанных семей, потомки которых являются членами нашего Общества.

В 1958 г. было создано Общество советско-албанской дружбы, правопреемником которого является сегодня «Общество друзей Албании». О значении, которое придавалось развитию отношений с Албанией, говорит перечень людей, стоявших у истоков общества: член-корреспондент Академии педагогических наук А.М. Арсеньев, армянский композитор А.Г. Арутунян, азербайджанский композитор Кара-Абульфас Оглы Караев, доктор искусствоведения В.Д. Блаватский, проректор МГУ И.С. Галкин, писатель Георгий Гулиа, доктор филологических наук А.В. Десницкая, заместитель министра культуры И.П. Кондаков, кинодраматург М.Г. Папава, заместитель председателя президиума ССОД Н.Т. Сизов, председатель Президиума Верховного Совета РСФСР М.П. Тарасов, академик ВАСХНИЛ Е.И. Ушаков, контр-адмирал В.Ф. Чалый, кинорежиссер Г.Н. Чухрай[1].

Ныне немало албанцев, как старшего поколения, так и молодого, в том числе студенты российских вузов, хорошо знают русский язык, интересуются нашей культурой и традициями. Таким образом, несмотря на все перипетии отношений с Албанией, фактор «народной дипломатии», взаимоотношений между людьми никогда не утрачивал своего значения и служит важным ресурсом развития наших отношений, в том числе по таким вопросам, как проблема Косово.

Важность «албанского фактора» становится особенно понятной с учетом того, что из 9 млн. албанцев только 3,2 млн. проживают в самой Албании, а остальные в других балканских государствах, где составляют значительные общины – Македонии, Греции, Сербии, Черногории, Турции, а также в Германии, Италии, Франции, Великобритании, Швейцарии, Швеции, Нидерландах, США, Канаде и других странах. Только в Косово насчитывается свыше 1 млн. албанцев. В 2009 г. Албания стала членом НАТО и может быть принята в ЕС уже в 2014 г.

Президент России Д.А. Медведев на церемонии вручения верительных грамот в связи с назначением послом Республики Албания в России Соколя Гиока 12 октября 2009 г. сказал: «Мы настроены на наращивание взаимодействия с Албанией, с учетом наших интересов и прагматических подходов. Российско-албанский диалог рассматриваем как один из важных факторов стабильности на Балканах».

Как известно, среди верующих албанцев две трети составляют мусульмане и треть – христиане: католики и не менее 10% – православные. В ходе встречи с С. Гиокой в июне 2010 г. Его Святейшество Патриарх Московский

1. Лямеборшай С.Х. Русско-албанской дружбе – 52 года. (http://albania-news.ru).

и Всея Руси Кирилл поделился планами проведения осенью 2011 г. Дней духовной культуры России в Албании и, отметив, что сейчас увеличивается число албанских священнослужителей, православных верующих албанского происхождения, добавил: «не должно создаваться ложного представления о том, будто Православие в этой стране – иностранная религия»[2].

Примечательно, что культурный обмен и сегодня является важным измерением и благоприятным фоном наших взаимоотношений. В 2010 г. фильм Йоханнеса Набера «Албанец», посвященный непростой судьбе албанцев в современной Европе, был удостоен высоких наград Московского международного кинофестиваля 2010 г. – специального приза жюри «Серебряный Георгий» и приза «Серебряный Георгий», присужденного албанскому актеру Нику Хелилаю за лучшее исполнению мужской роли. Это событие вызвало большой резонанс у албанской общественности.

«Общество друзей Албании» средствами «народной дипломатии» стремится внести свой вклад во все сферы сотрудничества между нашими странами.

В феврале и апреле 2010 г. при нашем содействии были организованы встречи посла С. Гиока со слушателями Европейского учебного института (ЕУИ) при МГИМО (У) МИД России, аспирантами, слушателями и студентами старших курсов МГИМО, Дипломатической академии, МГУ, ГУ ВШЭ, МПГУ, Института США и Канады РАН, ИМЭМО РАН, ИНИОН РАН. Посол рассказал о сегодняшнем дне Албании, реформах, проводимых в рамках подготовки к приему в ЕС, роли страны на региональном уровне и в международных отношениях в целом.

В 2009–2010 гг. нами и при нашем содействии был подготовлен ряд публикаций в российских печатных и электронных СМИ, целью которых было познакомить нашу общественность и экспертов с состоянием и перспективами российско-албанских отношений[3]. Общество друзей Албании также сотрудничало с Посольством Албании в организации контактов с парламентскими партиями.

2. http://www.patriarchia.ru/db/text/1179365.html

3. Российско-албанский диалог: что дальше? // Информационный портал Московского государственного института международных отношений МИД России / Эксперты МГИМО. – 16.11.2009. (http://www.mgimo.ru/news/experts/document126686.phtml) Российско-албанский диалог – важный фактор стабильности на Балканах // «Власть». – 2010, № 1. – С. 126–127; Выступление посла Албании в МГИМО // Информационный портал Московского государственного института международных отношений МИД России (http://www.mgimo.ru/news/international_contacts/document145515.phtml) и др.

Важное место в работе общества в 2010 г. заняло переиздание «Памятников обычного права албанцев османского времени»[4]. В книге опубликованы в переводе на русский язык записи обычного права албанцев, которое отражает общественную жизнь этого народа в эпоху Османской империи до возникновения независимого албанского государства. В центре книги – кодекс, или канун Лека Дукаджини XV в., по своему значению для албанцев сопоставимый с «Русской Правдой» для россиян. Кодекс – важное свидетельство высокого уровня цивилизационного развития албанцев в период Средневековья.

Крупным событием, широко отмечавшемся в 2010 г., стало 100-летие со дня рождения Матери Терезы – 26 августа 1910 г., которая была албанкой по происхождению и в современной Албании почитается как фигура общенационального исторического значения. Общество друзей Албании содействовало организации семинара для студентов МГИМО – албанцев и россиян, посвященного Матери Терезе. В Российском университете дружбы народов была организована выставка, посвященная этой дате, которую подготовило землячество студентов-албанцев РУДН. От имени Общества представителям посольства была подарена картина, сделанная с фотоснимка встречи Папы Римского Иоанна Павла Второго и Матери Терезы.

Доброй традицией стали приемы для членов Общества друзей Албании, которые ежегодно проводятся Послом Албании и собирают представителей научной общественности, культуры и деловых кругов, заинтересованных в развитии российско-албанских взаимоотношений.

Деятельность Общества друзей Албании в 2010 г. завершилась участием в организации Международной научно-практической конференции «Албанский вопрос и проблемы обеспечения безопасности на Балканах», состоявшейся в Отделении международных экономических и политических исследований Института экономики РАН при поддержке Посольства Республики Албания в России и Посольства Российской Федерации в Албании. В конференции приняли участие директор Албанского института политических исследований и Посол Албании в Косово Ислам Лаука, директор Института истории Косово профессор Юсуф Байрактарии, профессор Юридического факультета Приштинского университета Энвер Хасани и председатель Сербской либеральной партии в Косово Слободан Петрович. С докладом по теме конференции выступил С. Гиока. В ходе конференции состоялся обмен мнениями по наиболее острым международным вопросам, в том числе по проблеме Косово. Подобные мероприятия с участием научной общественности, экспертов, политологов очень важны, когда речь заходит о поиске путей

4. Памятники обычного права албанцев османского времени / Сост., автор вводного текста и коммент. Ю.В. Иванова; Предисл. С. Гиока. Изд. 2-е, доп. – Издатели: С.Г. Кулешов и А.К. Никитин. – М., 2010. – 264 с.

урегулирования сложных вопросов, от решения которых во многом зависит будущее системы безопасности на европейском и глобальном уровнях.

В 2012 г. исполнится 100 лет с момента обретения Албанией национальной независимости. В преддверии этого значительного события наше общество планирует публикации, посвященные истории Албании и наиболее значимым эпизодам отношений между нашими странами, новые мероприятия, которые способствовали бы развитию российско-албанского сотрудничества.

Фукуяма Ф., Колби С.

ЭКОНОМИСТЫ И ФИНАНСОВЫЙ КРАХ.

FUKUYAMA F., COLBY S. Les économists et la débâcle financière // Commentaire. – P., 2010. – N 129. – P. 5–12.

Американские социологи анализируют роль университетских экономистов, продвигавших ложные и опасные идеи, в развитии финансового кризиса.

Экономисты гордятся тем, что именно им принадлежит заслуга создания наиболее совершенных теорий и строго эмпирического подхода в социальных науках. Однако в случае либерализации финансового сектора экономисты оказали интеллектуальную поддержку политике, благоприятные последствия которой не были доказаны. Более того, этим они способствовали мировой рецессии, которая в своей самой низкой точке уничтожила 30 тыс. млрд. долл. накоплений и довела американский государственный долг до 90% ВВП – против 60% в 2007 г. (с. 5).

Как еще много лет назад заметил Дж. Кейнс, идеи экономистов имеют гораздо бóльшее влияние, чем специалистов в других областях. Политики полагают, что эта дисциплина непосредственно применима для решения важных проблем. В то же время неэкономисты часто ставят под сомнение суждения экономистов из-за слишком большой специфичности их теорий и методов.

Либеральная революция 1980-х годов узаконила переход от политики вмешательства государства в экономику к политике свободного рынка. Был либерализован рынок труда; благодаря действиям ГАТТ–ВТО, возрос объем международной торговли; укрепились права собственности, снизились налоги; принадлежавшие государству отрасли были приватизированы и т.д. Эти изменения подготовили почву для 30 лет роста глобальной экономики (с. 6).

Финансовый сектор также претерпел либерализацию. В США в соответствии с Законом 1986 г. был отменен потолок ссудного процента по банковским депозитам. Через два года Конгресс принял закон, позволяющий американским банкам проводить операции за рубежом. В Великобритании были отменены фиксированные комиссионные расходы по биржевым операциям, а торги переведены в электронный формат.

Хотя каждый из элементов либерализации экономики подвергался критике, выгоды либерализации рынка труда стали очевидными с падением уровня безработицы в англосаксонских экономиках в 1990–2000-х годах. На финансовом секторе либерализация сказалась иначе. Дело в том,

что, хотя рынок капитала может эффективно распределять финансовые средства, при сбоях в функционировании он создает больше опасностей по сравнению с рынками товаров или труда. Банкротство финансовых институтов, таких как банки «Lehman Brothers» или «Citi-Group», приводит к огромным системным издержкам в экономике в целом.

Финансовый сектор по своей природе подвержен более резким колебаниям, чем другие сектора экономики. В реальной экономике цены менее эластичны, и инвестиционные решения носят долгосрочный характер, тогда как финансовые активы более пригодны к биржевой торговле и более ликвидны. Агенты финансового сектора склонны к стадному и эмоциональному поведению, что приводит рынки скорее к неравновесию, чем к равновесию.

Профессора экономики обладали многочисленными теоретическими инструментами, адекватное применение которых могло бы позволить им предвосхитить проблемы финансового сектора. Пузыри и странности финансового рынка, в большей степени обусловленные психологией стадного чувства, чем экономической рациональностью, так же стары, как и сами рынки. Следовательно, имелись все теоретические инструменты для понимания того, что реальные цены финансовых активов не всегда отражают их реальную стоимость и что финансовые рынки необязательно являются эффективным средством аллокации капитала (с. 8).

Помимо эпизода с биржей NASDAQ в 2001 г., который сам по себе должен был послужить тревожным звонком, имелся реальный опыт либерализации движения капиталов в 1990-е годы, когда были снижены ограничения на трансграничное движение капитала. Но постепенное ослабление контроля над финансовыми потоками повлекло за собой ускорение ритма финансовых кризисов, начиная с кризиса фунта стерлинга в 1992 г. Либерализация движения капитала Мексикой и Южной Кореей перед вступлением в ОЭСР в соответствии с требованиями организации привела к финансовым кризисам в обеих странах.

Несмотря на эти предупредительные сигналы, большинство экономистов настаивали на выгодах либерализации движения капиталов. Так, С. Фишер в 1997 г. подчеркивал, что свободное движение капиталов обеспечивает наилучшее размещение сбережений в мире, поскольку развивающиеся страны получают доступ к большим объемам кредитов. Присутствие зарубежных финансовых фирм, использующих наиболее разработанные методы заимствования денежных средств, повышает конкуренцию в местном банковском секторе (с. 8).

Однако эмпирические исследования конца 1990-х – начала 2000-х годов не выявили серьезной корреляции между либерализацией и макроэкономическим ростом, хотя показали, что либерализация приводит к снижению издержек финансовых трансакций и ставок

по кредитам. Тем не менее эти дополнительные выгоды необходимо сопоставлять с риском периодических финансовых кризисов.

Азиатский финансовый кризис 1997 г. должен был заставить экономистов поставить под сомнение программу либерализации финансового сектора. Именно так поступили многие ответственные политики в Азии, в частности в Китае, закрыв свои страны для иностранных спекулятивных капиталов и изменив направление потоков капитала, аккумулируя долларовые резервы.

Большинство американских экономистов и политиков совершенно по-другому реагировали на те же события. После 1997 г. их основной идеей становится продолжение либерализации при условии создания здоровой системы финансового регулирования. Конечная цель – глобализация мира, в котором капитал может свободно циркулировать, не ставилась под сомнение. Кроме того, никто не дал четкого определения, каким должно быть адекватное регулирование.

В целом американские экономисты определенного уровня не принимали всерьез азиатский кризис, поскольку не примеряли его к собственной стране. Финансовые рынки продолжали развиваться, темпы роста финансового сектора превышали аналогичный показатель реальной экономики. По данным ОЭСР, в 1990–2006 гг. доля финансового сектора в ВВП США выросла с 23 до 31%, а в Великобритании с 22 до 33% (с. 9). Частично финансовый сектор рос за счет возникновения новых финансовых институтов (например, фондов спекулятивных инвестиций), создававшихся специально для того, чтобы уклониться от регулирования.

Американские экономисты должны были бы озаботиться появлением полностью нерегулируемого огромного фантомного сектора и начать поиск возможностей его регулирования. Но произошло совершенно противоположное. В США был принят ряд законов, смягчающих контроль в финансовой сфере, хотя некоторые трезвые головы ставили под сомнение базовые гипотезы этого поспешного дерегулирования. В частности, Р. Раджан, бывший в 2005 г. главным экономистом МВФ, подчеркивал, что нерегулируемое развитие финансового сектора делает мир более опасным (с. 9).

Американцы продемонстрировали удивительную негибкость своей экономической и идеологической мысли. Это относится не только к республиканской партии, демонстрировавшей приверженность тем или иным формам рыночного фундаментализма, но и к профессорам экономики, оказывавшим интеллектуальную поддержку либерализации рынков. Идеи о саморегуляции рынков, а также о том, что финансовый сектор ничем не отличается от других секторов экономики, превратились в догму, хотя факты и свидетельствовали об обратном.

Многие экономисты и специалисты по финансам из школ бизнеса пришли работать в инве-

стиционные банки и фонды спекулятивных инвестиций и помогали разрабатывать сложные модели, которые впоследствии оказались непригодными для прогнозирования рисков. Они были лично заинтересованы в успехе финансового сектора. Здравый смысл мог подсказать им, что все изобретенные ими инструменты не могут оцениваться в две трети стоимости товаров и услуг, производимых обществом (с. 10). Но они верили в то, что цена действительно является лучшим показателем всех издержек и рисков.

Кроме того, вера экономистов в финансовые рынки соответствовала пониманию ими национального интереса. Экономисты и политики рассматривали финансовый сектор как область, где США обладают сравнительным конкурентным преимуществом. Правительство пыталось продвинуть интересы страны, создавая национальное и международное окружение, благоприятное для интересов финансовых кругов.

Мировой экономический кризис дает экономистам возможность непредвзято посмотреть на свою профессию. Современные подходы необходимо пересмотреть по крайней мере в трех направлениях.

Во-первых, речь идет о взаимодействии теории и методологии. В наибольшей степени экономическая теория поддается эмпирической проверке на микроэкономическом уровне. Но перенос микроэкономических теорий на национальный уровень, а тем более на глобальную экономику часто ограничивает понимание функционирования реального мира. На макроуровне действует множество нелинейных взаимосвязей и непредсказуемых реакций, которые микроэкономические теории не могут предвосхитить.

Во-вторых, наиболее привлекательной для профессоров экономики является возможность создавать и манипулировать очень абстрактными теоретическими моделями. Однако применение теорий к реальному миру требует множества знаний о политике, истории и местных условиях. При отсутствии эмпирических знаний ограничиваются предположением, что абстрактная модель объясняет реальность.

В-третьих, экономистам было бы полезно изучать историю экономики. Сегодня в лучших американских экономических ведомствах очень трудно найти историка экономики.

В основе политики, спровоцировавшей самый тяжелый за последние 75 лет кризис, лежат неоправданные экономические идеи. Однако если чиновники высокого уровня в администрации Дж. Буша подверглись осуждению за развязывание войны в Ираке со стороны, по крайней мере, общественного мнения, нет никакой уверенности в том, что экономисты, поддерживавшие развитие «финансовых средств массового уничтожения», будут когда-либо призваны к ответственности.

И.Ю. Жилина

ГОДИТСЯ ЛИ КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ ДЛЯ ДРУГИХ СТРАН?

1. ZHAO SUISHENG. The China model: can it replace the Western model of modernization? // J. of contemporary China. – Abingdon, 2010. – Vol. 19, N 65. – P. 419–436.

2. NAUGHTON B. China's distinctive system: can it be a model for others? // Ibid. – P. 437–460.

Быстрый экономический рост Китая за последние 30 лет ставит вопрос о возможном преимуществе китайской модели модернизации над западной, пишет профессор Денверского университета, США Чжао Суйшэн (1). «Действительно, китайская модель бросила серьезный вызов западной модели модернизации, согласно которой в развивающихся странах пытаются насадить одновременно свободный рынок и либеральную демократию» (1, с. 420). Однако сначала надо разобраться, до какой степени китайская модель отражает успешное сосуществование свободного рынка и авторитарного государства. Является ли китайская экономическая система истинно свободной, а политическая система подлинно авторитарной? Насколько успешно китайское руководство сочетает экономическую свободу и политический контроль для поддержания экономического роста и политической стабильности? И вообще, насколько жизнеспособна в перспективе китайская модель?

Широкая дискуссия о китайской модели началась после публикации в 2004 г. статьи Дж. Купера Рамо, который посредством концепции «Пекинского консенсуса» описал уникальный китайский подход к развитию, противопоставив его плану, опубликованному Дж. Уильямсоном в 1989 г. Этот план из десяти пунктов, разработанный для Латинской Америки и других развивающихся стран, переживающих экономический кризис, отстаивал необходимость свободного рынка и ограничения роли государства. Хотя этот план первоначально имел чисто экономическую направленность, в дальнейшем его понимание было расширено, и необходимым итогом модернизации стали считать сочетание либеральной демократии и свободного рынка.

Поводом для растущей критики «Вашингтонского консенсуса» явилось ухудшение социального и экономического положения значительной части населения в тех странах, которые стали проводить его в жизнь. В числе главных причин его провала называлось ошибочное объяснение успеха новых индустриальных стран Восточной Азии неолиберальной экономической политикой в отличие от чрезмерного государственного вмешательства в Латинской Америке.

«Именно в этом контексте Рамо предложил провокационный “Пекинский консенсус” как альтернативу “Вашингтонскому консенсусу”» (там же). Согласно Рамо, «Пекинский консенсус» (ПК) имеет три отличительных признака: упор на инновации и постоянное экспериментирование в реформировании экономики; приоритет развития и равенства вместо ВВП на одного жителя как единственного показателя прогресса; отстаивание полного суверенитета. Эти рассуждения послужили поводом для дискуссии о том, действительно ли Китай предложил новую модель развития. Сторонники Рамо восторгаются тем, что эта модель «объясняет, как, впервые после деколонизации, страны Юга могут следовать собственному политическому курсу и при этом находить партнеров среди государств и компаний, чьи позиции не совпадают с позицией США…»[1] Со своей стороны, критики утверждают, что ПК – всего лишь миф, поскольку нельзя говорить о строгом соблюдении его принципов в КНР. Во-первых, китайцы не являются лидерами инноваций, и нет ничего подлинно нового в китайских технологических и политических инициативах. «По большей части китайские предприятия выпускают изделия и предоставляют услуги, которые были сконструированы и изобретены за пределами Китая, и китайская экономическая политика была в большей мере инициативной, чем новаторской» (1, с. 422). Во-вторых, крайне мало свидетельств того, что Китай осуществляет устойчивое и социально справедливое развитие. Верно, что меры по охране природы значительно усилены, но они несопоставимы с темпами экономического роста, и экологическая обстановка становится все более тревожной. Резко выросло социальное неравенство. В-третьих, стратегия экономического развития Китая отнюдь не уникальна, поскольку она представляет собой набор элементов, используемых либо в странах с более либеральными режимами, либо в развивающихся странах[2].

Однако зачастую спор возникает из-за того, что разные авторы вкладывают разное содержание в понятия ПК и Вашингтонского консенсуса. В конечном счете многие видят в китайской модели сочетание экономической свободы и политического гнета. Но такое описание неточно. Китаю действительно удалось в значительной степени создать рыночную экономику, именуемую его руководителями «социалистической рыночной экономикой», в которой все более свободно обращаются рабочая сила, капитал и товары. Частные секторы играют все более важную роль в национальной экономике и занятости. Крестьянам

1. Gresh A. The world turned upside down, understanding the Beijing Consensus // Monde diplomatique. – P., 2008. – November. (Здесь и далее описание дано по реф. источнику.)

2. Kennedy S. The myth of Beijing Consensus // J. of contemporary China. – June. – 2010.

предоставлено право контроля над своими участками. Китай включился в мировое рыночное хозяйство, привлекая иностранный капитал, технологии и осваивая современные управленческие навыки, участвуя в международном разделении труда, чему способствуют дешевая рабочая сила и обширный внутренний рынок. Однако китайская экономика свободна лишь избирательно. Государство полностью держит в своих руках стратегические секторы экономики и широкий круг таких важных отраслей, как предприятия общественного пользования, транспорт, телекоммуникации, финансы и СМИ. Народный банк Китая остается инструментом правительства, а не автономным учреждением, каковыми являются центральные банки западных стран. Многие партнеры Китая на мировом рынке требуют прозрачного управления, независимости судов, твердых прав собственности и свободной информации.

Нелиберальные аспекты китайской экономики не помешали, однако, ее быстрому росту и повышению уровня жизни населения. На деле избирательный государственный контроль над экономикой сделал Китай менее уязвимым перед ударами извне, как это показал мировой кризис 2008–2009 гг., который Китай перенес легче, чем многие западные страны.

Рыночная экономика Китая во многих отношениях похожа на экономику новых индустриальных стран (НИС) – Сингапура, Гонконга и Южной Кореи в 1970–1980-е годы, когда «неолиберальная экономическая политика и политический авторитаризм совпали с исторической возможностью экспортно-ориентированного развития и привели к быстрой модернизации. Китайская модель есть всего лишь вариация более ранней восточноазиатской модели» (1, с. 423). В ее основе нет никакой идеологии: «Неважно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей». Реформы осуществлялись осторожно и постепенно, методом проб и ошибок, с выбором наиболее подходящих площадок и районов для первоначального экспериментирования. Китайское руководство использовало существующие экономические и политические институты, постепенно преобразуя их и переориентируя на цели модернизации. При этом Китай избирательно использует западный опыт. «То, что делает китайскую модель уникальной, – это сохранение коммунистическим режимом за собой права решать, когда, где и как принимать западные идеи» (1, с. 424).

Главный недостаток китайской модели в том, что она не имеет никаких моральных ограничений. Ее установка – экономический рост и политическая стабильность, для достижения которых годятся любые средства. Как отмечает один из обозревателей, «хотя Пекинский консенсус привлекателен в авторитарных и полуавторитарных развивающихся странах, он подрывает влияние китайской политики мягкой силы на Западе, поскольку Китай страдает от кор-

рупции, неравенства, отсутствия демократии, прав человека и верховенства закона»[3].

Чтобы оценить, насколько успешна китайская модель, прошло слишком мало времени, заключает Чжао. Трудно говорить об ее универсальности, так как ни одна экономика не растет вечно с одной и той же скоростью. «Рост китайской экономики, точно так же, как и всякой другой поднимающейся экономики в мире, может прекратиться или даже оказаться в кризисе. К тому же разрыв между богатыми и бедными в Китае за последнее десятилетие увеличился, и эта тенденция стала серьезной угрозой для политической стабильности, которая позволяла поддерживать экономический рост и легитимность КПК. Можно только гадать, как долго будут продолжаться экономический рост и легитимность режима» (1, с. 435).

Профессор Калифорнийского университета, г. Сан-Диего, (США) Б. Нафтон (2), полагает, что ПК игнорирует различия в подходах и оценках среди китайских экономистов и политических руководителей. Как модель ПК имеет право на существование только в том случае, если «необычный опыт Пекина» позволит определить «широкие принципы, на которых можно построить эффективную политику развития во всем мире» (2, с. 437). Сторонники ПК должны определить: а) почему конкретные подходы китайских руководителей имели ключевое значение для быстрого роста экономики Китая и б) почему эти конкретные подходы применимы к другим, резко отличным ситуациям. «До сих пор никто и нигде не подошел и близко к прояснению каждого из этих вопросов» (там же).

Можно найти много уникальных черт китайского опыта, но существуют по крайней мере три изначально уникальных условия первостепенного значения: 1) размеры Китая, обеспечивающие ему (и теперь, и в прошлом) потенциально огромный внутренний рынок, способствующий конкуренции и притоку иностранного капитала. Среди развивающихся экономик только США (в XIX в.) и Индия (в XXI в.) имели аналогичное преимущество в размерах; 2) Китай, со своими избыточными трудовыми ресурсами, в прошлом следовал стратегии капиталоемкого социалистического развития. Уже в тот период Китай вкладывал средства в человеческий капитал, и его относительно здоровая и квалифицированная рабочая сила увеличила его сравнительные преимущества в трудоемких отраслях, но государство «упрямо воздерживалось» от использования этого потенциала. «Когда Китай наконец перешел к стратегии развития трудоемких производств, экономический рост приобрел взрывной характер» (029, с. 439); 3) Китай как страна с переходной экономикой сохранил и укрепил иерархическую авторитарную политическую

3. Nye J.S. The rise of China's soft power // The Wall Street j. Asia. – 2005. – December 29.

систему, которую он активно развернул в новой рыночной среде. «Каждая из этих особенностей потенциально важна и достаточно уникальна, чтобы сделать сомнительным успешное использование китайского опыта другими странами; взятые же вместе они не оставляют сомнений в уникальности Китая» (там же). Участники дискуссий о китайской модели в большинстве своем проходят мимо этих фундаментальных особенностей и, похоже, вовсе не замечают их. В результате многие рассуждения о ПК оказываются просто бессодержательными.

За время китайских реформ усилились стимулы к трудовой активности и одновременно укрепилась иерархическая система. Последняя была обновлена, профессионализирована, упорядочена и усилена. Неверно утверждать, что Китай не был политически реформирован. «Вернее сказать, что проведенные политические реформы сделали эффективной авторитарную иерархию. В итоге сложилась система, в которой и рыночные стимулы, и административный надзор стали необычайно сильными. Чиновники и управляющие предприятиями обладают огромной властью и подвергаются сильному искушению, но находятся под постоянным надзором и под угрозой драконовских наказаний. Так как авторитарная иерархия с такими характеристиками, по всей видимости, останется весьма специфичной для Китая, вряд ли возможно повторение китайского опыта где-либо еще» (2, с. 457).

Автор полагает, что китайская система продолжит развиваться, так как она находится перед лицом быстро меняющихся условий и уже «осознала» необходимость непрерывного развития. Влияние мирового финансового кризиса выразится в том, что произойдет дальнейшее усиление системы в ее нынешнем виде и будут отложены новые реформы. Суть дела в том, что в нынешней кризисной обстановке будут особенно цениться быстрота реакции на падение мировой торговли и прямой контроль над экономикой. Но по окончании мирового кризиса китайская модель развития существенно изменится по двум причинам. Во-первых, рост китайской экономики скоро достигнет поворотного пункта, когда индустриализация перестанет быть ведущей силой и закончится переход от сельской к городской жизни. Во-вторых, сами размеры и усложнение экономики страны потребуют дальнейшей адаптации ключевых параметров системы.

Китаю удалось преодолеть много барьеров, находясь в статусе «регулируемой экономики». Но что делать дальше, после завершения этой стадии развития? До сих пор ускоренный рост обеспечивался быстрым перемещением рабочей силы из отсталого сельскохозяйственного сектора в современный и полусовременный промышленный сектор и сектор услуг, и в этом он мог использовать опыт опередивших его стран как на Западе, так и в Восточной Азии. Было относительно легко

определить, какую инфраструктуру надо построить – какие автострады, какие порты, поскольку планировщики были уверены в перспективах роста. Потенциал роста был совершенно очевиден, а финансовых средств вполне достаточно, чтобы обеспечить массовое переселение сельских жителей в города, снабдить их жильем и оборудованием для новых занятий.

Эта фаза развития в Китае почти завершена. К концу 2007 г. только 40% рабочей силы Китая было занято в сельском хозяйстве. За 2002–2007 гг. деревню покинули 75 млн. человек (2, с. 458). Этот процесс привел к крупным переменам в китайской деревне, сельское хозяйство все больше ложится на плечи пожилых крестьян. Вместо «беспорядочного строительства инфраструктуры» на первый план выходит повышение эффективности существующих секторов экономики. «Нынешний китайский комплекс институтов и стратегий больше подходит для решения первой задачи, чем последней… Китайская экономика приближается к структурному поворотному пункту» (там же).

По достижении этого пункта правительство окажется перед необходимостью управлять экономикой, несравнимой по масштабам с чем-либо известным до сих пор. Так или иначе ему придется расширять поле свободной конкуренции, а соответственно и менять свое поведение в новой конкурентной среде.

Несомненно, в ходе мировых дискуссий выявился отход от постулатов рыночного фундаментализма и «Вашингтонского консенсуса». Одновременно происходит столь же очевидный уклон в сторону правительств, вернувшихся к политике активного вмешательства в экономику, по крайней мере в развивающихся странах. «Однако это не значит, что на смену Вашингтонскому консенсусу приходит новый набор принципов; просто этот начальный сдвиг есть всего лишь приспособление к новым обстоятельствам, диктуемое практическими соображениями» (2, с. 459). Ныне среди экономистов мира нет и намека на согласие о магистральных путях развития и об уроках китайского опыта. Чтобы добиться нового консенсуса, надо ответить на следующие вопросы: «Чему мы научились с 1960 г., чтобы не повторять ошибок, допущенных в подходах к развитию в 1950-х и 1960-х годах? Что было специфичным для китайского подхода, позволившего стране избежать некоторых из многих проблем, которые ей предрекались? До какой степени китайский успех был связан с иерархическим и авторитарным порядком? Только после того, как мы проникнемся необходимостью этих вопросов, можно будет говорить о Пекинском консенсусе» (2, с. 460).

Л.Ф. Блохин

Заррацин Т.

САМОУБИЙСТВО ГЕРМАНИИ.

SARRAZIN TH. Deutschland schafft sich ab. – München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2010. – 464 S.

Больше всего современных социальных философов беспокоит судьба капитализма и в первую очередь того «капитализма с человеческим лицом», который во второй половине XX в. формировал положительный образ Запада. Этот «капитализм с человеческим лицом» еще не исчез, но уже утратил многие привлекательные черты. Как показывает философ и известный политический деятель Т. Заррацин, даже Германию, традиционно выделявшуюся высоким уровнем жизни, подобная печальная участь не миновала.

Германия, пишет Заррацин, угодила под ту же волну, которая накрыла остальной Запад и мир в целом. Имя этой волны – неолиберализм. Эта волна больно ударила по «социальному государству» или «государству благосостояния», которое на Западе появилось из мук крупного кризиса капитализма и социальной борьбы в мировом масштабе. На рубеже 1920–1930-х годов позиции капитализма как системы казались многим очень шаткими. Западные элиты ждали революции наподобие той, которая незадолго до того смела капитализм в России. Для предотвращения революции «верхи» ведущих западных стран пошли на «социальный компромисс»: обеспечили путем широких мер государственного регулирования серьезные социальные гарантии огромному большинству населения. Такое «социальное государство» («государство благосостояния») справилось с антагонизмами, свойственными капитализму, обеспечив социальный мир на Западе. Социальный мир выглядел прочным, и благополучие Запада казалось обеспеченным на долгие годы вперед, а то и на века.

Неолиберализм все изменил. Относительное спокойствие на Западе стало для его элит сигналом к наступлению, к возвращению утраченных в «золотую эпоху» (как еще называют период «государства благосостояния») позиций. Высокий уровень жизни в ведущих странах был достигнут за счет перераспределения доходов корпораций в пользу бедных. Капиталисты сами оплачивали тот самый социальный мир, и он им дорого обходился. Но теперь, когда умиротворение было достигнуто и капитализму, казалось, ничего уже не угрожало, исчез и стимул тратиться на подкуп низов. Социальные затраты можно было снизить и тем резко повысить свои доходы.

Примерно так в 1970-е годы рассуждали западные элиты. Они, по сути, подняли восстание,

выступили против социального статус-кво, и неолиберализм стал их знаменем, настоящим символом веры. Неолиберализм предполагает отказ от «искусственного» перераспределения доходов от богатых к бедным и вообще от государственного вмешательства в экономику в пользу неограниченного рынка. Свободный рынок неолибералы объявляют единственным правилом организации хозяйственной жизни. Эта организация сводится к самоорганизации. Государство ни в коем случае не должно мешать ей, не должно никаким способом вмешиваться. Роль государства – это роль «ночного сторожа». Государство, иными словами, должно просто охранять порядок, стоять на страже закона, делать так, чтобы рыночная экономика могла спокойно функционировать. С остальными задачами она прекрасно справится сама, без помощи политиков, способных оказывать ей только медвежью услугу.

Результаты неолиберального курса не замедлили дать о себе знать. Беда лишь в том, что они резко отличались от запланированных и оказались неутешительными. Неолиберальные идеологи объявляли, что свободный рынок выгоден всем без исключения – и богатым, и бедным. Считалось, что все слои общества должны получить от «свободной экономики» такие преимущества, которые были совершенно недоступны в прежнюю «золотую эпоху». Прогнозы не оправдались. Капитал свои выгоды действительно получил, доходы корпораций возросли. А вот прочие слои населения, вопреки неолиберальным обещаниям, оказались в проигрыше. Широкие массы, лишившись прежней поддержки государства, живут теперь заметно хуже, чем раньше. Люди страдают от возросшей безработицы, снижения заработной платы (если брать в реальном исчислении, с поправкой на изменения в ценах) и утраченных социальных гарантий.

На Западе теперь стало модно грезить по потерянным временам, мечтать об их возвращении, а также ругать тех политических деятелей, по чьей вине, как считается, эти времена ушли в прошлое. Перемены, произошедшие под знаком неолиберализма, сравнивают, как отмечает Заррацин, с катастрофой, с самоубийством. Автор, со своей стороны, находит, что для этого «самоубийства» были веские основания. Его нельзя было предотвратить. Разрушение «социального государства» было связано не только с изменением расстановки сил внутри Германии и других стран Запада, не только со злой волей элит, воспользовавшихся своей безнаказанностью, отсутствием угроз в их адрес «снизу». Было нечто такое, что в любом случае похоронило бы «золотую эпоху», даже если бы «верхи» Запада боялись социального взрыва так же, как и раньше.

Заррацин обращается к последствиям падения рождаемости в Германии. Оно началось еще 40 лет назад и теперь ожидается, что за ближайшие полвека населе-

ние Германии уменьшится почти на 20% – с 88 до 66 млн. жителей. Но не так страшно это сокращение населения, как то, за счет каких групп оно будет происходить. На целых 40% сократится число детей и молодежи до 20 лет. Зато число представителей возрастных групп старше 50 лет вырастет на 14% (с. 456–457). Согласно популярной точке зрения, к которой присоединяется Заррацин, такая тенденция сулит грандиозный крах. Раз доля пожилых людей будет выше, то в условиях общего сокращения населения число получателей пенсий возрастет почти в 2 раза. Соответственно будет падать количество работающих и к 2050 г. практически сравняется с числом тех, кому больше 65 лет. Германия превратится в общество старых людей. И на молодых, количество которых будет постоянно уменьшаться, ляжет практически непосильная задача пенсионного обеспечения всех этих как никогда многочисленных стариков и старушек. Что это будет еще, если не крах?

Одни лишь эти цифры располагают к далеко идущим выводам. Неожиданно выясняется правота сторонников неолиберализма, выступающих за резкое сокращение социальной политики. Социальная политика в прежних масштабах оказывается не только нецелесообразной, а еще и невозможной. Это стало фактом уже сейчас, а дальше данный факт будет еще более очевидным и вряд ли станет кем-то оспариваться.

Другую проблему Заррацин видит в изменениях качественного состава групп населения или, как еще говорят, качества социального капитала. Сейчас наиболее высокая рождаемость в германском обществе наблюдается в группах иммигрантов. Их семьи традиционно отличаются плодовитостью, которая в германских условиях стимулируется социальной политикой, немаленькими детскими пособиями. Ради этих пособий мигранты готовы заводить дополнительных детей. Тем временем в немецких семьях рождаемость падает, особенно в семьях с высоким уровнем образования родителей. В результате уже сейчас в младших классах немецких школ насчитывается больше турецких и арабских, чем немецких детей. Заррацина и многих других пугает тенденция, при которой растет количество детей в семьях с низким уровнем образования родителей, и, наоборот, уменьшается число детей в семьях высокообразованного старшего поколения. По данным международных организаций, Германия, всегда отличавшаяся высоким уровнем науки, образования и культуры, стала одной из худших среди западных стран по рейтингу знаний и способностей школьников. В связи с чем возник популярный лозунг: «Больше детей от умных, пока не стало слишком поздно!» (с. 331). Лозунг очень своевременен, поскольку по всем признакам население Германии не только уменьшается, не просто беднеет, но еще и глупеет. Эти три тенденции наблюдаются одновременно и неизвестно, можно ли их повернуть вспять.

Германия не одинока: те же трудности испытывают другие западные страны. В них неолиберальные преобразования привели в последние десятилетия к существенному падению уровня жизни. Тем не менее этот уровень жизни существенно выше, чем тот, который наблюдается в современном «третьем мире». Жители западных стран сетуют на сокращение социальных гарантий, снижение уровня социальной защиты, но при взгляде из других регионов (из Восточной Европы, Азии, Латинской Америки и особенно Африки) западные социальные гарантии все еще кажутся запредельно высокими. Естественно, жители «третьего мира» жаждут ухватить хоть немного из этих социальных гарантий, а также заработков, которые можно найти на Западе, и потому в огромном количестве стремятся туда попасть – на время, а лучше на постоянное жительство. Не только в Германии, но во всех западных странах иммигранты становятся все более многочисленным слоем населения. Они все больше определяют облик Запада и становятся для него большой проблемой. Такой же проблемой, какой стали для Германии. В Германии из-за миграции уже произошло и будет происходить дальше сокращение социального капитала, но и в других странах наблюдается то же самое. На фоне многих из них Германия выглядит даже благополучной.

Заррацин уверен: свои проблемы Запад может решить только сообща, с помощью какого-то общего курса. Каким этот курс будет, сейчас пока неясно. И вообще непонятно, возможен ли такой курс. В конце концов между западными странами имеются громадные противоречия, они могут вполне помешать договориться сторонам. Сейчас ясно только, каким некий общий курс по спасению западной цивилизации не может быть ни в коем случае. Совершенно точно нельзя искать спасение в старых рецептах «социального государства» или «государства благосостояния». Эти рецепты сыграли очень благотворную роль в истории, но они были хороши для своего времени, для определенных условий. С тех пор условия изменились, нынешние кризисные явления в миропорядке не имеют ничего общего с тем полномасштабным кризисом, который поразил капиталистическую систему на исходе первой трети прошлого столетия. Соответственно, старые способы преодоления тупика к нынешним проблемам абсолютно неприменимы. Нужно искать какой-то новый путь, но вот какой, никто пока не знает.

Заррацин вынужден допускать, что такого пути может вовсе и не быть. Автор книги является скорее пессимистом, чем оптимистом. В то же время этот пессимизм не носит абсолютного характера. Заррацин не раз по ходу повествования напоминает, что, столкнувшись с трудностями, люди по обыкновению становятся пессимистами, поскольку не видят выхода из положения. Действительно решение обычно неочевидно. Но оно

во многих случаях все же находилось, благодаря чему оказались преодолены самые страшные кризисы различных видов. Вот и сейчас вполне возможно, что решение есть и со временем оно найдется.

С.А. Ермолаев

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА SUMMARIES

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА
Summaries

О.Т. Богомолов. Неэкономические грани экономики
O.T. Bogomolov. Non-Economic Facets of the Economy

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., экономика, экономический кризис, государственная политика, социальная сфера, наука.

Key words: *Russia, early 21st century, economy, economic crisis, state policy, social sphere, science.*

Текущие меры по преодолению кризисных процессов едва ли приведут к прочному успеху, если не определить стратегические приоритеты не только и не столько в экономике, сколько в духовной и социальной сферах. Во главу угла государственной политики многих стран Запада поставлено развитие образования, здравоохранения, науки, культуры, забота о молодом поколении. Именно через это пролегает путь к обновлению общества, оздоровлению морального климата в нем и процветанию экономики.

Current measures to overcome the crisis will hardly bring steady success unless strategic priorities are established not only in the economy but spiritual and social spheres as well. The cornerstone of state policies in many Western countries is the development of education, health care, science, culture, care of youth. This is surely the way to renovate the society, make its moral climate more healthy, reinvigorate the economy.

В.А. Динес. Российская государственность в контексте модернизации
V.A. Dines. Russian Statehood in the Context of Modernization

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., государство, социально-экономическое развитие, модернизация.

Key words: Russia, early 21st century, state, socio-economic development, modernization.

Мягкий авторитаризм современной России, сохраняя моноцентричный характер государства, может служить политико-бюрократической верхушке и олигархам, а может оптимизировать публичную сферу, в которой многообразие интересов гражданских структур может быть реализовано при помощи государства и в соответствии с потребностями общества. И главной проблемой для государственной власти будет сохранение и расширение каналов для диалога с обществом.

Soft authoritarianism in modern Russia preserving a monocentric character of the state can serve the political-bureaucratic elite and oligarchs while it can also advance the public sphere where multiple interests of civil structures could be realized with the assistance of the state and in full accord with the societal demands. Then the key problem the state authorities will be the preservation and widening of channels for a dialogue with the society.

А.Н. Медушевский. Значение Великой реформы в модернизации России
A.N. Medushevsky. The Role of the Great Reform in the Modernization of Russia

Ключевые слова: Реформа 1861 г., крепостное право, освобождение крестьян, земельный вопрос в России, модернизация.

Key words: 1861 reform, serfdom, peasant liberation, land problem in Russia, modernization.

Великая реформа 1861 г. – одно из переломных событий российской истории, пример радикальной модернизации, безусловно либеральной, эндогенной, осуществляемой в правовых формах и создающей новую картину мира. Ее можно определить как настоящую революцию сверху, опыт успешной правовой модернизации традиционного общества.

The Great Reform of 1861 is one of crucial events of Russian history, an example of radical modernization, undoubtedly liberal, endogenous, performed in legal forms and creating a new vision of the world. It can be defined as a real revolution from above, an experience in successful lawful modernization of a traditional society.

А.В. Алексеев. Инновационные институты для инновационной экономики
A.V. Alexeev. Innovating Institutes for the Innovation Economy

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., экономическое развитие, инновационная экономика, ресурсная экономика, инновационные институты, модернизация.

Key words: Russia, early 21st century, economic development, innovation economy, resource economy, innovating institutes, modernization.

Институциональная реформа поможет запустить процесс генерации финансовых потоков, которые, будучи направлены в сферу производства и образование, создадут устойчивую положительную связь: адекватные современному уровню развития общества институты – поступательное развитие сферы производства товаров и услуг. Именно это и необходимо для динамичного развития российского общества, создания инновационной экономики. Природные же ресурсы должны быть использованы как стартовый капитал для экономической модернизации.

An institutional reform can help to start the process of generating financial flows which, being directed to the spheres of production and education, will create a stable positive interaction between adequate modern societal institutes and progressive development of goods and services production. It is this interaction which is necessary for a dynamic development of the Russian society and creation of an innovation economy while natural resources would be used as an initial capital for economic modernization.

Ю.А. Гаврилов, А.Г. Шевченко. Динамика этнорелигиозной структуры населения РФ (по материалам переписей)
Yu.A. Gavrilov, A.G. Shevchenko. The Dynamics of the Ethno-Religious Structure of the RF Population (according to the census data)

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., население, этническая структура, религиозная структура, переписи.

Key words: Russia, early 21st century, population, ethnic structure, religious structure, censuses.

Сокращение численности российского населения происходило главным образом за счет русского народа. Произошло также заметное сокращение численного состава украинцев, белорусов и ряда других народов православной культуры. Одновременно резко сократилась численность западнохристианских народов и особенно – евреев (вследствие эмиграции). В отличие от православных, мусульманские народы постоянно наращивают свой количественный состав.

The decrease of Russia's population has taken place mainly at the expense of ethnic Russians. Also decreased in number are Ukrainians, Byelorussians, and some other peoples of Orthodox culture. Simultaneously sharply reduced numerically appeared to be the West Christian peoples, especially Jews (as a consequence of emigration). In contrast to this picture the Muslim peoples constantly grow in number.

Г. Шрёдер. Германия, Европа и Россия – партнерство на пути к миру и безопасности

G. Schröder. Germany, Europe and Russia – Partnership on the Way to Peace and Security

Ключевые слова: Германия, Россия, начало XXI в., российско-германские отношения, европейская безопасность.

Key words: Germany, Russia, early 21st century, Russian-German relations, European security.

Прошедшие столетия являются свидетелями периодов хороших, плохих и очень плохих германо-российских отношений. Во времена плохих отношений между двумя государствами, судьба мира на всем европейском континенте, как правило, находилась под угрозой. Этот опыт является исходной точкой парадигмы германской внешней политики, которая гласит: стабильность в Европе возможна только в рамках дружественных отношений с Россией.

The past centuries witnessed good, bad and very bad German-Russian relations. At times of bad relations the destiny of peace on the whole European continent was under threat. That experience is the starting point of the paradigm of German foreign policy which says: stability in Europe is feasible only in the framework of friendly relations with Russia.

Чжан Шухуа. Глобальный мир и миссия китайских и российских обществоведов

Chian Shu Hua. The Global World and the Mission of Chinese and Russian Social Scientists

Ключевые слова: глобальный мир, начало XXI в., международные отношения, российско-китайские отношения, общественные науки в Китае.

Key words: global world, early 21st century, international relations, Russian-Chinese relations, social sciences in China.

Китай и Россия составляют мощную позитивную силу на международной арене для рационального и оправданного реструктурирования международного политического и экономического порядка. Китайские и российские ученые должны обладать достаточной смелостью, чтобы дать собственные оценки существующему положению вещей и оказать друг другу поддержку для усиления роли двух стран в международной политической и экономической жизни.

China and Russia constitute a mighty positive force in the world affairs for rational and justified restructuring the international political and economic order. Chinese and Russian scholars must have enough courage to give their own evaluation of the current situation and render mutual assistance to strengthen the role of the two countries in world economic and political life.

Р.М. Щербов. Тенденции развития образовательной политики в мире и России

R.M. Shcherbov. Some Trends of Education Policy in the World and Russia

Ключевые слова: образование в мире, образование в России, начало XXI в., образовательная политика, дошкольное воспитание, образование и бизнес.

Key words: education in the world, education in Russia, early 21st century, education policy, pre-school training, education and business.

На фоне мирового бума высшего образования и растущей мобильности молодежи Россия постепенно утрачивает свои позиции на международном рынке образовательных услуг. Это обусловлено не только проблемой языка обучения и социальными условиями обучающихся, но и спецификой россий-

ской системы высшего образования. России необходимо новая образовательная политика, которая бы отвечала требованиям информационного общества, основанного на знаниях и инновационной экономике.

Against the background of the world boom of higher education and growing youth mobility Russia steadily loses its positions on the international market of educational services. The cause is not only the language problem or social conditions of training, but also the specific features of the Russian higher educational system. Russia needs a new education policy which would conform to the criteria of an information society based on knowledge and an innovative economy.

С.С. Гулак. Энергетическая зависимость Украины: Проблема для новой администрации страны
S.S. Gulak. The Ukraine's Energy Dependence: A Problem for the New Administration of the Country

Ключевые слова: российско-украинские отношения, энергетическая зависимость, украинская промышленность, газовый рынок.

Keywords: Russian-Ukrainian relations, energy resource dependence, Ukrainian industry, gas market.

Высокая энергетическая зависимость экономики Украины от импортируемого из России газа объясняется прежде всего тем, что у Украины, при большой энергоемкости украинской промышленности, нет альтернативы поставкам российского топлива в среднесрочной перспективе. Ведущие украинские отрасли промышленности (ГМК и Химпром) находятся в слишком большой зависимости от российского газа.

High energy resource dependence of Ukraine's economy on gas imported from Russia is caused above all by the fact that while the Ukrainian industry is largely dependent on the Russian fuel there are no alternatives for Ukraine to diversify its import in the medium term. Key Ukrainian industries (the ore-metallurgical complex and the chemical industry) are too much dependent on the Russian gas.

А.Ш. Жвитиашвили. Россия и Белоруссия: Некоторые аспекты сравнения

A.Sh. Zhvitiashvili. Russia and Byelorussia: Some Aspects of Comparison

Ключевые слова: Россия, Белоруссия, СНГ, интеграция, сравнительные характеристики.

Key words: Russia, Byelorussia, CIS, integration, comparative analysis.

В число главных составляющих создания Союзного государства России и Белоруссии входит задача ускорения экономического роста и гарантия безопасности населения обоих государств. Имеется ряд серьезных факторов, мешающих и тормозящих процесс интеграции. Консервативная модель развития в обеих странах затрудняет интеграцию современного типа.

One of the main components in the program of the Unitary Russian-Byelorussian State is the task of speeding up economic growth, and guaranteeing security for the population of both counties. There are some serious factors which impede and retard the process of integration. The conservative model of development adopted in these countries makes modern type integration difficult.

О.В. Маляров. Государственное регулирование в переходной экономике: Опыт Индии

O.V. Malyarov. State Regulation in a Transit Economy: The Experience of India

Ключевые слова: Индия, вторая половина XX в., экономика, государственное регулирование, планирование.

Key words: India, second half of the 20th century, economy, state regulation, planning.

Успешный опыт модернизации экономики Индии демонстрирует активную роль государства в процессе экономического роста и заслуживает внимательного изучения с точки зрения возможности его использования для решения задач, стоящих перед Россией. После завоевания политической независимости Индия заимствовала у СССР опыт планирования, адаптировала его к рыночной экономике и сделала стержнем всех мер государственного регулирования, направленного на подчинение стихии рыночных сил целям социально-экономического развития.

Successful modernization of the Indian economy reveals an active role played by the state in the process of economic growth and deserves attentive study to try to use it in the solution of problems facing Russia. After winning political independence India borrowed from the USSR its planning practices and adapted them to the market economy making them a pivot of all state regulation measures aimed at the subordination of spontaneous market forces to the goals of socio-economic development.

Ю.С. Пивоваров. «Вторая Отечественная» и современная Россия (К вопросу о родословии послесоветского строя)

Yu.S. Pivovarov. The Second Patriotic War and Today's Russia (On the problem of genealogy of the post-Soviet State)

Ключевые слова: Россия, история XX в., Отечественная война, Коммунистический режим-1, Коммунистический режим-2, легитимность, государственная самоидентификация.

Key words: Russia, 20th century history, Patriotic War, Communist regime-1, Communist regime-2, legitimacy, state self-identification.

Советская власть вплоть до Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. представляла собой Коммунистический режим-1, характеризовавшийся тотальным государственным насилием и переделкой всего общества; этот режим был возможен только в крестьянской стране. Коммунистический режим-2, вышедший из войны, характеризуется отказом от тотального насилия и частичным восстановлением традиций российской власти. Современный режим как продолжение этого режима, черпая свою легитимность в Великой Отечественной войне, характеризуется переделом властных полномочий и собственности.

The Soviet State up to the Great Patriotic War of 1941–1945 represented Communist Regime-1 characterized by total coercion, violence methods and efforts to remake the whole society; it was possible only in a peasant country. Communist Regime-2 originating in the war is characterized by a rejection of total coercion and violence and partial resurrection of the Russian traditions of authority. The present regime, as a continuation of the previous one, draws its legitimacy in the Great Patriotic War and is characterized by the redistribution of power prerogatives and property.

К сведению авторов

Требования к рукописям, поступающим в журнал «Россия и современный мир»

Рукописи принимаются в виде компьютерной распечатки (междустрочный электронный интервал 1,5, соответствующий машинописному интервалу 2; кегль 14; гарнитура Times New Roman); к распечатке прилагается дискета, текст на которой должен иметь те же параметры. Допустимо предоставление вместо дискеты флэшки для переноса файла в компьютер редакции (флэшка возвращается автору).

Объем публикуемых рукописей не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. электронных знаков с пробелами) и может зависеть от рубрики и жанра рукописи (статья, сообщение, заметка и т.д.). В отдельных случаях возможно согласование объема с редакцией.

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. Обязательно предоставление сведений об авторе на первой странице рукописи после заголовка. Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты даются на первой странице в подстрочнике.

Исследовательские статьи, основанные на использовании более трех источников, сопровождаются алфавитными и пронумерованными списками литературы, в которых каждый источник, независимо от количества ссылок на него в тексте, имеет один номер; ссылки на него даются в тексте в скобках, где фигурируют этот номер и, через запятую, та страница(ы), к которой отсылается читатель; если в одном месте в тексте необходима отсылка к нескольким источникам, их номера указываются в одних скобках через точку с запятой. При использовании литературы на русском и иностранных языках сначала указываются русскоязычные источники, а затем иноязычные с одной сплошной нумерацией.

В так называемом подстрочнике могут помещаться авторские примечания (комментарии, разъяснения, оценки, сравнения и т.д.) в виде имеющих сплошную нумерацию сносок. Если в такого рода сносках упоминаются письменные источники, они оформляются точно так же, как и в тексте (номер и страницы в скобках). В подстрочнике помещаются также ссылки на архивные документы с общей нумерацией с примечаниями.

Источники из Интернета помещаются в списке литературы, если известны автор и / или название источника; «глухие» ссылки на Интернет даются в подстрочнике наряду с примечаниями и с общей нумерацией.

Опубликованные источники описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место и год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: 1) Иванов И.И. Проблемы науки. – М., 2010. – 250 – С. 2; 2) Петров П.П. К вопросу о… // Россия и современный мир. – М., 2011. – № 4. – С. 5–25; 3) Сидоров С.С. Еще раз о… // Сборник статей… / Отв. ред. Иванов И.И. – М., 2012. – С. 7–27.

Рекомендуем всем авторам ознакомиться с правилами оформления научного аппарата, взяв в руки последние номера нашего журнала!

ЗА ПУБЛИКАЦИЮ МАТЕРИАЛОВ ПЛАТА НЕ ВЗИМАЕТСЯ.
ГОНОРАРЫ НЕ ВЫПЛАЧИВАЮТСЯ

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс (499) 120–4514
E-mail: market@inion.ru

Россия и современный мир № 2–2011 (71)

Художественный редактор Т.П.Солдатова

Верстка Н.М. Власова

Корректор
О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999г.
Подписано к печати 18.05.2011 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Цена свободная
Усл. печ. л. 22,6 Уч.-изд. л. 15,0
Тираж 900 экз. Заказ № 81

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9